

Юрий ГРИГОРЬЕВ

Анатолий Соколов
— поэт и философ

Воспоминания о друге.
Анализ творчества.

Новосибирск, 2018

УДК 82-94
84(2Рос=Рус)6 (253.3)
Г83

Редактор
В. Б. Лазуткин

Кадры из своих личных фотоархивов и видеозаписей предоставили:
Берязев Владимир (49); Григорьев Юрий (10, 11, 48); Кармышев
Николай (13, 19, 51, 54); Квадяев Владимир (15, 18, 21, 30, 35);
Котелкин Анатолий (34), Лазарчук Евгений (23, 40–42, 53);
Лазуткин Валерий (3, 4, 31–33, 37–39, 52, панорама и портрет
на обложке); Попков Юрий (47), Савиных Вячеслав (43, 45, 46);
Смородникова Наталья (9, 36), Соколова Татьяна (1, 2, 7, 8, 12, 16,
17, 20, 22, 24–28), Шалин Анатолий (29).
Снимки (14, 50) – из архива Анатолия Соколова.

Григорьев Ю. Д.

Г83 Анатолий Соколов – поэт и философ: Воспоминания о
друге. Анализ творчества. / Ред. В. Б. Лазуткин. – Новоси-
бирск: РИЦ «Новосибирск» при Новосиб. отд. Союза писате-
лей России; ИД «Манускрипт», 2018. – 368 с.: ил.

О жизни и творчестве новосибирского поэта Анатолия Евгеньевича Соколова (1946–2010) рассказывает друг детства Юрий Григорьев. Воспоминания о жизни новосибирских подростков конца 1950-х – начала 1960-х гг. дают представление об атмосфере и окружении, повлиявших на процесс становления личности будущего поэта. Приводятся фрагменты его переписки с друзьями, литературоведческий анализ его стихов, обзор литературной критики и краткая характеристика творчества некоторых новосибирских поэтов и художников, составлявших ближний круг общения Анатолия Соколова. Закладывается начало библиографического описания литературного наследия поэта, приводятся не опубликованные при его жизни произведения. Творчество Анатолия Соколова характерно своеобразным поэтическим почерком, в нем явственно отражается любовь поэта к своей малой родине, которую он пронес через всю свою жизнь. Читатель познакомится с некоторыми особенностями городской среды и достопримечательностями, окружавшими поэта.

Книга будет интересной как землякам поэта, так и всем любителям русской и сибирской поэзии.

ISBN 978-0-0000-0000-0

© Григорьев Ю. Д., текст, 2018
© Лазуткин В. Б., оформление, макет, 2018

*Друзьям детства
с ул. Фабричной и ул. Спартака,
поэтам и художникам –
друзьям и коллегам Анатолия Соколова
посвящается*

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. О ЖИЗНИ А. СОКОЛОВА	7
1.1. Вступление	7
1.2. Автобиография и итоги жизни	8
1.3. Слова прощания	10
1.4. Память	13
Глава 2. ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ И МОЛОДОСТЬ	18
2.1. Погрузка	18
2.2. Фабричная, 6, или Дом грузчиков	20
2.3. Школа	29
2.4. Фабричная, 8 или Новый дом	36
2.5. Молодость (после 1967 года)	54
2.6. О нашей юности в стихах Толи	57
2.7. Размышление о прожитом	66
Глава 3. ПОЭЗИЯ А. СОКОЛОВА	70
3.1. Статистика публикаций	70
3.2. Ядро корпуса стихов А. Соколова	79
3.3. Литературная критика	93
3.4. Стиль	118
3.5. Культурный словарь	133
3.6. Цитаты	163
3.7. Письма о поэзии (из переписки с Ю. Григорьевым)	179
Глава 4. ФИЛОСОФИЯ А. СОКОЛОВА	197
4.1. Поэтический текст как скопление смыслов	197
4.2. Мифология и искусство	203
4.3. Философский контекст поэзии А. Соколова	207
4.4. О вечных вопросах (из переписки с Н. Кармышевым)	224
Глава 5. БЛИЖНИЙ КРУГ	250
5.1. Стихи, посвященные друзьям и близким	250
5.2. Стихи о любви	288
5.3. Из домашних архивов	297
Глава 6. БИБЛИОГРАФИЯ	312
6.1. Поэтические сборники	313
6.2. Антологии и альманахи	315
6.3. Публикации в журнале «Сибирские огни»	317
6.4. Публикации в других журналах	322
6.5. Газетные публикации	324
6.6. Философские работы	327
6.7. Публикации в сети Интернет	329
6.8. Неопубликованные стихи	329
6.9. Дополнительные сведения о других изданиях	331
Заключение	334
ФОТОГАЛЕРЕЯ	336
Генеалогическое древо Анатолия Соколова	367

Предисловие

Приступая к написанию воспоминаний об Анатолии Соколове, я не мыслил масштабными категориями. Просто перед этим у меня уже был набросок воспоминаний об ушедшем в 2014 году нашем общем с Толей друге с улицы Фабричной Володе Косулине, и я хотел чисто камерно поделиться воспоминаниями о Толе с друзьями детства, знавшими его лично. Да и саму работу я предполагал завершить за три-четыре недели. Но получилось по-другому.

Живешь рядом с большим человеком и часто не осознаешь, какая глыба рядом с тобой. Так было и со мной. В процессе создания книги я все больше и больше погружался во внутренний мир поэта и философа Анатолия Соколова, картины детства вставали предо мной. Заодно стало возникать желание написать не только о нашем детстве, но и нашем времени вообще, своими словами, пусть несовершенными, рассказать о самом творчестве Анатолия Соколова, о том, чем он жил, что чувствовал и переживал. Пусть остальную работу, которая мне не по силам, доделают литераторы, люди, профессионально владеющие пером... Так и родилась эта книга.

Теперь, когда она уже почти готова к печати, понимаю, что мой замысел так бы и остался замыслом, если бы не помощь многих людей, близко знавших Анатолия Соколова. Это друзья нашего с Анатолием детства, его родственники,

школьные и институтские друзья и, конечно, коллеги и друзья, окружавшие Анатолия Соколова в течение всей его последующей творческой жизни.

Я выражаю благодарность за поддержку в создании книги Ольге Берловской, Владимиру Берязеву, Юрию Горбачеву, Александру Денисенко, Светлане Кековой, Анатолию Котелкину, Евгению Лазарчуку, Сергею Ларченко, Григорию Мартыненко, Василию Мархинину, Юрию Попкову, Геннадию Смагину, Татьяне Соколовой, Анатолию Шалину и Владимиру Ярцеву. Всюду по тексту книги я обращаюсь к этим именам, так как только благодаря им книга об Анатолии Евгеньевиче Соколове получилась такой, какая она есть.

Особые слова благодарности я приношу Сергею Гуревичу, Владимиру Квадяеву, Николаю Кармышеву, Вячеславу Савиных и Наталье Смородниковой (Мельниковой), внесших неоценимый вклад в саму идею создания книги и предоставивших мне для нее бесценную информацию, которой могли обладать только самые близкие друзья детства Анатолия.

Наконец, я выражаю глубочайшую признательность литературному редактору книги Валерию Лазуткину, взявшему на себя невероятный труд по подготовке представленной ему рукописи к печати и вложившему в этот проект свои сердце и душу.

Глава 1

О ЖИЗНИ А. СОКОЛОВА

Время идет своим путем, и его неуклонное течение вскоре разделяет то, что оно соединяло, – и человек, покорный бичу невидимой власти, погружается, печальный и одинокий, в бесконечность пространства.

Ф. И. Тютчев

1.1. Вступление

Анатолий Соколов – один из самых близких друзей моего детства. Мы выросли с ним в одном дворе, некоторое время учились в одном классе, потом каждый из нас выбрал свой жизненный путь, но мы всегда помнили друг о друге, оставаясь мысленно вместе. О наших коротких мимолетных встречах я хочу рассказать. Заодно наплывают и другие воспоминания об ушедшем времени, которое так горько и с такой ностальгией отразилось в Толиных стихах. Он был не просто поэтом, а очень хорошим поэтом, поэтом трагическим, так как всё в нашей жизни он видел в каком-то своем, только ему присущем, печальном свете.

Как-то перебирая бумаги в столе, я наткнулся на диск, на котором было записано видео с презентации книги А. Соколова «Осенние птицы». Я поставил диск. Да, так и есть, небольшая комната, видимо, в отделении Союза писателей, канун Нового 2010 года (на заднем плане видна нарядная елочка), небольшой круг друзей, Толя Котелкин (двоюродный брат), жена Елена, Толя читает стихи, обмен репликами. Лена в сторонке готовит незатейливые бутерброды. После чтения стихов все завершится дружеским возлиянием, которое так мило русской душе. Кто бы мог подумать, что

Толе так немного остается быть с нами. Камера следит за ним, обходит друзей, снова замирает на Толе.

Я снял «Осенние птицы» с полки, открыл. На первой странице рукой Толи написано «Юрию Григорьеву, математику, поэту и старинному другу на память и с надеждой... 24.12.2009. А. Соколов». Навернулись слезы. Я стал следить по тексту за словами Толи, которые он произносил, детство вставало передо мной, я стал медленно осознавать, что Толина жизнь должна остаться не только в памяти его друзей, которые тоже когда-то уйдут, но и в зафиксированных на бумаге воспоминаниях. Я не принадлежу к цеху поэтов, не претендую на первенство в окружении его друзей, но с Толей у меня были общее детство и юность, а потом просто дружба. Толя, я хочу написать о тебе!

Я – Толин ровесник (родился 3 июня 1946 года в Новосибирске), с 2003 года живу в Санкт-Петербурге, профессор по кафедре прикладной математики, работаю в СПбГЭТУ («ЛЭТИ»).

1.2. Автобиография и итоги жизни

Толина автобиография представлена им в его поэтической книге «Материк». Вот она:

Я родился 21 января 1946 года в г. Новосибирске. Отец мой был капитаном речного флота, ходил на судах Западно-Сибирского пароходства. Мать в годы войны работала штурманом на судне, а после – бухгалтером в речпорту. Так что начало жизни было связано с рекой, с Обью. День своего рождения в детстве воспринимал амбивалентно. С одной стороны, переполняла радость от сознания своего явного и активного присутствия в мире, с улыбками, поздравлениями и подарками в адрес новорожденного меня. С другой стороны, мучило чувство стыда. День был окрашен в мрачные тона: с портретами в траурном обрамлении, приспущенными знаменами и красно-черными бантами на груди у взрослых, похоронной музыкой, льющейся из всех динамиков. Годовщина смерти В. И. Ленина и мой день рождения неразрывны в моих воспоминаниях, грешно было испытывать положительные эмоции в атмосфере поистине всегосударственной скорби.

Тем не менее, детство и юность были счастливыми, с пионерскими сборами, комсомольским задором, с надеждами на светлое будущее в

стабильной стране. После окончания школы работал в геодезических и геологических экспедициях в Заполярье, служил в Советской Армии, в ракетных войсках. В 1972 году окончил филологический факультет Новосибирского пединститута, получив специальность учителя русского языка и литературы. Два года сеял разумное, доброе, вечное в райцентре Кочки. А с 1974 года преподаю философию в новосибирских вузах. В настоящее время в – Сибирском университете потребительской кооперации. Кандидат философских наук, доцент. Начал «жить стихом» с 1964 г. в литературном объединении при редакции областной газеты «Молодость Сибири», которое возглавлял Илья Фояняков. Азами поэтической культуры и литературным вкусом обязан И. Овчинникову, В. Малышеву, Г. Карпунину, А. Плитченко. Публиковался в центральных и местных газетах, журналах, альманахах, коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Спартакровский мост» (1990), «Крепость» (2001), «Невразумительные годы» (2004), а также научной монографии «Проблемы духовной онтологии: язык культуры и творчества». *Анатолий Соколов*¹.

Некоторые подробности своей биографии Толя раскрывает также в очерке о Геннадии Абольянине². Статья в энциклопедии «Литература и писатели Сибири», составленной новосибирским литературным критиком Алексеем Горшениным, как бы подводит итог его жизни:

Соколов Анатолий Евгеньевич (21.I.1946, Новосибирск – 19.IV.2010, Новосибирск) – поэт. Род. в семье речников. Работал в геологич. и геодезич. экспедициях в Заполярье. Окончил филол. ф-т Новосибирского пед. ин-та. Был учителем рус. яз. и лит-ры в сельской школе. Канд. филос. наук, доцент. С 1974 преподавал философию в новосибирских вузах. Работал в Сиб. ин-те потреб. кооперации. Жил в Новосибирске. Публ. в ж. «Сиб. огни», «Новосибирск». Первая кн. «Спартакровский мост» (Новосибирск, 1990). Автор кн. «Крепость» (2001), «Невразумительные годы» (2004), «Материк» (2006). Лауреат премии им. Н. Г. Гарина-Михайловского (2006). Трагедийность и преодоление одиночества, затравленность и брошенность человека в урбанистическом мире – вот мучительный смысл многих и многих стихов С. Задача поэта – разоблачить этот мир и найти путь в свою духовную Отчизну. Густая метафорич. образность, оригинальная и смелая, отличают поэтич. рисунок С.

Лит.: Золотцев Ст. Боязнь забыть слово. // *Сиб. огни*, 2001, № 2; Яранцев В. Анатолий Соколов, поэт «Крепости». // Соколов Анатолий. Материк. Кн. стихотворений. – Новосибирск, 2006³.

¹ Соколов А. Е. Материк: Стихи. – Новосибирск: Поэтическая библиотечка «Сибирские огни», 2006. – С. 3.

² Соколов А. Е. О Геннадии Абольянине. // *Сибирские огни*. 2010. № 3. – С. 155–162.

³ Горшенин А. В. Литература и писатели Сибири: Энциклопедическое издание. – Новосибирск: РИЦ НПО СП России, 2010. – С. 458.

1.3. Слова прощания

Сведения об Анатолии Соколове, что мы можем почерпнуть из его автобиографии, обрываются 2006 годом. Приведу отклики его самых близких друзей и коллег на его неожиданный уход из жизни.

Памяти друга. Когда с вечера друзьям не ответил сотовый, а утром выяснилось, что ответить уже невозможно, братья-литераторы в тот же миг оказались в квартире Анатолия на улице Спартака, что сразу за мостом напротив собора Александра Невского. Теперь ответы на все вопросы, которые мы могли бы ему задать – в его стихах, философских трактатах, картинах, которые он писал не для галерейного показа. Анатолий Евгеньевич Соколов – одна из ярчайших и светлых личностей художественной среды Новосибирска конца прошлого и начала этого века. Среди его друзей художники и университетские преподаватели, собратья по поэтическому цеху, где он был и советчиком-наставником, и автором, на творческие встречи с которыми собирались люди столичесибирской творческой элиты, чтобы услышать нечто, что звучит как откровение о нашем времени.

Анатолий Соколов родился, вырос и сформировался как личность «В кирпично-панельном кроссворде советской эпохи», как он сам писал. Его стихи в немалой мере интеллектуально-философские кроссворды, на которых лежит отпечаток того трудноватого для пера времени, когда мы не только строили планы, но и могли их осуществлять. Но какой ценой?:

*Жжёт карманы мне горсть медяков –
Соль труда и душевного мрака,
И пронзительно хор сквозняков
Запевает из трещин барака.*

*И прищулив глаза, через снег
Смотрит Сталин с огромных полотен
На счастливое детство калек,
Вырастающих из подворотен.*

Как создатель поэтических книг «Спартаковский мост» (1990), «Крепость» (2001), «Невразумительные годы» (2004), он останется тонким и проникновенным лириком. Как ученый, вузовский преподаватель, кандидат философских наук, автор научной монографии «Проблемы духовной онтологии: язык культуры и творчества» – неравнодушным, пытливым исследователем всего с нами происшедшего. А в нашей памяти прежде всего Поэтом, который, как и полагается – за всё в автоответе...

*Виктор Сайдаков, Юрий Горбачев, Владимир Ярцев,
Александр Денисенко, Евгений Лазарчук, Сергей Ключников¹*

¹ Памяти друга. За все в автоответе. // *Ведомости Законодательного Собрания Новосибирской области*, № 21 (1057). 2010. 23 апреля.

Слово прощания. В ночь на 21 апреля¹ на 65-м году жизни скоропостижно скончался поэт Анатолий Евгеньевич СОКОЛОВ – член Союза писателей России, лауреат литературной премии имени Н. Г. Гарина-Михайловского, автор сборников стихотворений «Спартаковский мост», «Крепость», «Невразумительные годы», «Материк», «Осенние птицы».

А. Е. Соколов родился в Новосибирске 21 января 1946 года. По окончании школы работал в изыскательских экспедициях, служил в Советской Армии. Окончив филологический факультет Новосибирского педагогического института, учительствовал на селе; затем были аспирантура при Новосибирском государственном университете, защита диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, присвоение ученого звания доцента. На протяжении ряда лет Анатолий Евгеньевич преподавал философию и смежные дисциплины в новосибирских вузах. Его перу принадлежит монография «Проблемы духовной антологии: язык культуры и искусства».

Такова одна сторона Соколовской биографии, небогатой на внешние события. Другая ее сторона – внутренний мир поэта. Будучи человеком русским, прежде всего, если так можно выразиться, по духовному гражданству, Соколов не мог оставаться сторонним наблюдателем и остро переживал происходящее вокруг и в тяжелые 90-е годы, и в первое десятилетие нового века. Его поэзия не созерцательна, не безучастна, но пропитана болью – и своею, и чужой.

*Вороны стаяй грампластинок
Над домом кружатся с утра.
Мир – вовсе не театр, а рынок,
И в нем нет места для добра.
Нас беспощадный дух наживы
Подстерегает, как бандит.
Хотя сердца для чести живы,
И для любви простор открыт...
Давно размножены на фото,
Но не вместились в прейскурант
Тоска рембрандтовских офортов
И дрожь бетховенских сонат.
Ликуйте, стриженные овцы,
Ведь доблести цена – алтын...
И вряд ли явится к торговцу
Вдруг совесть, словно блудный сын!
И лишь звезды свечным огарком
Озарена юдоль людей...
А я не буду олигархом,
Не буду точно – хоть убей.*

¹ Дата ухода Анатолия в некрологах, опубликованных в эти дни, отличается от официальной, ее уточнили позже.

Это из стихотворения, вошедшего в антологию «Русская поэзия. XXI век», которую несколько месяцев назад выпустило столичное издательство «Вече». Люди уходят. Одни – незаметно, как будто и не жили. Другие остаются с нами навсегда. В том числе и стихами.

Новосибирская писательская организация¹

В слове прощания процитирован отрывок из стихотворения «Зимы имущество бесхозное...»².

In memoriam. В ночь с 20 на 21 апреля 2010 года скончался Анатолий Евгеньевич Соколов – известный новосибирский поэт и философ, один из лучших стихотворцев Сибири. Анатолий Соколов родился в 1946 году. Окончил Новосибирский государственный педагогический институт. В течение многих лет трудился на педагогической ниве – его лекции по философии и культурологии помнят выпускники многих новосибирских вузов. Его научные интересы лежали в области философии культуры и философии языка, но, без сомнения, сердце Анатолия Соколова принадлежало поэзии.

На протяжении последнего десятилетия «Сибирские огни» из года в год публиковали его стихи, эссе и критические статьи. Обладая острым умом и невероятной культурной эрудицией, он был совсем не академичен, энергия, человечность и забота о русской культуре в трудные для нее времена – вот что отличало его работы. Его поэзия сложна, виртуозна, в ней всегда было много боли и тоски по утраченным ценностям, но в ней была и радость творчества, исконная радость творца, присущая русской поэзии со времен Александра Пушкина. За последние годы Анатолий Евгеньевич выпустил несколько поэтических сборников под эгидой «Сибирских огней». Самый последний – «Осенние птицы» – всего полгода назад, и теперь уже все смыслы непростых стихов его становятся поразительно ясны:

*Дорогая, давай полетаем,
Навсегда улетим в никуда.
Скоро жизнь до конца пролистаем,
Взвесим прибыль ночного труда.*

*На прощание с именем Божьим
Постоим у родимых могил...
Неужели увидеть не сможем
Всех, кто нас беззаветно любил?*

*Вопреки предсказаньям науки
Скоро грянет назначенный час –*

¹ Слово прощания. Останутся стихи и память. // *Советская Сибирь*. № 73. 2010. 23 апреля.

² Соколов А. Е. Невразумительные годы: Стихи. – Новосибирск: Поэтическая библиотечка «Сибирские огни», – С. 42.

*И придут сюда дети и внуки
Безнадежно оплакивать нас.*

*Ветер мусор гоняет по пляжу
И поет, словно нищий метек.*

*И, как раки в кастрюле, все пляшет и пляшет
Чернь из баров и дискотек.*

Для каждого из нас Анатолий Соколов был не только поэтом, собратом по литературному цеху. Для каждого из нас он был другом. Теперь его нет, но нам остались его стихи, память о нем и гордость за то, что мы были причастны к жизни и творчеству этого замечательного человека.

*Редакция журнала «Сибирские огни»
Друзья и коллеги*

*М. И. Акимова; В. А. Берязев; А. И. Денисенко; Е. А. Лазарчук;
С. Г. Михайлов; Н. Ф. Мясников; В. О. Назанский; И. А. Овчинников;
Ю. Л. Пивоварова; В. Н. Попов; Д. Г. Рябов; С. В. Самойленко;
В. И. Сайдаков; А. В. Самосюк; В. С. Светлосанов; В. И. Титов;
А. Б. Шалин; В. Н. Яранцев, В. И. Ярцев¹*

Стихотворение «Дорогая, давай летаем...» опубликовано в сборнике «Материк»². Грустно осознавать, что через восемь лет уже и из этого списка Толиных друзей кого-то нет с нами.

1.4. Память

Каждый год, обычно сразу после 21-го января, друзья и коллеги и вообще все, кому дорога память об Анатолии Соколове, собираются в Новосибирском отделении Союза писателей и вспоминают об ушедшем большом поэте. Так было и в этом году. Я приведу две коротких заметки Владимира Берязева, одну из которых, написанную им еще в 2011 году, я обнаружил в интернете, а вторую, опубликованную в этом году на его фейсбуковской странице, мне переслали Толины друзья незадолго до выхода этой книги.

Вечер памяти Соколова, 22 января 2011 г. Провел сегодня вечер памяти Анатолия Соколова. Договорились создать полноценный сайт, подготовить том собрания сочинений, назвать в Новосибирске библиотеку в честь большого русского поэта, а также организовать литературные чте-

¹ In memoriam. // Новая Сибирь, № 5, 2010. 23 апреля.

² Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 36.

ния на базе Новосибирского Водного института по творчеству Анатолия Евгеньевича. По ходу пьесы обнаружилось несколько стихотворений, ранее нигде не опубликованных, вот одно из них:

Отважный демос в клюве с крепкой «Примой»,
тебе давно милей, чем героин,
Триумф весны – весны неповторимой,
и жирный, пухлый масленичный блин.
Когда в скрипучем колесе сансары
рассудок трут вериги черствых слов,
ты, как босяк, фильтруй свои базары,
и мартовский сугроб грызи как плов.
Но, словно из колоды драной козырь,
глядит подросток, мал еще и глуп,
как, с понтом, утром импортный бульдозер
из-подо льда корчует черный труп.
Кто и откуда мученик, замерзший
назло крутым сибирским холодам?
Ему хватило все же дивной мощи
допить до дна из горлышка Агдам.
А может, он объектом стал разбоя,
людских не испугавшийся угроз?
Какие превосходные обои
приклеил к моим окнам Дед Мороз.
Случается, вниманья раздвоенье
меж миром посторонним и своим
легко отобразит в стихотворенье
мой старый шестикрылый аноним.
Его диагноз не всегда бесспорен,
но видишь, рассыпает госпожа
в снегу штук пять помятых беломорин,
как знак вниманья – для бомжа...¹

Владимир Берязев об Анатолии Соколове, 23 января 2018 г.
21 января – день рождения Анатолия Евгеньевича Соколова. В этот зимний день ему бы исполнилось 72 года. И вот уже почти восемь лет как его нет с нами. Его научные интересы лежали в области философии культуры и философии языка, но, без сомнения, сердце Анатолия Соколова принадлежало поэзии. На протяжении последнего десятилетия «Сибирские огни» из года в год публиковали его стихи, эссе и критические статьи. Обладая острым умом и невероятной культурной эрудицией, он был совсем не академичен, энергия, человечность и забота о русской культуре в трудные для нее времена — вот что отличало его работы. Его поэзия сложна, виртуозна, в ней всегда было много боли и тоски по утраченным

¹ Владимир Берязев. Вечер памяти Соколова, 22 января 2011 г. // <https://berязev.livejournal.com/45023.html>

ценностям, но в ней была и радость творчества, исконная радость творца, присущая русской поэзии со времен Александра Пушкина. За двадцать своих последних лет Анатолий Евгеньевич выпустил несколько поэтических сборников под эгидой издательства «Мангазея» и «Сибирских огней». Самый последний – «Осенние птиць».

Это стихотворение из черновиков, до сих пор нигде никогда не опубликованное:

Чтоб покончить с мелочными склоками,
Прочитай стихотворенье Блока мне,
И увижу из окна спросонок
За платформой сад с кустами блеклыми
И старуху с парой собачонок.
Век прошел, но те же в ней амбиции,
Несмотря на то, что из провинции,
С костылем, в фуфайке, вся в морщинах
Женщина поодаль от милиции
Думает всё то же – о мужчинах.
Толку нет, давно увяли лилии,
На мечты энергии не хватит
В мире вдруг пересеклись две линии:
И гипотенузу режет катет.
Бес в изображенье Микки Мауса!
Как ни бейся, не спасти от хаоса
За глухим окном опочивальни
Синий свет очей и перья страуса,
Соловиный сад и берег дальний.
Все мы жертвы Энгельса и Дарвина,
Колесом прогресса жизнь раздавлена –
Тело и душа – везде изъяны.
Веет смрадом из могильной ямы.
Нет уже следов Татьяны Лариной,
И с еще не высохшей испариной –
Бог произошел от обезьяны...¹

...Сразу два неопубликованных стихотворения. А сколько их, и не только их, а и других незавершенных работ, так и остались для нас неизвестными. Я дополню краткие биографические сведения о Толиной жизни еще несколькими эпизодами.

Буквально за несколько дней до сдачи книги в редакцию я получил письмо от Толиного друга со времени их учебы в

¹ Страница Владимира Берязева. Запись от 23 января, 21:50. // www.facebook.com/vladimir.beryazev

аспирантуре Василия Васильевича Мархинина, доктора философских наук, профессора, работающего на кафедре философии и права Сургутского государственного университета. Вот это письмо:

Несколько слов об Анатолии Евгеньевиче Соколове. «Я познакомился с Анатолием в период обучения в философской аспирантуре НГУ где-то в 1979 или 1980 году. На первом плане стояли обсуждения тем, связанных с изучением философской литературы и диссертационными исследованиями каждого из нас. Конечно, говорили и «за жизнь», т. е. о политике, о женщинах, о художественной литературе – Толя особенно любил говорить о поэзии – и проч.

Толя оказал на мой исследовательский профиль большое влияние, я его считаю – и говорил ему об этом – одним из своих учителей: он стимулировал фокусирование моего внимания на культурологической литературе, в частности, на занятиях мифологическим сознанием: это его излюбленная тема. На него, я думаю, в свою очередь, в годы его учёбы в Новосибирском пединституте оказал в этом плане сильное влияние преподаватель философии Владимир Петрович Тыщенко, очень интересный и творческий человек.

В 1997 году я переехал с семьёй из Новосибирска в Сургут. Но связи с Новосибирском не терял. С Толей мы переписывались по электронке, летами встречались, когда я приезжал в Новосибирск. Толя присылал мне для знакомства (и, очевидно, для отклика) новые стихи. Советовался он со мной и по поводу докторской диссертации (которую, к большому сожалению, так и не успел защитить), присылал текст автореферата на предмет обсуждения (я высказывался по проблемам, которые он ставил, предлагал правки и пр.).

Надо сказать, что Толя – я ему это тоже говорил – был, что называется, «тёмным философом»: в смысле аллюзии на отзыв Сократа о творчестве Гераклита, т. е. понять Толю было не просто, а шло это – я знаю – от глубины его мыслей. (Еврипид дал сочинение Гераклита Сократу и спросил его мнение. Сократ сказал: “Что я понял – прекрасно; чего не понял, наверное, тоже; только, право, для такой книги нужно быть делосским ныряльщиком (т. е. уметь нырять очень глубоко, как ныряльщики на о. Делос. – В. М.)”).

За год до его смерти у нас с ним случился спор, вызванный расхождением в политических взглядах. Произошло это на той почве, что он числил себя «шестидесятником», а это, как известно, предполагает некую фронду по отношению к советскому строю, я же держусь просоветских и коммунистических взглядов. Была переписка по этому поводу. Тогда я ему отправил такой стих:

Толя, друг старинный,
Бьёт не в бровь, а в глаз,

по тропе судьбинной
входит он в экстаз!

А Василий друг за марксизм горой
нипочём ему геморрой!

Вот стоят они, инвективы жгут
и один раздет, и другой разут!

Конечно, этот спор нас не разделил, летом после него Толя был у меня на дне рождения, а потом мы с женой были в гостях у него и Лены, его жены. Толя был замечательно душевным, тонким и интеллигентным человеком, очень интересным поэтом, неординарным (грустным) художником и глубоким мыслителем. Я порой забываю, что его уже нет на материальной Земле».

Глава 2

ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ И МОЛОДОСТЬ

Наиболее полно я общался с Толей, пока мы жили в одном дворе. Потом у каждого из нас началась своя жизнь. Но именно этот начальный отрезок жизни наиболее отчетливо отложился в моей памяти.

2.1. Погрузка

Я знаю Толю с самого детства. Я жил в одном из пяти бараков во дворе *Дома грузчиков* (Фабричная, 6), а Толя – в его первом подъезде. Сами бараки давно снесены, и примерно на месте одного из них (барака № 1) построен дом, в котором Толя и жил до конца жизни. В этом доме должна была получить квартиру в 1967 году и моя семья, но в самый последний момент все пошло по-другому.

Администрация Речного порта дала моей семье гарантийное письмо, согласно которому обязывалась предоставить нам жилплощадь в строящемся доме по адресу Советская, 58, который и был сдан в ноябре 1968 года. А до этого, покинув Новый дом, мы жили на частной квартире в районе Сада Мичуринцев.

Мой отец, Григорьев Дмитрий Васильевич, будучи признан негодным к строевой службе, но мобилизованным, с 1941 года работал в Речном порту. Он проработал в нем почти 30 лет вплоть до выхода на пенсию в 1970 году в должности

мастера погрузо-разгрузочных работ. Его имя и фотография представлены в юбилейном издании, посвященном 100-летию Новосибирского Речного порта¹. Моя мать, Савочкина Матрена Степановна (урожденная Соловаренко) – крестьянка из деревни Соколовка Алтайского края, оказавшаяся с тремя детьми во время войны в Новосибирске. В 1941–1946 гг. работала грузчицей в Речном порту, где и познакомилась с моим отцом. К сожалению, на снимке женской бригады грузчиков в том же издании² ее нет. После моего рождения всю жизнь, с небольшими перерывами, она проработала санитаркой в поликлинике на ул. Советской, 2.

Дом грузчиков и прилегающая к нему территория назывались *Погрузкой*, так как ее обитатели были, в основном, рабочими Речного порта, обслуживавшими перевалку грузов с ж/д составов на речные суда и наоборот³:

И ночью с мешком голубей в голове,
В любую погоду всегда одинаков,
Дом грузчиков медленно плыл во главе
Растерзанной в клочья эскадры бараков.

К Дому грузчиков непосредственно примыкали, образуя единый ансамбль, пять бараков. Я жил в бараке № 3, снимок которого удивительным образом сохранился в указанной выше книге⁴. На месте моего барака теперь также построен жилой дом.

На чердаке Дома грузчиков было огромное количество голубей, так как рядом располагалось Заготзерно – перевалочные склады, откуда зерно увозили на элеватор или на мельзавод.

Существовали также Нахаловка (район самостроя между ж/д вокзалом и Обью) и Каменка – длинный овраг с одноименной речкой, пересекающий город по диагонали с северо-востока – к Оби возле железнодорожного моста. Неподалеку от устья речки Каменки у оврага располагалась 74-я школа.

¹ Новосибирский речной порт. 100 лет. – Новосибирск: СЦДТ, 2007. – С. 90.

² Там же. – С. 37, 38.

³ Соколов А. Е. Спартаковский мост. Анапесты: Сб. стихов. – Новосибирск: ТПО «Журналист»; СО «ДЛ», 1990. – С. 27.

⁴ Новосибирский речной порт. 100 лет. – Новосибирск: СЦДТ, 2007. – С. 53.

В этой школе в средних классах учился Толя. Перечисляемые здесь и далее топонимы нашли отражение в его стихах. По существу он воспел эту рабочую часть Новосибирска, запечатлев ее в своих произведениях.

2.2. Фабричная, 6, или Дом грузчиков

Информацию о Доме грузчиков можно почерпнуть из интернета и других справочных источников. Я же кратко остановлюсь лишь на тех фактах, которые там найти затруднительно.

Дом грузчиков. Дом, о котором пойдет речь, и в котором в детстве жил Толя, был построен в 1936–1937 гг., но мы, дети, этого, конечно, не знали. Таким образом, если считать, что сознательная жизнь начинается примерно в 4–5 лет, то я помню этот дом, когда ему было примерно 15 лет. Дом располагался по адресу Фабричная, 6, и его название «*Дом грузчиков*» было совершенно официальным, так как именно оно гордо красовалось на его фронтоне. Сам дом можно и сегодня увидеть, но уже без этих гордых букв. Правда, еще выше на доме сохранялись четыре большие буквы ММРФ – министерство морского и речного флота.

Дом имел П-образную форму с фасадом на улицу и двором, располагавшимся между ножками буквы П. В нем было пять этажей и семь подъездов, крайние – 1-й и 7-й, угловые – 2-й и 5-й (нумерация справа налево, если смотреть со двора). Всего в доме было 69 квартир: в крайних подъездах по три на площадку, в остальных – по две. Простая арифметика и внешний вид дома показывают, что на самом деле часть квартир в угловых подъездах была и на шестом этаже.

Вокруг дома был асфальт. Весной, когда сходил снег и все быстро подсыхало, мы катались по нему на самодельных самокатах. Где-то доставали подшипники, а потом мы сами или наши мастеровитые родители-работяги сооружали нам эту шумную игрушку. На асфальте перед домом расчерчива-

лись «классики» (обычно девочками), и мы прыгали в них на одной ноге из класса в класс, пиная «пинашку». Перед домом был палисад, по центру фасада от дома к Фабричной спускалась каменная лестница, а вдоль самой улицы перед домом было ограждение в виде каменных столбов и деревянных штакетников между ними. Все выглядело вполне солидно. На небольших спускающихся вниз внутри палисада наклонных газонах росли зеленая травка и небольшие деревца.

Внутри двора тоже был круговой палисад по тому же типу, что и снаружи (каменные столбики с деревянными заборчиками между ними), с выходами на четыре стороны – два противоположных выхода к 1-му и 7-му подъездам, и два таких же – с выходами в промежутки между 3-м и 4-м подъездами и в сторону барачков. Если смотреть на Дом грузчиков от барачков (слева ясли, сзади – 3-й барачок, справа – 5-й барачок), то между яслями и 5-м барачком был небольшой спуск. Толя вспоминает барачки и коммуналки в стихотворении *«Мои стихи заводятся, как мыши...»*¹:

Как, Господи, друзей осталось мало,
Но сохранились в памяти еще
Дурман барачков, запах коммуналок.
Благоуханье каменных трущоб.

Все удобства в барачках были на улице. Туалет (каменное строение с двумя входами с противоположных сторон) располагался в непосредственной близости от моего барачка, примыкая к забору Заготзерно. Рядом с туалетом была помойка для жидких отходов. Время от времени приезжала ассенизаторская машина и трубой откачивала ее содержимое. Холодную воду брали из колонки, стоявшей посреди барачков. Тут же стояла деревянная прачечная. В ней топили печь, грели воду и стирали. То же самое, в смысле отходов и запахов, касалось и откосов оврага, по которому протекала Каменка. Туда вообще никакие машины не приезжали. Все выливалось и выбрасывалось из домов прямо за забор, ограждающий частное владение, и потом медленно по склону стекало в речку.

¹ Соколов А. Е. Невразумительные годы: Стихи. – С. 3.

Непосредственно к моему бараку и Дому грузчиков примыкало каменное двухэтажное здание яслей. Это здание сохранилось до сих пор. До яслей от моего барака было от силы 20 метров, от Толиного 1-го подъезда – метров 50. Во дворе яслей возвышался вход в погреб и бегала собака. В самих яслях была детская консультация. На ее крыльце мы обычно играли в догоняшки и другие игры. Врачу из консультации полагался транспорт, чтобы посещать детей на дому. Для этой цели служил конный двор, располагавшийся рядом со 2-м баракком и выходявший задней стороной на линию, вдоль которой тянулись еще и кладовки. На конном дворе было несколько лошадей и одна или две пролетки, для зимнего времени – сани. Конюх Кузьмич запрягал лошадь, и врач ехала по вызову. Вокруг конного двора стояли ряды кладовок, по крышам которых мы бегали. Конечно, на лошади ездили и врачи из поликлиники Речного порта, располагавшейся на ул. Каинской. Зимой мы использовали сани с конного двора (без оглобель) в качестве развлечения, разгоняя их и скатываясь на них по спуску до самой Фабричной. Этот спуск, если смотреть со стороны Фабричной, находился слева от Дома грузчиков, а справа от него располагалось Заготзерно.

В самом Доме грузчиков на первом этаже была швейная мастерская (правое крыло, если смотреть со стороны Фабричной). В окна можно было постоянно видеть женщин, склонившихся над машинками. Примерно по центру располагался парткабинет Речного порта, в котором была также небольшая библиотека. Позднее в этом месте разместился промтоварный магазин. В левом крыле дома (в районе 1-го и 2-го подъездов) размещалась столовая. Так как я в те годы был еще маленьким, то я ни разу в ней и не был. Позднее, когда был сдан Новый дом, в Доме грузчиков многое поменялось, но что именно поменялось, я вспомнить уже не могу.

Центрального отопления в Доме грузчиков не было. Для отопления служила кочегарка, располагавшаяся в подвале со входом возле 3-го подъезда. Также хорошо помню, что во

2-м подъезде в подвале была баня. Для рабочих порта это было очень удобно. Позднее ее, конечно, закрыли. Поэтому в баню приходилось ходить далеко, на ул. Каменскую. Это возле нового ТЮЗа. Баня на Каменской была двухэтажной, но все равно в нее были огромные очереди, в которых приходилось сидеть по два часа или более.

Все в Доме грузчиков друг друга знали, включая и бараки – такая большая семья. Между собой все это сообщество мы называли «Шанхай». Внутри палисада было два небольших деревянных стола (а может, и больше, я помню лишь те два, что были у фонтана) с двумя скамейками возле каждого из них, за которыми после работы работяги играли в карты, часто на деньги, сбрасывались на выпивку. Иногда, особенно в дни получки, возникали драки. Так как все друг друга знали, то каких-то особых эксцессов не происходило. Утром, протрезвев, вчерашние драчуны вместе дружно выходили на работу.

Один из подъездов Дома грузчиков, а именно 5-й, был проходным. Я смутно помню, что сначала в нем была парикмахерская. Она закрывала проход. Потом ее убрали, и недалеко, рядом с Пристанским переулком напротив Заготзерно, появилась новая. В ней я помню висевшие у парикмахеров (это всегда были женщины) ремни, о которые они точили бритвы. Непосредственно на пересечении Пристанского переулка с Фабричной стояла пивная с крылечком, в которой на разлив продавалась водка. В ней постоянно было много народа, тесно и сильно накурено. Водку пили у стоячих столиков, их было два или три. Иногда мы туда заходили с отцом. Чуть позже вниз по Пристанскому переулку по направлению к проходной Речного порта построили еще одну пивную. В проходную речпорта можно было проходить свободно. Поэтому на территории порта я был много раз. Здесь же Пристанский переулок пересекала ж/д ветка, соединявшая территорию порта с территорией ТЭЦ-1. Но поезда по ней ходили сравнительно редко.

Спартакoвский мост. Этот мост соединяет ул. Фабричную с ул. Советской и проходит над тремя ж/д линиями, две из которых представляют Транссибирскую магистраль и ведут к ж/д мосту через Обь, а третья уходит на юг. Свое название мост берет от коротенькой ул. Спартака между мостом и ул. Фабричной. С детства я привык ее звать переулком, так как на улицу она в моем представлении не тянула. Много позже я узнал, что после моста ул. Спартака тянется дальше, проходит между поликлиникой на Советской, 2 и детской больницей (до революции – здание городского реального училища им. Дома Романовых) и даже пересекает Красный проспект. В этой больнице лежал мой старший брат, когда при какой-то разборке еще в моем детстве его ударили ножом в шею. Спартакoвский мост не только дал название первому Толиному сборнику стихов, но и вообще часто упоминается в его стихах, например:

От серого пламени спрятанных звезд
Закат над районом роскошней павлина.
Шатался горбатый Спартакoвский мост
Вчера за решеткой осеннего ливня¹.

Или вот такие строчки:

В тисках удачи неизменной
Кустилась дружная семья,
И двор казался ойкуменой,
И город рос быстрее, чем я.
В китайской куртке не по росту,
Освободившись от опеки,
Вдруг по Спартакoвскому мосту
Однажды вышел на проспект².

Если смотреть со стороны вокзала в сторону ж/д моста, то правая линия, ближайшая к нашим баракам, а еще точнее – к рядам кладовок, отгораживавшим бараки от линии, была предназначена для грузовых составов. Средняя линия идет по насыпи и поэтому расположена выше левой и правой линий. Проходя мимо нашей Погрузки, эта линия

¹ Соколов А. Е. Спартакoвский мост. Анапесты: Сб. стихов. – С. 27.

² Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 40.

пересекает по путепроводу Красный проспект и уходит на юг в сторону Барнаула, имея в районе Инской ответвление на Кузбасс. Она идет вдоль ул. Большевикской и затем – Бердского шоссе мимо Академгородка до Бердска и далее. Спартаковский мост, имея два пролета, опирается между ними на насыпь, а не на специально воздвигнутую опору. Из-за этого мост имеет несколько горбатую форму. Раньше на этой насыпи электрички делали неофициальную остановку, т. е. просто притормаживали примерно на одну минуту, чтобы народ мог быстро заскочить в вагон или наоборот, соскочить с поезда. Никаких платформы и павильона с кассами не было. На достаточно большой поляне, бывшей на этом месте, мы играли в футбол. Попасть на поляну можно было или со Спартаковского моста, или же сразу от бараков, перебравшись через линию и поднявшись вверх по небольшому склону. Стоявшие в ожидании светофора ж/д составы часто мешали этому, но это нас не останавливало.

Описываемая поляна называлась «Верхней», так как была еще и «Нижняя» поляна. Последняя располагалась по другую сторону Спартаковского моста между средней и левой линиями. Играть на верхней поляне было лучше, там всегда было сухо, но зато мяч часто улетал с насыпи вниз. А на нижней поляне мяч никуда не улетал, но зато после дождей там долго стояли лужи, и поэтому играть на ней мы не любили. В конце концов, на верхней поляне сделали остановку поезда «2-й километр», построили павильон, стали продавать билеты, и верхняя поляна исчезла. В настоящее время эта остановка называется «Центр».

Левая линия была предназначена для электричек и пассажирских поездов. Электрички в наше время останавливались не там, где теперь, а чуть дальше, после никогда не работавшего переезда с Фабричной. Напротив этого фиктивного переезда на Красном проспекте сначала был продуктовый магазин № 47, потом, когда пустили троллейбус и магазин закрыли – какое-то троллейбусное управление, а еще позже на этом месте появился автовокзал.

Фабричная хотя и соединялась переездом с Красным проспектом, но как я уже сказал, он никогда не работал, т. е. был закрыт для движения. Его можно было использовать только в экстренных случаях – между рельсами и возле них были проложены деревянные возвышения, чтобы колеса автомашин могли легче преодолевать эту преграду. В обычном режиме пересекать для машины две ж/д линии было бы очень опасно, да и нецелесообразно, так как это препятствовало бы движению железнодорожных поездов. Грузовые составы и так подолгу стояли перед светофором, так как ж/д мост через Обь был однопутным.

Обычно этим маршрутом через ж/д пути мы ходили купаться в район «Верхне-Пригородной». Однажды, играя здесь на рельсах, я непосредственно у своих ног увидел, как с неприятным скрежетом перевелась стрелка. Подумав, что это случилось по моей вине, я страшно испугался, бросился домой и спрятался под кроватью.

Левая линия, как и правая, вела к ж/д мосту и уходила на левый берег. В конце 50-х – начале 60-х годов на левой остановочной платформе «Правая Обь», кроме касс, была и парикмахерская, куда мы тоже ходили. В настоящее время эта платформа смещена ближе к собору Александра Невского, к километровому столбу с цифрами «3333», указывающими расстояние от Москвы.

На узкой полоске между левой ж/д линией и Красным проспектом прямо напротив собора Александра Невского находились два двухэтажных барака со странными номерами – Красный проспект 01 и 02. Номеров этих бараков я никогда не знал, а обнаружил их в книге воспоминаний Б. Антипенко,¹ который жил недалеко от них на ул. Каинской. Около этих бараков всегда было шумно и от множества проживающих, и от пьяных драк, так как практически у южного торца барака 01 находился магазин, торгующий водкой на разлив. Когда мы из бараков ходили в этот магазин за продуктами, то говорили, что пошли в «магазин за линией».

¹ Антипенко Б. Н. Прогулка по Красному проспекту г. Новосибирска. – Новосибирск, 2010. – 252 с.

С этими бараками у меня связано детское воспоминание. В том же подъезде Дома грузчиков, что и Толя, жил еще один наш сверстник, Алик Торопов. Однажды я отправился с ним к нашему однокласснику из школы № 18, имени которого не помню. Он жил в этих самых бараках. Мы поиграли с ним в мяч, но чем-то это дело нам не понравилось. Мы с Аликом схватили чужой мяч и помчались домой, но приняли неверное решение относительно маршрута побега. Вместо того, чтобы рвануть через линию и верхнюю поляну, затем снова через линию и потом уже в лабиринты наших бараков, мы побежали в обход. Это значит, что мы побежали под ж/д мостом, переходящим в путепровод над Красным проспектом, потом еще через одну линию, вдоль забора Заготзерно и лишь потом в те самые лабиринты бараков. Папаша обиженного мальчика быстро сообразил, в чем дело, и бросился нам наперерез именно по первому маршруту, догнав нас возле забора Заготзерно. В итоге наш коварный замысел – стать обладателями чужого мяча – позорно провалился. Тем не менее, никакой разборки на повышенных тонах не было. Представьте сцену: взрослый дядя и два пацана, учившиеся с его сыном в одном и том же 1-м или 2-м классе... Таким образом, мячик благополучно вернулся в руки его настоящего владельца. Потрясенный, я запомнил этот эпизод на всю жизнь.

Грузовые составы на ближайшей к баракам линии, как я уже сказал, подолгу стояли перед светофором, ожидая встречный состав. Это вызывало у нас соблазн, забравшись на площадку ж/д вагона, ехать с тронувшимся с места составом до тех пор, пока тот не наберет достаточный ход, а затем спрыгнуть. Это было опасное занятие. Мы с Колей Кармышевым и Толей, еще не зная друг друга, занимались эти делом. И помним, как одному мальчишке из бараков отрезало ногу. Он потом бегал среди нас на костылях. В 1941 году моя мать провожала остановившийся напротив бараков состав, в котором на фронт отправлялся ее муж Алексей. Когда состав тронулся, он долго махал ей рукой. С фронта от него не пришло ни одного письма. Он погиб в

первые же дни войны, пропав без вести. Его имя занесено на бетонную стелу у Вечного огня на Мемориале памяти в Ленинском районе.

Толиному отцу, который тем же маршрутом уходил в 1943 году на фронт, если можно так сказать, повезло больше. При подходе к фронту их эшелон попал под бомбежку. В госпитале, где оказался Евгений Иванович (ему, молодому парню, было тогда 18 лет), с его левой ногой сделать уже было ничего невозможно. После войны Толин отец окончил речное училище (сразу два отделения – судомеханическое и штурманское), ходил на малотоннажных судах по Оби, а после того, как сошел на берег, работал заместителем начальника речного училища по хозяйственной части:

Отца фуражка пахнет морем.
Он в брюках клеш, со стопарем
Кричит: «Мы флот не опозорим,
Пусть даже все, что есть, пропьем!»¹

В наше время вагоны электричек имели подножки, на которых можно было ездить, не поднимаясь в вагон. Это теперь «двери закрываются автоматически», а сами подножки утоплены внутрь вагона. На таких подножках мы ездили через ж/д мост до остановки сразу после моста. Там была маленькая деревушка с протокой, в которой можно было купаться. В чуть более взрослом возрасте мы стали таким же образом ездить на Обское море с той же целью – искупаться. Никаких билетов мы никогда не покупали. Но это был более длинный маршрут, поэтому нас иногда гоняли контролеры. Я так далеко обычно не ездил, а вот Толя с товарищами (Косулиным, Квадяевым, Кармышевым), о которых я расскажу далее, ездил, причем иногда они прямо на ходу залезали на крышу вагона. Об этом мне рассказал Коля Кармышев, с которым я переписываюсь.

Насыпь слева от моста (если смотреть от Фабричной), отделяющая среднюю линию от правой, служила также горой (теперь ее уже срыли, и ее нет), с которой зимой мы катались

¹ Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 40.

на лыжах, спускаясь в сторону нижней поляны и пересекая при этом среднюю линию. Обычно в конце спуска для более острых ощущений устраивался трамплин. Катались и прямо со Спартаковского моста, это было более безопасно. Летом в районе Спартаковского моста мы также устраивали маленькие взрывы. Воровали на стройке или у сварщиков карбид, выкапывали небольшую ямку, клали его туда и закрывали сверху консервной банкой. В банке гвоздем протыкали дырку и затем подливали внутрь немного воды. Через некоторое время раздавался взрыв, и банка отлетала далеко в сторону. Строгое описание реакции с выделением ацетилена можно найти в учебниках по химии. Занимались мы этим примерно в 4–6 классах. «А он горбатый и кривой, но как он дорог мне такой», – вот такая строчка сложилась у Коли Кармышева в Пеледуде уже много позже, когда он странствовал по Восточной Сибири и Якутии.

2.3. Школа

В общей сложности мы с Толей учились в трех школах – сначала в начальной, а затем – в общеобразовательных средних.

18-я школа. С первого класса мы с Толей учились в 18-й школе. Эта начальная школа располагалась в небольшом каменном двухэтажном здании на четной стороне ул. Фабричной сразу после ее Т-образного пересечения с ул. Спартака. В этом месте, если смотреть от Дома грузчиков в сторону школы, после пересечения Спартака с Фабричной был спуск в сторону речпорта. Этот спуск, представляя некий переулочек, вел к «товарке». Товаркой назывались товарные склады, рядами располагавшиеся между ж/д путями и причалами речпорта. С товарки поднимались, тяжело гудя от натуги, малосильные грузовики. Когда полуторки, например, с арбузами, приближались к Спартаковскому мосту, то они часто подвергались нападению местной шпаны,

в результате чего часть арбузов перекочевывала в их руки. Это считалось доблестью и было заурядным делом.

Идти до школы было пять минут. Она была начальной, т. е. в ней учились до четвертого класса включительно. Были классы «А» и «Б». Толя учился в «А», я – в «Б». Его учительницу звали Татьяна Иннокентьевна, а мою – Анна Романовна Пушкарева. Отчество Толиной учительницы, которая иногда подменяла Анну Романовну, я долго не мог выучить. Так как в общей сложности в школе было восемь классов, то мы учились в две смены. Но была еще и третья смена. В промежутке между первой и второй сменами в школу приводили ребятишек из детдома. Я хорошо помню, как они парами в одинаковых серых пальтишках приходили на занятия.

Помещение класса, в котором мы учились с Толей в разные смены, было очень просторным. Впереди, справа от учительского стола стояла во всю высоту комнаты круглая печь, обернутая окрашенной в черный цвет жестию. Возле нее мы зимой грели руки. Далее, за столом учительницы у окна стояла деревянная черная доска. Именно стояла, а не висела. Слева на стене висел календарь погоды. В него каждое утро я заносил условные знаки «Ветрено», «Солнечно», «Дождь». Поэтому, уходя утром в школу, я предварительно прослушивал по радио сводку погоды. По этой причине при всяком подходящем случае (какие-нибудь праздники, окончание учебного года) мне в школе постоянно дарили какой-нибудь красивый календарь-ежегодник с перекидными листами. Во втором классе я был удостоен более высокой похвалы. Мне вручили почтовую открытку с надписью на обороте:

Председателю Совета отряда 2 кл. «Б» Юре Савочкину за его активное участие в сборах. 12/II –55. Подпись: *Е. Куприянова*.

(До 16-ти лет я носил фамилию матери). На лицевой стороне открытки – репродукция известной картины Ф. П. Решетникова «Прибыл на каникуль» (в комнате на фоне новогодней елки суворовец отдает честь своему деду). Удивительным образом эта открытка у меня сохранилась.

В задней стене класса было две двери. Одна вела в туалет. Для нас, учеников, это было очень удобно. Практически не выходя из класса, а лишь с разрешения учительницы, можно было справиться естественную надобность и вообще слегка отдохнуть от напряженной учебы. Вторая дверь вела в комнату уборщицы. Упомянутая уборщица постоянно ходила по своим хозяйственным делам туда и сюда прямо во время уроков. Если, скажем, это было зимой, то для того, чтобы подложить дров в топящуюся печь. Однажды ее внимание привлекла моя книга об Александре Матросове, которую я в то время читал¹. Она попросила ее у меня почитать и так и не вернула. С тех пор она ее и читает.

В наше время, да и в последующие времена тоже, в пионеры принимали в третьем классе. Однако в нашей школе в силу того, что она была начальной, принимали во втором. Никаких октябрат не было. Сразу – в пионеры:

Родная душа и чужая природа,
Да в клетке поющий Гомер:
«Работай, учись и живи для народа,
Советской страны пионер!»²

Поскольку уже со второго класса я был пионерским функционером (см. открытку выше), то, видимо, поэтому 1 декабря 1954 года меня делегировали на слет пионеров в ДК им. Сталина, где нас приветствовал легендарный летчик Водопьянов (1899–1980). После торжественной части было вручение подарков. Я вышел на сцену и мне вручили книгу Ликстанова «Малышок»³ с дарственной надписью, чьей – не помню, возможно, самого Водопьянова. Эта книга, к сожалению, у меня не сохранилась.

Далее за нашей школой располагался химзавод (Новосибирский завод пластмасс). Вонючее облако, постоянно наплывавшее с этого завода на наши дома, с некоторой ностальгической иронией упоминается в «Материке»⁴:

¹ Журба П. Александр Матросов. – М.: Детская литература, 1950. – 204 с.

² Соколов А. Е. Спартаковский мост. Анапесты: Сб. стихов. – С. 26.

³ Ликстанов И. Малышок. – Л.-М.: Детгиз, 1949. – 291 с.

⁴ Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 10.

С химзавода облако зловония
Накрывает Кировский район,
Но какая чудная симфония
Зазвучала вдруг со всех сторон...

Этот завод был эвакуирован в Новосибирск в 1941 году из Московской области и разместился на территории бывшего городского парка на Фабричной. В небольшом проулке без названия налево перед Спартаковским мостом (если идти со стороны Фабричной), протянувшимся вдоль железной дороги, жила двоюродная сестра первого мужа моей матери Алексея, ушедшего на фронт в 1941 году. Ее дочь Люба (род. в 1933 г.), т. е. троюродная сестра моего старшего брата Алексея, вспоминает, что они до войны в этот парк перелезали через забор и играли там на детской площадке.

Этот парк еще до революции был одним из трех общественных садов города, самым большим и лучшим, официально носившим название «Александровский» в память о царе Александре III, но в обиходе известный как «Сосновка». После повторного установления советской власти в Ново-Николаевске, в саду, в летнем театре революционный трибунал при огромном стечении публики судил «черного барона» Унгерна и его штаб, захваченный в Монголии красноармейскими частями под командованием П. Е. Щетинкина (1885–1927). В Новосибирске трудно было найти человека, который бы не посещал и тем более не знал это место. В сквере Героев Революции позади старого ТЮЗа есть памятник Щетинкину.

Завод расширялся, и школу, которая этому мешала, закрыли. Мы с Толей успели окончить в ней только три класса, после чего всех учеников распределили по нескольким школам, а один – четвертый класс, который выборочно сформировали из учеников классов «3А» и «3Б» (подозреваю, из самых лучших), перевели в 99-ю школу. В класс «4Г» этой школы мы с Толей и попали.

99-я школа. В 99-й школе мы с Толей проучились два года. Как мы учились, я не помню, но помню, что мы очень гордились буквой «Г» своего класса, так как это означало, что мы, как бы это теперь сказали, были очень *крутыми*, т. е. из Погрузки. Обычно в школах классы ограничивались тремя буквами – «А», «Б» и «В», а вот в нашем случае понадобилась и буква «Г».

Школа располагалась на ул. Чаплыгина, 65, между ул. Советской и Красным проспектом. Она была открыта в 1951 году, при этом в нее с первого дня в полном составе была переведена 51-я школа, до этого располагавшаяся в одном квартале от Красного проспекта на углу улиц Горького и Серебренниковской. В ее здании затем разместилось педагогическое училище им. А. С. Макаренко. Первым директором школы был Михаил Терентьевич Митасов, до этого, видимо, тоже работавший в 51-й школе. Он был довольно крупного сложения, в очках и жил при школе на первом этаже. Мы его очень боялись, хотя, как потом оказалось, на самом деле он был очень добродушным человеком.

В 1991 году в «Красном факеле» отмечался 40-летний юбилей школы, на котором вспоминали легендарных учителей школы, в том числе и Анну Романовну. Вспоминали и Михаила Терентьевича. Тогда я узнал, что он не только хорошо знал и любил русский язык литературу (он преподавал их, правда, не в нашем классе), но и писал стихи.

Сама улица, на которой располагалась 99-я школа, носит имя академика Чаплыгина (1869–1942), ученика основоположника современной гидро- и аэродинамики Жуковского. В годы войны Чаплыгин работал и умер в Новосибирске. На доме, где он жил, на ул. Фрунзе в районе мединститута висит напоминающая об этом мемориальная доска

Могила Чаплыгина находится на территории СибНИИА, института, образованного на основе эвакуированного во время войны из Подмосковья ЦАГИ. Я был на территории этого института (читал в 1982 году для его сотрудников лек-

ции по планированию эксперимента), видел могилу и на ней памятник Чаплыгину.

Пересекая Красный проспект, улица Чаплыгина (до переименования она называлась Рабочей) натывается на дом, известный как «Гастроном под строкой». Однако в нашем детстве его еще не было, как не было и идущей за ним Октябрьской магистрали. Улица Чаплыгина имела непосредственное продолжение вплоть до Каменки (по пути она пересекает улицы Каменскую и Семьи Шампиных). Здесь имелся переход по мосту в Октябрьский район на левый берег Каменки поблизости от начала ул. Белинского. Мостик был хлипкий, имел дощатый настил и был достаточно высок. Именно здесь недалеко от упомянутого моста стоял домик, где до войны жил знаменитый летчик Покрышкин¹, а во время войны продолжала жить его мать. Местные пацаны хорошо знали этот дом и собирались возле него, когда знаменитый летчик зимой 1944 года приезжал к матери². Позднее Покрышкин забрал ее в Москву.

В начале бульвара на Красном проспекте как раз напротив здания бывшей партшколы (теперь архитектурный институт) Покрышкину был установлен бюст. Однако позднее он был перенесен на другое место, а именно – в начало бульвара на пересечении Красного проспекта с ул. Свердлова. На мой взгляд, это место является менее удачным, так как оно не является архитектурным центром Новосибирска и не всегда оказывается в поле зрения жителей и гостей города.

Так как с Фабричной нас с Толей в классе было только двое, то и возвращались мы из школы как правило вдвоем. По дороге мы играли в игру «Мое счастье». Она заключалась в том, что надо было среди проезжавших по Советской машин насчитать как можно больше машин с номерами «66» и «77». Например, «48-77» было мое счастье, а, скажем, «66-24» – Толино. Чтобы победить, мы по дороге часто останавли-

¹ Покрышкин Александр Иванович (6 [19] марта 1913 г., Новониколаевск, Томская губерния – 13 ноября 1985 г., г. Москва) – советский летчик-ас, второй по результативности (после Ивана Кожедуба) пилот-истребитель среди летчиков стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Первый трижды Герой Советского Союза. Маршал авиации (1972).

² Антипенко Б. Н. Прогулка по Красному проспекту г. Новосибирска. – Новосибирск, 2010. – С. 171.

ливались, поджидая (пока не надоест) машины с нужными номерами.

В четвертом классе у нас с Толей появилась первая любовь – Таня Гершонок. Однажды мы, увязавшись за ней, проводили ее до самого дома. Она жила на Трудовой, 1, в доме, где потом долгие годы было БТИ. Мать Тани, увидев нас и поняв, в чем дело, пригласила в дом, где и напоила нас чаем.

74-я школа. После пятого класса Толю, перевели в 74-ю школу. Я по этому поводу сильно переживал. Помню, в шестом классе, я договорился с Толей, что приду к ним на урок в тайной надежде, что его учительница меня заметит и заговорит со мной, а потом и заберет к себе в класс. Я пришел на урок и сел на заднюю парту. Рядом со мной оказался отец Нины Моисеевой – девочки, с которой я раньше был в одной группе в детском садике, а потом и учился в 18-й школе. Может, поэтому Толина учительница не обратила на меня никакого внимания. Сидит незнакомый мальчик и сидит. Урок закончился, и она ушла, Так и не удалось мне перейти в Толин класс.

Школа № 74 располагалась по адресу Красный проспект, 2. Она, кажется, была с гуманитарным, а конкретно класс Толи – с изобразительно-художественным профилем. Школа (в настоящее время в этом здании размещается Дом учителя) представляла собой четырехэтажное здание доверенной постройки в глубине небольшого скверика. Правое крыло здания несколько развернуто в сторону насыпи идущей на юг железной дороги и торцом выходит к ул. Мостовая, где на этом отрезке улицы располагалась остановка трамвая № 1 «Мостовая» с разбегом, т. е. трамвай должен был дожидаться встречного. Летом, когда строился Коммунальный мост, трамвай не ходил, так как ул. Большевикская перекрывалась для движения транспорта¹.

Перед школой стоял памятник Сталину. Школу окружали маленькие домики. В одном из них, стоявшем на углу Красного проспекта и улицы Мостовой, позднее размеща-

¹ Антипенко Б. Н. Прогулка по Красному проспекту г. Новосибирска. – С. 27–30.

лась диспетчерская первой в Новосибирске линии троллейбуса «Мостовая – Аэропорт», пущенного в 1957 году. Слева к школьной ограде примыкал деревянный одноэтажный с высоким крыльцом продовольственный магазин № 47 (этот магазин я уже упоминал, на этом месте в настоящее время находится автовокзал). Сзади школьный двор упирался в железнодорожную насыпь. Во дворе школы была баскетбольная площадка, куда мы с Фабричной иногда ходили играть.

Изобразительно-художественный профиль класса сыграл важную роль в Толиной судьбе. Он умел рисовать, резать по дереву и лепить, в его квартире на Спартака было много картин, выполненных как им, так и его друзьями, в том числе Виктором Бухаровым и Михаилом Омбыш-Кузнецовым, который окончил этот же класс в 1965 году. Свои картины и другие работы Толя дарил, обычно на дни рождения, своим друзьям. Они, в частности, есть в личных собраниях В. Квадяева и С. Ларченко. Незадолго до Толиной смерти Коля Кармышев снял интерьер его квартиры на камеру. Сохранилось также фото Толиного рабочего кабинета (это я говорю о крохотной комнатке в стандартной хрущевке постройки 1967 года), на стенах которого видны его картины и картины его друзей. Стихотворение «Скажи мне, суровый художник Бухаров...»¹ Толя завершает строчками:

Озябнув вдали от садов Палестины,
Забившимся в щель городским воробьем,
Я счастлив, что две твоих красных картины
Меня согревают и ночью, и днем...

2.4. Фабричная, 8 или Новый дом

В начале января 1959 года мы переехали (кто из барачков, кто из Дома грузчиков, а кто-то и с Пристанского переулка) в так называемый «Новый дом» на Фабричную, 8. Дом был построен в две очереди. Первые четыре подъезда были сданы в 1955 году, а два последних – к новому 1959-му году. Я помню, как долго возводился их нулевой цикл, так как

¹ Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 9.

постоянно ходил мимо этой затянувшейся стройки в школу. Заодно мы все любили играть на ней среди ее лабиринтов. Никакого забора вокруг стройки не было.

Мы с Толей оказались в одном подъезде, но на разных этажах, я – на втором (квартира № 66), а Толя – на пятом (квартира № 72). Квартиры были коммунальные, на четыре или пять семей. Наши с Толей комнаты в этих квартирах располагались одна над другой, т. е. мы жили в одинаковых комнатах.

Дом был без центрального отопления и отапливался кочегаркой, стоявшей во дворе напротив дома. На кухне в каждой квартире была кирпичная печь, но она никогда не топилась, у всех были электрические плитки, стоявшие на отдельных столах. Четыре семьи – четыре стола. Была еще и крохотная пятая комната (видимо, комната для домработницы). В ней жил одинокий старичок Алексей Иванович. Стола на кухне у него не было. В квартире он бывал редко, и я его плохо помню.

Горячая вода подавалась три раза в неделю (понедельник, среда, пятница). Это касалось 5-го и 6-го подъездов, может быть, и 4-го. Каждая семья могла пользоваться ею только один день в неделю (имеются в виду стирка и принятие ванны). Так как семей было четыре, а дней с горячей водой всего три, то двум семьям из четырех доставался один день. У моей семьи и семьи крановщика Миши Пономарева это был понедельник. Примерно так же было и в Толиной квартире на пятом этаже. Туалет и ванная были раздельными и имели на улицу красивые узкие окна. Это было очень удобно, так как не нужно было постоянно зажигать свет, и в туалете можно было читать книжку.

В нашей квартире, в смежной с моей комнате жил Толин дед Николай Сергеевич Алюнин со своей женой Антониной Алексеевной и ее дочерью Таней. У меня сохранилась фотография, на которой вся наша коммунальная квартира, и Алюнины в том числе, отмечает в нашей комнате какой-то праздник. Между нашими с Алюниными комнатами была

дверь со стеклами, но она не функционировала, будучи заставлена шкафами и кроватями. У Николая Сергеевича от первой жены Елизаветы было две дочери, Шура и Люба. Александра Николаевна была мамой Толи Соколова, а Любовь Николаевна – мамой Толи Котелкина. Именно он запечатлен на видео с презентации «Осенних птиц». У Толи в 72-й квартире я, конечно, бывал. Помню его отца. Он прихрамывал. Уже потом я узнал, что у него был протез. Александру Николаевну я тоже хорошо знал и видел ее дома у Толи незадолго до ее смерти.

В Новом доме по проекту было 73 квартиры, при этом в двух последних подъездах (в 5-м и 6-м) квартиры частично были коммунальными. Но в нашем с Толей 6-м подъезде на первом этаже была еще и квартира № 74, в которой жил Сережа Гуревич. В связи с такой «перенаселенностью» дома во дворе было много моих с Толей сверстников. По подъездам они распределялись так: в 1-м – Фандеев и Бурыхин; во 2-м – Булгаков; в 3-м – братья Кармышевы, Квадаев и Докучаев; в 4-м – Сарычев, Муравьев, Бабин и Землянский; в 5-м – Косулин, Климов, Панферов; в 6-м – Соколов, Оболтин, Костылев, Гунбин, Вяткин, Григорьев и Гуревич.

Не все из перечисленных товарищей входили в самый ближайший круг нашего с Толей общения. Самыми значимыми фигурами в этом отношении для Толи были Володя Косулин (ушел из жизни 17 октября 2014 г.), Володя Климов (его тоже уже нет), Валера Гунбин (после окончания НЭТИ он работал энергетиком в Речном порту, он тоже уже ушел), Володя Квадаев, Сережа Гуревич, Коля Кармышев и я. Косвенно это подтверждается записями во всех семи сохранившихся у меня записных книжках.

Жить было интересно, мы играли в футбол, настольный теннис (во дворе стоял стационарный теннисный стол, а сетки и ракетки были почти у всех), какое-то время занимались в спортивных секциях, Толя занимался боксом, я – фехтованием (я второй призер первенства Новосибирска 1962 года в фехтовании на рапирах и победитель первенства «Открытая

дорожка» этого же года). В своих записных книжках я нашел запись за 1963 или 1964 год:

3 мая. Новый дом – Шанхай.

2:1 (0:1)

Соколов (вратарь), Бабин, Гунбин, Муравьев, Косулин, Григорьев (Савочкин), Климов, Налимов Женья.

Гуревич (вратарь), Давыдов, Метелкин, Налимов Витя, Кудрин, Коврижкин, Причиненко, Будяковский.

Голы забили: Климов (2) и Будяковский.

3 мая. Сборная – шк. 74 (составы команд не записаны).

1:2 (0:1)

Голы забили: у шк. 74 – Климов и Гришин, у сборной – Григорьев (Савочкин).

21 июня. Новый дом – Речное училище.

2:1

Кудрин (вратарь), Панферов, Бабин, Гунбин, Косулин, Будяковский, Григорьев (Савочкин).

Голы забили: Будяковский и Григорьев (Савочкин).

Почему речное училище? Потому что наш подъезд постепенно расселялся. Семьи из коммунальных квартир в нашем с Толей подъезде разъезжались, и в освобождающиеся квартиры, становившиеся общежитием, поселялись курсанты речного училища. Так, например, произошло с 71-й квартирой, где сначала жили Гунбины, а потом Наташа Смородникова, и с 73-й квартирой. Затем последовала очередь других квартир.

В составах футбольных команд перечислены некоторые из самых близких друзей Толи, и это документальный повод рассказать подробнее как о них, так и о других его близких друзьях по Новому дому, в футбол обычно не игравших.

Володя Косулин (17 марта 1945 г. – 17 октября 2014 г.). Володя был центральной фигурой нашего двора. Его отец Андрей (отчество не помню) был начальником лесного участка в Речном порту, а мать, тетя Аня (так я к ней обращался), была приемосдатчицей и работала в одной смене с моим отцом.

Вокруг Володи постоянно обращались наши интересы – спорт и всякие другие наши тогдашние дела (кино, девушки, музыка, танцы, мода и др.). Он хорошо играл в футбол, настольный теннис, шахматы. Брал частные уроки игры на трубе, увлекался джазом. Его любимым фильмом была «Серенада солнечной долины» с оркестром Гленна Миллера. В какой школе он учился, я не помню, Скорее всего, в школе № 3 в начале ул. Октябрьской. Но к 1964 году, году призыва в Армию, он окончил лишь 9 классов. Отслужил три года на Северном флоте (морские части погранвойск). В годы его службы я с ним переписывался, сохранились его письма ко мне. Вернувшись со службы, постоянной профессии он так и не приобрел, нигде постоянно и долго не работал. Работал рабочим сцены в Оперном театре, инструктором по физкультуре на химзаводе, таксистом, кем-то еще.

Спортзал химзавода размещался в нашей бывшей 18-й школе. Чтобы поиграть там с Косулиным в настольный теннис, я перелез на территорию завода через забор, а потом тем же путем возвращался обратно.

Машину Володя водил виртуозно, и город знал, как свои пять пальцев, не пил. Любил играть в преферанс. Гроссмейстер преферанса. Дважды был женат. Оба брака быстро распались. При его первом бракосочетании с Ирой Князевой я был свидетелем (насчет ее фамилии у меня есть некоторые сомнения). Его вторая жена Людмила была дочерью генерала. Вскоре после развода с ним она со своими родителями и общим с Володей сыном уехала в Москву. Спустя время она стала доктором педагогических наук. По ее учебнику истории¹ моя старшая дочь училась в школе. В итоге Володя всю жизнь прожил один. В 2003 году я переехал в Санкт-Петербург и, периодически приезжая в Новосибирск, бывал у Толи, где несколько раз встречал Косулина. Они с Толей жили в соседних домах. В октябре 2014 года Володя умер от инсульта в 34-й больнице.

¹ Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России, XIX век. 8 класс. – 11-е изд. – М.: Просвещение, 2010. – 287 с.

Володя Климов. Володя был в нашем доме приезжим, т. е. к Речному порту прямого отношения его родители не имели. Его отец был полковником, которого откуда-то перевели в наш город. Толя учился с Климовым в 74-й школе в одном классе и сохранял с ним дружбу до конца жизни. Володя Климов был спортивным и очень симпатичным юношей. В футбол он играл очень хорошо. Кроме того, он играл на уровне мастеров в водное поло. Достаточно скоро, где-то в середине 60-х, Климовы уехали в Киев. В 2000-е годы Толя упоминает его в письмах к Коле Кармышеву. Володи уже нет с нами.

Сергея Гуревич (род. 5 июня 1946 г.). В 2002 году Толя посвятил Сергею стихотворение:

С. Гуревичу

На крутых небесах расползаются звезд муравьи,
Гамлет выйдет курить за ворота панельного замка,
На алмазе души израсходовав зубы свои,
Трет нужда организм, словно плечи бурлацкая ляпка.
Нахлобучив на голову толстый мешок темноты,
Разжевала последнюю порцию ночи скотина,
Распускаются нервы, и пышно клубятся цветы
Сна, в правах уравнившего принца и простолюдина.
Любит Бог коротышек, у них превосходная статья,
В полдень жизни чугунные тени мощней и короче,
Во все стороны вечности бросилось время шатать
Неразношенный разум, измученный ужасом ночи.
Завершается жизни упорный, бессмысленный труд,
Полный громом побед и подсчетами спущенных петель...
Доверяться любимым опасно: за грош продадут.
Разве женщинам свойственна в черные дни добродетель?
И невинность Офелии зря стережет фаворит,
Добираться до сути в ней скучно и конным, и пешим...
Почему ж о любви каждый встречный с тоской говорит,
Будто был в ней всю жизнь не преступником, а потерпевшим?
Если жертвовать долгом во имя прекрасных очей,
Превратится отчизна в забытую Богом обитель...
Всходит принц на Спартаковский мост эфиопа мрачней,
И в любви, и в убийстве себя проявив как любитель.
И наперсник угрюмый его, далеко не старик,
Но не рад уж давно ничему, утомленный изжогой,

После смут социальных и мелких дворцовых интриг
По ночам обожая курить над железной дорогой.
Прячет стены дворец под коростой ужасных картин,
Горы пыли жемчужной скопились в углах помещенья,
Гамлет десять веков в Эльсиноре кукует один,
Водку горькую пьет и у призраков просит прощенья...
Обращает внимание редко на свой экстерьер,
Занавесившись дымом от слуг и от бешеной скуки:
Никогда не хватает ни денежных средств, ни манер,
Ни *смолы кругового терпенья* для штурма науки.
Ночью, кажется, мельницы времени трут все подряд,
И луна в облаках уже пенится гуще, чем мыло...
За окрестности юности жадно цепляется взгляд,
Если тело родные владенья уже позабыло.
Поднимает буран обесцененный вихрь бумаг,
Снегопад гримирует фасад стоквартирной ночлежки,
Отзываюся всплески стихий помраченьем в умах,
Но борцы за здоровье уже начинают пробежки.
О, плешивый подросток, глаза опускающий вверх:
На часах гастронома уже половина шестого...
Снег над городом кружится курам заморским на смех –
И предчувствует сердце явление Царства Христова¹.

Это стихотворение таит в себе много нюансов, которые не понять читателю, не жившему в СССР тех времен и конкретно в Новосибирске в районе Красного проспекта и ул. Спартака. Отмечу два фрагмента этого стихотворения. Во фрагменте

Завершается жизни упорный, бессмысленный труд,
Полный громом побед и подсчетами спущенных петель...

антитеза построена на противопоставлении фальшивых громких побед коммунизма и нищеты советских женщин, вынужденных поднимать спущенные петли своих капроновых чулок, так как постоянно покупать новые чулки не было возможности. Как-то по телевизору я услышал такую историю. После феноменального успеха фильма «Анна на шее», в котором Алла Ларионова снималась вместе с Александром Вертинским, авторов фильма, и Ларионову в том числе, пригласили на какое-то мероприятие в Париж. Возможно, это

¹ Соколов А. Е. Шрам на снегу. // *Сибирские огни*. 2002. № 5. – С. 105.

было вручение премии за фильм. Это было в середине 50-х. В гостинице Ларионова увидели на горничной, убиравшей номер, шелковые чулки и чуть не упала в обморок. Качество и дизайн чулок на горничной были такими, которых она никогда в жизни не видела.

Во втором фрагменте, представленном строчками

О, плешивый подросток, глаза опускающий вверх:
На часах гастронома уже половина шестого...

речь идет о «*Гастрономе под часами*» в здании, что расположено на Красном проспекте и, второй своей частью, на ул. Коммунистической. На углу дома, на самой его вершине находятся два циферблата, показывающие время. Какой великолепный прием, что в терминологии литературоведов может быть назван алогизмом или оксюмороном, – часы находятся где-то наверху, и поэтому подросток, проходящий мимо, опускает глаза вверх. К слову добавлю, что в этом гастрономе в 50-е годы, если войти в него, то слева на торцевой стене располагался портрет Сталина во весь рост. Данное здание является исторической достопримечательностью Новосибирска.

По каким-то причинам посвящение к стихотворению опущено в «Невразумительных годах»¹ и в последующих изданиях. Следует сказать, что такую же ситуацию я обнаружил, например, с посвящением стихотворения «*Кажется минувшее былинкой...*» Владимиру Мандриченко. В интернете посвящение есть, а в сборнике «Материк»² – нет. Причина такого обстоятельства мне неизвестна.

Сергея жил в нашем с Толей 6-м подъезде на 1-м этаже в 74-й квартире. На самом деле эта квартира была исключением из правил, так как по проекту наш дом был 73-квартирным. Ясно, что она возникла в самый последний момент при заселении дома. Эту запутанную ситуацию с нумерацией квартир, на которую мы в детстве не обращали внимания, мне удалось распутать лишь в процессе написания книги с помощью Коли Кармышева и самого Сергея. В ней были

¹ Соколов А. Е. Невразумительные годы: Стихи. – С. 21.

² Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 29.

очень высокие потолки. После расселения дома на ее площадях разместился жилищно-коммунальный отдел (ЖКО) речпорта, куда я приходил платить за квартиру, хотя жил далеко, на Советской, 58.

После школы Сергей отслужил в армии, окончил медицинский институт и стал врачом. Сейчас он врач-кардиолог высшей категории, работает в 34-й муниципальной больнице г. Новосибирска. В детском садике Сергей с Толей были в одной группе. В разговоре со мной Сергей сказал, что почему-то запомнил сцену, как они с Толей в детсадовской группе вместе сидят на горшках. С другой стороны, я тоже как-то спросил Толю, не помнит ли он по детскому саду Таню Евсееву. И он ответил, что отлично помнит и даже как-то встретил ее на улице. Отсюда следует, что хотя сам я Толю по детскому саду не помню, но, похоже, и я был в той же группе, что и Толя с Сергеем.

Володя Квадяев (род. 30 мая 1945 г.). Начнем с того, что Володя с 1952 года жил в Доме грузчиков в том же 1-м подъезде, что и Толя. Отцы Толи и Володи были фронтовиками. Они хорошо знали друг друга. Володя жил в одной коммунальной квартире со ставшим впоследствии очень известным хоккеистом новосибирского «Динамо» Виктором Картавых. Виктор был старше нас на 10 лет (род. в 1936 г.), а его мать Лукерья Степановна (тетя Луша) работала приемосдатчицей в Речном порту вместе с моим отцом. Они работали в одной смене. Виктор играл в одной тройке с Судоплатовым и Виталием Стаиным. Последнего потом забрали в московское «Динамо», а новая тройка Индюков – Судоплатов – Картавых (здесь я могу немного напутать) долгое время была первым звеном новосибирского «Динамо». После завершения хоккейной карьеры Виктор перешел на тренерскую работу. Работал очень успешно. Возглавлял школу спортивного мастерства или олимпийского резерва.

Из Дома грузчиков Володя переехал в Новый дом в квартиру № 40 на пятом этаже 3-го подъезда. Он очень хорошо

играл в теннис. Позднее он и Сергей Гуревич играли за свои институты (институты народного хозяйства и медицинский соответственно) и пересекались на различных соревнованиях. Невероятно крученые подачи Квадяева выводили меня из себя. Шарик, закрученный неизвестно в какую сторону, перелетал через сетку и тут же падал. Я бросался к нему, лихорадочно перебрасывал его через сетку, где он становился легкой добычей противника. А часто шарик вообще никуда не перелетал, тупо тыкаясь в сетку. В результате счет медленно, но верно рос в пользу Квадяева.

Каких-то особых соревнований во дворе между собой мы не устраивали, но квалификация у всех у нас была довольно приличная. Об этом свидетельствуют победы Косулина в первенствах его дивизиона на флоте, где он служил, и мои спортивные дипломы в 99-й школе. Один из них сохранился. Оказывается, я занял 2-е место в соревнованиях на первенство школы по настольному теннису в 1963/64 уч. году. Наверняка что-то подобное было и у Володи, раз он меня часто обыгрывал.

Володя учился в 12-й школе, которую и окончил. Школа находилась на пересечении улиц Серебренниковской и Сибревкома. В этой же школе во время войны и сразу после нее, еще до введения совместного обучения девочек и мальчиков, учился и мой старший брат Алексей (1935–2006).

Здание школы № 12 было построено в 1909 году как одно из двенадцати двухэтажных каменных школьных зданий, возведенных в рамках решения вопроса о введении всеобщего начального образования в Ново-Николаевске¹. Возможно, некоторыми из этих зданий являются здания Областного драматического театра на ул. Большевиктской возле Коммунального моста, школа на углу улиц Советской и Достоевского (на углу Нарымского сквера, т. е. практически напротив дома, в котором я жил в 1968–2003 гг.) и здание на площади Кондратюка напротив Федоровых бань. В этом здании нахо-

¹ Справочник по городу Ново-Николаевску. – 3-е издание. – Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1992. – С. 46, 57.

дится школа высшего спортивного мастерства. На его фасаде размещена мемориальная доска моего тренера по фехтованию заслуженного тренера СССР П. А. Кондратенко.

После службы в армии Володя окончил институт народного хозяйства, стал успешным хозяйственником, занимал разные должности, а затем хорошо вписался и в новую жизнь. Вырастил двух дочерей. С Толей Володю связывала большая дружба. Толя часто писал на его дни рождения стихотворные поздравления, которые представлены в разделе «Из домашних архивов». Одно из них в переработанном виде и с посвящением В. Квадяеву опубликовано:

В. Квадяеву

Ты живешь много лет и, рискуя, шутя, разглагольствуя,
Произвел дочерей, отдал полностью Родине долг,
Любишь верную женщину сильно, но без удовольствия
И с похмелья болеешь так страшно, что воешь, как волк.
Наша русская жизнь в неудобное время посеяна...
В девяносто седьмом от рожденья Христова году
Я тридцатого мая на тихую улицу Ленина
Поздравлять тебя с праздником длинным подарком приду.
Этот радостный день в личном деле Володи Квадяева
Я готов отмечать еще минимум семьдесят раз,
Если он пригласит; разве мы своей жизни хозяева:
Люди могут забыть, только Бог будет помнить о нас.
Лишь недавно узнал: все советские барышни – персики,
Мягко стелют атласное тело, да больно кусать...
Нам с тобой неужели придется прилежно до пенсии
Их лохматые книжки от корки до корки читать.
Ты всегда, новорожденный, жил в окружении девичьем,
Справедливость ценил, попирая бродячий закон...
В твою честь мы сегодня напьемся с Сережей Гуревичем.
Стал свободен народ, только счастлив, конечно, не он.
Две морщины прибавь ко второй половине столетия,
Пусть в грудном саркофаге горячее сердце не спит.
В день рожденья из слов остаются одни междометия.
А из вкусных напитков всего предпочтительней – спирт¹.

В стихотворении сквозит грусть о семейном счастье, о неустроенности нашего народа. Но вместе с тем звучит и надежда на то, что горячая дружба старых друзей никогда не угаснет.

¹ Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 84.

Коля Кармышев (род. 6 января 1947 г.). Коля родился и первые три года прожил в уже упомянутой выше Нахаловке, затем переехал на ул. Енисейскую вблизи того места, где она пересекается с Комсомольским проспектом (это в самом центре Железнодорожного, а тогда – Кагановического района), а уже потом оказался в Новом доме. Коля в футбол, вроде, не играл, но в теннисных баталиях участвовал. Мы были в одной компании, хотя мне казалось, что он больше тяготеет к okayмляющему наш двор дому на Спартака, 8/4. Там жили Саша Кучерук и Слава Савиных. С первым я вообще не общался, а со вторым, наоборот, поддерживал отношения. Но были они эпизодическими, так как Слава в наших спортивных играх тоже не участвовал, а, обучаясь в 10-й школе в физико-математическом классе, готовился стать математиком. Я втайне тоже готовился стать математиком, хотя и не учился в соответствующих классах. К тому же, вместо того чтобы в оставшееся короткое время после окончания школы до экзаменов в вуз готовиться к ним, я поехал со школьными друзьями отдыхать на Обское море. Время прошло весело, но в результате я оказался не в НГУ, а в НЭТИ, о чем, в принципе, и не жалею.

После 1967 года, когда я уехал с Фабричной, мы с Колей фактически не встречались, так как он, в свою очередь, окончив водный институт, вскоре начал свои странствия по Восточной Сибири. Все это он описал в своих воспоминаниях, которые прислал мне. Сегодня он живет с семьей в Краснодарском крае. Часто приезжает в Новосибирск, где у него живет сын. Все последние годы Толя постоянно поддерживал с Колей отношения, ведя с ним переписку. Во время наших с Колей приездов в Новосибирск в нулевые годы мы изредка пересекались в Толиной квартире, которая была центром притяжения всех Толиных друзей по Новому дому.

Стасик Будяковский. Стасик жил в доме, стоявшем на углу Фабричной в том месте, где ул. Спартака образует с Фабричной Т-образный перекресток. Сразу за домом начи-

нался спуск на «товарку». Дом был каменный двухэтажный с одним входом со двора. Был ли этот дом полностью жилым или там была еще и какая-то контора – не помню. Похожий каменный дом, но, кажется (здесь я могу ошибиться), одноэтажный и с одним входом, стоял непосредственно перед Спартаковским мостом справа, если идти от нас в город. На нем была маленькая вывеска, что-то вроде «Гипроречтранс», за точность не ручаюсь.

Семья Стасика занимала полуподвальное помещение. Окна квартиры наполовину уходили ниже уровня земли. Отец его был извозчиком, т. е. возил грузы на лошади (выше я говорил, что рядом с бараками был конный двор), а мать, красивая полная женщина (ее звали Юлией), работала кем-то на «Нижнее-Пригородной», а потом – кассиром в Речтэке (технико-экономическая контора речпорта) на Пристанском переулке. Имя и фамилия Стасика говорят, что у его семьи, возможно, были польские корни.

Стасик очень хорошо играл в футбол. Был стройным и худощавым. Позднее он жил в обычном хрущевском доме на первом этаже во дворе гастронома на углу Красного проспекта и ул. Гоголя, рядом с авиационным техникумом. Это было сравнительно недалеко от меня (имеется в виду Советская, 58). Толя, как и я, поддерживал с ним дружеские отношения, но виделись мы со Стасиком очень редко. Кажется, он работал каким-то экспедитором. Как сложилась его судьба дальше, я не знаю.

В 1963 и 1964 годах мы стали заканчивать учебу в школе. В армию, в общем-то, никто не хотел. Но деваться было некуда. Мы учились в школах по 11 лет, и поэтому если не поступил в институт, а тебе уже 18 лет, то собирай вещи и – вперед. Я в институт поступил, а некоторые товарищи – нет, а если даже и поступали, как Толя или Квадаев, то потом в силу разных обстоятельств прекращали обучение и шли в армию. У меня сохранились армейские письма только от Володи Косулина. С Толей переписка прервалась, почти не начавшись. Я получил от него одно или два письма.

Время летело быстро. Мы окончили школы и поступили в институты, я – в НЭТИ, Толя – в Сибстрин на архитектурный факультет. Приблизилось время первой сессии. Толя сдает на пятерку историю СССР (всякие там съезды, штурм Зимнего и проч.), а вот с математикой дело не пошло. Не сдав сессию, Толя с подачи нашей дворовой команды (в этом активное участие принимал Юра Гвоздев из Дома грузчиков) обратился ко мне за помощью. Не буду вникать в детали, но проделав некоторые манипуляции с зачетками, я передал за него математику, чем на время отсрочил неизбежное. Казалось бы, Толе можно было продолжать обучение, изучать всякие там балки, консоли, поперечные и продольные напряжения. Но тогда впереди его снова ожидала бы масса аналогичных экзаменов. Поразмыслив, Толя принимает кардинальное решение – оставляет Сибстрин. Последующий отрезок времени с весны по осень 1965 года, до призыва в Армию, Толя проводит в геологических партиях, куда завербовался, по всей видимости, на волне своих впечатлений от учебы в геологоразведочном техникуме и благодаря приобретенным в нем друзьям, ставшим к тому времени геологами. Осенью 1965-го года уходит в армию. Все остальное можно найти в его автобиографии.

Первый этаж и подвал нашего дома. Теперь немного о самом Новом доме, в частности, о том, что размещалось в нем на первом этаже. Будем смотреть на дом со стороны Фабричной. В правом крыле здания (если же смотреть со двора, то это левое крыло, т. е. район 6-го подъезда, где жили мы с Толей) размещался хлебный магазин. Далее (будем двигаться по часовой стрелке) находился продовольственный магазин (молочный отдел, бакалея, гастрономия). Если вход в хлебный магазин был в боковом крыле здания (мы с Толей жили прямо над ним), то вход в продовольственный магазин был уже с фасада здания. Прямо по центру нашего дома размещался клуб Речного порта «Маяк». В клубе были кинозал, где также проводились всякие торжественные мероприятия,

обычно связанные с праздниками. Клуб также служил избирательным участком во время выборов. В клубе были библиотека (с окнами во двор), в которую мы часто ходили, а напротив ее – парткабинет Речного порта (окна на улицу), который переехал сюда из Дома грузчиков.

У меня сохранилась фотография коллектива партийной организации Речного порта, на которой среди прочих запечатлены мой отец и отцы Володи Косулина и Игоря Дуркина. Игорь тоже был нашим сверстником, жил в деревянном доме рядом со Спартаковским мостом и дружил со Славой Савиных. Последние годы он долго болел. Толя говорил мне об этом еще в 2009 году. Игорь ушел из жизни в ноябре прошлого года.

Клуб занимал всю левую половину здания. Из кинозала был выход в сторону ул. Спартака, но не на саму улицу, а в прилегающую к дому территорию, отгороженную от улицы решетчатой железной оградой с каменными столбами. Забор составлял с домом единый архитектурный ансамбль. Забор заканчивался въездом во двор дома, за въездом следовал жилой кирпичный дом, в котором жил Слава Савиных, замыкавший наш двор с левой стороны.

Противоположную сторону двора составляла ограда детского сада, прерываемая прямо по центру кочегаркой, отапливавшей дом. Этот детский сад посещали все дети, выросшие в Погрузке, в том числе и я с Толей. В одном из стихотворений Толя пишет, что помнит тот день, когда умер Сталин¹. Я тоже помню, как в этот день в нашей группе за столом сидела наша воспитательница Татьяна Лукинична и плакала. Надо сказать, что я помню и мою воспитательницу в яслях тетю Аню Винокурову. Сначала она жила в Доме грузчиков, а потом переехала в мой дом на Советской, 58. Дома на Советской и Достоевского (мой дом, а также Советская, 62, и Достоевского, 3) были ведомственными, принадлежали Речному порту. Поэтому и возникали такие интересные передвижения жителей бывшей Погрузки.

¹ Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 44.

До появления клуба «Маяк» Речной порт клуба не имел и был вынужден в необходимых случаях обращаться к организациям-соседям. Иногда это был клуб ТЭЦ, который находился на Пристанском переулке недалеко от проходной Речного порта, а иногда – клуб мельзавода, который находился прямо напротив нашего дома. Помню, в клубе ТЭЦ я смотрел фильм «Слуга двух господ» (1953). ТЭЦ-1 несколько раз в сутки оглашала окрестности гудком, возвещавшим начало или конец рабочей смены. В это время (примерно 1955–1957 годы) начинали появляться телевизоры, но сначала – только в организациях. Появились телевизоры и в клубах речпорта и мельзавода, а также в Речтэке, который располагался в проулке Пристанского переулка направо от проходной Речного порта, чуть далее его основной конторы. Вечером, начиная с семи часов, мы приходили в тот или иной клуб и смотрели телевизор. Обычно это был художественный фильм, который каждый день был в программе. Из просмотренных в Речтэке мне запомнился египетский фильм «Любовь и слезы» (1955). Если стульев не хватало, то мы располагались перед телевизором лежа.

Под подъездами с 1-го по 3-й (или по 4-й) в нашем доме было обязательное по тем временам бомбоубежище. Оно занимало часть подвала, в то время как остальная его часть была занята кладовками. Мы изредка наведывались в этот подвал с железными массивными дверями, пробираясь по его темным закоулкам. Свет в бомбоубежище часто не работал. Я помню стоявшие там свежеевыкрашенные скамейки. В бомбоубежище было чисто, но почему-то оно не всегда закрывалось. По поводу этого подвала Коля Кармышев вспоминает эпизод, связанный с Толей. Как-то, будучи в седьмом классе, Толя о чем-то заспорил с родителями и, не желая уступать, ушел из дома. Ушел – это, может, громко сказано, но факт остается фактом – одну ночь он провел в бомбоубежище, на лавочке, без света и без всего прочего. Возможно, родители вовремя вернули Толю из подвала, не дав ему провести там всю ночь, но в памяти сверстников все равно этот

эпизод остался. В русской литературе можно найти много похожих примеров, когда дети, в чем-то несогласные с родителями или своими наставниками, убегали из дома («Храбрые беглецы» А. И. Куприна, «Республика Шкид» Г. Белых и Л. Пантелеева, «Два капитана» В. А. Каверина и др.).

Уже теперь, анализируя это случай, я могу предположить, что, возможно, дело обстояло следующим образом. В то время после окончания седьмого класса мы сдавали экзамены (две математики и русский язык), после чего могли поступать в техникум. Я, например, вслед за своим одноклассником Мишей Ковтуном тоже засобирался в радиотехнический техникум, но мои родители решительно пресекли мой коварный план. А Толя, как показало дальнейшее развитие его биографии, тоже решил поступить в техникум, но в геологоразведочный. Вот здесь и могли произойти размолвка и эта история с подвалом. В итоге Толя все-таки поступил в этот самый техникум (угол Красного проспекта и ул. Достоевского), но, не окончив его, перешел в вечернюю школу. Эта школа рабочей молодежи располагалась опять же на Пристанском переулке прямо в конторе Речного порта на первом этаже двухэтажного деревянного дома. А чуть ранее, в середине 50-х годов, она была в деревянном здании прямо напротив клуба ТЭЦ. Я это хорошо помню, так как в ней заканчивал семь классов мой отец. Я часто подходил к высоким окнам школы на первом этаже и смотрел на отца. Понятно, что учиться он пошел не сам по себе, а по партийной линии, так как мой отец был коммунистом.

В подвале 5-го подъезда был детский клуб. Я помню его открытие с праздничным ужином. Там были теннисный стол, небольшая библиотека и еще пара каких-то комнат, включая крохотный кабинетик руководителя клуба Олега Распопова. Через этот детский клуб нам выдавали хоккейную форму а также различные путевки. В частности, был такой случай. Мне выделили путевку в «Артек», но в последний момент, видимо, выяснилось, что мой возраст превышает допустимый (15 или 16 лет), детали я не помню. Помню,

что оформлять путевку мы с руководителем клуба ходили в обком партии, как раз напротив дома на ул. Свердлова, где потом жил Толя.

Путевка в Артек была выделена вместо меня Васе Лошакову, который был на три года меня моложе. Потом он окончил тот самый геологоразведочный техникум, где учился Толя. До Нового дома я жил с Васей в одном бараке (после этого он жил в Доме грузчиков), и мы были с ним большими друзьями в том плане, что я ему покровительствовал. Отца у Васи не было. Наши матери похоронены в одной оградке. До поступления в техникум Вася учился в 74-й школе в одном классе с Наташей Смородниковой.

Наш дом был виден издалека, так как на нем возвышалась красивая башенка в виде старинной беседки, какие строили себе когда-то в своих усадьбах помещики. Она расположена над угловым 5-м подъездом, и в нее мы иногда лазили. В нее вел люк с площадки шестого этажа. Он почему-то не закрывался или не всегда закрывался. По прихоти архитектора только в 5-м подъезде был шестой этаж, а состоял он из одной квартиры № 65 (теперь их там даже две – № 65 и № 65а). В результате такого проекта наш дом официально назывался 73-квартирным, хотя по идее в каждом подъезде должно было быть четное количество квартир. Скорее всего, 6-й этаж и башенка были задуманы для организации смотровой площадки на случай каких-либо непредвиденных обстоятельств.

В беседке ничего интересного не было. Она представляла из себя небольшое чистое помещение с окнами. Из нее открывался великолепный вид на весь город. Были видны Обь и прилегающие окрестности. Коля Кармышев вспоминает, что однажды он гнал за Косулиным (были у нас такие игры – догонишь или не догонишь), тот выскочил через люк на крышу и, рискуя жизнью, побежал по самому ее краю. Люк находился рядом с квартирой Косулина, который как раз и жил на 5-м этаже. Эх, есть что вспомнить!..

2.5. Молодость (после 1967 года)

В первом браке Толя был женат на Тане Русановой, со старшим братом которой – Климом – я учился в 8-м классе 99-й школы. С Климом я дружил, поэтому бывал у него в квартире на ул. Свердлова, 13. Именно в этой квартире потом и жил Толя. Однажды, уже в 80-е годы я как-то позвонил Толе и сказал, что могу забежать к нему на 5 минут. Когда я пришел, то за столом у него увидел несколько человек, это были поэты. Среди них был А. И. Плитченко (1943–1997), о котором я много слышал до этого. К сожалению, через несколько лет его не стало.

В 90-е годы А. И. Плитченко пришлось решать вопросы, связанные с площадями для Союза писателей в доме возле Оперного театра. Желая захватить эту площадь, ему угрожали криминальные элементы. Если бы не вмешательство тогдашнего (в 1993–1995 гг.) главы Администрации Новосибирска И. И. Индинка, то еще неизвестно, чем бы все это закончилось. Иван Индинок многое делал для творческой интеллигенции Новосибирска, в частности, был инициатором и президентом гуманитарно-просветительского клуба «Зажги свечу». За это поэты отвечали ему взаимностью¹.

Еще в школе я начинал интересоваться поэзией. В книжном магазине на углу ул. М. Горького и Красного проспекта (теперь магазин «Плиний Старший») купил сборничек стихов Л. Чикина в синей суперобложке. Нравилась. Классе в десятом в нашу школу приходил Илья Фоняков. Его студию как раз посещал Толя. Если в моей жизни этот визит остался только в памяти, то для Толи знакомство с большим поэтом стало определяющим.

В этой жизни все пересекается. Мама Толиной жены, Тани Русановой, Елена Васильевна работала в бассейновой поликлинике Речпорта на ул. Каинской, где одно время работала и моя мать, хотя большую часть своей жизни, уволившись из Речного порта после моего рождения, она прорабо-

¹ Вадим Чистяков. Два избранных посвящения Ивану Индинку. – В кн.: Сб. стихов к 60-летию машиностроительного факультета НГТУ / Б. Н. Антипенко, В. Я. Небольсин, Г. И. Смагин, В. М. Чистяков. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – С. 184–187.

тала в спецполиклинике на ул. Советской, 2. Это напротив Спартакoвского моста. Поэтому моя и Танина мамы тоже друг друга хорошо знали.

Толин сын Вася окончил НИИВТ (институт водного транспорта). Кажется, в 1996 году я по Толиной просьбе помогал ему по математике. По-видимому, готовил к поступлению в институт. Теперь Василий с семьей живет в пригороде Берлина Шпандау (его жена Аня – тоже из Новосибирска), у него растет сын Александр. Более подробно детали рода Соколовых показаны на его генеалогическом древе в конце книги.

У меня есть все сборники Толиных стихов. Все с автографами, кроме «Спартакoвского моста», хотя сам этот сборник, конечно, есть. В написанных Толей автографах ощущается ожидание какой-то безысходности, предчувствие какой-то беды, чего-то неотвратимого. Это мироощущение чувствуется уже в его ранних стихах. Приведу в подтверждение этому одно стихотворение из «Гнезда поэтов»¹:

Наклоняются темные ели,
Разговоры ведут за окном.
Умирает душа, неужели
Задыхаясь в кошмаре ночном?

Как очнуться, спастись? Полумеры:
Свет зажечь, потревожить жену...
Из углов выползают химеры,
К изголовью стремясь моему.

Ничего. Только ветер осенний
И дыхание спящих детей.
Ожиданье больших потрясений:
Наводнений, пожаров, смертей.

Это написано в 1989 году. Что произошло позже, мы все знаем. Уже в 90-е Толя написал пронзительное стихотворение², являющееся продолжением этого ощущения сползания в пропасть:

Вот эти избы, вросшие в суглинок,
На берегах больших, студеных рек

¹ Соколов А. Е. Стихотворения. – В кн.: Гнездо поэтов: Сборник стихов. – Новосибирск: Новосибирское книжн. изд-во, 1989. – С. 54.

² Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 95.

И песни с черно-красных грампластинок,
Как ни старайся, не забыть вовек.
Все то же небо с коршуном и тучей,
Все те же степь и лесополоса,
Ау, надежда сразу стать могучей,
И за ночь сделать былью чудеса...
Прищуривай компьютерные очи:
Так нестерпимо жидок белый свет.
Нет ни крестьян уже и ни рабочих,
И вообще России больше нет...
Убраться б по добру и по здорову
Куда-нибудь из патоки мирской
И втихомолку радоваться слову,
И смерть принять с любовью и тоской.

Последний раз я видел Толю в Академгородке летом 2009 года. Я зашел к нему домой на ул. Терешковой, где он в то время жил во втором браке с женой Леной. От них мне нужно было идти на Жемчужную. Лил проливной дождь. Зонта у меня не было. Лена дала мне какой-то запасной зонтик со сломанной спицей. Этот зонтик меня сильно выручил. Дома я его отремонтировал и через какое-то время вернул его Лене, когда она была в командировке в Питере. Конечно, зонтик был мне предоставлен без обязательного возврата, но так получилось. Если бы не вернул, осталась бы память о Толе.

Толя не любил разъезжать по Европам. Всякие там Эйфелевы башни и Монмартры его не прельщали. Он предпочитал работать, а не тратить время впустую. Он родился на Фабричной и ушел от нас тоже с Фабричной. На странице, завершающей подборку стихов Толи в «Северной Авроре» (я принимал посильное участие в этом проекте), редакция журнала поместила следующий печальный текст¹:

Анатолий Соколов (1946–2010) – поэт, автор поэтических книг «Крепость», «Осенние птицы», «Материк» и других, кандидат философских наук, член Союза писателей России. Подборка стихотворений уже готовилась к публикации в «Северной Авроре», как неожиданно из Новосибирска пришла печальная весть – умер Анатолий Соколов. Редакция выражает глубокие соболезнования родным и близким замечательного русского поэта.

¹ Соколов А. Е. Незаконные звезды. // Северная Аврора. – 2010. № 12. – С. 196–200.

2.6. О нашей юности в стихах Толи

Некоторое представление о нашей юности, протекавшей в Новосибирске, можно получить, внимательно просматривая конкретные Толины стихи и восстанавливая в памяти сохранившиеся детали.

1. Много отзвуков реальных событий 1961–1963 годов обнаруживается в «Отрывке из поэмы»¹, часть которого я привожу ниже с комментариями:

В тисках удачи неизменной
Кустилась дружная семья,
И двор казался ойкуменой,
И город рос быстрее, чем я.
В китайской куртке не по росту,
Освободившись от опеки,
Вдруг по Спартаковскому мосту
Однажды вышел на проспект,
Добра и зла не разумея,
Не ведая научных тайн,
Ристалищ местного Бродвея
Вмиг сделался завсегдатай.
Учился путано и скверно
Между спортзалом и кино,
Тайком с героями Жюль Верна
И По Эдгара пил вино.
И в опьянении, на диво
Внезапном, из дворовых недр
Повелевал мне с коллективом
Инстинкт перемещаться в центр.
Где, как «Туманность Андромеды»,
Отягощен избытком сил,
Когда смеркалось, до «Победы»
От «Маяковского» бродил.
Зачем? Там полчища Мамая
Творили темные дела,
С ума сводила скука злая,
Но, слава Богу, не свела.
И жизнь текла не так уж плохо,
И дом под каждым был кустом,
И вдруг стихотворений Блока
Вонзился в память третий том

¹ Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 40.

Наперекор молве слащавой
И без надежды на авось,
«Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалеет гроздь...»
И вслед за этим потрясеньем
Помчались стаей по пятам
Крестьянский Лермонтов – Есенин,
Ахматова и Мандельштам.
Поэтов русских вереницы
На перепутье лет и зим
Кружились надо мной как птицы,
Лишь Пушкин был непостижим,
Он в безысходности и блеске
Лет в пятьдесят открылся мне,
Когда к реке проспектом Невским
Катился с фигой в портмоне...

Бывало, от боев кулачных
Трещал на площади «плетень»,
Шел дым из заведений злчных,
Варилась сплетен дребедень,
И открывал мне Казанова
Воображенья Бухенвальд,
И милиционер блатного
Ногами втапывал в асфальт,
Век сокрушался от истомы,
Но мальчик рад был, если мог
Из-под полы купить альбомы:
Гоген, Вламинк, Сезанн, Ван Гог
Да Густав Климт, блиставший в Вене,
Где Фрейд – с душой почти на «ты»,
И передвижников в забвенье
Пылились честные холсты.
Для современников, влюбленных
В реальность снов, зачем Сезанн?
От гнета чувств неразделенных
Хотелось волю дать слезам.
Девичий взгляд острее стали
Подросткам души резал в кровь...
«Ау, Липовская Наталья,
Ты наша общая любовь!»

Общаюсь нынче церемонно
При встрече с дамой пожилой...
Опять листва, желтей лимона,
Кладет на грунт за слоем слой.

Теперь комментарий. В стране была оттепель. Но мы в том возрасте именно так этого не осознавали. Просто это было наше время. На Красном проспекте, главной улице Новосибирска, от ул. Свердлова до ул. Горького тянулся бульвар – два ряда деревьев с лавочками с обеих сторон. Затем бульвар прерывался, так как слева при движении от ул. Горького к пл. Ленина располагался фонтан, затем шло здание городского торгового корпуса (такого официального названия мы, конечно, тогда не знали, но в нем действительно были какие-то магазины, в частности, магазин радиотоваров «Орбита» в том месте, где теперь сделан вход в метро, также прямо по центру здания был ресторан «Орбита»). После него полукругом можно было дойти до здания, в котором размещались Центральный универмаг и Центральная гостиница. После этого здания начиналась ул. Ленина, ведущая от площади Ленина к кинотеатру «Победа» и далее к ж/д вокзалу.

На отрезке Красного проспекта, начиная от торгового корпуса и до ул. Ленина было установлено ограждение, отделяющее тротуар от проезжей части, которое в народе называлось «плетень». На него удобно было опираться во время светских бесед при фланировании по Красному проспекту. Отрезок от ул. Октябрьской, на пересечении которой с Красным проспектом находился к/т «им. Маяковского» (теперь это здание с памятником Маяковскому на его угловом фасаде снесено и на его месте построено другое здание кинотеатра), до ул. Ленина в народе назывался Бродвеем или «Бродом». Мы так и говорили: «Пошел на Бродвей; да я видел его на Бродвее; слушай, пойдем завтра на Брод», ну и так далее. На Бродвее были толпы молодежи, обсуждались какие-то дела, завязывались знакомства, проходили какие-то разборки, было много шпаны, приклатненных подростков и их старших товарищей, вернувшихся с зоны. Нам, тогда 15–16-летним подросткам, это дело страшно нравилось, мы вступали в новую жизнь.

Это вступление иногда было чревато. Я уже говорил, что в то время дружил с братом будущей Толиной жены Тани –

Климом Русановым. Это был очень бойкий и разбитной юноша, не то, что я. Через него, чисто визуально, я познакомился на Броде с одним подростком примерно моего возраста, которого часто встречал на Бродвее. Звали его Коляньюкой. 3-го мая 1961-го года поздно вечером я возвращался с Брода по Спартакoвскому мосту домой. Навстречу мне шла ватага таких же парней, что и я. Они спросили меня, как пройти к химзаводу (глупый вопрос, так как химзавод был сзади, и они шли от него). Но среди них я увидел Коляньюку, поэтому никаких подозрений у меня не возникло. Неожиданно они окружили меня и оттеснили в тот самый переулочек в начале Спартакoвского моста, в котором жили мои родственники по матери. Ну, а после этого, угрожая ножом, заставили меня снять пальто. Это был шок. Как же так? Ведь я же его знаю! Видимо, в темноте, да и вообще, какой я был ему знакомый, он не разглядел меня. Все протекало очень быстро, считанные минуты. Через пять минут мы погнались за ними с Борисом, троюродным братом моего брата Алексея, который в это время, гуляя с девушкой, оказался буквально рядом. Но было уже поздно.

На другой день заявление от моих родителей о случившемся было в милиции. Вы не поверите – через два дня меня вызвали в железнодорожное отделение милиции на привокзальной площади и вернули пальто. В его левом кармане даже сохранилась моя монета в 5 копеек. Вот так работали органы. Так что Толины строки *«И милиционер блатного / Ногами втапывал в асфальт»* соответствуют действительности. С этой публикой милиция не церемонилась, знала их притоны, вожжаков и все повадки. Много позже я прочитал роман «Вор» Леонида Леонова¹ о временах нэпа в Москве, и очень многое в нем напомнило мне времена моей юности.

Идем дальше. Толя пишет, что в это время он начал увлекаться живописью. И это все так. Ведь он учился в специализированном классе. Нас приучали не только к живописи, но и к стихам, литературе, языкам, спорту и это нас спасло.

¹ Леонов Л. М. Вор: Роман. – М.: Худож. лит., 1979. – 533 с.

Государство думало о молодом поколении, идущем на смену отцам.

Конечно, это было время первых влюбленностей. О Толиной первой любви, Наташе Смородниковой, написано в конце данного очерка, а о ее и Толиной семьях – чуть ниже. Сейчас же я скажу несколько слов о Наташе Липовской. Она жила в нашем доме в 5-м подъезде, а ее отец, Липовский Григорий Самуилович, был ни кем иным, как начальником Речного порта (1955–1964), в котором работали все наши родители. В интернете я нашел ссылку на его газетную заметку¹. Более подробную информацию о нем и вообще о Речном порте можно найти в уже упоминавшемся выше юбилейном издании². Липовский был очень демократичен, знал наших родителей и во дворе здоровался с ними, хотя, скажем, мой отец был самым рядовым рабочим.

Наташа была очень красивая девушка. Мы все, и я тоже, были в нее поголовно влюблены. У нее был младший брат Слава. Мне помнится какой-то дефект его нижней губы, возможно, след маленькой операции. Вскоре у Наташи появился молодой человек, мы его не знали. Высокий красивый парень. Потом они поженились. Много позже я узнал, что она развелась с мужем. Как сложилась ее жизнь дальше, я не знаю. Судя по заключительным процитированным строчкам, Толя иногда встречал Наташу на улице. Насколько я знаю, сейчас она живет на ул. Революции. Все прошло, но каждый год *«Опять листва, желтой лимона, / Кладет на грунт за слоем слой»*.

2. Вот еще один пример, который вызывает у меня много ассоциаций, так как связан с теми же местами, где когда-то бывал и я:

Я приезжал из Кривощечекова
через понтонные мостки,
взор, как растение высокое,
бросал на город тень тоски.
Боярышник колот иголками
и, двигаясь туда-сюда,

¹ Липовский Г. От пристани до современного порта. // *Вечерний Новосибирск*. 1961. 13 окт. – С. 2.

² Новосибирский речной порт. 100 лет. – Новосибирск: СЦДТ, 2007. – 256 с.

в реке пестрели треуголками
разнообразные суда...
Сады обмахивались веером,
в тени гудели комары,
с ума сходявшие конвейером
от расцветающей жары.
В такое время мне над Обью
в кайф собирать металлолом
с сооруженьем наподобие
великой девушки с веслом...
Как страстно грудь ее могучую
и бедер яростный размах
я штурмовал при первом случае
в кривых, заброшенных домах...
На рынке фрукты и баранина,
ревет в зверинце дикий лев,
сто раз влюбить в себя боярина –
мечта любой из местных дев.
И вновь на улице Чаплыгина
для жизни, загнанной в тупик,
луна насажена, как рыбина,
на молнии бандитских пик...
Шум стадиона водно-лыжного,
и гул закаменских пространств
сквозь звуки гимна, еле слышного,
легко меня вводили в транс.
Хотелось жить, не лая Моською, –
творить железные дела...
Ведь юность кажется громоздкой,
пока не выгорит дотла.
Я помню похороны Сталина
и Брежнева, а результат:
душа ничем не опечалена,
как в увольнении солдат
балдеет, глядя на закат¹.

Кривощцеково – деревня, изначально существовавшая на левом берегу Оби у того места, где был построен железнодорожный мост Транссибирской магистрали. В начале 50-х туда с правого берега можно было попасть только на электричке или, как тогда говорили, на «передаче». Сначала была остановка сразу после моста (кажется, Большое Кривощцеково), а

¹ Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 66.

вторая – уже в самом Кривощеково. Левый берег Оби – низкий и болотистый. Помню, в далеком детстве мы ездили с матерью в Кривощеково к ее подруге, такой же как мать крестьянке из деревни в Алтайском крае. К ее дому мы шли по деревянным мосткам, под которыми плескалась вода.

До того, как был построен коммунальный мост, для переправы на левый берег наводился понтонный мост. Он располагался в районе Нижне-Пригородной пристани, к которой вел Чернышевский спуск. Сама же пристань находилась примерно напротив железнодорожного вокзала, т. е. спуск шел от Владимирской улицы. Короче говоря, примерно в этом месте как раз и выстроен второй коммунальный мост (он называется «Димитровским» в честь Георгия Димитрова – генерального секретаря Болгарской коммунистической партии, проспект имени которого как раз выводит к этому мосту), резко сокративший дорогу в аэропорт Толмачево.

В районе пристани на приколе всегда болталось много разных лодок и мелких суденышек. Тем более что чуть ниже по течению, но уже на левом берегу был так называемый Затон. До переезда в 1949 году в Дом грузчиков Толя жил в Затоне. Там же жила и семья Смородниковых, в дочь которых, Наташу, Толя был позднее влюблен, и с которой в течение всей последующей жизни поддерживал самые добрые отношения.

Семьи Соколовых и Смородниковых жили в Затоне в одном доме и очень дружили. Отец Наташи, Смородников Денис Кузьмич был начальником сварочного цеха, а позднее – начальником сварочной службы Речного порта. Во время войны в Затоне при его участии варили торпедные катера, которые затем своим ходом спускались вниз по Оби, и Северным морским путем поступали на флот, действовавший в Баренцевом море. Он же участвовал в сварочных работах при наведении упомянутого выше понтонного моста. Мать Толи, Александра Николаевна, сойдя на берег, одно время работала кассиром на Нижне-Пригородной пристани (на фото среди коллектива сотрудников пристани в юбилейном

издании¹ она в 1-м ряду вторая справа, 1950-й год), а затем – бухгалтером в конторе Речного флота на Пристанском переулке, 5. Толин отец сразу после войны, но еще проживая в Затоне, учился в Речном училище. Для этого ему приходилось ходить зимой по льду через Обь на правый берег. В те времена ГЭС еще не было, и поэтому лед был достаточно прочным.

В Затоне на зиму скапливалось много различных катеров типа РБТ (Толя рассказал бы об этом лучше), которые летом рассредоточивались по правому берегу, так как на причалах Речного порта, где стояли порталные краны и постоянно шли погрузо-разгрузочные работы, места им не хватало.

В те годы было обычным делом поручать пионерам собирать металлолом, чем мы время от времени и занимались. Проблемы с этим не было – всюду можно было найти какие-то железяки, которые мы складывали на территории школы. Можно было собирать и самостоятельно. Если идти по Спартак-овскому мосту от Фабричной к Советской, то с левой стороны (не переходя Советскую) на пригорке располагался пункт приема металлолома. В обмен на сданные железные шутовины, которые взвешивались на весах, мы получали воздушные шары или какую-нибудь другую дребедень того же типа.

Гипсовые скульптуры девушки с веслом – неизменный атрибут спортивных объектов во времена нашего детства. Такая девушка стояла и на Водно-Лыжной станции, в районе которой мы жили. Теперь-то ясно, что эта девушка – очевидный плагиат скульптуры богини-охотницы Дианы с копьем в руках. Где Толя штурмовал могучую грудь и мощные бедра Дианы – неясно, но это и не так важно. В нашей округе кривых покосившихся домиков частного сектора было навалом. Вот где-то там, возможно, Толя и встречался с одной из первых своих девушек.

Центральный рынок Новосибирска на ул. Гоголя раньше назывался Ипподромским, так как чуть дальше, почти напротив него, располагался ипподром. Лошадей я уже не

¹ Новосибирский речной порт. 100 лет. – Новосибирск: СЦДТ, 2007. – С. 41.

застал, но еще долго сохранявшийся забор и ворота помню. Прямо напротив рынка долгое время располагался зоопарк. Там-то и ревели львы. Потом с большим трудом, по частям, зоопарк переселили на край города в район Ботанического жилмассива. Новосибирский зоопарк считается одним из лучших в России. Одно время в нем работал зам. директора по хозяйственной части мой друг по 99-й школе Леша Чебыкин. Он учился в классе на год младше меня и, как и я, был заядлым спортсменом.

Следующей за улицей Чаплыгина, если идти к центральной площади, является ул. Горького. На ее пересечении с Красным проспектом раньше находился книжный магазин (он сохранился, и теперь называется «Плиний Старший»). Напротив магазина вдоль ул. Горького до ул. Советской простирался Первомайский сквер, который со стороны Красного проспекта завершался фонтаном. Вспоминаю такой случай. Примерно в этом месте во времена моего детства стояла какая-то афишная тумба. Как-то зимой, будучи подростком лет 10–12, я по малой нужде зашел за нее и стал делать свое дело. В растаявшем снегу я вдруг увидел бандитскую пику – тонкий металлический стилет, напоминающий короткую рапиру с острым концом и деревянной ручкой. Видимо, спасаясь от преследования милицией, какой-то представитель воровской среды выкинул ее как возможную улику. Я принес ее домой и в этот же день выменял ее своему соседу по бараку Вите Налимову на какой-то бесполезный деревянный меч.

Оказывается, похороны Сталина запомнил не только я, но и Толя¹. Это действительно было грандиозное событие, которое отложилось в памяти даже у детей. Постоянно гудели заводские гудки. Повсюду висели траурные красно-черные флаги. Что касается похорон Брежнева, то я их помню слабо, не тот масштаб. А вот похороны Ворошилова в 1969 году помню. Их показывали по телевизору, и они произвели на меня впечатление. В это время я уже был в армии, в которой отслужил два года после института.

¹ Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 66.

2.7. Размышление о прожитом

Толина жизнь, как у всякого большого поэта, складывалась трудно. Сначала 11 лет в школе, потом один год в Сибстрине, три года службы в армии, четыре года учебы в пединституте и последующие два года – работа по распределению учителем в райцентре Кочки Новосибирской области. Вот тебе уже и почти 30 лет, а к систематическому творческому процессу ты, как говорится, еще и не приступал. Отсюда достаточно поздние защита диссертации (1984) и участие в первом коллективном сборнике стихов – «Гнезде поэтов»¹.

Всю жизнь Толя преподавал в различных вузах Новосибирска (если не изменяет память – в институтах народного хозяйства, водном, торговом и, кажется, медицинском), в последние годы – в НИСКТ (Новосибирский институт советской кооперативной торговли, сейчас он называется по-другому). В этом институте в 1978–1982 гг. работал и я.

Ни в одном из перечисленных институтов не было Ученых советов по защите диссертаций по философским наукам. Только экономические и педагогические специальности. На мой взгляд, Толя совершает подвиг, подготовив и защитив без всякой поддержки со стороны коллег по работе диссертацию на кафедре философии и научного коммунизма НГУ. Кто писал диссертации, знает, что это такое – защищать диссертацию не в том институте, который окончил.

Итак, Толе уже 38 лет, но творческой среды, которая бы его окружала каждый день, по-прежнему практически нет (я имею в виду – именно на работе, именно философскую среду). Все время один, и только постоянная работа мысли, постоянный труд, труд в одиночестве, все через не могу, через усилие. Все это накладывается на перемены в стране, приближающуюся катастрофу 1991-го года. И только поэзия дает стимул к жизни. Поэзия, которая никогда не изменит, не предаст, которая будет с Толей до конца.

¹ Гнездо поэтов: Сборник стихов. / Сост. В. А. Берязев. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1989. – 256 с.

В жизни у разных людей все складывается по-разному. Кому-то, неизвестно почему, постоянно везет, все как-то идет удачно – и в семье (любящая жена, устроенный быт, дети), и по работе (благоволит начальство, продвижение по должности, звания, ордена и медали), и т. д. А у другого, наоборот, – нет лада в семье, на работе все как-то не так (все, с кем вместе начинал, уже где-то впереди, а тебе нигде не светит), а ведь ты тоже человек, тебе тоже хочется любви, ласки, успеха, уважительного отношения. Но их нет. Точнее, может и есть, но это не то уважение, которое ты заслуживаешь по праву.

Недавно я наткнулся на рассказ Владимира Маканина «Ключарев и Алимущкин»¹. Рассказ несколько холодный, что-то вроде констатации неизбежности судьбы – тебе, мол, дано, а тебе – нет. Ключареву везет, он даже особо ни о чем не горюет, все само идет в руки. А Алимущкину – нет. Ему постоянно во всем не везет, все у него валится из рук. Вроде Ключарев ему и хочет помочь, но все это так, бесполезное дело.

Не хочу проводить параллелей, но примеры у меня перед глазами. Я учился в НЭТИ. Женя Ш., мой хороший знакомый по совместной увлеченности поэзией, окончил физтех НЭТИ, женился на Оле В. Я ее тоже знал, так как в студенческие годы она жила в общежитии в одной комнате с девочками из моей группы. После окончания вуза Женя и Оля жили на частной квартире в районе ГПНТБ. Оба любили поэзию, знали много стихов, имели много книг, кругом были друзья и поклонники. Потом на много лет я их потерял из виду. И вдруг в конце 80-х – начале 90-х узнаю, что Женя так и работает на той же кафедре на физтехе, где учился, никуда не продвинулся, не защитил диссертацию, уже без семьи, простой инженер, без степени, нищенская зарплата, но где-то внутри – все та же безответная любовь к поэзии, покорность судьбе, неспособность что-то изменить в своей жизни. Когда Ключарев пришел к Алимущкину домой (тот уже сильно бо-

¹ Маканин В. С. Повести и рассказы. – М.: Худож. лит., 1988. – С. 320.

лел), то спросил, чем же он занимается. Тот виновато посмотрел на него и ответил, что вот, мол, разбирает шахматные партии. Вскоре Алимужкин умер.

Такова жизнь. Очень многое решают стартовые условия. При прочих равных условиях успех, как правило (не всегда), бывает там, где по жизни присутствуют не самое низкое социальное происхождение, затем престижный вуз (МГУ, МГИМО и т. п.), соответствующее окружение. Если какой-то из этих составляющих нет, все бывает гораздо сложнее. Вот, например, как складывалась жизнь крупнейшего поэта рубежа XVIII–XIX веков Ивана Дмитриева:

Служебные повышения Дмитриева происходили без его к тому стремления. Карьера его никогда не увлекала; чинов он не искал, высоких постов и наградений не испрашивал, мечтая о «спокойной независимости». Оба возвышения произошли по причине благосклонности к нему сначала Павла [...], а затем Александра¹.

Н-да, высокие покровители. Учтем также, что Дмитриев родился в Симбирской губернии, в старинной дворянской семье, культурной и богатой. У Толи сложилось так, как сложилось. Он далеко не из тех слабых духом, о некоторых из которых я только что сказал, но многое из задуманного Толей (докторская диссертация, книги, широкое общественное признание) так и осталось в потенции. Всего этого могло быть гораздо больше. Он этого заслуживал, но был невероятно скромн, трудолюбив, предан своим идеалам и неприятелен в жизни. У Толи были прекрасные друзья по литературному цеху, которые его помнят и никогда не забудут. Не забудем его и мы, друзья его детства и юности. Это о Толиной жизни, его поэзии, выраставшей из повседневных забот и тягот, сказала Анна Ахматова:

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,

¹ Дмитриев И. И. Сочинения. – М.: Правда, 1986. – С. 7.

Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне¹.

21 января 1940 г.

Стихотворение написано в Толин день рождения, хотя и не в год его рождения, но какой символический смысл в дате написания.

¹ Ахматова А. А. Сочинения в двух томах. Том 1. – М.: Правда, 1990. – С. 277.

Глава 3

ПОЭЗИЯ А. СОКОЛОВА

Толино творчество давно привлекает внимание читателей и находится в поле зрения литературной критики. Я приведу высказывания специалистов по этому вопросу, а также изложу свое, пусть в чем-то непрофессиональное, впечатление от чтения стихов А. Соколова. На уровень анализа поэтических текстов, предлагаемого М. Л. Гаспаровым¹ или, скажем, В. В. Кожинным², я не претендую.

3.1. Статистика публикаций

Представить в полном объеме все разнообразие творческого наследия Анатолия Соколова я не в силах и не ставлю перед собой такой задачи. Для этого надо владеть его архивом, проследить все его публикации в различных изданиях, собрать стихи, подаренные друзьям и даже неопубликованные, и т. д. Поэтому ограничусь доступной мне информацией, дающей достаточно полное представление о Толином творчестве.

Далее я использую нумерацию в квадратных скобках [1]–[37] Толиных публикаций, полное библиографическое описание которых дается в конце книги в разделах 6.1–6.3 главы 6 «Библиография».

¹ Гаспаров М. Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. – СПб., 2001. – 480 с.

² Кожин В. В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта. – М.: Советская Россия, 1976. – 88 с.

Сборники стихов. Существует восемь прижизненных сборников (три коллективных, остальные пять – авторские), в которых напечатаны стихи Анатолия Соколова. Два из них, «Ось бытия»¹ и «В свободном полете»², являются вторичными, и далее я их не рассматриваю. В остальных шести сборниках наряду с новыми воспроизводятся стихи из предыдущих сборников. Если произвести подсчет, то вырисовывается картина, представленная в табл. 1.

Таблица 1.

**Распределение корпуса стихов А. Соколова
по прижизненным изданиям сборников [1]–[6].**

На диагонали – количество новых стихов в соответствующем сборнике, в строке – количество заимствованных стихов из предыдущих сборников (по времени самой первой публикации в соответствующем сборнике)

Название сборника	Год изд-я	Заимствования из предыдущих сборников						
		[1]	[2]	[3]	[4]	[5]	[6]	Всего
[1] «Гнездо поэтов»	1989	22						22
[2] «Спартаковский мост»	1990	21	13					34
[3] «Крепость»	2001	12	8	80				100
[4] «Невразумительные годы»	2004	-	-	-	31			31
[5] «Материк»	2006	14	11	45	30	24		124
[6] «Осенние птицы»	2009	1	-	4	6	4	42	57

Суммируя числа на диагонали табл. 1, получаем 212 стихотворений. Таково общее число неповторяющихся стихотворений во всех сборниках. Поясним табл. 1 на примере сборника «Материк». В соответствующей строке показано, что в данном сборнике, наряду с 24 оригинальными стихотворениями, представлены 14 стихотворений из «Гнезда поэтов», 11 – из «Спартаковского моста», 45 – из «Крепости» и 30 – из «Невразумительных годов». Согласно табл. 1 также заключаем, что:

¹ Ось бытия: Сб. стихов. – Новосибирск: РИЦ «Новосибирск» при Новосиб. отд. Союза писателей России, 2006. – 248 с.

² В свободном полете: Сб. стихов. – Новосибирск: РИЦ «Новосибирск» при Новосибирском отд. Союза писателей России, 2007. – 248 с.

- «Спартакровский мост» почти полностью составлен из стихотворений «Гнезда поэтов» (21 из 22);
- «Крепость» содержит максимальное число новых стихотворений (80) по сравнению с другими сборниками;
- «Невразумительные годы» полностью состоят из не публиковавшихся ранее (не считая журнальных публикаций) стихотворений. Практически полностью (30 стихотворений из 31) этот сборник вошел в сборник «Материю».

С другой стороны, анализ стихотворного корпуса из 212 стихотворений выявил некоторые редакционные погрешности, а также авторские переработки некоторых стихотворений, которые сводятся к следующему:

- В стихотворении «*В землянках тряпают олады или драники...*» [3, с. 41] помещены две почти повторяющиеся строки:

Возвышенный обман дороже истин.

Обман дороже тьмы ничтожных истин.

Наличие двух этих строк вместо одной нарушает архитектуру стихотворения (13 строк вместо 12-ти, т. е. это уже не 3 четверостишия (катрена¹)). Вторая из этих строк – ошибочная. Эта ошибка повторилась и в [5, с. 177]. Ошибка замечена и исправлена А. Соколовым при публикации стихотворения в «Северной Авроре»², ставшей посмертным изданием.

- Стихотворения «*Постой, землячок, артефакт, инвалид и подранок...*» в [3, с. 91] и «*Постой, озираясь беспомощно, свежий подранок...*» в [5, с. 133] являются вариантами одного стихотворения, отличаясь шестью строками из 24-х, включая первые строки каждого из них.
- Стихотворения «*Ощетинилось зимнее утро гудками...*» [3, с. 125] и «*Ощетинилось дымом лицо городское...*» [5, с. 134] отличаются числом катренов: в первом из них 6 катренов, а во втором – 7, при этом последние 4 катрена в каждом из них совпадают. Автор удлинил второе стихотворение на один катрен, полностью изменив и первый катрен, хотя минимальное сходство первых строк обоих стихотворений сохранилось.
- Тексты стихотворения «*Вдруг звон колокольный с звонками пустого трамвая...*» в [3, с. 38] и [5, с. 68] отличаются двумя строками, а именно, строки: «*Преследуют страхи в последние ночи и дни*» и «*Любивший и преданный бывшей женой за авто*» заменены соответственно

¹ Катрен [франц. quatrain] – законченная по смыслу отдельная строфа из четырех строк. Далее я позволю себе ради лаконичности изложения несколько отступить от классического понимания термина, называя катренами рифмованные четверостишия внутри больших строф.

² Соколов А. Е. Незаконные звезды. // *Северная Аврора*. 2010, № 12. – С. 200.

строчками: *«И страхи растут, будто близятся судные дни»* и *«Любившей разыгрывать подданных в духе Ватто»*.

- Стихотворение *«В трезвон колокольный с звонками пустого трамвая...»* в [6, с. 4] получено переработкой стихотворения *«Вдруг звонок колокольный с звонками пустого трамвая...»* в [5, с. 68], а именно, две первые строки в новом стихотворении отличаются от начальных строк в [5, с. 68]; кроме того, после первых восьми строк стихотворения [5, с. 68] в [6, с. 4] сделана дополнительная вставка из четырех строк и вместо строчки: *«Любившей разыгрывать подданных в духе Ватто»* в [6, с. 4] появляется строчка: *«Где папа в шинели и мама в тяжелом пальто»*. Наконец, если в [5, с. 68] посвящения не было, то в [6, с. 4] появляется посвящение Василию Соколову.
- Первая строчка стихотворения *«Дайте пилюли и спирт для души заболевшей...»*, представленного в [4, с. 52], а затем и в [5, с. 190], ошибочно воспроизведена в антологии [11, с. 417] как *«Дайте пилюлю и спирт для души заболевшей...»*. Первая строка стихотворения *«Мы в любви давно уже не ассы...»* [4, с. 38] воспроизведена в [5, с. 146] как *«Мы в любви давно уже не асы»*. Возможно, это связано с авторской редакцией, так как современным общепринятым написанием считается слово «ас».
- Первые шесть строк стихотворений *«Как серый налим, замороженный сетью в Нарыме...»* в [4, с. 47] и *«Как старый налим, замороженный сетью в Нарыме...»* в [6, с. 48] совпадают с точностью до двух слов, однако далее они полностью отличаются: в общей сложности первое из них содержит 20 строк, а второе – 40 строк.
- В сборнике «Материк» стихотворение *«Из недр дождливого простора...»* приводится дважды – [5, с. 149, 198].
- Заявленное в Содержании [6] в разделе «Из прежних книг» стихотворение *«В трезвон колокольный с звонками пустого трамвая...»* [6, с. 69] на самом деле таковым не является, так как оно уже есть в этом сборнике [6, с. 4]. Вместо 'этого ошибочно так названного стихотворения в сборнике приводится стихотворение *«От старости стала душа дальноркой...»*, которое я ни в одном сборнике, в том числе и среди журнальных публикаций, не обнаружил. Следовательно, это новое стихотворение. Это обстоятельство учтено при составлении строки «Осенние птицы» в табл. 1.
- В первой строке *«Мне однажды привиделось: в город, какдушный чулан...»* стихотворения, посвященного Андрею Чернову [6, с. 53], допущена неточность – пропущен предлог «в» перед словом «душный».

По-моему, должно быть так: *«Мне однажды привиделось: в город, как в душиный чулан».*

- В стихотворении *«На голове, обросшей мыслями...»* [4, с. 51] есть две подряд идущие строки:

*Вожди немслящих машин,
У каждого кривой аршин...*

Второй из них в версии стихотворения, опубликованной в [5, с. 181] и на Проза.ру¹, нет, что естественно, так как после ее удаления получаем нормальное восьмистишие, второе по счету в этом стихотворении. Но, возможно, Толя на момент первой публикации еще не выбрал из двух вариантов нужную строку... А может быть, речь идет о редакционном недосмотре при подготовке книги.

- Стихотворение *«День без крошки во рту, и в кармане шаром покати...»* в [3, с. 11] является доработкой стихотворения, впервые опубликованного в «Мангазее», 1995, № 3, с. 124 и содержащего две строфы. В моем распоряжении имеется этот номер журнала, подаренный мне Н. Смородниковой. В нем рукой автора дописаны две последние строфы, появившиеся в [3, с. 11].

Другие сборники, антологии и альманахи. Помимо перечисленных в табл. 1 сборников [1]–[6] стихи А. Соколова опубликованы в коллективных сборниках «Ось бытия» (2006) [7], «В свободном полете» (2007) [8], в антологиях «Русская поэзия. XX век: Антология» (1999) [9], «Русская поэзия. XXI век: Антология» (2010) [10], «Поэты “Сибирских огней”. Век XXI: Поэтическая антология» (2012) [11] (в ней представлены 25 лучших стихотворений А. Соколова из сборников [1]–[6]) и в альманахах «Каменный мост» (2006–2007) [12], «Мангазее» (1990) [13], «Мангазее» (1993) [14], «Мангазее» (1995) [15], «Сибирские Афины» (2002) [16].

Публикации в журнале «Сибирские огни». Как правило, еще до издания стихов в поэтических сборниках Анатолий Соколов регулярно печатал свои новые стихи в «Сибирских огнях» (сокращенно «СО»). Информация об этих публикациях [17]–[37] приводится в табл. 2. Отметим, что специальный выпуск «СО», 2015. – С. 130–134 [36], повторя-

¹ Соколов А. Е. На голове, обросшей мыслями. // <http://www.proza.ru/avtor/sotoll46,17.09.2009,12:39>.

ет «СО», 2014, № 12 [35]. Помимо собственно стихов, в табл. 2 отмечены три критических статьи: «Приговоренный к любви» [20], «Пушкин – это наше все или... ничто?» [29], «Заметки о фестивале поэзии» в подборке «Мороз и солнце» – дни чудесные» [30], а также одно эссе «О Геннадии Абольянине» [34].

Таблица 2.

Публикации А. Соколова в «Сибирских огнях»

№ п\п	Год	№	Название подборки
[17]	1989	7	«Шестидесятники»
[18]	1999	1	«Вместе с родиной доброй и нищей...»
[19]	2000	2	«Мы – каракули Бога...»
[20]	2000	5	Приговоренный к любви (Заметки о поэзии Александра Денисенко)
[21]	2001	6	«Пока танцует дворник возле булочной...»
[22]	2002	5	Шрам на снегу
[23]	2003	9	«Не поддаваясь зависти и злобе...»
[24]	2004	3	«Не берет любовь военнопленных...»
[25]	2005	1	«Пахнет в Аиде лесной земляничкой...»
[26]	2006	1	«Дорогая, давай летаем...»
[27]	2007	1	Возвращение Бонапарта
[28]	2007	9	Хам торжествующий
[29]	2007	9	«Пушкин – это наше все или... ничто?» (критика)
[30]	2008	2	Заметки о фестивале поэзии (критика)
[31]	2008	6	«Когда наедине с самим собой...»
[32]	2009	6	Казино «Князь Игорь»
[33]	2010	1	На вздрогнувшем холсте
[34]	2010	3	О Геннадии Абольянине (эссе)
[35]	2014	12	«Горожанка тоскует в грозу...»
[36]	2015	с/в	«Горожанка тоскует в грозу...»
[37]	2016	4	«Вместе с песней умного молчанья...»

Теперь обратимся к публикации [33], т. е. к «Сибирским огням», 2010, № 1. Она содержит 13 стихотворений, восемь из которых заимствованы из «Осенних птиц», а пять являются новыми. Незадолго до этого они были выложены А. Соколовым на Прозе.ру. Вот первые строки этих стихотворений (в скобках указана дата публикации на сайте):

- 1 «О чудной Елене в квартире пустой затоскую...» (18.11.2009)
- 2 «Октябрь, ноябрь... Календарь неизбежно закончится...» (07.11.2009)
- 3 «Из леса попадешь однажды в Дом ученых... » (24.11.2009)
- 4 «Вдруг истина явит себя в существе мутноглазом...» (18.11.2009)
- 5 «Глина в чутких пальцах у Валерия, словно птица, дышит и поет...» (посв. Валерию Кузнецову) (01.12.2009)

Таким образом, в творческом активе А. Соколова теперь насчитывается $212+5=217$ стихотворений.

В результате анализа архива А. Соколова, предоставленного его вдовой Еленой Салиной, редакцией «Сибирских огней» были обнаружены и напечатаны в «СО», 2016, № 4, т. е. в [37], восемь стихотворений. Вот их начальные строки:

1. «В детском сне городская окраина, порт речной и бараков разброд...»
2. «Ты рано выходишь в проснувшийся сад...»
3. «Полюбил легионы дождя я, наверно, за то...» (посв. Галине Петровне Лазарчук)
4. «Словно фильм режиссера Кустурицы, под откос разгоняется сон...»
5. «Пока не завершается предзимье...»
6. «В полдень лес горячий, словно домна...»
7. «Агония лета. Нет слов для отчета...»
8. «И отрок ревет, разлюбив новогоднюю елку...»

Однако стихотворение «В детском сне городская окраина, порт речной и бараков разброд...» уже было опубликовано 15 декабря 2009 г. на сайте Проза.ру. Со стихотворением «Словно фильм режиссера Кустурицы, под откос разгоняется сон...» история более сложная. А. Соколов зарегистрировал на интернет-ресурсе Проза.ру авторскую страницу¹ 6 августа 2009 года, и успел до дня ухода из жизни опубликовать на ней 162 стихотворения. Воспользуемся теперь этой страницей.

¹ <http://www.proza.ru/avtor/sotoll46>

Опубликованное в [37] стихотворение «Словно фильм режиссера Кустурицы...» содержит 8 строк. Назовем его *Редакцией 1*. Однако *Редакция 1* уже была выложена А. Соколовым на Проза.ру 7 января 2010 г. под названием *Новый вариант старого*, и поэтому ее нельзя считать неопубликованным до 2016 года стихотворением.

В письмах ко мне (см. далее раздел «Письма о поэзии») от 6 и 7 декабря 2009 г. А. Соколов приводит еще две версии этого стихотворения с той же начальной строкой, содержащие 10 и 14 строк. Назовем их соответственно *Редакцией 2* (10 строк) и *Редакцией 3* (14 строк). 5-го декабря 2009 г. А. Соколов выложил на Проза.ру *Редакцию 3*, назвав ее *Новой редакцией*. Поэтому и она не является неопубликованным стихотворением. Обе *Редакции – 2 и 3* – сильно отличаются друг от друга.

В письме от 15 декабря 2009 года А. Соколов сообщает мне еще одну версию рассматриваемого стихотворения, содержащую 30 строк. Назовем ее *Редакцией 4*. Таким образом, мы имеем четыре версии примерно одного сюжета с одинаковой первой строкой, но сильно отличающиеся как количеством строк, так и самим их содержанием. В сухом остатке имеем следующее:

Редакция 1 – новое стихотворение, 8 строк (Проза.ру, 7 января 2010 г.).

Редакция 2 – неопубликованное стихотворение, 10 строк (письмо, 6 декабря 2009 г.).

Редакция 3 – новое стихотворение, 14 строк (Проза.ру, 5 декабря 2009 г.).

Редакция 4 – неопубликованное стихотворение, 30 строк (письмо, 15 декабря 2009 г.).

Итак, *Редакции 1 и 3* – это новые, хотя и ранее опубликованные на сайте Проза.ру стихотворения, которые нужно добавить к числу базовых. Таким образом, учитывая восемь стихотворений из [37], в итоге имеем $217+8=225$ оригинальных стихотворений.

Приведу *Редакцию 1* этого крайне интересного стихотворения, чтобы можно было не только сравнить все четыре его версии, представленные далее в разделе «Письма о поэзии»,

но и продемонстрировать этим примером, как работают с текстом большие поэты:

Словно фильм режиссера Кустурицы, под откос разгоняется сон
 Пассажира с Октябрьской улицы под безумные вопли ворон.
 Не сюжет, а сплошная нелепица, безобразие, вымысел, сор...
 Как монады философа Лейбница, мы друг друга не видим в упор.
 Есть в России эффект андеграунда после мора, войны и чумы.
 Райской жизни китайская грамота погружает в смятенье умы.
 И у каждого храма встречается не Горгона, так сумрачный Вий,
 И, наверное, впору отчаяться, если б не было Божьей любви¹.

Публикации на сайте Проза.ру. Проанализировав целиком весь корпус из 162 стихов на Проза.ру, я обнаружил, помимо двух упомянутых выше («В детском сне городская окраина, порт речной и бараков разброд...» и «Словно фильм режиссера Кустурицы, под откос разгоняется сон...», *Редакция 3*), еще пять новых стихотворений (в скобках указаны даты внесения стихотворений на сайт):

1. «Дожил без всяких проволочек поэт до сорока семи...» (01.11.2009).
2. «Опять на метро от Студенческой мчишься без цели...» (19.12.2009).
3. «Ночь в шубе, сшитой из ондатр...» (15.01.2010).
4. «Легкомысленный март начинает веселый сезон...» (20.02.2010)
5. «В листок календарный мужины впиваются зорко...» (25.02.2010).

Таким образом, с учетом *Редакции 3*, на Проза.ру опубликовано $1+5=6$ пока неучтенных нами стихов, которые остаются неопубликованными в печатных изданиях до сих пор. Следовательно, всего имеем $225+6=231$ стихотворение А. Соколова. Отмечу, что стихотворение «Дожил без всяких проволочек поэт до сорока семи...» с посвящением Станиславу Михайлову Анатолий прислал мне в письме от 3 ноября 2009 г., т. е. через два дня после того, как выложил его на сайте.

Подводя итог, отмечу, что *Редакция 2* и *Редакция 4* остались не представленными на Проза.ру и поэтому являются неопубликованными до сих пор стихотворениями А. Соколова.

Другие публикации. В альманахе «Мангазея», № 1 за 1990 год мне удалось обнаружить еще одно стихотворе-

¹ Соколов А. Е. «Вместе с песней много молчанья...»: Стихи. // *Сибирские огни*. 2016, № 4. – С. 26.

ние, которое не публиковалось больше ни в одном из других журналов:

Начинает кавалерия испытание клинков,
Из-под стражи лицемерия выпуская дураков.
Первый маршал указание произносит, как приказ,
К высшей мере наказания приговаривая нас.
Без сочувствия казенного с соловьями острых шпор
Слуги лютого Буденного исполняют приговор.
И без тел в могилах братских на окраине страны
Наши головы дурацкие навсегда погребены¹.

Таким образом, общее число известных и опубликованных стихов А. Соколова становится равным $231+1=232$. Окончательное число оригинальных стихотворных текстов А. Соколова с учетом неопубликованных стихотворений будет подведено в разделе «Неопубликованные стихи».

3.2. Ядро корпуса стихов А. Соколова

В прижизненных сборниках, к которым добавим антологии и альманахи [9]–[15] и все известные нам журнальные публикации (их список приводится в конце книги), А. Соколов, как это общепринято, повторял публикации своих стихотворений. Поэтому общее число публикаций, конечно, превышает базовое число 212, полученное нами выше.

Проследим распределение всех 212 публикаций, сгруппировав их по сборникам и частотам повторяемости тех или иных стихотворений. В результате придем к там называемому ранговому распределению² публикаций А. Соколова, представленному в табл. 3. Сразу отметим, что стихи из последних сборников хронологически находятся в менее выгодной позиции – по воле автора они уже не могли печататься после 2010 года.

Поясним смысл табл. 3. Первая строка, например, показывает, что из общего числа 212 стихотворений 49 опубликованы только один раз, причем из нее видно, какое количе-

¹ Мангазая: Литературно-художественный альманах. Вып. 1. – Новосибирск, 1990. – С. 21.

² Григорьев Ю. Д., Мартыненко Г. Я. Последовательности типа Фибоначчи. – СПб.: Лань, 2017. – 516 с.

ство и из какого сборника эти стихотворения (хотя и неясно, какие именно). Аналогичный смысл имеют и остальные строки. Стихи, образовавшие первую строку, на данный момент можно назвать *периферией*. Стихотворения, с частотой публикаций 5 и 6 образуют *ядро* корпуса Толиных стихов. Их насчитывается 12. Их перечень я опускаю, так как приведу аналогичный результат, но для ядра, полученного для более общего случая.

Таблица 3

Ранговое распределение 212 публикаций Анатолия Соколова по сборникам

Частота	Названия сборников, где впервые опубликовано соответствующее стихотворение						Всего
	«Гнездо поэтов»	«Спартаковский мост»	«Крепость»	«Невразумительные годы»	«Материк»	«Осенние птицы»	
1	3	4	26	1	7	8	49
2	5	2	31	4	9	33	84
3	3	6	16	8	6	1	40
4	9	0	5	12	1	0	27
5	2	1	1	5	1	0	10
6	0	0	1	1	0	0	2

Рассмотрим теперь массив всех *прижизненных* публикаций А. Соколова, включающий все доступные нам сборники, антологии, альманахи, журналы и газеты, в которых печатались его стихотворения. С этой целью к уже введенной системе обозначений:

- [1]–[6] – сборники, перечисленные в табл. 3 в том же порядке;
- [7] – сборник «Ось бытия»;
- [8] – сборник «В свободном полете»;
- [9] – «Русская поэзия. XX век: Антология», 1999;
- [10] – «Русская поэзия. XXI век: Антология», 2010;
- [12] – «Сибирские Афины»: Альманах. – Томск, 2002;
- [13] – «Каменный мост»: Альманах. – Томск, 2006–2007,

дополнительно введем следующие обозначения (полное описание соответствующих изданий приводится в главе 6):

- [СО, год, номер] – журнал «Сибирские огни»;
- [СГ] – журнал «Сибирская горница», 2000, № 3;

[ДН] – журнал «День и ночь», 2003, № 3–5;

[Н, год, номер] – журнал «Новосибирск»;

[ВН, год] – газета «Вечерний Новосибирск».

Пусть $f(k)$ – количество публикаций того или иного стихотворения, имеющего частоту k . Результаты вычислений для максимальных частот $k=6, 7$ и 8 , представленные в табл. 4, оказались следующими:

$$f(8)=3, \quad f(7)=3, \quad f(6)=7.$$

Это означает, что среди 212 стихотворений нашлось три стихотворения, которые при жизни поэта публиковались 8 раз, три стихотворения – 7 раз, семь стихотворений – 6 раз и т. д. Таким образом, ядро Толиных публикаций составляют $3+3+7=13$ стихотворений, представленные в табл. 4. При желании ядро можно расширить за счет $f(5)$ стихотворений, публиковавшихся по 5 раз.

Таблица 4

Ядро корпуса стихов А. Соколова. Частота публикаций до 2010 года

1. «Двуногое в перьях во тьме...»	[3][5][6][7][8][С0,2000, 2][СГ][ДН]	8
2. «Пока танцует дворник...»	[4][5][6][7][13][С0,2001, 4][ВН,2001][ДН]	8
3. «Невертепж душе от русских...»	[4][5][8][10][12][13][С0,2003, 1][ВН,2002]	8
4. «На набережной встряхивают...»	[4][5][6][13][С0,2001, 3][Н, 2003, 3][ВН,2001]	7
5. «Мокрый день, и снежная крупа...»	[4][5][6][10][С0,2002, 3][ВН, 2001][ДН]	7
6. «Старый друг позвонит...»	[1][2][3][5][6][7][ДН]	7
7. «Перелетных сегодня ревнуют...»	[1][2][3][5][9][С0,1989, 3]	6
8. «Пока долгоиграющая вьюга...»	[4][5][6][8][ВН,2000][СГ]	6
9. «Ледяным, мохнатым зимним...»	[4][5][6][8][10][С0,2002, 4]	6
10. «Жестоко в городе январском...»	[4][5][6][10][С0,2002, 4][ВН, 2002]	6
11. «Методично сахарная пудра...»	[5][6][8][13][С0,2006, 5][ВН, 2006]	6
12. «Под березкой худой...»	[4][5][8][10][С0,2001, 2][ВН, 2001][ДН]	6
13. «Свеча. Бумага. Бормотуха...»	[4][5][8][12][Н,2003, 2][ВН, 2002]	6

Анализ табл. 4 позволяет сделать следующие выводы:

- Наибольшее количество стихотворений, представляющих ядро, 9 из 13, дает сборник «Невразумительные годы» (2004), два стихотворения делегирует сборник «Гнездо поэтов» и по одному – «Крепость» и «Материк». Дальнейший подсчет показывает, что $f(5) = 18$ стихотворений с частотой 5 распределяются по сборникам так: «Гнездо поэтов» – 6,

- «Спартакoвский мост» – 1, «Крепость» – 3, «Невразумительные годы» – 8. Таким образом, ядро возрастает до 31 стихотворения, при этом в совокупности наибольшее количество «ядерных» стихов дает сборник «Невразумительные годы» (17), затем идут «Гнездо поэтов» (8), «Крепость» (4), «Спартакoвский мост» и «Материк» – по 1. Сборник «Осенние птицы» не дает «ядерных» стихов. Эти результаты вполне ожидаемы, так как «Невразумительные годы» приходится на период наивысшего творческого подъема поэта, а до 2010 года еще далеко. «Осенние птицы» являются последним сборником А. Соколова, и стихи из этого сборника хронологически находятся в самом невыгодном положении. С другой стороны, отметим, что хотя Толины публикации в том же альманахе «Мангазея» и относятся к 90-м годам прошлого века, ни одно из опубликованных в нем стихотворений не вошло в ядро. Это означает лишь одно – с годами мастерство поэта А. Соколова возрастало.
- Если убрать все журнальные публикации, то на единоличное первое место выходит посвященное Е. Лазарчуку стихотворение «Старый друг позвонит из глубинки...». Это стихотворение входит во все Толины сборники за исключением сборника «Невразумительные годы» (2004), который вообще не содержит более ранних стихов. В этом отношении данный сборник является уникальным. Близким к нему в этом отношении является «Гнездо поэтов», но это вообще первый (коллективный) сборник стихов в Толиной творческой биографии.

Публикации после 2010 года (см. главу «Библиография») не окажут заметного влияния на полученные результаты. Это показывают сделанные мною подсчеты. Анализ состава этих публикаций может быть интересным с точки зрения того, какие стихотворения в творческом наследии А. Соколова являются приоритетными на взгляд редакторов, готовивших эти подборки. Нас же в первую очередь интересует, каким своим произведениям отдавал предпочтение именно автор.

Кратко остановимся на некоторых стихотворениях, входящих в ядро, а также на некоторых других интересных стихотворениях с прижизненными частотами 4 и 5. Это позволит нам ощутить основные тональности Толиного творчества, проходящие красной нитью через большинство других его стихов. Анализ входящих в ядро стихотворений «Невтерпез душе от русских песен...», «Методично сахарная пудра...» и «Мокрый день, и снежная крупа...», я отнесу в другие разделы (последнее – в раздел «Стихи о любви»), где им будет

уделено особое внимание. Но прежде чем перейти к анализу, сделаем одно замечание общего характера, принадлежащее А. Соколову¹ и высказанное им в статье, посвященной поэзии А. Денисенко:

Настоящие стихи бесконечны по смыслу. Их опасно расшифровывать, рационально объяснять – они от такой процедуры умирают. В них надо вживаться, вчувствоваться.

Подвергая в дальнейшем содержательному анализу отдельные стихотворения А. Соколова, будем всегда помнить об этом замечании.

«Двуное в перьях во тьме прокричит кукареку...»². Частота 10 (8 – до 2010 г., 2 – после 2010 г.) Стихотворение посвящено сыну Васе. Оно состоит из пяти катренов, среди которых четыре рифмуются перекрестной рифмой, а один – смежной. Именно это катрен делит стихотворение в пропорции $3/5=0.6$, что соответствует золотому сечению. Это признак гармоничной структуры стиха. Если же говорить о его содержании, то основная его тема – передача настроения тоски и глубокой жалости к умирающей деревне, которую автор знал в детстве, когда еще были живы его отец и мать. Все изменилось, быллой деревни уже нет. Что-то есенинское, но абсолютно самобытное.

«Пока танцует дворник возле булочной...»³. Частота 9 (8 – до 2010 г., 1 – после 2010 г.). Это стихотворение является исключительно сложным в техническом отношении – в нем имеется несколько аллюзий, обращений к реальным биографическим фактам, конкретной топонимике Новосибирска и даже указание на место и время написания стихотворения. Об упомянутом здесь Гаршине, прыгнувшем с крыши, говорится далее в разделе «Цитаты». Некоторое время Толя жил на Выборной – улице в Октябрьском районе недалеко от пединститута, в котором он ранее учился. Имен-

¹ Соколов А. Е. Приговоренный к любви. // *Сибирские огни*. 2000, № 5. – С. 194.

² Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 17.

³ Соколов А. Е. Невразумительные годы: Стихи. – С. 30.

но там он отмечал свое 50-летие, на которое приглашал своих друзей, в том числе и меня. Из контекста стихотворения следует, что зимой 2000/2001 г. он продолжал жить там же. Вознесенский храм находится в Нарымском сквере на углу улиц Советской и Гоголя.

Если вернуться к собственно стихотворению, то оно является зарисовкой Толиного настроения, владевшего им в ту зиму. Так и представляешь, как он сидит дома один, рассматривает пейзаж за окном, мух между окнами, ест варенье и ждет возвращения хозяйки – молодой женщины, с которой он тогда жил и которая смотрит на него ледяным взглядом. Его брак с ней по каким-то причинам так и не состоялся.

«Жестоко в городе январском...»¹. Частота 8 (6 – до 2010 г., 2 – после 2010 г.). Это короткое стихотворение можно привести целиком:

Жестоко в городе январском
По окнам бьет метели плетью,
Ты, сытый злобой и коварством,
Решаешь завтра умереть.
Как школьник, выучив уроки,
Откроешь серый, пыльный том:
«Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом».
Какое море, ветер, парус!
Что кинул он в краю родном?
Бог сыплет с неба звезд стеклярус
На мэрию и на роддом.
В квартире все тебе не мило,
В тумане пуля ищет грудь
У Лермонтова Михаила,
И не блестит кремнистый путь.

Тема стихотворения примерно та же, что и выше – ощущение какой-то безысходности, жизненного тупика. В эссе о Геннадии Абольяnine Толя приводит биографический факт, когда в начальных классах уже ощущая смутное влечение к поэзии, он выдавал за собственное стихотворение Лермонто-

¹ Соколов А. Е. Невразумительные годы: Стихи. – С. 8.

ва «Парус»¹ с его знаменитой первой строкой «*Белеет парус одинокий...*». Как и с проникнутым тем же настроением стихотворением

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит...²

это создает атмосферу тягостного настроения поэта, из которого он не видит выхода. Разница лишь в том, что у Лермонтова путь хотя бы блестит, а у Соколова – нет. Заметим, что опору на то же стихотворение в выражении сходных чувств нашел в 1973 году и Виктор Соснора (Сборник стихотворений «Тридцать семь»):

Выхожу один я. Нет дороги.
Там – туман. Бессмертье не блестит.
Ночь, как ночь, – пустыня. Бред без Бога.
Ничего не чудится – без Ты.

<...>

Нет утрат. Все проще – не могли мы
ни забыться, ни уснуть. Был – Бог!
Выхожу один я. До могилы
не дойти – темно и нет дорог.

«Уже не так, как раньше мучит...»³. Частота 7 (4 – до 2010 г., 3 – после 2010 г.). Это очень короткое стихотворение – горький итог прожитых лет, когда уже рассеялись иллюзии молодости, и ты столкнулся с такими жизненными проблемами, о которых никогда даже и не подозревал. По существу, это стихотворение – развернутый риторический вопрос, не нуждающийся в ответе, поскольку он очевиден:

Уже не так, как раньше, мучит
Обиды горькая полынь.
И опыт пошлой жизни учит:
Нет ни героев, ни святынь.
История – возня в лакейской
Из-за доходов и чинов...
Все брызги слякоти житейской
В тебя попали, Соколов?

¹ Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. 1. – М.: Худ. литература, 1970. – С. 274.

² Там же. – С. 402.

³ Соколов А. Е. Невразумительные годы: Стихи. – С. 4.

«Ледяным, мохнатым зимним утром...»¹. Частота 8 (6 – до 2010 г., 2 – после 2010 г.). Это стихотворение по настроению является продолжением предыдущего, но ко всему прочему здесь жизненная невзгода конкретизируется – речь идет о несостоявшейся в лучшем смысле этого слова любви, благополучной семейной жизни. Это поэзия, и пусть каждый решает сам, о чьей конкретно жизни идет речь:

Ледяным, мохнатым зимним утром
 Душный мрак жжет кожу, словно йод,
 А душа летит в такси маршрутном
 К дому, где меня никто не ждет.
 Даже книги мне уже не рады
 И все время валяются из рук...
 На пути сугробов баррикады,
 Стужа и безмолвие вокруг.

Вроде и семья есть, но что-то в семье происходит не то:

Рощи облетели, поле голо.
 Мрачен политический режим.
 Голосами грубого помола
 Друг на друга больше не кричим.
 Но еще грустней тебя молчащей
 Наблюдать, не распечатав рта.
 Сердце заставляет биться чаще
 О любви несбывшейся мечта.
 Не жалею, не зову, не помню...
 Тлеет жизни скрученный табак,
 Входа нет в души каменоломню
 Для красивых женщин и собак.

Как всегда, совершенно потрясающие метафоры («мохнатым зимним утром», «тлеет жизни скрученный табак», «входа нет в души каменоломню»), аппликация («Не жалею, не зову, не помню...») и финишный аккорд – тлеющая надежда на новую любовь:

Кто ж тогда вверху так жутко воет,
 Что уже не хочется заснуть?
 Или вновь любви гиперболоид
 Прожигает каменную грудь?

¹ Там же. – С. 7.

Безупречное представление темы ушедшей любви и медленно угасающей семьи на фоне плакатов «Миру – мир» выдающего политического режима:

Небо в январе темнее снега
Падает на лозунг «миру – мир»...
Доходяга, бабочка, коллега.
Бездевушка, Бог твой ювелир.

«Дорогая, давай полетаем...»¹. Частота 8 (5 – до 2010 г., 3 – после 2010 г.). Это стихотворение, написанное в 2006 году, звучит как завещание, как прощание с жизнью, хотя на самом деле, казалось бы, еще ничто ничего не предвещало. У поэтов такое часто бывает, когда трагизм бытия отражается в их стихах, и потом кажется, что все так и случилось, как было предсказано в стихах:

Дорогая, давай полетаем,
Навсегда улетим в никуда.
Скоро жизнь до конца пролистаем,
Взвесим прибыль ночного труда.
На прощание с именем Божьим
Постоим у родимых могил...
Неужели увидеть не сможем
Всех, кто нас беззаветно любил?
Вопреки предсказаниям науки
Скоро грянет назначенный час –
И придут сюда дети и внуки
Безнадежно оплакивать нас.
Ветер мусор гоняет по пляжу
И поет, словно нищий метек.
Пусть как раки в кастрюле попляшет
Чернь из баров и дискотек.

Здесь и сказать больше нечего. Выдающееся стихотворение. Его даже анализировать нет смысла. И так все ясно. Это стихотворение я уже приводил выше как составную часть некролога, написанного редакцией «Сибирских огней». В редакции в этом смысле тоже все поняли.

¹ Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 36.

«Старый друг позвонит из глубинки...»¹. Частота 8 (7 – до 2010 г., 1 – после 2010 г.). Это стихотворение, впервые появившееся в «Гнезде поэтов», посвящено Евгению Лазарчуку и проходит через все творчество А. Соколова. Именно этим стихотворением открывается сборник «Спартаковский мост». Оно посвящено Толиному другу студенческих лет, когда все было таким безоблачным, и вся жизнь была впереди. Эту дружбу Толя пронес через всю жизнь. Евгений, как и Толя, после института отрабатывал положенный срок учителем в степной деревне, а степи и лесостепи – типичный ландшафт юго-западной и западной частей Новосибирской области, причем степи порой заболочены, особенно на границе с Павлодарской областью. Стихотворение проникнуто непередаваемой глубиной чувства юношеской дружбы, священной которой ничего нет.

«Зимы имуществу бесхозное...»². Частота 6 (5 – до 2010 г., 1 – после 2010 г.). Это стихотворение в чем-то напоминает предыдущее. Снова зарисовка зимы, но теперь пейзаж как бы не городской, а больше сельский:

Над нищетой лесопосадок
И деревень полуживых
Еще не выпавший в осадок
Снежок танцует как жених.
Пока ты в розницу и оптом
Себя с похмелья продаешь,
Краюха хлеба пахнет потом,
Сугроб щетинится как еж,
Вороны стаям грампластинок
Над домом кружатся с утра.
Мир – вовсе не театр, а рынок,
И в нем нет места для добра.

Начав вроде бы с безобидного наблюдения над снежком, птичьей болтовней, сугробами, Толя вновь переходит на зашедшую в нем на всю жизнь тему – тему «беспощадного духа

¹ Соколов А. Е. – В кн.: Гнездо поэтов. – С. 53.

² Соколов А. Е. Невразумительные годы: Стихи. – С. 42.

наживь», захватившего страну, в прејскурант которого не вместились

Тоска рембрандтовских офортов
И дрожь бетховенских сонат.

Все бросились зарабатывать деньги, побросав свои былые увлечения и занятия. Верными своему призванию остались лишь одиночки, враз ставшие нищими после развала страны. И что дальше? А дальше обращение к себе:

И лишь звезды свечным огарком
Озарена юдоль людей...
А я не буду олигархом,
Не буду точно – хоть убей.

Снова поразительные образные сравнения: «краюха хлеба пахнет потом», «вороны стаяй грампластинок», «дрожь бетховенских сонат», «звезды свечным огарком» и т. д. Метафоры, возбуждающие органы чувств – зримо ощущаешь запах зимнего воздуха, хлеба, летающие стаи ворон, звуки сонат.

«Здесь транспорт идет через две остановки...»³. Частота 6 (5 – до 2010 г., 1 – после 2010 г.). Стихотворение большое, состоит из 8 катренов, написано в 1988 году. В нем разворачивается панорама барачного послевоенного рая, где на веревках сушится белье, слышны драки и ругань («Доносятся жалобы вдов и сирот»), кругом безнадежность («Он больше не верит шершавой звезде»), грязь, запустение («За мусорной кучей разбитой игрушкой / Нахохлившись, в сумерках дремлет церквушка»). При всем при этом за границу отправляется лес из сибирской тайги, раздаются бодрые призывы по радио:

Готовясь за море отплыть из Сибири,
С тоской тяжелее купеческой гири,
Тайга под крылом самолета орет...
Привычно московское радио врет.

³ Соколов А. Е. Спартаковский мост. Анапесты: Сб. стихов. – С. 30.

Прощельги поэты и писатели славят коммунистический строй, готовые при первом удобном случае сбежать из страны, бросив Родину-мать на произвол судьбы:

Пекутся в издательствах пышные книги,
И звезды срывают с небес прощельги,
И смолоду копят богатство и злость.
Чтоб Родину-мать бросить псам, словно кость.

Стихотворение поразительно пророческое. Что касается его первой строчки, то надо сказать, что в советское время с городским транспортом были большие проблемы. Часто автобус или троллейбус просто не останавливались на остановке, проезжая ее мимо и высаживая пассажиров где-то далеко после нее. Я, например, будучи студентом, часто, особенно зимой, ездил с Фабричной на левый берег до Горской, прицепившись к троллейбусу сзади за имевшуюся на нем железную лесенку.

«Круша цветочные розетки...»¹. Частота 6 (5 – до 2010 г., 1 – после 2010 г.). На это стихотворение давно обратила внимание критика. В нем скрыт глубокий философский смысл, на котором я здесь не буду подробно останавливаться. Шум дождя поэт сравнивает с игрой на бильярде – такой же приглушенный звук, отдельные удары шаров или грома. А в паузах между ними дождь к чему-то прислушивается. Это примерно так же, как игроки перед нанесением удара задумчиво смотрят на конфигурацию шаров. Последние две строки стихотворения – рефрен буддийского коана о хлопке одной ладони, к которому я еще вернусь. Вот это небольшое стихотворение:

Круша цветочные розетки,
Играет ливень в бильярд
И вздохи парочки в беседке
Оценивает в миллиард.
Должно быть, местный парикмахер
С буфетчицей забрел сюда...
Кусты похожи на монахинь,
Зажмурившихся от стыда.

¹ Соколов А.Е. Стихотворения.// Гнездо поэтов. – С. 62.

И в паузе приставив ухо
К решетке, вымытой до швов,
Дождь слушает, но слышит... эхо
Давно разыгранных шаров.

«Услышав слова на тюремном жаргоне...»¹. Частота 5 (3 – до 2010 г., 2 – после 2010 г.) С композиционной точки зрения стихотворение построено на размышлениях и мыслях автора, которые приходят ему в голову при виде мелькающих за окном вагона пейзажей нашей необъятной страны:

Услышав слова на тюремном жаргоне,
Откроешь глаза кое-как с бодуна
И вдруг обнаружишь, что мчишься в вагоне,
И в грязном окне отразится страна...

Вагон плацкартный, а, может, даже и общий. Были в наше время и такие, когда наличие билета давало тебе право только залезть в вагон, а как ты там устроишься – это твои личные проблемы. Грязь, ругань, мат, карты, пьяные рожи, под ногами и в проходе какие-то узлы, мешающие пройти. В детстве я ездил в таких вагонах с отцом в Томск и обратно. Стоимость билета в общем вагоне составляла 4 руб. 40 коп., при этом, чтобы его купить, нужно было еще отстоять огромную очередь на вокзале.

Теперь о тюремном жаргоне. Прилетев ночью 17 июня 2001 года домой из Германии, я утром, слегка «с бодуна», отправился к Толе на Фабричную, но дома его не застал. Я вышел на остановку «Автовокзал» и сел в автобус, чтобы ехать домой. Был яркий солнечный день. Я был «на элеганте», в джинсовых шортах, легкой рубашке и в отличном настроении, так как вернулся на родину из надоевшей мне за три месяца Германии. Я стоял в проходе. Вдруг какой-то зашедший в автобус мужик обложил меня матом якобы за то, что я мешаю ему пройти. В этот момент с моим сознанием что-то произошло. Уже на другой день я стал понимать, что, скорее всего, я впал в состояние какой-то шоковой прострации. А произошло следующее. Видимо, в результате внезапного

¹ Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 103.

психологического удара, я впал в состояние, при котором вдруг ощутил необыкновенный подъем и полное отсутствие страха. Из меня стали изливаться слова, которые отпечатались во мне в далеком детстве и были где-то далеко в подсознании. Совершенно легко и непринужденно я перешел на тюремный жаргон и подробно объяснил этому мужику, кто он и с кем имеет дело. А из этих слов следовало, что имеет дело он с таким же бывшим зэком (читай обитателем давно исчезнувших Погрузки, Нахаловки, Каменки и т. д.). Автобус замер. Я прошел на свободное место перед водителем и сел. Сознание стало возвращаться. Мой неожиданный визави, посадив жену, подошел ко мне и сев передо мной на корточки, как это обычно делают зэки, стал мне что-то объяснять. Короче, *«Нашелся земля по имени Вадик»*. Выходя на «Доме офицеров», я подумал, что если Вадик выйдет за мной, то он меня зарежет. Но этого не случилось. Еще немного, и все было бы так, как в мрачной шутке Виктора Сосноры, которую я услышал из его уст в 1965 году на Дне поэзии в НЭТИ: *«У одного из моряков настроение было приподнятое – он висел на рее»*.

Итог. К выделенным ядру и периферии корпуса Толиных стихов следует отнести неформально. Все находится в динамике. Со временем некоторые из стихов-лидеров могут начать отставать, а представители периферии, наоборот, подтягиваться. Кроме того, большую роль играет редакционный фактор. В этом смысле большие стихотворения, баллады и отрывки из поэм находятся в менее выигрышном положении. Или напечатать одну балладу, или несколько небольших стихотворений – что лучше? Редакция в этом случае обычно выбирает второй вариант. Все это влияет на рейтинг (или ранг) стихотворения.

Но главное в Толиной поэзии, анализируя ядро, мы все-таки уловили. Мы получили представление о ее ключевых направлениях, ее тематике – это поэтика быта, в том числе пропитанного конкретными деревенскими и городскими

реалиями, социальная поэтика, т. е. ярко выраженное отношение к происходящим в стране событиям, и, наконец, философское осмысление нашего пребывания на Земле. В подтверждение сказанному и в качестве последнего примера приведу заключительные строки из большого стихотворения «*Мне солнце неделю казалось несбыточным благом...*»¹, поскольку иначе большие стихи вообще выпадут из поля нашего зрения:

Довольно вариться в крутом кипятке перемен –
А может быть, лучше к нему отнестись как спортсмен,
Двадцатому веку под занавес сделав подарок
В обмен на гнилое тряпье и фальшивую дичь...
На Родине вольно пасутся стада иномарок –
Пора их зеленую шерсть пулеметами стричь.

3.3. Литературная критика

Здесь я воспроизведу высказывания поэтов и литературных критиков о Толином творчестве, которыми сопровождались публикации его стихов в периодических изданиях и отдельных сборниках. Однако сначала дословно воспроизведу небольшую публикацию самого Толи, в которой он сам выступает как критик, давая характеристику известным поэтам, приехавшим на фестиваль поэзии в Новосибирск.

Заметки о фестивале и поэзии². Фестиваль – это, безусловно, событие, оставившее неизгладимый след в памяти каждого из участников. И, надеюсь, в культурной жизни Новосибирска. Это, прежде всего, праздник для поэтов, которые имели возможность на несколько дней выключиться из рутины повседневной жизни, совершить «побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег». Что можно сказать о поэтах, участвовавших в мероприятиях фестиваля и украсивших его? Это созвездие имен. Эпически холодный языческий ориентализм с включениями расхлябанного и вычурного просторечного безумия Владимира Берязева. Его еще лет десять назад называли самым перспективным русским поэтом. На его счету роман в стихах, более двух десятков поэм, семь стихотворных сборников. Кроме того, очерки, эссе, выступления. Нельзя не выделить в общем хоре участников

¹ Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 42.

² Соколов А. Е. Заметки о фестивале и поэзии. // *Сибирские огни*. – 2008, № 2. – С. 164–166.

фестиваля пронзительную лирику философствующего мистика Владимира Ярцева, выпустившего всего две, но явившиеся событиями, книжки. Тоска по глубине, ясности и искренности находит свое удовлетворение в его стихотворениях. На фоне печальной и отвратительной картины, поистине, ледникового периода в поэзии стихи В. Ярцева кажутся откровением, являются усладой души.

На небосклоне фестиваля царила звезда русской поэзии Светлана Кекова, скрестившая пейзаж с натюрмортом в шелестящем времени, где богомолы сияют обманутое слово натянуть на лоб, как капюшон, где висят на стенах связки мертвых рыб, у которых оскалены маленькие лица, и «страх растет как сатанинский гриб, и светится во тьме его грибница». Нельзя не сказать о другом именитом госте фестиваля. О вдохновенных петербургских и деревенских ламентациях, противоречащих мужественной внешности и красной рубашке обнимающего гитару мастера Виталия Дмитриева. Его поэзия – сплошная антиномия. У него еще существует «нараспашку живое». Он, обращаясь к себе, говорит: «еще не предвидишь, не знаешь, куда и зачем взлетишь, чьей кровью себя запятнаешь, чью душу безвинно спалишь». Но разве бывает так, что душу чужую спалишь и вины своей чувствовать не будешь? С одной стороны, миссия поэта – глаголом жечь сердца людей. С другой – неужели сам при этом останешься холодным? Разве можно обжечь чужую душу, если собственную не обожжешь или полностью не сожжешь?

Наконец, удалось непосредственно познакомиться с замечательным поэтом из Омска Олегом Клишиным. У него поэтизируется обыденность, с которой перемешивается лагерная жизнь, где из очередного этапа выпадают подросток с цыплячьей шеей и двузачным сроком, и 76-летний арестант-бедолага, приглядывающийся к петле как средству возвращения домой. Это западносибирский Фидий, остающийся утром один на один с фактурой мира, где грязная посуда представляется грудой мрамора. Потрясали аудиторию стремительные и плотные, насыщенные визуальными и звуковыми метафорами стихи не так уж давно ставшего новосибирцем Сергея Самойленко. Невозможно было не внимать музыкальным и живописным аллюзиям в поэтических прозрениях вцепляющегося, как бульдог, мертвой хваткой в слово и выжимающего из него нектар смыслов, хрупкого, словно ваза из китайского фарфора, изысканного Станислава Михайлова. А рядом с ним вдохновенно читали юные, но с осанкой патриархов заклинатели духов языка, начинающие свои взрывчатые тексты библейской, эллинской и средневековой мудростью Марина Акимова и Владимир Титов. Иностраным явлением в живом симфоническом оркестре фестиваля смотрелись только отравившиеся скепсисом и иронией стихотворцы из «Новой Сибири»: деликатный Александр Ахавьев и брутальный Дмитрий Рябов.

Когда мы оказываемся в кругу «своих» – это, безусловно, счастье. Здесь тебя понимают с полуслова. Здесь достаточно нескольких строчек для того, чтобы безошибочно определить, кто перед тобой. Свой или чужой. Талантливый или, к несчастью, бездарь. Потому что не нужно при-

творяться, не нужно метать бисер перед профанами. На фестивале познакомились и породнились новосибирские стихотворцы с дивной Светланой Кековой из Саратова, пронзительным Виталием Дмитриевым из Петербурга и странным лирическим Олегом Клишиным из Омска. Всего три гостя, а какой эффект. Но встреча оказалась полезной и в том смысле, что мы, новосибирские поэты, могли лучше узнать самих себя, свою истинную цену. Обнаружили, что не ниже, не слабее приезжих знаменитостей.

Интерес к фестивалю проявлялся, к сожалению, односторонний. Новосибирская поэтическая публика восприняла фестиваль прежде всего в качестве возможности показать себя миру. Неизвестные по редакционному телефону интересовались, прежде всего, можно ли будет самим почитать, предъявить миру свои тексты. Не послушать, а себя показать, хотя показывать-то, как свидетельствует опыт знакомства с ежегодными поэтическими марафонами, особенно нечего. Поэтическая публика оказалась нелюбопытна, равнодушна к чужому и высокому. А ведь действительно в Новосибирск приехал цвет российской поэзии. Разве встреча со Светланой Кековой – это не праздник, не чудо? Где еще представится возможность поговорить с живым свидетелем и участником легендарного «Московского времени» Виталием Дмитриевым? Поэтому на всех выступлениях, конечно, гости были на переднем плане. Им предоставлялось больше времени, чем местным авторам. Это нормально и естественно.

Почему мне трудно писать непосредственно о фестивале? Да потому, что невозможно быть свидетелем на празднике, т. е. глядеть на событие как бы со стороны, если ты сам активный участник, ты сам растворяешься в этом поэтическом волхвовании или токовании. Как описать событие, если ты находишься в состоянии самозабвения даже тогда, когда сам не читаешь. Процесс слушания – не пассивное восприятие информации. Это перевоплощение, в результате которого чужой текст становится и твоим собственным, когда «все во мне, и я во всем» (Ф. Тютчев). Если ты сам пребываешь в этом организме не в качестве перевариваемого и проходящего субстрата, а в качестве части и элемента этого целого. Жаль, что длилось это священнодействие всего несколько дней. У приезжих была возможность поехать по городам областного подчинения, побывать в Искитиме, Мошкове, Бердске, выступать, общаться с поэтической публикой. Вернулись они измученные, но счастливые. А местных поэтов ждали обычные дела, к которым приступали с горьким осадком.

Хорошо бы сделать этот фестиваль постоянным, выделить особую площадку, дворец поэзии (или, но это уже мечта – целую провинцию в России, как Касталия из «Игры в бисер» Г. Гессе). Жаль, множество людей оказались лишены радости встречи с настоящими стихами. Ведь периодическая печать предлагает читателям в основном поэтические суррогаты. В качестве выдающихся столица предлагает Кибириных и Приговых. Ну, как же тут не затосковать по истинной поэзии? Евтушенко, безусловно, именно свою поэзию считает «истинной». Признает себя и других шестидесятников классиками и выделяет в качестве особого их достоинства гражданствен-

ность. В этой связи актуально перемещение поэтической площадки из пре-
существенной Москвы в провинцию. Кто определяет литературную политику?
Посмотрите на В. Ерофеева. Послушайте, о чем он говорит. А Сорокин? Это
же люди, заражающие все вокруг себя вирусами гнили.

С другой стороны, Е. Евтушенко одним из достоинств собственной поэ-
зии считает гражданственность. То, чего лишены современные версифи-
каторы. Гражданственность, по его мнению, необходима при любой систе-
ме. Если не будет гражданственности, тогда все системы рано или поздно
станут тоталитарными. Однако Е. Евтушенко будто не замечает, что есть
различные типы гражданственности. Одно дело – служение конкретному
политическому режиму, воспевание его. Пусть даже с элементами крити-
ки, но признание его в потенции в качестве лучшего и истинного. Другое
– служение идее. Говорит он и о необходимости и важности возрождения
больших поэтических выступлений, которые имели место во времена по-
этического бума 60-х, когда поэты были настоящими «звездами». Но за-
дадимся вопросом: а надо ли это? На наш взгляд, ни в коем случае. На
стадионах место «Ласковому маю» и Кашпировскому. Представьте себе на
стадионе Пушкина или Тютчева.

Состоявшийся фестиваль – это пробный камень. Надо все силы при-
ложить, чтобы этот праздник повторялся ежегодно и расширял круг участ-
ников. Впрочем, последнее и не обязательно. Достоинство состоявшегося
фестиваля именно в его камерности. Обидно, когда поэты количественно
преобладают над слушателями. Хотя разве поэты не слушают друг друга?
Безусловно, именно братья по цеху являются самыми взыскательными и
чуткими потребителями стихов. Таким образом, поэтов никогда не бывает
больше слушателей. Так же, как брадобреев не может быть никогда боль-
ше, чем людей. Пусть в дни фестиваля будут задействовано множество
площадок. И не только в Новосибирске.

Анатолий Соколов. «Спартакровский мост». Самый
ранний известный мне отклик на поэзию А. Соколова я на-
шел в заметке А. Плитченко¹, посвященной четырем поэтам
– Станиславу Михайлову, Анатолию Соколову, Эрте Падер-
иной и Александру Денисенко. Речь в ней идет о только
что увидевших свет первых сборниках стихов указанных ав-
торов. Привожу полностью выдержку из ее текста с подзаго-
ловком, вынесенным в начало данной рубрики.

Точка отсчета А. Соколова названа в имени книги. Это важно, по-
скольку автор – стихотворец конкретностей, мастер зримой детали, его
разговор с читателем прям и тверд.

¹ Плитченко А. И. Четверо из «Гнезда поэтов». // *Ведомости Новосибирского областного Совета народных депутатов*. – Еженедельная общественно-политическая газета. (Ныне – издание Законодательного Собрания Новосибирской области). 1991. 29 июня – 5 июля.

Здесь, у Спартаковского моста, в застывших с детства облаках паровозного дыма, в гуле магистрали, в реве обских буксиров, свисте голубятников, поступи грузчиков, нищенском быте вырели и отлились тяжело-ватые, законченные стихотворения А. Соколова, похожие на понятные и одновременно загадочные чугунные детали. А. Соколов серьезен, как городское дерево, готовое ко всему и знающее, что такое людской произвол.

Холодно и мучительно душе в мире обмана, забвения души и родства. Но в холоде жизни – почти космическом – от невероятного давления сил зла и в сопротивлении ему душа становится алмазом, оставляющим вечный след.

Когда новосибирские «профессиональные литераторы» очухаются от перестройки и прочитают стихи А. Соколова, возможно, кто-то из них поймет, что поэзия неиссякаема, что они живут в одном городе с настоящим поэтом.

Уже после того, как я поместил в книгу эти строчки, я узнал, что о тех же сборниках отозвался и *Владимир Ярцев*, который и прислал нам с Валерой Лазуткиным свою заметку¹. Вот его строки, относящиеся к А. Соколову:

Осмысливая историю и современность, проводит по Спартаковскому мосту свои суровые анапесты А. Соколов. Извечное противоречие мучает поэта – неразрешимое противоречие между духом и бытом, душой и плотью, между райской сказкой, обещанной нескольким поколениям наших сограждан, и страшной действительностью. Когда-то О. Мандельштам сказал: «...из тяжести недоброй и я когда-нибудь прекрасное создам». Творчество А. Соколова еще раз подтверждает: материалом для поэзии может служить все сущее.

Два лика неслиянных. Через короткое время после первого упоминания критики о сборнике стихов А. Соколова «Спартаковский мост» в «Вечернем Новосибирске» появляется вторая заметка², посвященная двум поэтам – А. Денисенко и А. Соколову. Самим названием заметки журналист *Татьяна Коньякова* подчеркивает различность этих поэтов, характеризующих «два мира, две философии, два поэтических начала», хотя они «оба из шестидесятников, из времени эйфории, надежд и... разочарований, оба из «несовпавших» со временем, долго существовавших в андерграунде»:

¹ Ярцев В. И. Не молчи лира. // *Вечерний Новосибирск*, 1991. 28 марта.

² Коньякова Т. Два лика неслиянных. // *Вечерний Новосибирск*, 1992. 25 сентября.

В поэзии Анатолия Соколова Хаос и Бессмыслица не складываются в гармоничное строение. Мир рухнул, завалился и остался лежать в руинах. Бог умер. Анатолий Соколов – поэт смятения и тоски. Последовательного пессимистического мировоззрения. Апокалипсиса... Если Денисенко – поэт полутонов и тихого голоса, то Соколов – поэт контраста, жесткой резкой линии, приговора. Иная тональность. Иной темперамент.

В его поэтическом мире «Даже небо с небритой звездой / Вечерами трясет от озноба», луна напоминает лампочку в мертвецкой, «День встанет голосист и уродлив», за окном стынет «Белый ужас родного пейзажа», здесь ночами «Душат приступы черной тоски, / Беспощадные, как волкодавы». Это мир заброшенных деревень с крест-накрест заколоченными избами, мир неуютных городов. Вселенная уныния. Сиротства.

Поэзия Анатолия Соколова – социальна. В то время как Денисенко асоциален, для него государство – «они» и «где-то там». Для Соколова государство – «они», но здесь, везде... И нет спасенья. Человек исчезает, и остается социум, задавленный бытом, с удавкой истории на шее.

Основная тема этой поэзии – тема гибели всего живого. Живой души. Живого разума. Убиения живой природы. Здесь нет упования, нет надежды, нет святой ненависти. Есть обобщенно-философский образ человечества, восходящего на свой эшафот.

Если в Авеля выстрелит Каин,
Сразу вырастет лес баррикад,
И пожары с фабричных окраин
Превзойдут красотой закат.

Человечество взвояет сиреной,
Поднимаясь на свой эшафот...
В кое-как населенной Вселенной
Без людей будет меньше хлопот.

Впрочем, в стихах Анатолий Соколов больше не философ, а публицист. Даже философские категории он вводит в оборот по законам публицистики. Он всегда пристрастен. Его стихи – всегда концепции. У Соколова – своя концепция истории, своя концепция нашего сегодня. Говорит ли он о насилии, совершенном над историей «женихами революции юной», или о «рубцах от афганской заразы», или о разгуле масс-культуры, или о «марсианстве». Соколов очень пристрастен в своем отношении к этой породе людей, – размножающихся как плесень в пробирке, – для которых страна лишь территория, и ее не жалко.

Эта поэзия рассудочна. Поэт входит разумом даже в мир чувств и страстей. Она несет фаустовское начало: препарировать жизнь, разъять, проникнуть в такие сущностные глубины, где живая жизнь распадается, мертвеет. Посягнуть на Божественное. В этой поэзии уже чувствуется усталость. Усталость от самого себя.

Этой поэзии не хватает подробностей о человеке. Ей не хватает жалостливости. Это поэзия приговора, который обжалованию не подлежит. И нет мнения свидетелей и защитников на суде.

Время разрушать и время строить... Время разбрасывать камни, время собирать камни... Анатолий Соколов и Александр Денисенко разведены в этих временах, сосуществуя в нашем многоликом сегодня.

С этой рецензией в чем-то можно поспорить. Время показало, что с поэзией А. Соколова все не так просто – не совсем это всякая мрачность и отсутствие жалостливости. В чем этой поэзии действительно не откажешь, так это в честном взгляде на жизнь, в искренности и глубине чувств, в любви к нашему общему дому, взрастившему нас.

Зачеркнутому верить. Продолжим высказывания критиков о Толином творчестве откликом на поэзию А. Соколова известного поэта и литератора *Ильи Фоякова* (1935–2011), бывшего руководителем организованного им в начале 60-х годов прошлого века в Новосибирске литературного объединения при газете «Молодость Сибири», членом которого был Анатолий и которого Фояков, естественно, знал. Как Анатолий оказался в этом объединении, он описывает сам в очерке о Геннадии Аболянине¹. Там он упоминает о десанте в литбъединение в 1968 году поэтов из НГУ в составе С. Ларченко, И. Бухбиндера и будущего знаменитого диссидента В. Делоне. Об этом времени и, в частности, о самом Анатолии вспоминает Анатолий Маковский в стихотворении «Воспоминание о Новосибирске»²:

Но были также другие лица
Новосибирск ведь не хуже Ниццы
У Фоякова на семинаре
Где стих крученный не понимают
Я познакомился с именами
Которых матом не поминаю
Ну например Игорек Бухбиндер
Браток желтеющий Дориана
Со шпика готики степь Илиады
Или Неаполь шелк карабина

¹ Соколов А. Е. О Геннадии Аболянине. // *Сибирские огни*. 2010, № 3. – С. 155–162.

² Маковский А. В. Заблуждения: Стихотворения. – Новосибирск: Детская литература, СО «Мангазея», 1992 – 80 с.

Или Иван босячок богемы
 Глаза енота маэстро вышить
 Он из канавы зеленой выдаст
 Импровизацию в духе Феба
 И Денисенко покатый Гоголь
 Он вечно хриплый как ворон Гойи
 Интуитивна его Голгофа
 Как ошалелый биплан Рихгофена
 А Толик Сокол – он строго пишет
 В его стихах васильки не дышат...

Но вернемся к Фоянкову. Приведем заключительную часть его статьи о новосибирских поэтах, опубликованной в «Литературной газете»¹.

...В альманахе «Мангазея» (выходит и такой в большом городе на Оби) я прочел длинное стихотворение без названия, принадлежащее Анатолию Соколову, которого тоже знал когда-то литобъединенцем:

Мой замок панельный сегодня печален и жалок,
 В нем радостно жить, прожигая чужие часы...
 Среди гаражей с погребками и мусорных свалок
 Пролаяли душу насквозь беспризорные псы.
 <...>
 Сберечь на похмелье просроченной юности крохи,
 Вчистую истратив бывшие богатства и мощь,
 Стремится страна на закате советской эпохи,
 Впиваясь в зеленые губы бутылочных рош.

А кончается и вовсе страшно и безоглядно:

На Родине вольно пасутся стада иномарок –
 Пора их зеленую шерсть пулеметами стричь.

Раньше бы сказали: «К чему призывает поэт? Что он себе позволяет?» Но это написано. И написано сильно. А сильные строки не рождаются на пустом месте. Раз они родились – значит, что-то такое присутствует в жизни, бродит в ее темных глубинах. И не отменишь, не запретишь. И не вырубешь топором. Вы встревожены? Вы не согласны? Напишите стихи.

Зрелость поэта². Вступительное слово к первой большой книге поэта члена редколлегии журнала «Сибирские огни» поэта *Владимира Берязева*:

¹ Фоянков И. О. Зачеркнутому верить. В Новосибирске все еще пишут стихи. // *Литературная газета*. 1997. 20 августа.

² Берязев В. А. Зрелость поэта. – В кн.: Крепость. Стихи. – С. 3.

Анатолий Соколов – имя, ставшее многим близким и интересным после выхода в 1989 году книги «Гнездо поэтов». Не лишним будет напомнить, кто входил в это поколение, в эту литературную когорту, которая подобно ватаге ушкуйников выплыла на простор сибирской поэзии в середине 60-х годов. Некоторые за прошедшие десятилетия перестали писать, жизнь выдавила из них по капле лирических поэтов.

Но Новосибирск – счастливый город. Поэзия здесь, подобно священному источнику, благословенной Ипокрене, никогда не иссякает. Анатолий Соколов есть одно из ярких тому подтверждений. Он, вместе со своим ближайшим другом Александром Денисенко, хранит в отношениях с музой Эвтерпой рыцарский дух благородства и бескорыстного служения. Книга «Крепость» замыкает в оборонительное кольцо поэтический мир А. Соколова. А в наше время есть от чего защищаться и что защищать. Поэт не боится всеми силами противостоять хаосу, вражде и невежеству, ценою собственной души защищая родителей и Родину, любимых и близких, русский воздух и русский язык:

Пусть каждый земляк будет в новую жизнь переизбран,
Но первыми встанут из гроба отец мой и мать...
Всего за три сотни души поклонюсь в ноги избам
И вновь в опустылевший город уйду умирать.

Это книга зрелого поэта, когда есть понимание своего дара и ответственности за сказанное слово, ведь «крепость» это еще и «сила», с этой точки зрения стихи А. Соколова последних лет вполне сравнимы с мужским напитком многолетней выдержки.

Трагедийность и преодоление одиночества, путь в духовную отчизну – вот мучительный смысл многих и многих стихов этой книги, и «очарованный собственной смертью поэт» все-таки находит тот единственный путь, ведущий к любви, к воссозданию целого, утраченного. А путь этот пролегает через сердце, в котором «...зияет и свищет ужасная щель, // Но сотни миров сквозь нее обнимают друг друга».

Вслед за А. Соколовым хочется повторить, вопрошая: «Здесь русский дух. Он жидкость или газ?». Хочется подтвердить, что «после рюмки кагора над родиной небо в алмазах». Или горько усмехнуться: «На родине мы, как в Египте евреи – скажи: от кого и куда мы бежим?»

Погружение в поэзию А. Соколова – занятие не из легких. Морок и скрежет городского ландшафта, пустота и потерянности человеческого существа, нагромождение метафор и культурных слоев... Но в итоге момент оправдания и очищения таки наступает, именно с помощью слова, через творческое напряжение лирический герой достигает той заповедной области, где «Богу любовь посчастливилось видеть живьем». А вместе с ним – и читатель.

Сын Сизифа. «Пусть даже бунт обречен на неудачу, но индивид обязан находиться в состоянии перманентного бесперспективного, но беспрестанного мятежа. Подобно Сизифу, которого боги приговорили к бесконечному повторению одной и той же процедуры: он поднимает на гору тяжелый камень, но в последний момент камень срывается, и надо все начинать сначала. Бесперспективное действие наполняет смыслом человеческое бытие в мире бессмыслицы»¹. Обратимся к мнению на момент написания последующих строк главного редактора «Сибирских огней» *Владимира Берязева*²:

Только что выпедший сборник избранных стихотворений сибирского поэта Анатолия Соколова «Материк», как и три предыдущих книги, «Спартакровский мост», «Крепость», «Невразумительные годы», во внешней фактуре посвящены городу. Точнее – Новосибирску, полуторамиллионному монстру и одновременно красавицу и умнице, подобно гигантской каменной грибнице выскочившему из приобской земли всего за столетие. Эти стихи, сталкиваясь, вступая в противоречие с городом, на самом деле являют собой некую духовную крепость, попытку сбережения чего-то священного и очень дорогого. Это тем более актуально после слов Александра Исаевича Солженицына о том, что единственная и главная обязанность государства, единственная и неизменная национальная идея России – сбережение народа. В наше время и впрямь есть от чего защищаться и что защищать. Анатолий Соколов не боится всеми силами противостоять хаосу, вражде и невежеству, ценою собственной души обороняя родителей и Родину, любимых и близких, русский воздух и русский язык:

... Блины да картошка и злая заморская сказка,
Лай уличных псов под лучом однорогой луны,
И кажется, будто тевтонские рыцари в касках
Висят на заборе кастрюли, пшмы, чугуны...
Крути – не крути, мы продукты крестьянской работы,
Что б ни говорили о наших корнях доброхоты.
В родимой деревне, где в каждом окне по цветку.
Внутри кукареку поют, а снаружи – ку-ку.
Пусть каждый земляк будет в новую жизнь переизбран,
Но первыми встанут из гроба отец мой и мать...
Всего за три сотки души поклонюсь в ноги избам
И вновь в опостылевший город уйду умирать.

¹ Гультыга А. В. Искусство в век науки. – М.: Наука, 1978. – С. 61.

² Берязев В. А. Сын Сизифа. – В кн.: Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 204.

Символичны и названия его книг. «Спартаковский мост» – это мост через Транссибирскую магистраль от храма Александра Невского (точка основания города) к берегу Оби, то есть к природной стихии, к свободе, к детству. «Крепость» – некое тавро зрелости, когда есть понимание своего дара и ответственность за сказанное слово, ведь «крепость» это ещё и «сила», а с этой точки зрения стихи А. Соколова вполне сравнимы с мужским напитком многолетней выдержки. «Невразумительные годы» – оглядка на пережитые нами последние два десятилетия иллюзии и заблуждения, надежды и разочарования, крах державы и крушение, прежде всего, мира духовного, стоявшего испокон века. И вот – «Материк» как вызов островам и состоящим из островов архипелагам.

Трагедийность и преодоление одиночества, затравленность и брошенность человека в урбанистическом пейзаже, откуда надо найти, почти ощупью, трудный путь в духовную отчизну, – вот мучительный смысл многих и многих стихов А. Соколова. Хочется вырваться из объятий жесткого мира, где «чистит горло каленым железом родной соловей», где «корчится рубль в кошельке с мелочишкой», где «реки засверкала хрустальная ваза», а в ней — «спит кораблей заржавевший букет» и «мертв забинтованный снегом забор», и, увы, растоптаны «невразумительные годы»... И вслед за поэтом нам уже тоже хочется воскликнуть (для чего? куда? кому?): «Здесь русский дух. Он жидкость или газ?». Хочется подтвердить, что «после рюмки кагора над родиной небо в алмазах». Или горько усмехнуться:

Под березой худой и поникшей
Горожанка тоскует в грозу
По Христу, по Толстому, по Ницше,
А по мне не уронит слезу

Погружение в поэзию А. Соколова есть занятие не из легких. Морок и скрежет городского ландшафта, пустота и беспросветная тоска человеческого существования, нагромождение метафор и культурных слоев... Имело ли смысл нашим родителям и дедам закатывать на вершину человеческой истории, на этот пик Коммунизма, гигантский неподъемный камень, только для того, чтобы он неизбежно сорвался вниз, все круша на своем пути. И этим тоже терзается поэт и без пяти минут доктор философии Анатолий Соколов, которого я более десяти лет назад назвал в одном из стихотворений сыном Сизифа.

Боязнь забыть слово. Теперь узнаем мнение о Толиной поэзии *Станислава Золотцева*¹ – советского и российского

¹ Золотцев Станислав Александрович родился (21 апреля 1947 г., д. Крестки, Псковская область – 4 февраля 2008 г., г. Москва). Кандидат филологических наук. Член Союза писателей СССР (1975). Автор 24 книг стихов и поэм. Несколько десятков стихотворений Золотцев положены на музыку. На стихи Золотцева написан гимн города Пскова (композитор Н.Мишуков). Лауреат литературных премий им. М.Булгакова (1998) и им. А.Платонова (1999).

поэта, писателя, переводчика и публициста, к сожалению, как и Анатолий, рано ушедшего из жизни:

Характерные строки из стихотворения Анатолия Соколова (его лирический герой едет в поезде):

Смеются и плачут в вагоне плацкартном,
Несущемся с севера рысью на юг...
В дороге не вздумай довериться картам –
Иначе рискуешь остаться без брюк.
Нашелся земля по имени Вадик,
Он только из зоны и вдребезги пьян.
На нем кирзачи и потрепанный ватник.
Но сразу же видно, что он из дворян.
Окрестная флора меняет ливреи.
Морозит, а в поезде летний режим.
На родине мы, как в Египте еврей –
Скажи: от кого и куда мы бежим?
Наверно, не в ту мы родились эпоху.
Толпа одиночек – не грозная рать.
Да, беженцы мы, хотя каждому лоху
Известно: нельзя от себя убежать.

Здесь мы видим сразу два главнейших признака сегодняшней поэзии Русского Сопротивления. Во-первых, болевая суть, непредставимая еще лет десять–пятнадцать назад, так насыщает собой, казалось бы, расхожие, даже «клишированные» изречения (в самом деле, что ни строка, то общеизвестное, а вместе взятое – «критическая масса!»), что они обновляют свой смысл и обретают жгучее, даже злободневное звучание. Это та злободневность, что зиждется на добре вечности... Второе: автор (не думаю, что он этого не читал) берет цитату из тайно, а подчас и до сих пор явно охаиваемого «либералами» классика – В. Розанова о русских в своей стране как о евреях в Египте времен Исхода – и делает это изречение фактом поэзии, а не публицистики. Вот почему стихи А. Соколова являют свою характерность для «почвы и судьбы» той, из глубин национального самосознания поднявшейся, литературной волны, которая по сути сегодня становится русским «ополчением в Слово» времен новой Смуты. Продолжая историческую аналогию, можно сказать: да ополчение сие еще только-только вышло из Нижнего Новгорода, впереди еще не одно неудачное сражение и множество предательств, – но рано или поздно ратники дойдут до Москвы и освободят ее...¹

¹ Золотцев С. А. Боязнь забыть слово. – В кн.: Материк. Стихи. – С. 207. См. также: Золотцев С. Боязнь забыть слово. Вольные размышления над современной поэзией Сибири. // *Сибирские огни*, 2001, № 2. – С. 195.

Анатолий Соколов, поэт «Крепости». Передадим слово *Владимиру Яранцеву*, зав. отделом критики в журнале «Сибирские огни», члену Союза писателей России, литературоведу, одному из ведущих современных сибирских критиков¹:

В поэзии Анатолия Соколова на первое место выходят метафора и эпитет: задача поэта – разгадать, разоблачить этот мир, чтобы затем вывести его на чистую воду. Но преображенный таким образом этот мир часто сам становится главным героем его стихов, «сюзереном», а поэт – «вассалом», поющим мадригалы, переходящие в памфлеты. Вот под пером ясно видящего поэта оживает «город Н.», «окупированный инеем». Сигналом к его оживлению служит вопрос со знаком «минус» некоего сироты: «Зачем он живет?» И мы видим, что:

Обмер город, обысканный ветром,
Обнаружив за пазухой лед,
Застывают на вытяжку вещи,
Ветер форточки бьет по щекам.

И что «сквер рукоплещет проходимцам и временщикам», а «сумасшедший завод» запускает из трубы воздушного змея. Далее мы видим, как от стиха к стиху мысль поэта развивается логически и образно последовательно, как в трактате или философском романе. И в соседнем стихотворении автор подтверждает второстепенность человеческого существования в чуждом мире:

Пока на холсте соревнуются краски,
В душе продолжают зиять пустыри.

Поэт-художник дает жизнь миру, зная о грядущем своем опустошении. Но зато потом сам греется «и ночью и днем» этим отданным им же теплом. Ведь он, этот ужасно-прекрасный мир «произведен от воображенья», и тут важно, в каком состоянии находится это воображение. И не важно совсем, «кто гений, а кто дребедень»; тут другие критерии: умение и возможность вести войну и заключать мир с бытием, принявшим облик города, этого пристанища бесов, пьяной шпаны, но и плоть от плоти поэта, его «родной материк». И вот на «Спартакском мосту» поэт «становится моложе», хоть и мешают пройти «баррикады из каменных книг». В общем, старая история с синхронией любви и ненависти, – чувствами, которые можно испытывать лишь к родному существу. Удивляет и смелость в употреблении метафор, сравнений, гипербол и прочих образных средств, которые позволяет себе поэт-урбанист, живописец и воскреситель-реаниматор города. Так можно поступать только с близким существом.

¹ Яранцев В. Н. Анатолий Соколов, поэт «Крепости». – В кн.: Материк: Стихи. – С. 209.

В своем отечестве пророки. *Татьяна Грунэ* родилась в селе Иткуль Новосибирской области. Как и Анатолий, окончила Новосибирский педагогический институт. Работала учителем русского языка и литературы, директором школы. Автор «Сибирских огней», критик. Живет в селе Скала Кольванского района Новосибирской области. Предоставим ей слово:

Обычно, когда говорят о малой родине, имеют в виду деревню, в которой родился поэт. А если он, как Анатолий Соколов, появился на свет в большом городе? У него все равно есть малая родина. У Булата Окуджавы – это Арбат. Для Анатолия Соколова центр мироздания – Спартаковский мост. На нем любит курить по ночам местный Гамлет и смотреть на поезда, проносящиеся под ним. Панельный же замок его меняет декорации в зависимости от времени года, а вот «химзавод дымит как сигарета» с завидным постоянством. Через дорогу возле автовокзала грустят «понурые маршрутные кареты», улицу Советскую «шнурует позёмка», а «звезд стеклярус сыпется на мэрию и на роддом». Всё узнаваемо, и всё волшебно меняется под рукой художника. Поэтов обычно называют художниками слова, и это определение как нельзя лучше подходит этому поэту, потому что он одновременно и художник кисти. Этой кистью он рисует стихотворение, и оно по прозрачности красок – акварель, а по стилю близко к импрессионизму. Виртуозный мастер метафоры, неожиданной и точной, он щедро, как зима в его стихах «зубной порошок снега», сыпет их в своих стихотворениях. Одно впечатление ассоциируется с другим, оно же сцепляется, при помощи другой метафоры, с третьим. Впечатление, таким образом, все усиливается, передавая мельчайшие оттенки чувств, которые наслаиваются друг на друга, не теряя при этом прозрачности.

Создается впечатление сиюминутности созданного, как будто автор сам не знает, к каким выводам он придет, плотно нанизывая на нитку стихотворения образы, метафоры, сравнения, тесно оплетая их. Поэтому он не делит стихи на строфы и не дает стихам названий. В них мирно уживаются слова из высокой и низкой лексики, отражающие и высокие и низкие понятия. И это дает поразительный эффект. Ведь еще древние греки, столь любимые автором, заметили, что «розы и фиалки, произрастающая поблизости от лука и чеснока, пахнут приятнее и сильнее». Вот и в его стихах, соседствуя с гаражами и свалками, так трогательно-чисты и болезненно-нежны городские деревья и цветы¹.

Редакторские заметки на полях. *Владимир Ярцев* – один из самых близких друзей Анатолия по поэтическому цеху. Толя очень ценил его стихи. Убедиться в справедливо-

¹ Грунэ Т. М. В своем отечестве пророки. – В кн.: Материк: Стихи. – С. 211.

сти этой оценки может каждый, открывший, например, «Поэтическую антологию»¹, где представлены стихотворения поэта. Владимир написал о Толином творчестве короткое эссе, которое разбил на две части²:

1. «Нет, никогда, ничей я не был современник», – честно признавался Мандельштам. Гении не имеют гражданства и простираются сквозь эпохи. А вот просто хорошие поэты – всегда чьи-то современники и сограждане, даже если они и устремлены в будущее. В новом сборнике лирики новосибирца Анатолия Соколова «Материк» явственно прослеживается его принадлежность к 21-му веку. К стране, где живет. К конкретному городу, где родился и вырос, – Новосибирску. К улочкам, на которых прошло его детство. К истории и географии. Соколов не боится этой сопричастности, потому что ему не безразлично происходящее вокруг, а если быть точнее – на его Родине. Борис Михайлович Эйхенбаум избегал говорить «мастер» применительно к поэту из чисто идеологических соображений. И считал беспочвенными всякие разговоры по поводу «совершенства формь» (форма или есть, или ее нет). Кому интересны эти теоретические обоснования, может обратиться к конспекту его речи на вечере Мандельштама в ноябре 1932 года. Полагаю, однако, что Анатолий Соколов не обидится, если вопреки эйхенбаумовской классификации его назовут мастером. Соколовские метафоры зачастую просто восхитительны. В качестве примера приведу короткое любимое мною стихотворение:

Круша цветочные розетки,
Играет ливень в бильярд
И вздохи парочки в беседе
Оценивает в миллиард.
Должно быть, местный парикмахер
С буфетчицей забрел сюда...
Кусты похожи на монахинь,
Зажмурившихся от стыда.
И в паузе приставив ухо
К решетке, вымытой до швов,
Дождь слушает, но слышит... эхо
Давно разыгранных шаров.

Нечего сказать. Когда все хорошо, лучше помолчать, чтобы ничего не испортить неумеренными похвалами.

Работая в русле отечественной рифмованной силлаботоники – системы стихосложения со столь устоявшейся традицией, где, казалось бы, ничего нового уже не предложишь, Соколов, тем не менее, ведет ин-

¹ Поэты «Сибирских огней». Век XXI: Поэтическая антология. – Новосибирск: ГБУ РСО «Редакция журнала «Сибирские огни», 2012. – С. 475–494.

² Ярцев В. И. Редакторские заметки на полях. – В кн.: Материк: Стихи. – С. 213.

тенсивный поиск. Например, в области метрики, и – что особенно ценно! – рифмообразования. Интересны, в частности, его попытки удлинить стихотворную строку за счет объединения двух смежных, как правило, неравносложных, с обязательной внутренней рифмой. Замечательны неожиданные, не вполне точные и в то же время создающие впечатление богатых, рифмы («хутор» – «компьютер», «бешенством» – «беженцем» и т. д.). Ассонансные рифмы аккуратны, что очень важно сегодня, когда сплошь и рядом корова рифмуется с овцой.

Стихотворения Анатолия Соколова, лишённые внешних «красивостей», насыщены суровой современной лексикой, метафорически пересмысленными грубыми реалиями, включая и новомодные словечки иноземного происхождения, и вполне «свои», русские прозаизмы. Даже заимствования и чужие влияния, аллюзии и реминисценции, порой подспудные, подсознательные, а чаще – вполне осознанные, получая новое смысловое звучание, удачно «вписываются» в оригинальный Соколовский текст.

2. Современное российское литературное, в том числе и поэтическое, пространство разорвано по причине гибели или малой тиражности «толстых» журналов, которыми славилось советское время, и уничтожения государственного книгоиздательства. «Поэтические» интернет-сайты этой утраты не восполняют, тем более что и заполнены они зачастую стихотворной продукцией крайне низкого качества. Судить об общем состоянии отечественной поэзии только по произведениям московских и питерских авторов трудно. Но и они далеко не эталон. Есть, скажем (из недавно прочитанного), тексты, что открываются взору, как обобранный до нитки лес, сквозящий после октябрьского листопада навывлет. Глазу не за что зацепиться: одни только голые стволы и сучья под безнадежно серым небом. А если и трепыхается кое-где случайно не унесенный ветром иссохший листок, – может ли порадовать он одинокого путника? И скудость эта выдается толкователями унылого пейзажа за лирическую ясность.

Существует крайность другого рода. Автор, не утруждая себя долгим отбором, вываливает перед читателем груды предметов (нередко натаканых из культурных напластований различных эпох), среди которых множество вовсе не нужных, и предлагает читателю самому порыться в этой куче: авось, да и найдется что-нибудь подходящее. Совсем как в «комиссионке». Данное безобразие весьма удобно трактовать как «плотность текста», «метафоричность» и т. п.

И если первая опасность поэту Анатолию Соколову никак не грозит, то симптомы второй прослеживаются явственно. Не станем обращаться к его стихотворениям прошлых лет, но перелистаем лишь те, что написаны преимущественно в 2005 году и объединены в первой части сборника «Материю» («Новобранец снег»). С первых строк даже неискушенный читатель ощутит густоту письма. Ту густоту, которая сродни насыщенному

до предела коллоидному раствору, – еще щепотка вещества, и выпадет в осадок что-то важное. Чем вызваны встречающиеся время от времени длинноты и синтаксические нагромождения, одному богу известно. Это не может, например, чуточку «не подпортить обедни» – впечатлений от замечательной в целом «Консервной баллады», где всё консервное – и любовь, и обиды, и счастье, и само время. И так безнадежно-горько (фонтаны массовой культуры, или, по-теперешнему, шоу-бизнеса, увы, неистребимы) и отнюдь не цинично, но в духе «консервной» эпохи, звучат строчки:

Заткните, фонтан, наконец, госпожа Пугачева,
Позвольте послушать спокойно ансамбль Аонид.

А в финале «Консервной баллады» не о тебе ли, современник?

Божественной музыки дайте вкусить напоследок,
И перышка легче – прощание с жизнью дрянной.

Дополню теперь мнение Ярцева об упоминавшемся и мною выше стихотворении «Круша цветочные розетки...»¹. Еще не зная этой рецензии, я тоже обратил на него внимание, точнее, на две его последние строчки:

Дождь слушает, но слышит... эхо
Давно разыгранных шаров.

В них мне послышался знаменитый буддийский коан, предпосланный рассказам Сэлинджера²:

We know the sound of two hands clapping,
But what is the sound of one hand clapping?

Мы знаем звук хлопка двух ладоней,
Но что такое звук от хлопка одной ладони?

Трудно объяснить, что я имею в виду. Это как бы «все – суета и томление духа» (Екклезиаст 2:11). Все давно уже было, все прошло, но и все повторяется. Мои и Толины воспоминания о детстве на Фабричной – это хлопок одной ладони. Сколько ни вспоминай, и даже вслух, невозможно вызвать отзвук о том времени в других сердцах, т. е. услышать звук хлопка одной ладони, как невозможно услышать звук давно разлетевшихся шаров.

¹ Соколов А. Е. Спартаковский мост. Анапесты: Сб. стихов. – С. 6.

² Сэлинджер Дж. Избранное. – На англ. яз. – М.: Прогресс, 1982. – С. 26.

Слово живо. На уже упомянутом выше поэтическом фестивале, заметки о котором Анатолий Соколов опубликовал в журнале «Сибирские огни»¹, «царила звезда русской поэзии Светлана Кекова»². Предоставим ей слово:

В девятом номере журнала «Сибирские огни» (2007 г. – *Авт.*) я прочитала стихи Анатолия Соколова, которые поразили меня энергетической мощью и тем качеством, которое так редко встречается в современной поэзии: в ячейках его «метафорической сети» вся трагическая история России XX века, явленная сквозь призму религиозно-национального самосознания. Как мне показалось, в «Хаме торжествующем» (так называлась подборка Анатолия Соколова) был найден язык, отвечающий сути тех страшных процессов, которые происходят с миром и человеческой душой:

Над телом промотавшегося сына
в сосновой телогрейке и с горбом
Спит западно-сибирская равнина,
в рекламный помещенная альбом.
А мы поодиночке и попарно,
сойдясь к реке, устанем от степей,
Где по-провинциальному вульгарно
луна прилипла к небу, как репей.
Но, ощутив, что мы великороссы,
войдем гурьбой по щиколотки в Обь,
И камешков на дне цветная россыпь
уймет метафизическую скорбь...

«Вот бы познакомиться с этим замечательным поэтом», – подумала я. И вскоре раздался у меня дома звонок: Владимир Берязев, чьи стихи я уже знала и любила, пригласил меня в Новосибирск на фестиваль «Мороз и солнце». Какое было испытано мною давно забытое чувство родства и восторга, когда я на открытии фестиваля слушала стихи новосибирцев Владимира Берязева, Анатолия Соколова, Владимира Ярцева, Станислава Михайлова, Сергея Самойленко, молодых поэтов Владимира Титова и Марины Акимовой, гостей фестиваля Олега Клишина из Омска и моего давнего друга Виталия Дмитриева из Петербурга! [...]. В последнее время остро и мучительно переживается гибель слова, его выветривание, энер-

¹ Соколов А. Е. Заметки о фестивале и поэзии. // *Сибирские огни*. – 2008, № 2. – С. 164–166.

² Кекова Светлана Васильевна (род. 21 апреля 1951 г., Александровск-Сахалинский, Сахалинская область) – российский поэт, филолог. В детстве и юности жила в Тамбове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета (1973). Защитила кандидатскую, посвященную поэтическому языку Николая Заболоцкого (1987) и докторскую («Метаморфозы христианского кода в поэзии Н. Заболоцкого и А. Тарковского», 2009) диссертации. Преподавала в различных вузах Саратова. В настоящее время работает в Саратовской государственной консерватории им. Л. В. Собинова. Ее стихи переведены на все европейские языки. Участник многих международных поэтических фестивалей, лауреат многих литературных премий. Автор трех литературоведческих книг, а также ряда статей. Член Союза российских писателей. Живет в Саратове.

гетическое и смысловое опустошение, его бессилие и тление. Но вот поэтический фестиваль в Новосибирске показал, что слово живо!¹

Светлане Кековой Толя посвятил стихотворение «*Смотрю, как улетают птицы, и не идут слова на ум...*»²:

Смотрю, как улетают птицы, и не идут слова на ум,
У птиц носы торчат, как шприцы, и крылья производят шум.
Отточен ветром каждый коготь, но очи нежностью полны,
Вокруг, как моль, порхает копоть при свете сморщенной луны.
Казалось, нечему дивиться, но ахаешь, взойдя на мост:
Гуськом летит за птицей птица в страну магнолий и мимоз.
Вслед птицам бросят взгляд мещане, пока они не скрылись с глаз,
С шампанским к птицам на прощанье явиться требует соблазн.

И мы с собой приводим женщин, звеня под звездами стеклом.
И под подошвами скрежещет ржавеющий металллом.
Но наши женщины не рады, ведь легкой роскоши отстой
На потемневшие фасады бросает отблеск золотой.
Вдруг организм души расстроит в комочек скрючившийся лист.
Летит журавль как астероид сквозь окна дальноточных линз.
И утки треугольным строем до облаков взлететь смогли
Под немигающим конвоем полночной спутницы земли.

Заставит спрятать руки в брюки поэта смелых птиц краса,
Закроет рот его подруге, принудит вверх раскрыть глаза,
Чтобы душой следить ревниво за ними, словно нищий принц –
Аборигенам жилмассива нет дела до отлета птиц.
Живущий раз, без подоплеки, в долгах страны со всех сторон,
Народ – поклонник зрелищ легких, стремиться ввысь не хочет он.

Какое ощущение возникает при чтении этого стихотворения? О чем оно? Да, конечно, речь идет об осени, поре увядания. Но увядает не только природа. Увядают былые чувства, увядает жизнь. Вроде, все как обычно. Но взойдя на Спартакровский мост и взглянув в вечернее небо, вдруг со щемящим чувством осознаешь свою бренность, ощущаешь, что и ты куда-то постепенно уходишь. «В комочек скрючившийся лист» – это в скором будущем и ты. Улетают птицы, улетают «в страну магнолий и мимоз». Знал ли Толя эти строки:

¹ Кекова С. В. Слово живо. // *Сибирские огни*, 2008, № 2.

² Соколов А. Е. Осенние птицы: Стихи. – С. 30.

Батуми

Хотела б съездить я всерьез
В страну магнолий и мимоз.
Пусть там не родина моя,
Но так хочу я в те края.
Я там была совсем давно,
Сто лет назад, но все равно,
Я смутно помню, как когда-то
Там густо пахли лавр и мята,
Там цвел гранат, шумел приборь...
Пусть все останется мечтой¹.

Ольга Воля Рева, 1996

Светлана Кекова посвятила Толе цикл из четырех стихотворений. Привожу его из письма, полученного мною от нее 5 июня 2017 года. Замечу, что в подборке стихов Светланы, опубликованной журналом «Новый мир»², второе из них отсутствует.

Памяти Анатолия Соколова

Смотрю, как улетают птицы...

А. Соколов

1

Две птицы – Блаженство и Ужас –
летят, опереньем горя.
купаются голуби в лужах
в последние дни октября.

В печальные дни листопада
душе утешения нет,
но грешникам, жаждущим ада,
дарован особенный свет:

он страждущим листьям осенним
несет долгожданную весть
о том, что чревата спасеньем
тоска, пережитая здесь,

что станут иконою Спаса
осенней листвы вороха,
что тайною смертного часа
очищена бездна греха.

¹ Ольга Воля Рева. Батуми. // <http://www.stihi.ru/2015/03/23/5615>.

² Кекова С. В. Зона сияния. // *Новый мир*. 2012, № 1. – С. 28.

2

Села на ограду золотая птичка.
Горевать о прошлом – горькая привычка.

Забывать о прошлом – мелкая уловка...
Золотая птичка, светлая головка.

Светлая головка, маленькое тело:
золотая птичка с неба прилетела

и поет о рае нас, погибших, ради
золотая птичка, сидя на ограде.

3

Ты плачешь слезами сухими,
с собой растаешь навек,
когда превращается в имя
знакомый тебе человек.

Шепчу, содрогаясь от боли:
Вальхалла, Аид и Шеол...
Куда же ты спрятался, Толя?
Куда и зачем ты ушел?

Звездюю серебряно-плоской
украшен под вечер погост,
и плачет в одежде сиротской
по Толе Спартаковский мост,

а он в неземной атмосфере
с нездешнею скрипкой в руках,
как Моцарт, простивший Сальери,
в блаженных плывет облаках.

4

Когда нам сказали: пространство открыто,
мы двинулись молча сквозь лес алфавита,

сквозь дебри согласных – шипящих, сонорных,
сквозь заросли знаков – то белых, то черных.

Мы двинулись молча сквозь облако гласных,
парящих над миром в одеждах атласных.

Сквозь все языки, диалекты, наречья
прошла говорящая плоть человечья.

Зачем? Чтоб изведать молчанья законы.
Зачем? Чтоб увидеть слова, как иконы,

чтоб вещи увидеть знакомые – им бы
 пришлось по душе их словесные нимбы,
 увидеть, как голуби на колокольнях
 клюют наше прошлое в рифмах глагольных,
 увидеть страданье как зону сиянья,
 а смерть – как загадочный знак препинанья.

Апория Анатолия Соколова. В интернете я нашел замечательные слова *Юрия Горбачева*¹, написанные им об Анатолии еще при его жизни. Вот они:

Событием, привлечшим внимание ценителей изящной словесности столицы Сибири, стал выход «юбилейной» книги стихов Анатолия Соколова «Материк». Ее презентация прошла в Доме Цветаевой при Новосибирской государственной областной научной библиотеке. Для того чтобы в час, когда Красный проспект, как горлышко бутылки, заткнут автомобильной пробкой из иномарок с сидящими в них манекеноподобными порождениями прагматичной эпохи, когда барахольные тетки запирают в контейнеры китайское тряпье, те, у кого водится денюга, «оттягиваются» в казино, а молодые уже начищают перышки, чтобы впорхнуть в зевища ночных клубов, собрать два-три десятка человек на мероприятие, презентующее такой «неликвидный» ныне товар, как стихи, – уже достижение. Тем явственнее почти физическое ощущение самоценности поколения, уходившего в лирический штопор, для того, чтобы, вбуравившись в губчато-упругую кору филистерства, просверлить в ней свищ для глотка свободы. Потому еще и еще хочется припасть к этой неиссякающей кислородной струе, перекрыть которую не могут даже Голливуд и вездесущая попса.

– Да и что такое, собственно говоря, поэзия? – воскликнул намеренно разменявший седьмой десяток лет юбиляр, и при всей «поставленности» ораторского искусства, отшлифованного на чтении вузовских лекций, неизбежно заплутал в формулировках. Но невместные в формулировочные реестры дают ответ его стихи:

Зимы, имущество бесхозно,
 Морозы, птичья болтовня..
 Люби меня, пока не поздно,
 Люби меня...

Или:

Но лопату берет человек,
 Выполнив работу с размахом:

¹ **Горбачев Юрий Николаевич** (род. в 1954 г., г. Новосибирск). Окончил филологический фак-т Томского государственного университета. Журналист. Работал на радио и в газетах Новосибирска. Публиковал стихи, эссе, прозу в журналах «Сибирские Огни», «Новосибирск», в коллективных сборниках «Дебют», «Опасности свободы воображения», альманахах «Мангазее», «Европейская словесность». Автор поэтического сборника «Средокрестье» (1990).

Месит черную сажу и снег,
Словно тесто для бубликов с маком.

Зарисовочно-акварельные, или «густо» покрытые «пастозным мазком», как писанные маслом холсты, тексты (как сам говорит о своих детищах автор) Анатолия Соколова – всегда умозрение в красках. Увидеть «окорок пляжа» или «общипанную курицу реки», услышать, как «Вороны стаей грампластинок // Над домом кружатся с утра», – это по-Соколовски. Как в мазках настоящей живописи присутствует целый «хромосомный набор» животворного солнечного света и даже, то, что уходит в область ультрафиолета или инфракрасной части спектра, так в этих текстах содержатся множачищиеся на шершавых неровностях метафор смыслы.

Из головы весь мусор выкину, стихи оставлю,
На гору отнесу кудыкину ружье и саблю.
Идет прием с утра до вечера металлолома,
И на зубах слепого Хроноса хрустит солома.

Стихи Анатолия Соколова, которые во многом сродни эстетике выразившего дух города немислимых совмещений и напластований живописи Николая Грицюка, – как бы «переваривают» беспробудный бытовизм существования в духоносную материю. (Так радиолария выстраивает свой хрупкий ажурный скелет, чтобы защитить себя от давления океанической толщи.) Важно и то, что Анатолий Соколов, и круг «проклятых поэтов», в который продолжают быть вовлечены и по-палехски «деревенский» Александр Денисенко, и по-лешачьи фольклорный Иван Овчинников, и харизматичный бард Николай Шипилов, и поэт-философ Сергей Ларченко, и снискавшая славу в столице нашей родины Нина Садур, и «завязавший» рифмовать Евгений Лазарчук, – как бы оставаясь вне сумасшедшего времени, генерируют образ жизни и образ мировидения, который не вписывается ни в какую застывшую «системность». А это обнадеживающая прививка от всепроникающего напора неряшливого пост-соцарта. У Парижа Поль Верлен и Артюр Рембо. А у нас? Неужели мы априорно отказываем себе в подобного рода персонализациях? Неужели чересчур претензионно? А может быть, наши Верлен и Рембо – это обитающий неподалеку от Спартаковского моста Анатолий Соколов и его соратник по поэтическому цеху, проживающий возле площади Станиславского, – Владимир Ярцев, подписавшийся в послесловии к книге друга – «эсквайр»? И недаром, наверное, в переключке взаимных посвящений из-под пера Владимира Ярцева вырвалось:

Был безвестным и непризнанным,
Но зато самим собой,
Лишь себя считая призванным
Править собственной судьбой.
(«Поэт»)

Анатолий Соколов продолжает править собственной судьбой по законам, родственным апориям Зенона. А этот античный мудрец-парадоксолист брался доказывать, что, Ахиллес никогда не догонит черепаху. Видимо, это и есть проклятая судьба стремящегося к совершенству. Стихи «мешали» и продолжают «мешать» Анатолию Соколову перескочить на рельсы жития, в котором бы все было геометрично-правильно. (Как и надомные занятия живописью и резьбой по дереву.) «Мешают» защитить докторскую диссертацию по философии, стать «правильным», под завязку остепененным профессором. Он не может бросить писать длинные баллады (редакторы очень любят их сокращать, находя точку на первом «антитезисе», не желая вникать в пространные и «густые» «добавления» и «комментарии») и начать изъясняться только языком научных работ, к чему обязывает даже статус кандидата философии. И поэтому нам еще посчастливится присутствовать при рождении чуда. «Что может быть в природе лучше бури?» Поэтому и парусу одинокому белеть, и Лермонтову валиться набок у подножья Машука. Конечно же, Анатолий Соколов не «оставит» стихи в смысле – бросит писать, а «оставит» их «сумасшедшую невнятицу» (Владимир Ярцев) при себе. Как спички, табак, Пастернака в походной сумке странника духа...¹

Юрий Горбачев, 2006 г.

Оторопь. В заключение этого раздела приведу еще один опыт литературной критики самого А. Соколова. В 2004 году по его инициативе и при его поддержке в Новосибирске был издан сборник стихов поэта-философа Сергея Ларченко², к которому А. Соколов предпослал предисловие «Оторопь». Из этого предисловия можно почерпнуть и некоторые факты литературной жизни Новосибирска в 60-е годы прошлого века. Привожу его полностью:

Автор сборника стихотворений «Деревья...» – известный сибирский ученый. Доктор философских наук. Основная область исследований С. Ларченко – социальная философия, философия истории, методология общественных наук. Научное творчество его отображено в монографиях и коллективных трудах, а плоды литературных вдохновений до настоящего времени никогда и нигде не публиковались. Данная книга – первый опыт автора выхода на широкую читательскую аудиторию. Хотя тираж 400 экземпляров в достаточной мере скромный.

Поэзия для С. Ларченко больше, чем хобби. В конце 60-х, будучи студентом НГУ, С. Ларченко витийствовал в литературном объединении

¹ Апория Анатолия Соколова. // <http://www.proza.ru/2015/03/09/380>

² Ларченко С. Деревья без листьев. Стихи. / Ред. В. М. Башунов, В. А. Берязев. Предисл. А. Соколов. – Новосибирск: 2004. – 96 с.

И. О. Фoniaкова, принадлежа к одной, связанной общими творческими принципами интересами, группе с легендарным А. Маковским, И. Бухбиндером и, вероятно, с самым дерзким молодым пиитом, ставшим вскоре известным правозащитником, а позже эмигрантом В. Делоне. Об этом автор вспоминает в ностальгическом стихотворении «Хроническая память»:

Перчатку рапирой пришили к панели
Бухбиндер упрямо учился с похмелья,
И мутным пятном отражалась в окне
Застенчиво строгая грусть Делоне.

После бурных 60-х (после «оттепели») С. Ларченко отходит от поэзии, жертвует ею, отдавая всего себя теоретической деятельности и преподаванию философии. Стихи пишет эпизодически, ситуативно. С ним случилось в это время может быть самое опасное, что может случиться с молодым автором – он выпал из поэтической тусовки. На мой взгляд, для человека, серьезно занятого версификацией, необходимо постоянно иметь рядом достойного собеседника-критика. Вот этого постоянного критического внимания С. Ларченко оказался лишен несколько десятилетий. И это сказалось на произведениях. Автор будто стесняется быть откровенным, прячет чувства под маской холодного циника и резонера. Но все-таки просачивается в стихах дух подлинности, свидетельствующий о таланте:

Зима была пустой надеждой –
Сожми последний снег. На свет,
Сквозь вмятины от пальцев, между
Пяти лучей – горит рассвет!
«Призма»

Книжка «Деревя...», по признанию автора, содержит оригинальные стихи и переводы, созданные как много лет назад (цикл «Поезда» 1965 года), так и совсем свежие («Сюрреалистический сонет» и уже упоминаемое – «Хроническая память» 2004 г.). Это тексты, написанные рафинированным горожанином. С одной стороны, сложные, изощренные, абстрактные, умные. С другой – порой нарочито неуклюжие, бесхитростные.

Почти все стихи имеют названия. Часто весьма оригинальные. Например, «Каббалистический коллаж», «Призма», «Членовоз», «Монодиалог» с эпиграфами из Сартра и Камю. Кажется: они порой нуждаются в дешифровке, поскольку напоминают не родившиеся спонтанно тексты – откровения, а специально сконструированные ребусы и кроссворды. А нужно ли это? Стихи оригинальны по своей организации. В них встречаются яркие, запоминающиеся образы. Особенно в ранних, которые кажутся более экспрессивными, красочными:

Лицо окна в испарине под утро
«Луна и сад»

Есть в них динамика и выразительность. Например, концовка в юношеском стихотворении «Поезда»:

В полутьме тишиной зачарованный,
Я вдыхаю дорожную гарь...
Мне мигнул, как окурок обжеванный,
Хвостового вагона фонарь.

В стихах С. Г. Ларченко нет следов воздействия литературного официоза. Он признается в том, что на него оказали в свое время влияние Е. Боратынский, И. Анненский, М. Волошин, ранний В. Маяковский. При этом они, безусловно, отличаются «лица необщим выраженьем», не похожи на дилетантские вирши самодеятельных авторов, сделаны вполне профессионально. Сказываются его неординарность, высокая литературная культура. Автор никогда не подгоняет свои тексты к расхожим стандартам, не приспособливается к вкусам потенциальных литературных редакторов. С. Ларченко совершенно независим от современных веяний литературной моды, не ориентируется на постмодерн, во многом традиционен. Книжка С. Ларченко заслуживает внимания и, безусловно, будет встречена и прочитана с большим интересом родными, многочисленными друзьями, коллегами и знакомыми автора. Надеюсь выход сборника позволит автору пережить вторую поэтическую молодость.

Анатолий Соколов

От себя добавлю, что Сергей Ларченко прислал мне эту книжку своих стихов, и я получил истинное наслаждение от ее прочтения.

3.4. Стиль

В литературоведении под стилем понимают единство всех элементов художественной формы. То есть о стиле произведения можно говорить только тогда, когда художественная форма этого произведения достигла определенного эстетического совершенства и стала способной воздействовать на сознание читателей. В этом смысле среди стихов А. Соколова практически нет проходных. Технический уровень стихов таков, что любое из них заставляет читателя сопереживать с автором, сравнивать свое мироощущение с его чувствами.

Читать Соколова трудно, так как надо понимать его язык, который насыщен образами, интонациями, смыслами, ассоциациями, артефактами, заимствуемыми как из разных

культурных эпох и сфер бытия, так и просто из окружающей жизни. А если не знаешь язык, то, как говорил Гете,

Wer den Dichter will verstehen,
muß in Dichters Lande gehen¹.

* * *

Кто хочет понять поэта,
должен идти в страну поэта.

Стиль согласно Гете «покоится на глубочайших твердых познаниях, на самом существе вещей, поскольку нам дано его распознавать в зримых и осязаемых образах». Именно термин *стиль* служит «для обозначения высшей степени, которой когда-либо достигало и когда-либо сможет достигнуть искусство»². Обратимся к поэтическому стилю поэзии Соколова.

Сюжетность. Мне всегда казалось, что в Толиных стихах нет сюжета. Вернее он есть, но как бы всегда один – передача какого-то конкретного настроения или отношения к чему-то. Многие отмечают, что в стихах Соколова преобладают какие-то тяжелые настроения, настроения неприятия происходящих в мире (точнее, в нашей стране) событий последнего времени. К этой теме он постоянно возвращается почти во всех стихах. Это могут быть стихи самые разные – посвящения друзьям и близким, лирические, навеянные сиюминутным настроением, а могут быть и развернутые большие полотна, вбирающие в себя массу различных пережитых чувств или параллелей с какими-то конкретными фактами. Таким образом, в стихах Соколова присутствует, скорее, не сюжет, а тема, которая для своего понимания требует от читателя специальных усилий.

Для образного раскрытия темы Анатолий использует мощные инструменты – высококлассное владение античной и средневековой мифологией, законы эстетики поэтического творчества, блестящее владение словом – неподражаемые метафоры, сравнения и эпитеты, антитезы, виртуозные риф-

¹ Гулыга А. В. Искусство в век науки. – М.: Наука, 1978. – С. 36.

² Гете И. В. Об искусстве. – М.: Искусство, 1975. – С. 95, 97.

мы. Приведем несколько примеров, при этом для полноты восприятия сказанного воспользуемся и образцами поэзии других авторов.

Рассмотрим, например, стихотворение из позднего сборника «Осенние птицы»¹:

Догорающей жизни солома,
И пронзительный запах шanelи...
Незнакомка из желтого дома,
Ты забыла меня неужели?
Помню, как проникал к тебе в терем
Сквозь дождя черно-бурые прутья
С шестикрылым таинственным зверем,
Повстречавшимся на перекутье.
В чудном тереме с водкой и тортом,
Словно в башне из кости слоновой,
Мы втроем предавались восторгам
До зари, золотой и багровой.
Только вдруг кукарекает птица –
Кончен бал, и плоды наших оргий
В переплетах на полках пылиться
Повезут на авто в книготорги.
Желтых листьев густое повидло
Толстым слоем лежит на дороге,
Сердцу кажется: солнце погубило,
Но рождается месяц двурогий.
Ах, зачем это чудо с рогами,
Золотистым покрытое плюшем,
Люди добрые топчут ногами,
И машины колесами плющат?

Тема стихотворения – размышление об «осени жизни» и тоска по приливам вдохновения, просветления и творческим ночам в уединении. В стихотворении используется очень много образных средств для раскрытия темы. Перечислим некоторые из них, сразу отметив, что здесь много реминисценций (воспроизведений поэтом знакомой фразовой или образной конструкции из другого художественного произведения), аллюзий (иронических намеков на хорошо известные факты либо обстоятельства).

¹ Соколов А. Е. Осенние птицы: Стихи. – С. 12.

«Догорающей жизни солома» – зачин, определяющий всю тональность стихотворения. Поэт имеет в виду свой возраст, неудовлетворительные итоги прожитой жизни, ее неуспешность. В обыденном смысле солома – то, что остается на поле после уборки и обмолота злаков. Плоды жизни убраны, сама жизнь догорает как свеча, осталась солома.

«И пронзительный запах шанели» – контраст изысканного и убогого, желаемого и действительного, мечты и реальности.

Вот другая аллюзия:

Незнакомка из желтого дома,
Ты забыла меня неужели?

О какой незнакомке идет речь, тем более из «желтого дома»? Об этом можно только догадываться. У большого поэта всегда есть недосказанность, загадка, какие-то наслоения смыслов. По устоявшейся в русской литературной культуре традиции понятие «желтого дома» часто связывалось с психобольницей, например, у Достоевского:

Ах, Видоплясов, Видоплясов! Что мне с тобой делать? – сказал с сокрушением дядя. – Ну, какие тебе могут быть обиды? Ведь ты просто с ума сойдешь, в желтом доме жизнь кончишь!¹

У Грибоедова в «Горе от ума» желтый дом упоминает персонаж Загорецкий, сочиняя небылицы о Чацком:

Его в безумные упрятал дядя-плут...
Схватили, в желтый дом, и на цепь посадили.²

Подобное учреждение было и в Новосибирске – куда без него. И располагалось-то неподалеку от автора – в самом конце ул. Фабричной, где она переходит в ул. Владимирскую. В Новосибирске так и говорили – «попасть на Владимировскую». Только вряд ли прежняя гостя автора – лирического героя стихотворения, сбегала от опеки медперсонала. Скорее, речь идет о Музе, прихода которой так жаждет поэт. Означенная незнакомка тоже, как и большинство поэтов, «не

¹ Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели. // Достоевский Ф.М. Избранные сочинения. – М.: ОГИЗ ГИХЛ, 1947. – С. 183.

² Горе от ума. // Грибоедов А.С. Избранное. – М.: Правда, 1985. – С. 109.

от мира сего», и их поведение и образ мыслей не каждый сочтет нормальными. Поэт тоскует о часах вдохновения.

«С шестикрылым таинственным зверем» – очевидный намек на строки пушкинского «Пророка», во всей глубине смыслов восходящего к первоисточнику – христианской мифологии:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился¹.

Поэт ожидает, что верховный ангел поможет обострить зрение и слух и обрести мудрость, чтобы в часы вдохновения, дарованного Музой, «глаголом жечь сердца людей».

«Помню, как проникал к тебе в терем» – аллюзия к русской народной песне «Живет моя отрада»², что исполняла Лидия Русланова. Автор вспоминает творческие ночи прежних лет, как проникал «в терем» к Музе, для него терем – это убежище, место творений, одиночества.

Войду я к милой в терем
И брошусь в ноги к ней...

Теперь следующие четыре строчки:

В чудном тереме с водкой и тортом,
Словно в башне из кости слоновой,
Мы втроем предавались восторгам
До зари, золотой и багровой.

Здесь вспоминается «светлый терем с балконом на море» из песни Владимира Высоцкого «Здесь лапы у елей дрожат на весу...»³. В строке: «Мы втроем предавались восторгам» подразумеваются автор, серафим и Муза.

¹ Пушкин А. С. Избранные произведения. Т. 1. – М.: Худ. литература, 1970. – 640 с. – С. 136.

² «Живет моя отрада» – известная русская народная песня, созданная на основе стихотворения С. Ф. Рыскина «Удалец» (1882 г.) в обработке М. Д. Шишкина.

³ Высоцкий В. С. Не пройдет и полгода: Песни, стихотворения. – М.: Эксмо, 2010. – С. 219.

«*Башня из слоновой кости*» — метафора, впервые использованная в библейской «Песне песней»: «Шея твоя — как столп из слоновой кости» (Песн. 7:5). В эпоху романтизма смысл метафоры значительно видоизменился; она стала обозначением ухода в мир творчества от проблем современности, самоизоляции, замыкание в духовных исканиях, «оторванных» от «прозы жизни».

Ночь — благодатная пора для творчества. Толя говорил, что любит работать ночью. Это видно и из его писем — он спал в сутки по три–шесть часов, постоянно не высыпался.

«*Только вдруг кукарекает птица*» — здесь можно вспомнить «Вия» Гоголя, когда петух кукарекает перед наступлением утра, прогоняя нечисть:

– Вот он! — закричал Вий и устави́л на него железный палец. И все, сколько ни было, кинулись па философа. Бездыханный грянулся он на землю, и тут же вылетел дух из него от страха. Раздался петуший крик. Это был уже второй крик; первый прослышали гномы. Испуганные духи бросились, кто как попало, в окна и двери, чтобы поскорее вылететь, но не тут-то было; так и остались они там, завязнувши в дверях и окнах¹.

Перейдем к следующим строчкам:

Кончен бал, и плоды наших оргий
В переплетах на полках пылиться
Повезут на авто в книготорги.

Плодами «оргий» в компании Музы и серафима являются стихотворения, и поэтические книжки отправятся на полки книжных магазинов, ожидая взыскующего читателя.

И, наконец, переходим к заключительным строчкам:

Желтых листьев густое повидло
Толстым слоем лежит на дороге,
Сердцу кажется: солнце погибло,
Но рождается месяц двурогий.
Ах, зачем это чудо с рогами,
Золотистым покрытое плюшем,
Люди добрые топчут ногами,
И машины колесами плющат?

¹ Гоголь Н. В. Сочинения в двух томах. Т. 1. — М.: Худож. лит., 1969. — С. 377.

Это осень жизни. Солнце жизни заходит, но восходит луна, в данном случае – месяц. Луна была для китайских поэтов древности символом красоты и вдохновения и в то же время воплощением Запредельного, Неведомого. Вот и здесь – жизнь близится к завершению, а вдохновение, наоборот, все больше наполняет поэта, хотя окружающие не ценят и не понимают этого. Становится понятной горечь поэта по поводу того, что люди топчут все это ногами, а машины плющат колесами. Отметим также аллюзию со строчками из стихотворения А. Денисенко «Грусть невестина. Идет теплый снег...»:

Сколько ног вышивало мне снег под окном,
А потом, когда пряжа распалась,
Я прощенья просил у знакомых икон,
Что втоптал эту вышивку в грязь¹.

А. Соколов любил поэзию А. Денисенко (в разговорах со мной он отмечал это), уважал и ценил поэта. О родной деревне Александра Денисенко говорится в Толином стихотворении «Воцаряется в Моткове сладкий запах запустенья...»².

Условность и жизнеподобие. Отличительная черта поэзии Соколова – привязка к топонимическим реалиям Новосибирска, а также к фактам его биографии, порой неизвестным читателю. Человеку, не жившему в Новосибирске, многие строчки его стихов останутся непонятными. Тем более что сами эти строчки погружаются в ткань стиха таким естественным способом, выглядят как некий поэтический прием, что можно и не догадаться о существовании какого-то другого скрытого в них смысла. Эта особенность творческого метода Толи присуща многим его стихам.

Рассмотрим, например, следующее стихотворение, к которому приведем комментарий, поясняющий высказанную мысль:

1 Как старый налим, замороченный сетью в Нарыме,
2 Я воздухом впитывал воздух завода пластмасс,

¹ Денисенко А. И. Пепел: Стихи и проза. – Новосибирск: Поэтическая библиотечка, ж-л «Сибирские огни», 2000. – С. 6.

² Соколов А.Е. Крепость: Стихи. – С. 96–97.

3 За мною следили деревья глазами гнилыми,
4 И в небе сверкала луна, как граненый алмаз.
5 Хотелось воспеть от души городские красоты,
6 И от земляков получить шоколад похвалы,
7 Но зорко из окон домов, превратившихся в дзоты,
8 Следили за мной подозрительных взглядов стволы.
9 Сегодня ковчег мой октябрьский едва управляем,
10 Но все же подругам морщинистым необходим,
11 Когда поплывут журавлей косяки баттерфляем,
12 Попавшие сразу в попутный воздушный Гольфстрим.
13 За ними листва под влиянием термальных течений,
14 Влачится, зрачки обжигая сиянием шкур.
15 Спасения нет в этом городе от заблуждений,
16 И смысл ауспий не может постигнуть авгур.
17 Кончается жизнь, как завод в патефоне трофейном,
18 Уже рукоятку вертеть не хватает дрожжей.
19 И вера в прогресс эфемерней бутылки с портвейном,
20 И храм – это только красивый ансамбль муляжей.
21 Где берег Оби украшается порослью рыжей,
22 И жадного банка за месяц отстроился куб –
23 Вдруг как привидение встретит трамвай с Водно-Лыжной
24 Фабричная улица лесом дымящихся труб.
25 Зачем этот призрак является, ум будоража?,
26 Знамен нашей славы с успехом прошла распродажа –
27 Без имени-отчества в документальном кино
28 Мой город как Китеж ушел безвозвратно на дно...
29 Такси на мосту на меня словно кошки шипели,
30 И крыша театра казалась могильной плитой,
31 Часовня на месте угрюмой фигуры в шинели,
32 Как зуб на проспекте в коронке торчит золотой.
33 Над прахом домишек, скопившихся в Каменной яме,
34 Шустрит в «Эльдорадо» и «Мегасе» новый народ,
35 И чернь, с отвращеньем смеясь над опавшими днями,
36 Свой слух услаждает халвою хазарских острот...
37 Еще дребезжит многоклеточный призрак трамвая,
38 И мучит фокстроты оркестр в Центральном саду...
39 И кружится в воздухе порознь листва отрывная
40 В безумной надежде с земли улететь на звезду¹.

1–4. *Нарым* – небольшой поселок в Томской области вниз по Оби, куда в памятные всем годы ссылали политзаключенных. В центре Новосибирска имеется Нарымский сквер, название которого напоминает об этих страницах нашей

¹ Соколов А. Е. Осенние птицы: Стихи. – С. 48.

истории. На территории сквера располагается Вознесенский собор. *Запах* с химзавода, расположенного около дома, Толя вдыхал всю жизнь. *Гнилые глаза деревьев* – чисто визуальный образ: деревья, особенно тополя, в городе регулярно подрезали, а на месте сучков часто образуется гниль.

5–8. Так хочется радоваться жизни, творить – вот, скажем, и книжка стихов вышла (или защищена диссертация, улучшено жилищные условия, что-то еще), но у окружающих закипает зависть, вчера ты был, как все, а теперь вот не как все. «*Стволы взглядов*» перекликаются с «*глазами деревьев*»!

9–12. *Ковчег* – это семья. С возрастом в семьях часто нарушается гармония отношений, но чем старше, тем сильнее женщине нужен спутник жизни. Надвигается старость, и *журавли*, в прямом и переносном смысле, т. е. друзья, начинают постепенно покидать нас, улетать в далекий неведомый край, откуда нет возврата.

13–16. Уплывают не только журавли, но и все остальное, все поглощает река времени, обернешься назад, как-то жил, к чему-то стремился, все сон обманчивый, что будет дальше? *Авгуры* – члены почетной римской коллегии жрецов, которые пытались предсказать исход событий, гадая по природным явлениям или поведению животных. *Ауспиция* – гадание конкретно по поведению птиц. В переносном смысле с авгурами ассоциировались люди, с глубокомысленным видом покрывающие свои знания налетом тайны.

17–20. В нашем детстве были *патефоны*, на праздники их иногда выносили на улицу, их нужно было заводить специальной съемной ручкой. Теория *прогресса*, в общем, оказалась несостоятельной. Если в технократическом смысле еще как-то – *да*, то во всем остальном – *нет*. Православие в том виде, которое мы знаем из книг, уже не вернуть.

21–24. Описываемое место – бывшая пристань «Верхне-Пригородная», на ее территории в годы нашего детства высились горы деревянных чурок, которыми заправлялись мелкие суденышки, на одном из которых ходил отец Анатолия. Рядом с пристанью располагалась *Водно-Лыжная*

станция. Эту пристань позже снесли, и на ее месте воздвигли стеклянный павильон новой пристани, в нем-то потом и расположился банк. «Водно-Лыжная станция» была конечной остановкой трамвая № 1, здесь он делал кольцо вокруг огромного амбара (скорее всего, бывшего тира), потом, пересекая ул. Большевистскую (начало Красного проспекта), делал остановку возле 74-й школы (ост. «Мостовая») и двигался далее по ул. Серебренниковской до Ипподромского рынка, поворачивал налево и заканчивал маршрут у ж/д вокзала.

На Фабричной дымили трубы ТЭЦ-1, и еще какая-то большая каменная труба прямо напротив Дома грузчиков (труба мельзавода?). Кажется, на самом ее верху был указан год ее постройки. ТЭЦ-1 несколько раз в сутки оглашала окрестности гудком, возвещавшим начало или конец рабочего дня. Кроме того, на Фабричной располагались химзавод, Речной порт, Заготзерно (склады, занимавшие большую территорию возле Дома грузчиков до конца Фабричной вплоть до ж/д путей), мельзавод, товарная станция («товарка»), хлебзавод, пивзавод (он располагался вплотную с химзаводом рядом с переездом через ж/д пути, от которого под косым углом расходились бравшие здесь начало две улицы – Коммунистическая и Революции), и что-то еще. Этот пивзавод (бывший пивоваренный завод «Богемия») упоминается еще в справочнике по Ново-Николаевску¹, выпущенном в 1912 году.

25–28. Согласно легенде (сказание о невидимом граде Китеже) при приближении врагов *Китеж* погрузился на дно озера Светлояр и стал для них недоступен. Оказавшись в 2014 году на «Башне» и выйдя из метро, я, уроженец Новосибирска, не узнал город, потерял направление среди бесчисленных киосков и пристроек и ушел не в ту сторону.

29–32. Во дворе старого ТЮЗа находится сквер Героев революции, где имеется братская могила героев гражданской войны, которым установлен памятник в виде руки, про-

¹ Справочник по городу Ново-Николаевску. 3-е издание. – Новосибирск: ВО «Наука» – Сибирская издательская фирма, 1992. – С. 126.

бывающей сквозь каменную глыбу и вздымающей факел. Там же раньше была могила последнего французского коммунара Адриена Лежена (3 июня 1847 г. – 9 января 1942 г., Новосибирск). Потом его прах был перенесен во Францию. В сквере также установлены бюсты героям гражданской войны в Сибири Петухову, Щетинкину, Романову, Серебренникову и другим. В центре города есть улицы их имени.

Перед театром в нулевые годы была установлена электронная Доска почета, имена на которой в течение дня периодически менялись. Какое-то время на ней было имя Анатолия Соколова. В конце бульвара на пересечении ул. Горького с Красным проспектом до 1960 года стоял памятник Сталину. Сам же памятник Сталину был воздвигнут почти на том же месте, где ранее стояла снесенная часовня (сохранился ее снимок¹). Теперь эта часовня восстановлена.

33–36. Русло *Каменки* давно замыто, видимо, что-то еще осталось; «*Эльдорадо*» и «*Мегас*» – сетевые потребительские магазины; опавшие дни – советское время, т. е. время нашей молодости. О *хазарах* много написано, см., например, книги Льва Гумилева² и Милорада Павича³.

37–40. *Центральный сад* (ранее парк им. Сталина) размещается на месте бывшего кладбища в самом центре города недалеко от Оперного театра. В таких парках раньше существовали эстрады, на которых по вечерам играл оркестр, и устраивались танцы. *Листва отрывная* – это образное сравнение с листьями отрывного календаря:

С календарика отрывного
Отколушывая листок,
Совесьть мучает Соколова
Если нет давно свежих строк⁴.

В «Осени» («Herbst») ⁵ Рильке – это образ увядающих небесных райских садов, они облетают, и листья безропотно падают вниз:

¹ Там же. – С. 62.

² Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. – М.: Айрис-пресс, 2012. – 416 с.

³ Павич М. Хазарский словарь: Роман-лексикон. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 384 с.

⁴ Соколов А. Е. Осенние птицы: Стихи. – С. 3.

⁵ Reiner Maria Rilke. Das Buch der Bilder. – Insel Verlag, 1976, S. 39.

Die Blätter fallen, fallen wie von weit,
 Als welkten in den Himmeln ferne Gärten;
 Sie fallen mit vereinender Gebärde.

* * *

Подстрочник:

Листья падают, падают как бы издалека,
 Словно в небесах увядают далекие сады.
 Они падают с каким-то объединяющим их жестом.

У Соколова, наоборот, — листья, кружась, стремятся улететь вверх, к звездам, т. е. в безумной надежде пытаются спастись.

Обратимся к еще одному типично Толиному стихотворению¹:

- 1 Опять октябрьский листопад меняет тему разговора.
- 2 На Маркса сорок лет подряд шумит кинотеатр «Аврора»,
- 3 Закручивая кинофильм, где мизансцены, как спагетти,
- 4 И шестикрылый серафим в пространстве кружится до смерти.
- 5 Отравленный в юдоль Отцом он бодрствовал глубокой ночью,
- 6 А утром как тяжелый сон рассудком разрывался в ключья.
- 7 Пророка нет в стране, ну что ж, зато милиция на страже,
- 8 И, словно шишкинская рожь, толпа волнуется в пейзаже...
- 9 Продукция земли родной — бальзам уму и ощущениям —
- 10 За сутки выкрашена хной корыстным волшебством осенним.
- 11 Береза в рыжем парике трясется, как больная птица...
- 12 Когда мечтает вниз к реке студент с сокурсницей спуститься.
- 13 Скатиться кубарем туда, где девушка на все согласна,
- 14 И рядом пенится вода, и, безусловно, жизнь прекрасна.
- 15 Смочи в реке подошвы ног — и сразу ум зайдет за разум,
- 16 Обь вступит с ними в диалог движением волнообразным.
- 17 Ужо тебе, река, как встарь, назло восточному варягу
- 18 Перемешать воды янтарь, обсасывая всласть корягу.
- 19 Как жадно верят в мир иной, пока блестит речная сбруя,
- 20 Захваченные ерундой, друг друга храбро интригуя.
- 21 Но вдруг ненастье налетит, и дождь смешает краски спектра,
- 22 И Обь, как Ахеронт, шумит, и ты не Марья, а Электра,
- 23 И твой наперсник весь в поту, содрал с себя прикид штафирки,
- 24 Царем Итаки на плоту бежит гостеприимства Кирки...
- 25 Под вечер уходить пора, а в перспективе — дискотека,
- 26 Где куздра глокая бокра с бокренком будланула штеко.

¹ Соколов А. Е. Осенние птицы: Стихи. — С. 50.

1–4. Новосибирск располагается на двух сторонах Оби. Переезжая с правого берега на левый по коммунальному мосту и преодолевая затяжной подъем, попадаем на левобережье, открывающееся проспектом *К. Маркса*. Проспект очень короткий, по левой стороне (если смотреть от моста) заканчивающийся домом № 30. В следующем доме № 28а в 1980–1982 гг. жил я, а по адресу пр. К. Марса, 26 располагается институт советской кооперативной торговли (НИСКТ), в котором до последних дней жизни работал Анатолий, и в котором я тоже работал в 1978–1982 гг. Кинотеатр «*Аврора*» располагается на нечетной стороне проспекта напротив дома № 28а.

5–10. *Юдоль* – устаревший синоним долины; в настоящее время используется как поэтический и религиозный символ, обозначающий тяготы жизненного пути, с его заботами и сложностями. *Шишкинская рожь* – имеется в виду картина русского художника Ивана Шишкина «Рожь» (1878). Во все времена пшеница – основной продукт экспорта нашей страны.

11–14. «*Когда мечтает вниз к реке*». Если теперь, стоя рядом с институтом, повернуться лицом к реке, то можно пешком спуститься к ней по правой стороне от насыпи (и по левой тоже), которая долгое время не была обустроенной. Ближе к реке начинались заросли кустарника, где хорошо было отдохнуть вдаль от посторонних глаз практически в черте города. Именно здесь было также и открытое место, прогалина, где мы в нашу бытность житья на Фабричной любили играть в футбол. Для этого мы на трамвае переезжали через мост. Но остановки сразу после моста не было. Трамвай ехал без остановки до Горской. Поэтому мы, прицепившись за трамвай сзади, иногда, чтобы не идти обратно с Горской, прыгали с трамвая.

15–20. «*...назло восточному варягу*» – возможно, имеются в виду татары, коренные жители Сибири в то давнее время. Недалеко от Новосибирска находится Ордынский район с райцентром Ордынское. По легенде на этом месте произо-

шло одно из сражений Ермака с татарами. Также аллюзия со строчкой Пушкина из «Медного всадника»¹:

И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно.

21–24. *Ахеронт*. Обыкновенно этим названием обозначался весь подземный мир. Собственно, река подземного мира, около которой блуждают души умерших. «*Электра*» – трагедия древнегреческого драматурга Софокла². *Штафирка* – подкладка или борт подкладки в ботинках, обшлагах, юбках и т. п. *Царь Итаки*. Одиссей, в древнегреческой мифологии царь Итаки, супруг Пенелопы и отец Телемаха. Волшебница *Кирка* (в латинизированной форме *Цирцея*) – дочь бога Гелиоса. Во время своих странствий Одиссей целый год гостил у Кирки³.

25–26. «*Глокая куздра штеко будланула бокра и курдючит бокрѣнка*» – искусственная фраза на основе русского языка, в которой все корневые морфемы заменены на бессмысленные сочетания звуков. Несмотря на это, общий смысл фразы понятен: некоторая определенным образом характеризующая сущность женского рода что-то сделала определенным образом с другим существом мужского пола, а затем начала (и продолжает до настоящего момента) делать что-то другое с его детенышем. Фраза создана для иллюстрации того, что многие семантические признаки слова можно понять из его морфологии. Пример был предложен академиком Л. В. Щербой в 1925 году и использовался на вводных лекциях к курсу «Основы языкознания» в Институте истории искусств. Широкую известность эта фраза приобрела после публикации научно-популярной книги Льва Успенского «Слово о словах»⁴.

¹ Пушкин А. С. Избранные произведения. Т. 1. – М.: Худож. литература, 1970. – С. 388.

² Софокл. Трагедии. М., 1979. – С. 359–421.

³ Гомер. Одиссея. Песнь X. – Новосибирск: Новосиб. книж. изд-во, 1988. – 420 с.

⁴ Успенский Л. В. Слово о словах. Ты и твоё имя. – Л.: Лениздат, 1962. – 635 с.

Композиция. Под композицией обычно понимается форма реализации поэтического произведения. Таких форм существует великое множество. Скажем, сонет (которые также бывают разных видов) – одна из возможных форм. На раннем этапе творчества А. Соколов большее предпочтение отдавал катрену (четверостишиям). Затем у него стали появляться другие форматы – своеобразные монологи по 20–30 строк без разбиения на катрены или более короткие стихи, тоже без разбиения.

Внутреннее единство стиха достигается *рифмами*, которые также бывают исключительно многообразными. Некоторые из них мы поясним далее конкретными примерами. Этим элементом А. Соколов владел в совершенстве. Кроме того, существуют *способы рифмовки*. Основными из них являются – смежная (**аабб**), перекрестная (**абаб**) и кольцевая (опоясанная, охватная), которой соответствует схема **абба**. Соколов использует, в основном, первые две. Наконец, еще одной композиционной характеристикой стиха является *кульминация* – точка, в которой достигается наибольшее напряжение и после которой происходит медленный спад, рядка, ведущая к финалу.

Кульминация может располагаться в самых разных точках стиха, а может как бы и отсутствовать, что также характеризует индивидуальность конкретного автора. У меня сложилось впечатление, что в большинстве случаев в стихах Соколова кульминация выражена довольно слабо – изложение ведется в одном размеренном темпе как бы без нагнетания напряжения.

Чтобы последняя мысль стала более понятной, рассмотрим в качестве примера стихотворение Н. А. Некрасова «Внимая ужасам войны...»¹:

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...

¹ Некрасов Н. А. Сочинения. – М.: Правда, 1986. – С. 90.

Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна –
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы –
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

Здесь точка кульминации хорошо просматривается – это строка *«То слезы бедных матерей!»*, после которой наблюдается быстрый спад напряжения, которое нагнеталось в первой части стихотворения. Примеры кульминаций в стихотворениях А. Соколова я приведу ниже.

3.5. Культурный словарь

Язык – основа и движущая сила поэзии. Странное противоречие поэзии часто заключается в том, что для стихотворения обычно требуется сюжет, при этом допускается косноязычие, недостаточное владение поэтическим языком. А вот читая стихи А. Соколова, хотя многие из них и кажутся бессюжетными, погружаешься не только в мир его переживаний, но и в неизвестный тебе мир живописи, истории, античной эстетики, кинематографии, поэзии и т. д. Вообще сталкиваешься с неким таинственным шифром, малоизвестной рядовому читателю, в том числе и мне, информацией, которая в первый момент всегда кажется недоступной в силу сложившейся в твоей жизни другой сферы интересов. Чтение стихов А. Соколова – это процесс постижения сложного, кажущегося простым, осмысление происходящего, поэтический образ движения в будущее, путь к самому себе.

Анатолий любил подстрочники, составляемые поэтами-переводчиками. Поэтому мне показалось интересным со-

ставить своеобразные подстрочники и к Толиным стихам. Похожие комментарии приводятся, например, к текстам Сэлинджера¹. Я разбил их на две категории – *культурный словарь* и *культурное пространство*, или *цитаты*. Однако прежде, чем непосредственно обратиться к ним, я сделаю небольшое отступление в сторону эволюции поэтического языка², которая происходит на наших глазах и давно находится в эпицентре внимания специалистов в области эстетики словесного творчества³. Связано это с тем, что культурный словарь поэта и цитирование – это самые простые формы реализации более общего понятия *интертекста*, или *интертекстуальности*, представление о котором важно для понимания творчества А. Соколова. Необходимая информация, раскрывающая это понятие, заимствуется мною из открытых источников без всякого дополнительного анализа. Цель – получить в первом приближении представление о духовном богатстве поэзии Соколова, о его творческой лаборатории. За основу анализа взяты сборники его стихов [2]–[6].

Интертекст. М. М. Бахтин – фигура почти культовая для философии и филологии XX века. Именно с изучения его ранней работы 1924-го года⁴ началась теория интертекста во французской лингвистике, под большим влиянием одного из представителей которой Ж. Лакана находился Толя. Об этом он говорит в своих письмах (см. раздел «О вечных вопросах»).

Что же такое интертекст? Самое общее определение принадлежит школе Барта – Кристевой, где *интертекстуальность* понимается как свойство любого текста вступать в диалог с другими текстами⁵. Менее строгим является понятие *интертекста*, под которым понимается любой текст, который представляет «новую ткань, сотканную из старых

¹ Сэлинджер Дж. Избранное. – На англ. яз. – М.: Прогресс, 1982. – С. 438.

² Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического текста. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.; Омск: Омский гос. ун-т, 1999. – 268 с.

³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М. Искусство, 1979. – 424 с.

⁴ Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном творчестве (1924) – В кн.: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.

⁵ Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического текста. – С. 19.

цитат»¹. Конечно, есть и другие определения, но суть остается той же – это текст, содержащий цитаты (в широком смысле). Я не буду далее углубляться в теорию интертекста, оставляя возможность знакомства с ней по крайне интересной книге Кузьминой самому читателю. Для нас же здесь важно то, что в большинстве произведений поэтического наследия А. Соколова (в общей сложности около 250 текстов) в разной степени используются именно интертексты, что делает их очень значимыми в философском и филологическом контексте, а само знакомство с ними – крайне интересным для читателя.

Культурный словарь. Возможно, расшифровки некоторых слов будут совершенно банальны, так как должны быть известны любому грамотному человеку, но дело не в этом. Хочется читать стихи Соколова, хотя бы отчасти проникая в строй его мысли и хотя бы отчасти поднимаясь над повседневной прозой жизни. Некоторое представление о творческом кругозоре Анатолия Соколова как поэта дает приводимая ниже табл. 5 упоминаемых в его стихах имен собственных. Некоторые дальнейшие комментарии к ним и другим словарным единицам мы сопровождаем короткими фрагментами тех стихов, где они упоминаются.

Таблица 5

**Имена собственные в поэзии Анатолия Соколова
(в скобках указано общее количество слов данной группы)**

	Сфера деятельности	Персоналии
1	Поэты, писатели, драматурги, кинорежиссеры (33)	Ахматова, Блок, Бунюэль, Высоцкий, Верн, Гаршин, Гоголь, Гомер, Есенин, Кустурица, Леонов, Лермонтов, Лесков, Малышев, Мандельштам, Маршак, Некрасов, Пастернак, Плиний, По, Пушкин, Рабле, Рубцов, Овидий, Вальтер Скотт, Тацит, Толстой, Тургенев, Тютчев, Уайльд, Фадеев, Хичкок
2	Литературные герои (21)	Аладдин, Ассоль, Акакий Башмачкин, Вечный Жид, Гамлет, Джоконда, Джульетта, Дориан Грей, Гриша Добросклонов, Дульсинея, Дон Жуан, Каренина, Соня Мармеладова, Офелия, Пантагрюэль, Ромео, Дик Сэнд, Улисс, Фауст, Чичиков, Ярославна

¹ Там же. – С. 20.

3	Художники (30)	Бенуа, Босх, Брейгель, Брюллов, Буше, Ван Гог, Ватто, Винчи, Вламинк, Врубель, Гоген, Гойя, Дали, Джотто, Клее, Климт, Кустодиев, Матисс, Моне, Пикассо, Рафаэль, Рембрандт, Рерих, Рубенс, Рублев, Сезанн, Челлини, Шагал, Шилов, Шуриц
4	Композиторы, исполнители, певцы (18)	Амати, Армстронг, Бетховен, Верди, Гайдн, Гилельс, Глинка, Глюк, Гуно, Кац, Матье, Мендельсон, Пахмутова, Пугачева, Россини, Собинов, Цой, Фитцжеральд, Штраус
5	Герои древнегреческой мифологии (39)	Агамемнон, Андромаха, Аполлон, Ахилл, Борей, Горгона Медуза, Далила, Деметра, Диана, Дидона, Дионис, Евридика, Елена, Зевс, Кассандра, Кирка, Клитемнестра, Лаокоон, Люцифер, Марс, Одиссей, Орест, Орфей, Пандора, Парсифаль, Пегас, Пенелопа, Персей, Прокруст, Прометей, Самсон, Телемах, Харон, Хронос, Эдип, Электра, Эней, Эол, Юпитер
6	Философы (8)	Андроник Родосский, Заратустра, Конфуций, Леонтьев, Ницше, Поппер, Сократ, Чаадаев
7	Герои религиозных сюжетов, Библии (19)	Авель, Адам, Аллах, Богородица, Ева, Илья пророк, Иоанн Креститель, Иов, Иосиф, Ирод, Иуда, Каин, Мария, Навуходоносор, Ной, Один, Саломея, Христос, Шива
8	Персонажи фольклора и лит. сказок (9)	Ванька-Каин, Емеля, Кощей, Лорелея, Несмеяна, Сивка-Бурка, Стенька Разин, дядя Степа, мистер Твистер
9	Ученые, политики, исторические личности (27)	Бонапарт, Брежнев, Буденный, Вернадский, Дарвин, Жуков, Карден, Клеопатра, Клико, Колумб, Лейбниц, Ленин, Мамай, Мнишек, Маркс, Мичурин, Паскаль, Скобелев, Скуратов Малюта, Спартак, Сталин, Таль, Титов Герман, Фрейд, Челюскин, Швыдкой, Энгельс
10	Друзья, знакомые, родственники (28)	Абольянин, Берязев, Бухаров, Волкова, Гуревич, Денисенко, Закусина, Ермоленко, Иванкин, Квадяев, Клименко, Котелкин, Лазарчук, Липовская, Мазуренко, Машков, Меньшиковы Даниил и Сергей, Мясников, Омбыш-Кузнецов, Никифоров, Попков, Салина, Смородникова, Титов Владимир, Ульянина, Чернов, Чирков

«Спартакровский мост» (1990) [2].

1. [2, с. 3]. «Старый друг позвонит из глубинки...»:

Худощавый пророк института,
 Пленник утренних лекций, беглец,
 Наш декан, как Скуратов Малюта,
 Обещал тебе грустный конец.

Но со стаей беспечных Офелий,
Чье грядущее было темно,
Ты, под мышку упрятав портфель,
С семинаров смывался в кино...

Скуратов Малюта (ум. 1 января 1573 г.) – русский государственный, военный и политический деятель, один из руководителей опричнины, любимый опричник и помощник Ивана Грозного. *Офелия* – персонаж трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет». Молодая дворянка, дочь Полония, сестра Лаэрта и возлюбленная Гамлета.

2. [2, с.19]. *«Город Солнца был сделан на вырост...»:*

Город Солнца был сделан на вырост,
Все длинней его черная тень.
Съев траву, ядовитая сырость
Выжигает глаза деревень.

«Город Солнца» – философское произведение Томмазо Кампанеллы (1568–1639), одна из известных утопий.

3. [2, с. 20]:

Тяжела, как свинец, атмосфера.
Кости плачут, да ветер поет,
И зловещая тень Агасфера
От хозяина не отстаёт.

Агасфер, или Вечный Жид – легендарный персонаж, по преданию, обреченный скитаться из века в век по земле до Второго пришествия Христа. Фигура «Вечного Жиды» появляется в сюжетах европейской литературы и живописи.

4. [2, с. 26]. *«Родная душа и чужая природа...»:*

Родная душа и чужая природа,
Да в клетке поющий Гомер:
«Работай, учись и живи для народа,
Советской страны пионер!»

Гомер (VIII век до н. э.) – легендарный древнегреческий поэт-сказитель, создатель эпических поэм «Илиада» и «Одис-

сея». «Советской страны пионер», – строки из «Песни юных пионеров» (Музыка: А. Лепин, слова: С. Михалков), написанной в 1946 году.

5. [2, с. 38]. Базарные фрески:

Прилавок мучает шакала
И сфинкса с дыркой в голове –
Созданья местного Шагала.
На фиолетовой траве...

Марк Шагал (7 июля 1887, г. Витебск, Российская Империя – 28 марта 1985 г., Сен-Поль-де-Ванс, Прованс, Франция) – российский и французский, художник еврейского происхождения. Один из самых известных представителей художественного авангарда XX века. В Ницце есть музей Шагала. В этом музее я был.

6. [2, с. 40]. «Если в Авеля выстрелит Каин...»:

Если в Авеля выстрелит Каин,
Скоро вырастет лес баррикад,
И пожары с фабричных окраин
Превзойдут красотой закат.

Каин и Авель – библейские персонажи, старший и младший сыновья Адама и Евы. Согласно Книге Бытия, Каин был первым в истории убийцей, а Авель – первой жертвой убийства. Имя Каина стало нарицательным для злобного, завистливого человека, способного на подлости по отношению к самым близким людям.

7. [2, с. 42]. «Снегопад вероломной атакой...»:

Над деревней, и сытой, и нищей,
Серый коршун в туманной дали
Кружит головы женщинам, хищный,
Как усы Сальвадора Дали.

Сальвадор Дали (11 мая 1904 г., Фигерас – 23 января 1989 г., Фигерас) – испанский живописец, график, скульптор, режиссер, писатель, представитель сюрреализма.

«Крепость» (2001) [3].**1. [3, с. 8]. «Город Н. оккупирует иней...»:**

Застывают навытяжку вещи,
Ветер форточки бьет по щекам.
Мерзнут руки, но сквер рукоплещет
Проходимцам и временщикам.

Однажды (примерно в 1990 или 1991 году) проходя по Нарымскому скверу, я увидел кучку людей и услышал знакомый голос. Подойдя ближе, увидел, что перед народом выступает депутат Верховного Совета Оболенский. В то время он постоянно мелькал на экране и многим нравился. Мне тоже. Я постоял и пошел дальше. Сзади послышались аплодисменты. Где ты теперь, товарищ Оболенский? Ау!

2. [3, с. 10]. «Скажи мне, суровый художник Бухаров...»:

Озябнув вдали от садов Палестины,
Забившимся в щель городским воробьем,
Я счастлив, что две твоих красных картины
Меня согревают и ночью, и днем...

Палестина – страна, в которой жил на земле Иисус Христос. Представляет собою сравнительно небольшую полосу земли (около трехсот километров в длину и около ста километров в ширину), расположенную вдоль восточного берега Средиземного моря. На севере Палестины, по склонам Ливанских гор, лежит Галилея. Живописные холмы, зеленые пастбища, бесчисленные сады делали Галилею самой красивой частью Палестины.

3. [3, с. 11]: «День без крошки во рту, и в кармане шаром покати...»:

Мне хотелось обшарить мышиные норы вселенной,
Или вместе с ахейцами плыть за прекрасной Еленой...

Ахейцы – наряду с ионийцами, дорийцами и эолийцами, одно из основных древнегреческих племен, при этом являю-

щееся наиболее древним. В «Илиаде» Гомер под ахейцами подразумевает всех греков Пелопоннеса. *Елена Прекрасная* (Троянская, Спартанская) – в древнегреческой мифологии – прекраснейшая из женщин. По одной из версий была дочерью Зевса и спартанской царицы Леды. Когда Менелай отсутствовал в Спарте, Елена была похищена троянцем Парисом, чем был подан повод к Троянской войне.

4. [3, с.11]:

Городское пространство взбугрилось шагреневою кожей:
Чем сильнее себя любишь, теснее родной материк...
На Спартаковский мост выхожу становиться моложе.
Но мешают пройти баррикады из каменных книг.

«*Шагреновая кожа*» – роман Оноре де Бальзака. Посвящен проблеме столкновения неискушенного человека с кипящим пороками обществом. В переносном смысле «шагреновая кожа» – это образ неуемной жадности или иной бесконтрольной страсти, которая неизбежно разрушает человека.

5. [3, с. 16]. «*Люблю, когда мысли стремглав разбегаются в стороны...*»:

И рыжий парик ивняка, и туман возле берега,
И шпиль телебашни, пронзивший небесное око...
Осенние птицы страшнее, чем мессеры Геринга,
Пикируют стаями в фильме Альфреда Хичкока.

Герман Геринг – политический, государственный и военный деятель нацистской Германии, рейхсминистр Имперского министерства авиации. *Альфред Хичкок* – известный английский кинорежиссер. Итог жизни Хичкока – 55 полнометражных кинофильмов, многие из которых стали классикой мирового кинематографа.

6. [3, с. 34]. «*Мечется тридцать панамок в детсадике...*»:

Все страстотерпцев коварные происки,
Им жить привычно во мгле и во зле...
Пусть мое тело хоть в Скотопригоньевске
Люди сдадут на хранение земле...

Скотопригоньевск – вымышленный город, место действия в романе Федора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы». Поскольку роман писался в Старой Руссе, то есть совпадения мест действия романа с топографией города. Я был в Старой Руссе летом 2017-го, в том числе и в музее Достоевского, где и узнал об этом.

6. [3, с. 93]. «Рыбнадзор реквизирует сети...»:

Быстро глину кусают лопаты,
И встречается с теплой землей
Тело уличной Клеопатры,
Зацелованное змеей...

Клеопатра VII Филопатор (69–30 гг. до н. э.) – последняя царица эллинистического Египта из македонской династии Птолемеев. Прославлена благодаря драматической истории любви к римскому полководцу Марку Антонию. В годы ее правления Египет был покорен Римом, сама Клеопатра покончила жизнь самоубийством, чтобы не стать пленницей Октавиана. Клеопатра стала одним из наиболее популярных античных персонажей в кинофильмах и литературных произведениях.

«Невразумительные годы» (2004) [4].

1. [4, с. 10]. «Свеча. Бумага. Бормотуха...»:

По радио метеосводке
Внимает пьяная Ассоль,
Дрейфуют в вылившейся водке
Огрызки хлеба с колбасой...

Ассоль – вымышленное женское имя, персонаж романа Александра Грина «Алые паруса» (1922).

2. [4, с. 10]:

Для них небес открылись дали
И на земле расцвел Эдем?
Но, если Господа распяли,
Без Бога людям жить зачем?

Эдем – райский сад в Библии (Быт. 2:8), место первоначального обитания людей.

3. [4, с. 12]. «*Труднее астматика дышит пейзаж на картине...*»:

Труднее астматика дышит пейзаж на картине,
В ней вязнет внимательный взгляд, как комар в паутине.
«Грачи прилетели» – конец ледяной эпопеи,
«Не ждали» – грустнее последнего мига Помпеи.

«*Грачи прилетели*» – самая известная картина русского художника Алексея Саврасова (1830–1897), созданная в 1871 году. Картина хранится в Третьяковской галерее. «*Не ждали*» – картина русского художника Ильи Репина (1844–1930), написанная в 1884–1888 гг. *Помпеи* – древнеримский город недалеко от Неаполя, погребенный под слоем вулканического пепла в результате извержения Везувия 24 августа 79 года. Сейчас – музей под открытым небом. В настоящее время раскопана примерно треть города. Сохранились мостовые узеньких улиц, каменные заборы с указателями в виде фаллосов, показывающих направление к публичному дому, небольшие строения с помещениями для принятия ванн. Я был в этом музее.

4. [4, с. 12]:

Когда погибает в оковах рассудочных Гойя,
На холст низвергается слякоть дорог Уренгоя...

Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусьентес (30 марта 1746 г., Фуэндетодос, близ Сарагосы – 16 апреля 1828 г., Бордо) – испанский художник и гравёр, один из первых и наиболее ярких мастеров изобразительного искусства эпохи романтизма. *Уренгой* – город в России в Ямало-Ненецком автономном округе, центр крупнейшего газоносного района.

5. [4, с. 30]. «*Пока танцует дворник возле булочной...*»:

Смешались в кучу листьев тарабарщина,
Вороний грай и хриплый лай собачий,

Вдруг пожелаешь по примеру Гаршина
Разбиться насмерть, прыгнув с крыши дачи
Хотя в честь двадцать первого столетия
Шумит оркестр на Выборной фальшиво,
Летают листья, словно междометия,
Танцует сквер, как многорукый Шива.

Всеволод Михайлович Гаршин (2 (14) февраля 1855 г. – 24 марта (5 апреля) 1888 г.) – русский писатель. В возрасте 33 лет совершил самоубийство, бросившись в лестничный пролет. Автор знаменитого рассказа «Красный цветок», в котором повествуется о героической борьбе главного героя с вселенским злом. Воплощением этого зла для сумасшедшего стал яркий красный цветок – цветок мака. *Шива* – индуистское божество, верховный бог в шиваизме, вместе с Брахмой и Вишну входит в божественную триаду тримурти. *Выборная* – улица в Новосибирске в районе пединститута, где некоторое время жил А. Соколов.

6. [4, с. 32]. «*Растоптал невразумительные годы...*»:

Разве ради них не лез из кожи,
А потом без чувств не падал с ног?
Тополь всем проезжим и прохожим
Дарит свои уши, как Ван Гог.

Винсент Ван Гог (1853–1890) – голландский живописец. В очередном припадке безумия взял бритву, оттянул левую мочку своего уха и отрезал ее. Затем тщательно завернул в газету и отправился в бордель, расположенный по соседству, где разыскал знакомую Поля Гогена. Ей он передал этот сверток и попросил внимательно хранить его. Увидев содержимое, бедная женщина упала в обморок.

7. [4, с. 50]. «*В тот час, когда глаза полужакрыты...*»:

Скреблет авто холст ночи мастихином,
Волнует сердце магией движенья.
Дай, Бог, на волю рвущимся стихиям
Мощь языка для самовыраженья!

Мастихин (от итал. *mestichino*) – специальный инструмент, использующийся в масляной живописи для смешива-

ния красок, очистки палитры или нанесения густой краски на холст.

8. [4, с. 51]. «*На голове, обросшей мыслями...*»:

Хотя в родной стране Лимонии
Пейзаж похож на натюрморт...

Страна Лимония – юмористическая песня группы «Дюна», первоначально выпущенная на одноименной макси сингле 1990 года. Первый по времени хит и одна из самых известных песен группы. Жаргонное словечко Лимония восходит к слову «лимон» (миллион обесценившихся рублей), появившемуся в первые годы нэпа как одно из иронических наименований Советской России. Оно подчеркивало как разруху (инфляцию), так и барыжническую сущность нэповских порядков. «Страна Лимония» упоминается Высоцким в песне «Баллада о детстве» (1975)¹ применительно к вернувшемуся с фронта с трофеями.

9. [4, с. 54]. «*Любимая, не надо хмуриться...*»:

Царевна, симулякр вечности,
Звезда, охрипшая сирена,
Спи, на груди сложив конечности,
В мешке из полиэтилена.

Хлебнув вина, соблазнам хаоса
Душа сдается без базара.
Пассаж из оперетты Штрауса
Издаст пустая стеклотара.

Симулякр – копия, не имеющая оригинала. Иными словами, семиотический знак, не имеющий означаемого объекта в реальности. *Йоганн Штраус* (сын) (25 октября 1825 г., Вена – 3 июня 1899 г., там же) – австрийский композитор, дирижер и скрипач, признанный «король вальса», автор многочисленных танцевальных произведений и нескольких популярных оперетт.

¹ Высоцкий В. С. Не пройдет и полгода: Песни, стихотворения. – М.: Эксмо, 2010. – С. 332.

«Материк» (2006) [5].**1. [5, с. 7]. Консервная баллада:**

И пусть в этой жизни рождаться и гибнуть не ново,
Устал я спастись от стаи консервных обид...
Заткните фонтан, наконец, госпожа Пугачева,
Позвольте послушать спокойно ансамбль Аонид!

Аониды. В древнегреческой мифологии – название искусства (так называемых «титанических» муз), которые обитали в Аонии (поэтический эпитет Беотии) и происходили от легендарного беотийского царя Аона.

2. [5, с. 11]. «Новосибирск в ненастье глуше хутора...»:

Ужели чувства были только книжными,
И смерть их нам не нанесла урона?
Сидит, блестя очами неподвижными,
От слез окаменевшая Горгона.

Горгоны – чудовищные порождения морских божеств Форкия и Кето, внучки земли Геи и моря Понта. Горгоны – три сестры: Сфено, Эвриала и Медуза. Старшие – бессмертные, младшая (Медуза) – смертная.

3. [5, с. 12]. «Отвергнув с сочувствием лезть подогретой воды...»:

Кленовый листочек стремится на землю упасть,
Как будто ему недостаточно сил тяготенья...
Устала Деметра – да здравствует чистая страсть!
И руки дрожат у любовников от нетерпенья.

Деметра (др.-греч. «Мать-земля») – в древнегреческой мифологии богиня плодородия, покровительница земледелия. Одна из наиболее почитаемых богинь олимпийского пантеона.

4. [5, с. 13]:

Царапает плечи провисшая над головой
Октябрьского неба тяжелая власяница.

Власяница – длинная грубая рубашка из волос или козьей шерсти, которую носили аскеты на голом теле для умерщвления плоти. Анатолий Соколов вел жизнь аскета, был весь в творчестве, в работе, с презрением относясь к мирским соблазнам.

5. [5, с. 15]. *«Прошу Вас до утра остаться...»:*

Едва скрипишь, порою брезгуя
С утра подняться из постели,
Как семь слепых с картины Брейгеля,
Сползают в вечность дни недели...

«Притча о слепых» – знаменитая картина (1568) Питера Брейгеля Старшего. Другие названия – «Слепые», «Слепой ведет незрячего». На картине изображено шестеро слепых, которые цепочкой движутся вперед, ведомые слепым поводырем... Один за другим они падают в яму. Смысл картины – все шесть слепых являются жертвами своей слепоты. Образ слепого прочно утвердился в мифологии как аллегория невежества, нетерпимости к чужому мнению, зашоренного сознания. Источник сюжета – Евангелие от Матфея (15, 12–19). Отметим также, что слепых на картине все-таки шесть, а не семь.

6. [с. 16]:

Как Рембрандт на коленях с Саскией,
Дуб осень празднует с рябиной,
Им почести окажет царские
Зима с ухваткой ястребиной.

«Автопортрет с Саскией на коленях» (1635). Знаменитая картина, на которой Рембрандт изобразил самого себя со своей молодой женой.

7. [5, с. 18]. *«Муза стучит за окном железякой...»:*

Жизнь проиграв, словно битву на Калке,
Чистой воды старичок
Пустит по кругу бутылъ минералки,
Хлеб, колбасу, коньячок.

Битва на реке Калке – сражение между объединенным русско-половецким войском и монгольским корпусом, действовавшим в рамках похода Джэбэ и Субэдэя в 1221–1224 гг. Сражение происходило на реке Калке, на территории современной Донецкой области. Сначала были разбиты половцы и основные русские силы, а через три дня 31 мая 1223 года сражение закончилось полной победой монголов. В бою погибло не менее девяти князей и много родовитых бояр из Киевского, Галицко-Волынского, Черниговского, Смоленского и других русских княжеств.

8. [5, с. 19]:

Буря бульвар, как Самсона Далила,
За ночь остригла под ноль,
Кончился стих, но остались чернила,
Хлеб и зеленая соль.

Далила – в Ветхом Завете женщина, предавшая *Самсона*. За его беззаветную любовь и преданность Далила отплатила ему предательством: выдачей секрета богатырской силы Самсона его злейшим врагам, филистимлянам... Вся сила его заключалась в волосах. Если их остричь, то он ослабеет, станет как все обычные люди.

9. [5, с. 23]. «Плачь Ярославной, дева в платье бежевом...»:

Плачь Ярославной, дева в платье бежевом,
В сумбурной жизни вечно неполадки:
Том Мандельштама в сумке с мертвым пейджером,
И недра дискотеки кисло-сладки.

Ярославна – реальное историческое лицо, жена князя Игоря Святославича Новгород-Северского, дочь могущественного галицкого князя Ярослава, персонаж «Слова о полку Игореве». *Осип Эмилевич Мандельштам* (3 [15] января 1891 г., г. Варшава – 27 декабря 1938 г., Владивостокский пересыльный пункт Дальстроя во Владивостоке) – русский поэт, прозаик и переводчик, эссеист, критик, литературовед. Один из крупнейших русских поэтов XX века.

10. [5, с. 27]. «Куста осеннего брошюра...»:

И нет в душе его отрады,
И власти белый дом не свят.
Все женщины как симплегады
Его расплющить норовят.

Симплегады – в греческой мифологии скалы, плававшие у входа в Понт Эвксинский (Черное море). Сталкиваясь, эти скалы уничтожали корабли.

11. [5, с. 36]. «Дорогая, давай летаем...»:

Ветер мусор гоняет по пляжу
И поет, словно нищий метек.
Пусть как раки в кастрюле попляшет
Чернь из баров и дискотек.

Метеки (др.-греч., букв. «переселенцы»). В Древней Греции – неполноправные жители Аттики. Метеками являлись иностранцы, поселявшиеся в Аттике на продолжительное время или навсегда.

12. [5, с. 37]. «Пускай ты родом из Дубровина...»:

Покуда яд в стакане пенится,
Обь, как царевна Несмеяна,
Плетется вынужденной пленницей
С Алтайских гор до океана.

Царевна Несмеяна – персонаж русских сказок, например, из сборника Александра Афанасьева «Народные русские сказки»¹. *Дубровино* – большое село вниз по течению Оби от Новосибирска на расстоянии примерно 100 км от города. Существовало еще до революции. Пристань, на которой всегда делали остановку рейсовые пароходы. Толин отец был родом из Дубровино.

13. [5, с. 38]:

Взмывает ангелов эскадра,
Туда, где у проспекта Красного

¹ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым. 1857–1862. – М.: Ладомир, 1997. – 736 с.

Встал храм Святого Александра.
Как будто церковь благоденствует
В составе местных Божьих вотчин –
Мощь благодати в ней не действует,
И дух в стенах ее испорчен:
Полвека в храме киностудия
Квартировала областная...
Сейчас как демон правосудия
Над ним шумит воронья стая...

Храм Святого Александра – храм во имя Великого Князя Александра Невского (Александровский собор), заложенный в 1896 году, первое крупное здание будущего города Ново-Николаевска. Храм расположен в развилке ул. Советской и Красного проспекта. Все это находится в непосредственной близости от Спартаковского моста. В советское время в храме располагалась Западно-Сибирская студия кинохроники. По информации И. П. Еремина¹, автора ряда статей по истории архитектуры города, постройка церкви велась под руководством инженера путей сообщения Н. М. Тихомирова. Я помню, как во время пристраивания к поликлинике второго корпуса (стационара) строители обнаружили гроб, в котором при больших регалиях был похоронен неизвестный человек. Далее я цитирую упомянутую ранее книгу Б. Антипенко²:

«На крышке гроба была закреплена шпага, значит, дворянин. Похоронен в Соборе – значит, имел к нему отношение. Высказали предположение, что это могила инженера путей сообщения Н. М. Тихомирова, который умер вскоре после постройки собора. В дальнейшем гипотеза подтвердилась – по номеру институтского значка установили, что это именно его останки. Тихомиров руководил строительством последнего пролета железнодорожного моста через Обь и спонсировал строительство Собора. Об этом сообщил «Вечерний Новосибирск». Останки Н. М. Тихомирова решением Горисполкома от 18.08.71 года были перезахоронены на Заельцовском кладбище. На плите надпись: “Н. М. Тихомиров – инженер-путеец, 1857–1900”».

¹ Еремин И. П. К истории застройки площади Свердлова в Новосибирске. – В кн.: Памятники истории и архитектуры Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 98.

² Антипенко Б. Н. Прогулка по Красному проспекту г. Новосибирска. – Новосибирск, 2010. – С. 22–25.

Далее И. П. Еремин сообщает, что строительство храма было завершено в 1899 году, при этом его здание явилось повторным проектом храма «Война ликующей божьей матери» в Галерной гавани в Петербурге, построенного там в 1885–1890 гг. по проекту гражданских инженеров В. А. Косякова и Д. К. Пруссака. Однако в интернете мы находим немножко другую информацию. Во-первых, храма с таким названием в Санкт-Петербурге вообще нет, но есть «Церковь Милующей иконы Божией Матери» в Галерной Гавани – действующий храм Санкт-Петербургской епархии Русской православной церкви, расположенный по адресу Большой проспект Васильевского острова, дом 100. Во-вторых, храм заложен в 1889 году в память коронавания Александра III и Марии Федоровны, а сам он действительно построен в Галерной гавани по проекту архитектора В. А. Косякова и инженера Д. К. Пруссака. Освящен в 1898 году. Имея возможность проверить информацию Еремина, я хотел посетить этот храм, но мне это не удалось, так как шли работы по его восстановлению, и доступа к нему не было. Но судя по снимкам храма, внешне они с собором Александра Невского в Новосибирске почти идентичны. Таким образом, ясно, что речь идет об одном и том же храме, но информация И. П. Еремина о нем является несколько искаженной.

14. [5, с. 40]. «Весной на улице Фабричной...» (Отрывок из поэмы):

На встрече с юностью-царевой,
Влюбленных низвергавшей в ад,
Суров, как Скобелев под Плевной,
Бог отворачивает взгляд.
Но кормит школьной шоколадкой
Пацан придворного Муму,
В душе лелея кисло-сладкий
Букет иллюзий про тюрьму.

Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882) – русский генерал, участник Среднеазиатских завоеваний Российской империи и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., освободи-

тель Болгарии. *«Муму»* – рассказ русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева, написанный в 1852 году.

15. [5, с. 41]:

Где, как «Туманность Андромеды»,
Отягощен избытком сил,
Когда смеркалось, до «Победы»
От «Маяковского» бродил.

«Туманность Андромеды» – социально-философский научно-фантастический роман Ивана Антоновича Ефремова. Написан в 1955–1956 гг. *«Победа»* и *«им. Маяковского»* – кинотеатры в центре Новосибирска, пространство между которыми вдоль Красного проспекта и улицы Ленина служило пешеходной зоной (Бродвеем) для гуляния молодежи в период хрущевской оттепели 1962–1964 гг. (временной интервал указан примерно).

16. [5, с. 56]. *«Поедем осенью в деревню...»:*

Скопить бы на зиму дровишек,
Заделать щель, набрать воды!
Корова как Марина Мнишек
Воротит нос от лебеды.
<...>
Убитый бабой Агамемнон
Бесславно на погосте спит.
Кто судия там, неизвестно;
Как говорил Некрасов, – Рок.
Бухая в дупель Клитемнестра,
Опухший с голоду сынок.
В постперестроечном пожаре
Одна поднявшая сынка
Мечтала: скоро этот парень
Страну прославит на века...
В природе, выдубленной ветром,
Ориентир – церковный крест,
Исполнит долг сестры Электра,
Зарежет мать свою Орест.
Избавившийся от Эринний,
Он станет мужем и царем...
Икру на ветках мечет иней,
Стеклом блистает водоем...

Марина Мнишек – дочь сандомирского воеводы Ежи Мнишека и Ядвиги Тарло (ок. 1588–1614/15), жена Лжедмитрия I, венчанная с ним в мае 1606 года незадолго до его гибели, и коронованная как русская царица (единственная женщина, коронованная в России до Екатерины I); затем жена следующего самозванца, Лжедмитрия II, выдававшего себя за первого. *Агамемнон* – в древнегреческой мифологии царь микенский, брат Менелая, муж *Клитемнестры*, один из главнейших героев древнегреческого национального эпоса – «Илиады» Гомера, где его ссора с Ахиллом является центральным событием. После убийства отца Атрея племянником Эгисфом Агамемнон вместе с Менелаем бежал в Спарту. Здесь братья женились на дочерях спартанского царя Тиндарея, Агамемнон – на Клитемнестре, Менелай – на Елене. *Орест*, *Хрисофемид*, *Электра* и *Ифигения* – дети Агамемнона. *Некрасов* Николай Алексеевич (1821–1877) – русский поэт. *Эриннии* – в древнегреческой мифологии богини мести. В римской мифологии им соответствуют фурии.

«Осенние птицы» (2009) [6].

1. [6, с. 4]. «*В трезвон колокольный с звонками пустого трамвая...*»:

Ах, бабушка Анна, с тобой не пришлось мне проститься,
И, вряд ли, могилку твою я найду в Ерестной.
Нет памятной в жизни того дорогого гостинца –
Когда это было? Наверное, ранней весной...

Ерестная – деревня, расположенная на берегу Оби вверх по течению, примерно в 130 км от Новосибирска. В фотоархиве, присланном мне сыном А. Соколова Василием, есть снимок бабушки Анны, стоящей рядом со своим домиком.

2. [6, с. 5]. Возвращение Бонапарта:

Судьбы беспощадное солнце зашло,
И вновь императору выпала участь –
На полном скаку проиграть Ватерлоо,
В палатке от дикого насморка мучась.

Там с уксусом губку для страждущих уст,
Блистая в осеннем плаще из багрянца,
Подносит с ухмылкой калиновый куст,
Похожий на пьяного преторианца.

Ватерлоо – селение на территории современной Бельгии, в 15 км от Брюсселя, на большой дороге из Шарлеруа. Битва при Ватерлоо – последнее крупное сражение французского императора Наполеона I. *Преторианская гвардия* (преторианцы, лат. praetoriani) – личные телохранители императоров Римской империи. Название использовалось со времен Римской республики, обозначая охрану римских полководцев.

3. [6, с. 10]. «*В Сибири вновь разгул антициклонов...*»:

В Сибири вновь разгул антициклонов –
За что на нас напали эти гады?
А вслед за ними Гриша Добросклонов
Зовёт простой народ на баррикады.

Гриша Добросклонов – персонаж поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», народный заступник.

4. [6, с. 13]. «*И Стикса лед хрустит в зубах Харона...*»:

И Стикса лед хрустит в зубах Харона,
И хищных сосен неподвижна крона,
В Аиде безнадежна красота...
И пуганая днем с огнем ворона
Бойтся ночью каждого куста...

Харон. В греческой мифологии – перевозчик душ умерших через реку *Стикс* в *Аид* (подземное царство мертвых).

5. [6, с. 13]:

Луна у ночи в пасти желтой репой
Распухла так, что проглотить нельзя,
За музыку в соавторстве с Евтерпой
Из грязи метя сразу же в князья.

Эвтерпа, или *Евтерпа*. В греческой мифологии одна из девяти муз, дочерей Зевса и титаниды Мнемосины, муза лирической поэзии и музыки.

6. [6, с. 14]. *«Над городом жара висит чугунной гирей...»:*

Поскольку есть в родне Мария и Иосиф,
Ты в постные года не знал других утех,
Как, выпуклым стеклом глаза свои украсив,
Сидеть до петухов во льду библиотек.

Святой *Иосиф* Обручник – супруг Девы *Марии*, земной отец и воспитатель Иисуса Христа; прозван Обручником потому, что был, согласно христианским догматам, лишь обручен с Девой Марией и стал ее супругом де-юре, но не де-факто, храня ее девственность.

7. [6, с. 15]. *«Брось ломтик батона с корицей в густое, как мед, молоко...»:*

Где шумно в альковах роскошных шалят одалиски Буше –
На это смотреть тебе тошно, и ветер гуляет в душе.
А, может, с альбомчиком Климта представишь расцвет либерти:
В Сибири убийственный климат, и трудно не сбиться с пути.

Одалиска – женщина, состоящая в гареме султана. Одалиски воспринимались на Западе как наложницы или сексуальные рабыни, и их статус был ниже статуса официальной жены. *Франсуа Буше* (1703–1770) – французский живописец. Картины Франсуа Буше современники называли зеркалом, отражающим французскую придворную жизнь. Он был любимым художником Людовика XV и его фаворитки маркизы де Помпадур. *Густав Климт* (1862–1918) – широко известный австрийский художник, основоположник модерна в австрийской живописи. Главным предметом его живописи было женское тело, и большинство его работ отличается откровенный эротизм.

8. [6, с. 15]:

Понеже в орфическом джазе с Армстронгом поет Фитцджеральд –
Как девушки листья в экстазе с деревьев летят на асфальт.

Луи Дэниэль Армстронг (1901–1971) – знаменитый джазовый музыкант, трубач, вокалист, композитор и руководитель ансамбля. *Элла Джейн Фитцджеральд* (1917–1996)

– американская певица, одна из величайших вокалисток в истории джазовой музыки.

9. [6, с. 16]:

Тот мелочно, как математик, пускает в расход сыновей...
Для русского скрипки Амати дороже степной соловей.

Амати – итальянское семейство скрипичных мастеров из Кремоны. Основатель фабрики кремонских скрипок Андреа Амати происходил из древнего рода, жившего в Кремо-не в XVI веке; сыновья его Антонио и Джироламо продолжали дело отца. Николо, сын Джироламо, довел до возможного совершенства форму и звук кремонских скрипок и, кроме того, составил себе почетное имя в истории искусства как учитель Андреа Гварнери и Антонио Страдивари.

10. [6, с. 17]. Хам торжествующий:

Пора, мой друг, прощаться со стихами, поэта жребий горек и тяжел,
Не вспоминая о «грядущем Хаме»: ведь он давным-давно уже пришел.

«*Грядущий Хам*» – название сборника (1906) публицистических статей русского писателя и общественного деятеля Д. С. Мережковского (1866–1941), который «грядущим Хамом» назвал «грядущего на царство мещанина».

11. [6, с. 18]:

Холодная, дождливая неделя ландшафты трансформировала в суп,
Где плавает, как в фильме Бунюэля, зарезанной мечты ветвистый труп.

Луис Бунюэль (Буньюэль) (1900–1983) – испанский и мексиканский кинорежиссер. «Скромное обаяние буржуазии» – фильм Луиса Бунюэля 1972 года, сюжетом явственно тяготеющий к сюрреализму.

12. [6, с. 19]:

А лучше чай заварим зверобоем, пусть застит очи ее платья ткань,
Когда глядит в окно на нас с тобою Новосибирск, а не Тьмутаракань.

Тьмутаракань (Тмутаракань) – русское княжество, существовавшее в X–XII вв. на Таманском полуострове и Вос-

точном Крыму с центром в городе Тмутаракань (Тамань). Территория княжества в период расцвета охватывала Тамань, Приазовье и крепость Белая Вежа, а также Восточный Крым, включая Корчев (современная Керчь) и Судак. Тмутараканское княжество отличалось пестротой этнического состава – кроме русских здесь обитали касоги, аланы, хазары, греки, армяне, обезы (абазинцы), евреи, тавры. Княжество было известно с древности по летописям и «Слову о полку Игореве», но поскольку местоположение его было неизвестно, многие считали княжество вымышленным эпосом, пока в 1792 году не был обнаружен Тмутараканский камень, на месте которого и была найдена археологами легендарная Тмутаракань.

13. [6, с. 22]. *«Ничего нет достоверней вымысла в царстве пожирателей молвы...»:*

Запах денег вместе с дымом ладана пропитал калейдоскоп недель,
И душа, как Соня Мармеладова, каждый день выходит на панель.

Соня Мармеладова – персонаж романа Федора Достоевского «Преступление и наказание».

14. [6, с. 25]. *«Зачем старик упрямый, как ребенок...»:*

Снежинок фантастические числа –
Укор воображению дельцов...
Никто про снег писать не научился,
Как Пушкин, Тютчев, Мальшев, Рубцов.

Валерий Викторович Малышев (1940–2006) – поэт из Новосибирска, о котором я скажу отдельно в разделе «Фотогалерея». *Николай Михайлович Рубцов* (1936–1971) – русский лирический поэт. Трагически погиб в ночь на 19 января 1971 года, на 36-м году жизни, в своей квартире в результате бытовой ссоры с начинающей поэтессой Людмилой Дербиной (Грановской) (род. 1938), на которой собирался жениться.

15. [6, с. 31]. «Смотрю, как улетают птицы, и не идут слова на ум...»:

На юг летите с Богом, птицы, под чудный звон вдовы Кликко,
От вас, дымясь, как блюдо с пищей, Новосибирск отстал легко.

Вдова Кликко. Всемирно известная компания-производитель шампанских вин и бренди находится во французском Реймсе. Женщина, которую в России XIX века знали все, потому что никакое важное событие русской жизни не обходилось без изготовленного в ее погребах легендарного «вдовьего» напитка.

16. [6, с. 31]:

И только сквер губных гармоник сыграет вам прощальный гимн...

В дождя гремящий рукомойник лицо погрузит андрогин.

Пусть отмывает влага божья, не разбирая, чей черед,

Грязь творческого бездорожья и мерзость скаредных забот.

К пернатым зависть – лучший спонсор в миг счастья,

скользкий, как налим.

Октябрь – Навуходносор жжет птичий Иерусалим.

Зимю жизнь однообразна. Герой – не йог, а Дон Жуан,

И перспектива хилизма не увлекает горожан.

Андрогин – человек, наделенный внешними признаками обоих полов, объединяющий в себе оба пола, либо лишенный каких бы то ни было половых признаков. Человек, который чувствует себя и мужчиной, и женщиной. *Навуходносор II* – царь Нововавилонского царства, правил с 7 сентября 605 по 7 октября 562 года до н. э. В 587 году Навуходносор II окружает Иерусалим. После долгой осады город был взят и разрушен. Сгорела главная иудейская святыня – храм Соломона. Иудея прекратила свое существование как самостоятельное государство. *Дон Жуан* – один из «вечных образов» литературы Нового времени: ненасытный обольститель женщин, родом испанец. Его имя стало таким же нарицательным обозначением повесы и распутника, как имена Ловеласа и Казановы. *Хилизм* (от греч. *chilioi* – тысяча) – религиозно-мистическое учение о тысячелетнем земном «царствовании Христа», которое должно наступить перед «концом мира».

17. [6, с. 32]. «С летним попрощаемся семестром...»

В отпуске оркестр Арнольда Каца,
Потому что умер дирижер.
Как Орфею, мне в Аид спускаться
Невозможно с некоторых пор.
В ноздри лезет запах базилика,
Плачет потерявшийся щенок...
Кто, когда споткнется Евридика,
На нее не оглянуться б смог?

Арнольд Михайлович Кац (1924–2007). Художественный руководитель и главный дирижер Новосибирского филармонического оркестра, профессор, лауреат Государственной премии России, народный артист СССР, Почетный житель г. Новосибирска. *Эвридика* (Евридика) – в древнегреческой мифологии одна из дриад (лесная нимфа), известная как жена легендарного мифического певца и музыканта *Орфея*. Один из самых знаменитых мифов – миф о любви Орфея и Эвридики. Эвридика умирает, душа ее направляется в подземный мир к Аиду, и Орфей, ведомой силой любви к своей возлюбленной, спускается за ней.

18. [6, с. 34]. Отрывок из поэмы («Жить художник должен в маске Фауста, чтобы слыть последним чудаком...»):

Пусть стремятся к славе бесы поверху, просчитав и взвесив каждый шаг,
Все равно у них не хватит пороху, чтобы жизнь истратить просто так,
Чтоб всего себя отдать за Родину, не за лес и речку – за мечту,
Присягнув не Зевсу или Одину, а как люди русские – Христу.

Зевс – в древнегреческой мифологии бог неба, грома и молний, ведающий всем миром. *Один*, или *Вотан* – верховный бог в германо-скандинавской мифологии, в то же время, бог войны и победы, покровитель военной аристократии, хозяин Вальхаллы и повелитель валькирий.

19. [6, с. 35]:

Бесплезно ждать расцвета творчества, если будет властвовать Швыдкой,
Тело от беспомощности корчится, дух убит безвыходной тоской.

Михаил Ефимович Швыдкой (5 сентября 1948 г., Кант, Чуйская область, Киргизская ССР, СССР) – советский и российский театральный критик, театровед, общественный и государственный деятель.

20. [6, с. 39]. «*Выкопали вовремя картошку...*»:

Надоели хуже редьки зимы.
Лето не купить за миллион.
Лето и зима несовместимы,
Словно Дионис и Аполлон.

Сделали деревья хакакири –
Лужи в сквере цвета каберне.
Ветер с плеч нахаловских Валькирий
Обрывает польта и кашне.

Аполлон и Дионис – сыновья Зевса, два сводных брата. В языческом пантеоне символизируют противоположность небесного и земного начал. Аполлон – значит «сверкающий», он высвечивает в темноте, т. е. он как бы определяет границы. Следовательно, Аполлон – бог формы и меры. Аполлон – это разумность и порядок во всем – в живописи, искусстве и даже войне. Дионис – бог веселья, радости, буйства. Дионис – это выход за любые позволительные рамки, чувственность, несдержанность, эмоции, абсолютная свобода от всего. *Валькирия* (др.-исл. valkyrja – «выбирающая убитых») – в скандинавской мифологии – дочь славного воина или конунга, которая реет на крылатом коне над полем битвы и подбирает павших воинов. Погибшие отправляются в небесный чертог – Вальхаллу.

21. [6, с. 40]:

Ангелы, должно быть, прозевали...
Но нисходит светлая печаль,
Если веришь в миф о Парсифале
И хранишь надежду на Грааль.

Парсифаль – герой куртуазного эпоса. Миф о Парсифале образует одну из ветвей сказания о короле Артуре и его рыцарях, входит в цикл романов Круглого стола. *Святой Гра-*

аль – в средневековых кельтских и нормандских легендах одно из орудий Страстей – чаша, из которой Иисус Христос вкушал на Тайной вечере и в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь из ран распятого на кресте Спасителя. Легендарные рыцари Круглого стола проводили свою жизнь в бесплодных поисках Святого Грааля, который (вместе с копьем, пронзившим тело Христа) якобы сохранил и привез в Британию Иосиф Аримафейский.

22. [6, с. 41]. «Скажи, о чем задумалась, психея...»:

Скажи, о чем задумалась, психея,
Перед портретом Дориана Грея?
Почто картина многотрудных дней
Оригинала выглядит мрачней?

«Портрет Дориана Грея» – единственный опубликованный роман Оскара Уайльда. В жанровом отношении представляет смесь романа воспитания с моральной притчей.

23. [6, с. 45]. «Гусеница красного трамвая утром проползет по авеню...»:

В эту пору даже Ванька Каин слушает, как падает листва
На одной из городских окраин, где созрел плацдарм для колдовства.

Ванька-Каин (Иван Осипов, 1718 г. – после 1756 г.) – один из крупнейших авторитетов преступного мира в XVIII веке – вор, ставший легендой, и сыщик, сначала пересадивший всех преступников Москвы, а потом ставший «оборотнем» в мундире, подкупив всех работников сыскного приказа. У меня имеется в немецком переводе книга о нем Матвея Комарова¹, впервые изданная в Санкт-Петербурге в 1779 году.

24. [6, с. 45]:

Кто ее, взъерошенной, помятой, на бумажный взводит пьедестал?
Только Гайдн в «Прощальной» 45-й да Бетховен, а потом – провал.

¹ Komarow M. Wanka Kain. / Gustav Kiepenheuer Verlag. – Leipzig und Weimar, 1778. [Матвей Комаров. Ванька-Каин. Подробная и правдивая история русского мошенника, знаменитого вора, разбойника и тайного агента московской полиции. Санкт-Петербург, 1779].

«Прощальная». Знаменитая 45-я симфония Гайдна, в которой по ее завершении музыканты постепенно уходят, поочередно задувая свечи. Этой симфонии посвящено стихотворение Давида Самойлова¹:

45-я Гайдна

Исчерпан разговор. Осточертели речи.

Все ясно и наглядно.

Уходят наши дни и задувают свечи,

Как музыканты Гайдна.

Брать многого с собой я вовсе не хочу:

Платок, рубашка, бритва.

Хотел бы только взять последнюю свечу

С последнего попитра.

Когда свой приговор произнесу в ночи

Под завыванье ветра,

Быть может, отрезвлюсь, увидев, как свечи

Истаивает цебра.

25. [6, с. 52]. «Продолговатые минуты по вечерам черней ворон...»:

Продолговатые минуты по вечерам черней ворон,

Не мне Челлини Бенвенутто луны чеканит медальон.

Бенвенутто Челлини (1500–1571) – итальянский скульптор, ювелир, живописец.

26. [6, с. 52]:

Чтобы воспитанник агоры, душеприказчик теорем,

На фоне фауны и флоры себя не выделил ничем.

Агора (ист.) – народное собрание в Древней Греции, а также площадь, где оно происходило.

Зачин. Особенности языка поэзии А. Соколова, конечно, не сводятся только к изрядному лексическому запасу и богатству связей с мировой литературой. Я давно обратил вни-

¹ Давид Самойлов. Избранные произведения в двух томах. Том 1: Стихотворения. – М.: Худож. лит-ра, 1989. – С. 441.

мание на некий сакральный смысл первых строк (зачинов) его стихов, и уже при работе над книгой вдруг обнаружил, что такую же характерную особенность отмечает В. Кожин в поэзии Н. Рубцова¹. Сам Толя как-то говорил мне, что многие стихи часто создаются ради одной строчки, вдруг возникшей в сознании и требующей своего воплощения, правда, она не всегда может оказаться первой. «Многие зачины (цитирую Кожина, но отношу его мысль к Соколову) – это как бы предельно краткие стихотворения, подчас замечательные уже сами по себе. Вслушайтесь в них»:

Спартаковский мост:

Детских слез пересохшие реки...
Привычный дефицит любви...
Город Солнца был сделан на вырост...
Душа моя дешевле пятака...

Крепость:

Дай за чистую совесть мне, Бог, тридцать три карбованца...
О, как рассказать о мытарствах души неуклюжей...
Люблю, когда мысли стремглав разбегаются в стороны...
Средь шумного бала рассыпался жизни горох...
Пролистав календарь, захочу помолиться...
В родительском доме тяжелая дверь на запоре...
В зените страна перестала отбрасывать тень...
Сон природы родной нарушается шорохом мысли...

Невразумительные годы:

Мои стихи заводятся, как мыши...
Растоптал невразумительные годы...
Невтерпеж душе от русских песен...
В компаниях светских всегда на себя негодную...

Материк:

И сам не заметишь, как жизнь переедет экватор...
Из головы весь мусор выкину, стихи оставлю...
Кажется минувшее былинкой...
Дорогая, давай летаем...

Осенние птицы:

Пора, мой друг, прощаться со стихами, поэта жребий горек и тяжел...
Ничего нет достоверней вымысла в царстве пожирателей молвы...
Смотрю, как улетают птицы, и не идут слова на ум...

¹ Кожин В.В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта. – М.: Советская Россия, 1976. – С. 55.

Жить художник должен в маске Фауста, чтобы слыть последним чу-
даком...

Горевать и печалиться — нет трудней ремесла...

Есть что-то чудное в крестьянах: из них любой влюблен как царь...

От старости стала душа дальнозоркой...

Об этих начальных строках ничего лучше Кожинова не скажешь. В любом случае суть их одна: они звучат как камертон, задающий стихотворению неповторимый *поэтический жест*, звучат как его пролог. Однако, в отличие от Николая Рубцова¹, у которого эти прологи, как правило, предельно просты («Я уеду из этой деревни...», «Мне лошадь встретила в кустах...», «Я жил в гостях у брата...» и т. д.), у Соколова многие зачины звучат как развернутые метафоры, порою поднимающиеся на уровень афоризмов и пословиц. На одной из них, а именно на строке «Невтерпеж душе от русских песен...», я остановлюсь отдельно в следующем разделе.

Другой особенностью первых строчек соколовской поэзии является то, что они зачастую не заканчиваются точкой, как у Рубцова, а являются началом длинного предложения, заканчивающегося на последующих строках. Наконец, отметим, что просматривается заметная эволюция длины первых строк — со временем они становятся более длинными. Это видно по «Осенним птицам» — последнему сборнику стихов А. Соколова. Все в полном соответствии с зачином «От старости стала душа дальнозоркой...».

3.6. Цитаты

По образованию я инженер-математик, а по профессии — преподаватель вуза. Мои теоретические познания в области филологии ограничиваются школьными уроками русского языка и литературы и регулярным чтением в течение всей жизни соответствующей литературы. Все это сформировало в моем сознании некий «культурный слой», который позволил мне увидеть в Толиных текстах знакомые мне исторические факты и образы из художественной литературы, вызвал со-

¹ Рубцов Н. М. Тихая моя родина. Стихотворения. — М.: Изд-во «Э», 2016. — 512 с.

ответствующие ассоциации. Мне захотелось поделиться этими «открытиями» со своим читателем.

Когда я уже приступил к работе над данным разделом, друзья-филологи подсказали мне, что здесь я имею дело с явлениями, давно изученными в филологии. Ниже я привожу краткие сведения о том, какими категориями, принятыми в литературоведении, может быть описан поэтический язык А. Соколова. К числу их, например, относятся, цитаты (в самом широком смысле), реминисценции, аппликации, контаминации и аллюзии. Соответствующие сведения о них почерпнуты мною из книги Кузьминой¹, недавно появившейся статьи Зинуровой² и некоторых других источников. Приведу краткие определения терминов, которые могут далее встретиться в тексте.

Цитаты – текстуальные заимствования из других литературных произведений. Мощное художественное средство, усиливающее эстетическое переживание за счет обращения к известному образу. *Реминисценции* – неявные цитаты, представляющие собой мысленное сравнение, сопоставление описываемого явления с каким-либо образцом из известных произведений литературы и искусства. *Аппликация* – использование в тексте общеизвестного выражения или отрывка из поэзии или прозы в качестве прямой цитаты или в измененном виде. *Контаминация* – привнесение событий из другого литературного произведения или включение в стихотворение известных стихов, но не в качестве цитаты, а в качестве органически уместной детали. *Аллюзия* – намек, упоминание ходового выражения в качестве намека на хорошо известный факт, исторический или бытовой³. *Ремейк* – (от англ. remake – «переделка») – создание новых версий уже существующих произведений искусства с некоторым видоизменением. Прием, которым часто пользуются поэты – заимствование ритмического рисунка или прямо отдельных строк (с некоторыми вариациями), обычно без ссылок на источники. Скажем, Ахматова при создании «Поэмы без героя», вводит в текст множество полускрытых цитат из самых разных авторов независимо от степени их известности, не ссылаясь при этом на источники⁴.

Конечно, существуют и более сложные ситуации, которые трудно классифицировать. Скажем, есть случаи, когда идет

¹ Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: Монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Омский гос. ун-т, 1999. – 268 с.

² Зинурова Е. С. Интертекстуальность в современной русской поэзии. // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 2. – С. 256–266.

³ См.: Мастерская современной поэзии. – <http://litmaster.net/>

⁴ Ахматова А. А. Сочинения в двух томах. Том 1. – М.: Правда, 1990. – С. 431.

перекличка разных языковых культур. В приводимом ниже примере заимствуемая строка берется на немецком языке и даже выносится в название стиха, а сам стих – на русском языке¹ (в слове Märchen в книге дважды допущена опечатка):

Д. Румянцев.

Ein Märchen aus alten Zeiten

То еврей-часовщик,
задержавшись на пражском мосту,
слышит через перила шептанье пророка, то подле
ходит статный капрал,
женолюб, австро-венгр, шутник,
вертит мысль, словно та
тяжелее тележной оглобли.

Здесь обыгрывается настроение Гейне в «Лорелее», когда тот, глядя на воды Рейна, вспоминает старую немецкую легенду о русалке, губившей своим пением проплывающие мимо суда:

Loreley

Ich weiß nicht, was soll es bedeuten,
Das ich so traurig bin;
Ein Märchen aus alten Zeiten,
Das kommt mir nicht aus dem Sinn.

.....

Лорелея

Не знаю, что это со мною.
Я грустью туманной объят.
Легенды старинной мотивы
Во мне, замирая, звучат.

.....

Пер. Ю. Григорьева

У Анатолия я нашел интересный вариант глубокой переклички поэтов, когда новое стихотворение создается одновременно как на прямом, так и искаженном заимствовании строчек, при этом в новом стихотворении сохраняется та же тема, тот же сюжет. Вот он²:

¹ Румянцев Д. – В кн.: Поэты «Сибирских огней». Век XXI. – Новосибирск, 2012. – С. 379.

² Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 99.

Год, слава Богу, продан, пропит, прожит...
 Бессонница. Компьютер. Седуксен.
 «Я вас любил. Любовь еще, быть может,
 В душе моей угасла не совсем».

Мне робости, и ревности мишенью
 Довольно быть, ведь я же не debil,
 А рыцарь принимающий решение,
 Одно из двух: люблю или любил...
 И коль любил, а ныне равнодушен,
 Не потревожу женщину ничем,
 Не буду приглашать ее на ужин
 И посылать букеты хризантем.
 Лекарств от нервов накупив в аптеке,
 Сижу, на губы наложив печать...
 Слабо исчезнуть с глаз ее навеки
 И о любви стихов не сочинять?

А теперь возьмем знаменитое стихотворение Пушкина «Я вас любил...»¹:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
 В душе моей угасла не совсем;
 Но пусть она вас больше не тревожит;
 Я не хочу печалить вас ничем.
 Я вас любил безмолвно, безнадежно,
 То робостью, то ревностью томим;
 Я вас любил так искренно, так нежно,
 Как дай вам бог любимой быть другим.

Толино настроение мастерски вплетается в сюжет пушкинского стиха, – помимо прямого цитирования, использованы пушкинские слова «робость», «ревность», «тревожить», «любить», «ничем». Изрядный заряд иронии, форма построения и объем аппликаций наводят на мысль о литературной пародии, но это скорее использование жанра для выражения самоиронии: любовные переживания за столетия претерпели мало изменений, а вот лекарства от недуга автор выбирает современные...

Наконец, у Соколова есть удивительный ремейк, когда за основу берется полностью все стихотворение другого автора. Речь идет о «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина² и ее

¹ Пушкин А. С. Избранные произведения. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1970. – С. 159.

² Там же. – С. 608.

Толином пересказе-переложении «Прожили полвека у моря старик со старухой...»¹. Иногда, рассматривая абстрактные картины, задаешься вопросом: «А умеет ли этот художник вообще рисовать? Умеет ли он рисовать обычные картины?»

...В апреле этого года я был во Франции в музее одного из известных уроженцев Арля Жака Реаттю (Musee Reattu) и там увидел картину Пикассо «Портрет Марии Пикассо-Лопес» (1923), выполненную в совершенно реалистичной манере. На этом примере я убедился, что основоположник кубизма Пабло Пикассо уж точно рисовать умеет. Так и Анатолий. Сравнивая его с Пушкиным, убеждаюсь, что, выражаясь вольным языком, Анатолий Соколов писать стихи умеет.

В данном случае я предпринимаю попытку исследовать «цитатный слой» Толиных стихов, хотя вряд ли такая работа в рамках настоящего проекта может быть доведена до конца.

«Крепость» (2001) [3].

1. [3, с. 16]. *«Люблю, когда мысли стремглав разбегаются в стороны...»:*

Покой только снится, а в жизни сплошные сражения:
Душа перед гибелью тела тоскует о духе...

А. Блок. *«На поле Куликовом»*²:

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

К этим же строкам обращается Анатолий и в стихотворении *«Отвергнув с сочувствием ледь подогретой воды...»*³:

Что шепчешь в кулак? – на прощанье белугой завой,
Пройдись колесом, ведь покой тебе больше не снится!
Царапает плечи провисшая над головой
Октябрьского неба тяжелая власяница.

¹ Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 76.

² Блок А. А. Стихотворения. Поэмы. – М.: Изд-во «Э», 2016. – С. 497.

³ Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 13.

2. [З, с. 18]. *«Средь шумного бала рассыпался жизни горох...»*:

Средь шумного бала рассыпался жизни горох,
Вареный в котле сумасшествий, интриг, суматох...

А. Толстой. *«Средь шумного бала, случайно...»*¹:

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

3. [З, с. 28]. *«С соседом жена заведет шуры-муры...»*:

Замерзли чужие слова на губах
«Мы ржавые листья на ржавых дубах,
Чуть ветер, чуть север, и мы облетаем...»
На улицах запах картошки с минтаем...

Э. Багрицкий:

От черного хлеба и верной жены
Мы бледною немочью заражены...

Копытом и камнем испытаны годы,
Бессмертной польнью пропитаны воды, –
И горечь полыни на наших губах...
Нам нож – не по кисти,
Перо – не по нраву,
Кирка – не по чести
И слава – не в славу:
Мы – ржавые листья
На ржавых дубах...
Чуть ветер,
Чуть север –
И мы облетаем.
Чей путь мы собою теперь устилаем?²

4. [З, с. 31]. *«Здесь транспорт идет через две остановки...»*:

Шныряет сквозняк под родительским кровом,
И ангел планирует в небе багровом,

¹ Толстой А. К. // Русская лирика XIX века. / Сост. Вл. Орлов. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 356.

² Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. / Сост. И.Л. Волгин. – М.: Правда, 1987. – С. 199.

И клячу истории гонит поэт
Кривляться на сцене своих оперетт.

В. Маяковский. «Левый марш» (Матросам)¹:

Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу историю загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

5. [3, с. 33]. *«Ночь в феврале на центральную площадь
вползла...»:*

Ночь в феврале на центральную площадь вползла,
Мертв забинтованный снегом забор из скульптур.
Кто объявил, что они воплощение зла?
Кто наследил на снегу? То ли бык, то ли тур.

В. Высоцкий. «Сказка про дикого вепря»²:

В государстве, где все тихо и складно,
Где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь,
Появился дикий вепрь огромный –
То ли буйвол, то ли бык, то ли тур.

6. [3, с. 38]: *«Вдруг звон колокольный с звонками пустого
трамвая...»:*

Ужели и я, расцветавший в стране нелюдимой,
Любивший и преданный бывшей женой за авто,
Как легкий листок, оторвавшись от ветки родимой,
Лечу в неизвестность, лечу, превращаясь в ничто?

М. Лермонтов. «Листок»³:

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот, наконец, докатился до Черного моря.

¹ Маяковский В. В. Сочинения в 3-х томах. Том 1. – М.: Худож. лит., 1970. – С. 155.

² Высоцкий В. С. Собр. соч. в 5 томах. Том 1. Стихи и песни. 1960–1967 гг. – Тула: «Тулица», 1993. – С. 186.

³ Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1970. – С. 400.

7. [3, с. 41]. *«В землянках стряпают олады или драники...»:*

Нам сроду чужд пьянящий запах выгоды,
И гомон рынка с детства ненавистен...
У нас не созревают даже выводы,
Возвышенный обман дороже истин.

А. Пушкин. «Герой»¹:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...

Невразумительные годы (2004) [4].

1. [4, с. 7]. *«Ледяным, мохнатым зимним утром...»:*

Не жалею, не зову, не помню...
Тлеет жизни скрученный табак,
Входа нет в души каменоломню
Для красивых женщин и собак.

С. Есенин. «Не жалею, не зову, не плачу...»²:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

2. [4, с. 15]. *«Я побирушкой темно-серой...»:*

Вверху под вздохи дряблой жести
Магнитофон творит намаз,
И как бельмо невольник чести
Всегда мешает счастьем масс.

М. Лермонтов. «Смерть поэта»³:

Погиб поэт! – невольник чести –
Пал, оклеветанный молвой,

¹ Пушкин А. С. Избранные произведения. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1970. – С. 180.

² Есенин С. А. Не жалею, не зову, не плачу: Стихотворения, поэмы. – М.: ЭКСМО, 2006. – С. 5.

³ Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1970. – С. 297.

С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..

3. [4, с. 23]. *На крутых небесах расплзаются звезд муравьи...»:*

Гамлет десять веков в Эльсиноре кукует один,
Водку горькую пьет и у призраков просит прощенья...
Обращает внимание редко на свой экстерьер,
Занавесившись дымом от слуг и от бешеной скуки:
Никогда не хватает ни денежных средств, ни манер.
Ни смолы кругового терпенья для штурма науки.

О. Манделъштам. *«Сохрани мою речь навсегда...»*¹:

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда...
Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима,
Чтобы в ней к рождеству отразилась семью плавниками звезда.

4. [4, с. 30]. *«Пока танцует дворник возле булочной...»:*

Один поэт новосибирский вечером
В тоске самоубийства ест варенье,
Хрустят дожди, подруга смотрит глетчером...
Тогда-то вот и всходит вдохновеенье.

А. Ахматова. *«Когда в тоске самоубийства...»*²:

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал,

Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берет ее, –

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

¹ Манделъштам О. Э. Бессонница. Гомер. Тугие паруса. – М.: Изд-во «Э», 2016. – С. 210.

² Ахматова А. А. Сочинения в двух томах. Том 1. – М.: Правда, 1990. – С. 143.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

В последней строке Толиного стихотворения я угадываю контаминацию со стихотворением Рильке «Одиночество»¹. Однако здесь все сложнее. Во-первых, здесь все зависит от перевода, а во-вторых, это я услышал созвучие, в то время как другие его могут и не услышать. Вот это стихотворение, о котором идет речь:

Rainer Maria Rilke.

Einsamkeit

Die Einsamkeit ist wie ein Regen.
Sie steigt vom Meer den Abenden entgegen;
von Ebenen, die fern sind und entlegen,
geht sie zum Himmel, der sie immer hat,
Und erst vom Himmel fällt sie auf die Stadt.

Regnet hernieder in den Zwitterstunden,
wenn sich nach Morgen wenden alle Gassen
und wenn die Leiber, welche nichts gefunden,
enttäuscht und traurig von einander lassen;
und wenn die Menschen, die einander hassen,
in einem Bett zusammen schlafen müssen.

dann geht die Einsamkeit mit den Flüssen...

Подстрочник

Одиночество, как дождь.
С наступлением вечера оно поднимается от моря,
от равнин, уходящих вдаль,
и восходит к небу, которое всегда в одиночестве.
И только потом оно нисходит с неба на город.

В эти предутренние часы дождит,
И когда вдруг утром изменяются все переулки,

¹ Rilke R. M. Die schönsten Gedichte. – Insel Verlag Berlin, 2011. – S. 62.

и предметы, которые до этого были неразличимы,
вдруг разочаровывают и вызывают взаимную печаль;
и когда люди, которые ненавидят друг друга,
вынуждены спать вместе в одной постели,

тогда-то вот и подступает реками одиночество...

Толины строчки, особенно две первые, вызывают во мне что-то, связанное с Хармсом. Буквального совпадения я у Хармса не нашел, но близкая ассоциация, хотя некоторым она, возможно, покажется весьма спорной, у Хармса все-таки есть. Я имею в виду следующее стихотворение¹:

«Страшная смерть»

Однажды один человек, чувствуя голод,
сидел за столом и ел котлеты,
А рядом стояла его супруга и все говорила
о том, что в котлетах мало свинины.
Однако он ел, и ел, и ел, и ел, и ел, покуда
не почувствовал где-то в желудке
смертельную тяжесть.
Тогда, отодвинув коварную пищу,
он задрожал и заплакал.
В кармане его золотые часы перестали тикать.
Волосы вдруг у него посветлели, взор прояснился,
Уши его упали на пол,
как осенью падают с тополя желтые
листья,

И он скоропостижно умер.

Так же вот один человек (новосибирский поэт) сидит и ест котлеты (варенье), так же какое-то предчувствие беды – в котлетах мало свинины (тоска самоубийства), так же хрустят дожди (это у Рильке), и так же подруга смотрит глетчером (жена стоит над душой и все нудит о качестве котлет). По существу, человек у Хармса кончает жизнь самоубийством, как это хочет, подобно Гаршину, сделать поэт в Толином стихотворении.

5. [4, с. 30]:

А ты готов пожертвовать двугривенным,
Чтобы душа могла плясать вприсядку?

¹ Хармс Д. Лирика. – Мн.: Харвест, 2003. – С. 195.

В. Маяковский. «А вы смогли бы?»¹:

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

6. [4, с. 31]. *«Под березкой худой и поникшей...»:*

Что ж ты жадно вдыхаешь, гаишник,
Испарений бензиновых яд?

Н. Некрасов. «Тройка»²:

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу –
Все лицо твое вспыхнуло вдруг.

7. [4, с. 32]. *«Растоптал невразумительные годы...»:*

Лодку жизни, никуда не годной,
Покидают дети и жена,
И теперь душе твоей голодной
Некому насыпать горсть пшена.

В. Маяковский. «Неоконченное»³:

море уходит вспясть
море уходит спать
Как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете
И не к чему перечень
взаимных болей бед и обид.

¹ Маяковский В. В. Полн. собр. соч. в 13 томах. Т. 1. – М.: Гослитиздат, 1955.

² Некрасов Н. А. Сочинения. – М.: Правда, 1986. – С. 31.

³ Мысль, вооруженная рифмами: Поэтическая антология по истории русского стиха. / Сост. В. Е. Холшевников. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – С. 324.

8. [4, с. 36]. *«Пусть в жизни молодой, где тонко, там и рвется...»:*

За городом в полях пестро от мать-и-мачех,
И осень по утрам когтит листву как рысь.
Мне больше невтерпеж выхаживать лежачих,
А тех, кто всех живей – от ненависти грызть.

В. Маяковский. «Владимир Ильич Ленин»¹:

Время, снова ленинские лозунги развихрь.
Нам ли растекаться слезной лужею?
Ленин и теперь живее всех живых.
Наше знание, сила и оружие.

9. [4, с. 56]. *«Над вазой с пионами кружатся синие мухи...»:*

В такое же время другая с бокалом кружона
Уходит от сверстниц в подвале курить коноплю,
Увидев все это, мой разум кипит возмущенно,
Но я почему-то ее еще больше люблю.

Строчка из «Интернационала»:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.

10. [4, с. 58]. *«Мне дорог звон хрустального фужера...»:*

Бог до суда хранит твои мгновенья –
Чего ж еще ты хочешь, волчья сыть?
Хочу, свирепой жаждой вдохновенья
Переполюсь, быть или... не быть!

В. Шекспир. «Гамлет, принц датский»²:

Быть или не быть, вот в чем вопрос. Достойно ль
Смиряться под ударами судьбы

¹ Маяковский В. В. Сочинения в одном томе. – М.: ОГИЗ – Худож. лит., 1941. – С. 349.

² Шекспир Вильям. Гамлет, принц датский: трагедия. / Пер. с англ. Б. Пастернака. – М.: Дет. лит., 1975. – С. 87.

Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? Умереть. Забыться.

«Материк» (2006) [5].

1. [5, с. 27]. «Куста осеннего брошюра...»:

Куста осеннего брошюра,
Зачитанная на ветру,
Я уходящая натура,
Но, к счастью, весь я не умру.
Душа моя в заветной лире
Стряхнет воспоминаний прах:
И вкус блинов на гидрожире,
Афган, Чечню и грудь в крестах.

А. Пушкин. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»¹:

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

2. [5, с. 41–42]. Отрывок из поэмы («Весной на улице Фабричной...»):

Наперекор молве слащавой
И без надежды на авось,
«Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалеет гроздь...»

А. Блок. «Осенняя любовь»²:

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалеет гроздь, –
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь, –
Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,

¹ Пушкин А. С. Избранные произведения. В двух томах. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1970. – С. 207–208.

² Блок А. А. Стихотворения. Поэмы. – М.: Изд-во «Э», 2016. – С. 316.

Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, –
Тогда – просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слез,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.
В глазах – такие же надежды,
И то же рубище на нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.
Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И челн твой – будет ли причален
К моей распятой высоте?

3. [5, с. 44]:

Сгибает груз переживаний...
Но, видимо, не вышел срок:
В груди горит огонь желаний,
Багровый, как Луи Армстронг...

А. Пушкин. «В крови горит огонь желанья...»¹:

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.

4. [5, с. 50]. Отрывок из поэмы («Женщина – очей очарованье...»):

Женщина – очей очарованье,
Убранная в бархат и батист,
В серых недотыкомках собранье
Падаешь внезапно, словно лист...

¹ Пушкин А. С. Избранные произведения. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1970. – С. 128.

А. Пушкин. «Осень (Отрывок)»¹:

Унылая пора! очей очарованье!
 Приятна мне твоя прощальная краса –
 Люблю я пышное природы увяданье,
 В багрец и в золото одетые леса...

«Осенние птицы» (2009) [6].

1. [6, с. 9]. *«Живу в надежде, что Елена когда-нибудь приснится мне...»:*

Там на неведомых дорожках толпится множество чудес...
 Но тело – лишь души обложка... Каков души удельный вес?

А. Пушкин. «Руслан и Людмила»²:

Там на неведомых дорожках
 Следы невиданных зверей;
 Избушка там на курьих ножках
 Стоит без окон, без дверей...

2. [6, с. 10]. *«В Сибири вновь разгул антициклонов...»:*

Опять в широких лысинах бессилья
 Зима предъявит круглый счет природе,
 И самой первой вьюги эскадрилья
 Аэродром устроит в огороде.

Е. Баратынский. «Осень»³:

Зима идет, и тощая земля
 В широких лысинах бессилья,
 И радостно блиставшие поля
 Златыми класами обилья,
 Со смертью жизнь, богатство с нищетой –
 Все образы години бывшей
 Сравняются под снежной пеленой,
 Однообразно их покрывшей, –
 Перед тобой таков отныне свет,
 Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

¹ Там же. – С. 195.

² Там же. – С. 213.

³ Баратынский Е. А. Стихотворения и поэмы. – М.: Худож. лит., 1982. – С. 206–212.

3. [6, с. 19]. «Хам торжествующий»:

Хоть площади украшены дворцами, и иномарки мчат во весь опор,
Кто мы и где, уже не знаем сами, и глохнет сердца пламенный мотор.

«Марш авиаторов» (муз. Ю. А. Хайта, слова П. Д. Германа):

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор.

3.7. Письма о поэзии (из переписки с Ю. Григорьевым)

В этом разделе я приведу некоторые сохранившиеся фрагменты Толиной переписки со мной, в которой он затрагивает многие вопросы, связанные с поэзией. Все письма – ответные, т. е. полученные от Толи.

26 октября 2009 г. (зима). Юра, привет! Спасибо за приглашение и реквизиты. Ежели Лена, у которой в Питере полно и родни и научных подруг, захочет, то, безусловно, свяжется с тобой. Времени свободного у нее будет минимум. Что касается В. Берязева, в России и в ближнем Зарубежье нет, вероятно, ни одного уважаемого издания, где бы он не публиковался. Умеет пристраивать свои вещи, о качестве которых не сужу. Я в этом отношении абсолютно пассивен. Получаются 2–3 публикации в год в бумажной и все, что пишется, прямо с колес – в сетевой печати. Тем более пишется мало. Как говорил Пушкин, «лета шалунью рифму гонят». Поздравляю с серьезной публикацией. Поскольку первоисточник не знаю, не буду говорить о достоинствах твоего перевода. Жаль, не привел подстрочник. Стихотворение какое-то, извини, пустоватое. И звучит несовременно. А у великих произведений есть особенность – они созвучны любой эпохе. И фактуры маловато. Точнее – она какая-то заемная. Есть поэтический реквизит, которым пользуются все, кому не

лень. Он кочует из произведения в произведение. Звезды, луна, прекрасный или ужасный лик, разлука, звуки, лебедь... Стихотворение могло быть написано и в 18, и в 19, и в 20 веках. И в какой стране непонятно. В любой. Нет конкретики и оригинальности. Редакторы-зануды обратили бы внимание на имеющуюся в первой строфе двусмысленность. То ли взор хранит «знак грусти нежной и глубокой». То ли наоборот – «знак грусти нежной и глубокой» хранит величавый взор. И еще. Нимб может ли озарять лик? Мне кажется, что нимб вообще исходит не от луны, а от лика, как его ореол. Или я ошибаюсь? Приведу тебе в качестве предмета для критики позавчера написанное стихотворение. Еще горячее и сыроватое.

Поэту редко дарят розы и, раз нет истины в вине,
 Он трезво смотрит, как березы ворон гоняют в вышине.
 Любого ободрать до нитки стремится встречный снегопад,
 И пышной флоры пережитки к земле безропотно летят.
 Снег рухнет целеустремленно, чуть-чуть, пожалуй, запоздав...
 Посеребренный отпрыск клена зубами (зубцами) вцепится в рукав,
 Поскольку в поисках спасенья к поэту льнет любая тварь...
 Весь бронзовый от огорченья, стоит, как вкопанный, фонарь.
 Разинув рот, с улыбкой детской, он днем и ночью на посту
 На скате улицы Советской лицом (спиной) к горбатому мосту,
 К мосту Спартаковскому. В яме клубится электричек тьма –
 Как клетка с злыми соловьями, всю ночь сводящими с ума,
 Ста поездов, сошедших с рельсов, трагичней их сумбурный вой.
 Напоминают погорельцев кусты, бредущие гурьбой
 На фоне чугуна и стали... В себя заглянешь: как на грех,
 Жизнь мчится по горизонтали, а надо, чтобы снизу – вверх.
 С похмелья примешь снег за перхоть, а похоть выдашь за любовь...
 За город хочется уехать, где ветры рвут друг друга в кровь,
 Где пьяные от свежей злобы к поверженному вдрызг врагу...
 Белогвардейские сугробы засели в Заячьем логу.

Пока. Толя.

Комментарий. В письме идет речь о стихотворении Гессе «Ноктюрн» (Nocturne) в моем переводе¹. Приведенное Толей стихотворение опубликовано в «Осенних птицах»², подпи-

¹ Григорьев Ю. Д. Герман Гессе. Ноктюрн. Пер. с немецкого // *Северная Аврора*, 2009, № 9. – С. 142.

² Соколов А. Е. Осенние птицы: Стихи. – С. 62.

санных в печать 11 ноября 2011 г. Больше оно ни разу нигде не публиковалось. Сравнивая данный текст с публикацией, отметим следующие моменты. Слово «трезво» во второй строке в сборнике набрано как «трезвый», что, скорее всего, является редакционной ошибкой. Если бы это было не так, то данное слово необходимо было бы выделить запятыми, да и сам смысл при такой замене изменился бы – получается, что речь в стихотворении идет о трезвом (не употребившем алкоголя) поэте. Слова в скобках «зубцами» в публикации нет, а во втором аналогичном случае наоборот – слову «спиной», тоже взятому в скобки, в публикации отдано предпочтение перед словом «лицом», которое в данном письме стоит на первом месте. Значит, письмо предшествовало поступлению последней версии стихотворения в редакцию.

28 октября 2009 г. (проклятая зима). Юра, привет. Не спится. В Новосибирске зима. Слава богу, ниже –5 температура пока не опускается. Рискую нынче замерзнуть: батареи чуть теплые, а на кухне и в ванной вообще ледяные. У Лены рай, а дома сплю под двумя одеялами и по квартире хожу в носках и спортивном костюме, а не в трусах как обычно. Спасибо за оригинал стихотворения Гессе и самое главное – за подстрочник. Я уже давно обратил внимание, благодаря знакомству с результатами твоего переводческого творчества, на то, что подстрочник в твоём исполнении для меня всегда интереснее и поэтичнее конечного стихотворного перевода. В подстрочнике ты свободен, а далее становишься рабом избранной формы. Размера, количества стоп, рифмы и т. п. Язык полностью меняется. Посмотри, как прекрасен подстрочник. Я специально не стал приглаживать его, оставил все шероховатости.

Ноктюрн Шопена ми мажор.

Арка Высокого окна наполнена светом.

Также на твоём серьёзном лице отражается величие.

Никогда ночью так ко мне не прикасалась тихая серебряная луна.

То, что я ощущаю внутри себя, это непередаваемо сладкая песня песен.

Ты смолкла. Также и я; безмолвная даль промелькнула в свете.

Как бы не стало жизни.

И только пара лебедей на озере, И над нами движение звезд.

Ты вошла в оконную арку, Вокруг твоей вытянутой руки появился от луны серебряный нимб и вокруг тонкой шеи обвился.

Сравни теперь с переводом, в котором очарование, тайна полностью исчезают. Пока. Толя.

3 ноября 2009 г. (поэзия и жизнь). Юра, извини, сразу не ответил. Жизнь вообще на 3/4 тратится на ерунду. А семейная – тем более. В городе после нескольких полноценных зимних дней слякоть... Я забыл полностью немецкий (хотя и кандидатский в 1977 сдавал), так что о достоинствах стихотворения Гейне не сужу. Но и подстрочник меня как-то не зацепил. Неужели сейчас эти аллегории (пожалуй, все-таки не символы) лотоса, пугающегося солнца и влюбленного в луну, оставляют кого-нибудь равнодушным? Ладно, не буду брюзжать. Какие у меня претензии к переводам? И к твоему переводу? Несмотря на то, что 1 и 3 стихи и в оригинале, и в переводах во всех 3 катренах вообще не рифмуются, все-таки текст строится (организуется) на чередовании женской и мужской рифм. 1 и 3 – женские, 2 и 4 – мужские. У тебя же вдруг в 1 и во второй строфах во 2 и 4 стихах появляются женские рифмы вместо мужских. И лишь в 3 строфе тот же способ рифмовки, как в оригинале и других переводах. Почему? Ты, по-видимому, это сделал намеренно. И еще куда-то плач, имеющийся в подстрочнике, у Левика и Яценко, исчез... Перевод Вильгельма Левика, конечно, вне конкуренции. Хотя лотос – это не лилия. И луна – не месяц. И бросается в глаза: в подстрочнике идет речь о беспокойстве цветка, у Левика и Яценко появляется страх (цветок напуган). У тебя уже не беспокойство и страх, а смущение. Подозреваю, в переводе для математика заключается великолепная возможность проявить себя: воссоздать в материале другого языка оригинал. Произведение это при всей его вторичности, думаю, уже нельзя считать копией.

В одном из писем познакомил тебя со второй частью поздравления, а сейчас твоему вниманию представляю первую. Ироническую.

Станиславу Михайлову

Дожил без всяких проволочек поэт до сорока семи.
Скопил десяток тысяч строчек, но не завел еще семьи,
С простой фамилией «Михайлов», поклонник крепких сигарет.
Объект агрессии нахалов за то, что умный и брюнет,
Не вор, не кочегар, не плотник – до слова свежего охотник,
И воспевать готов коньяк, когда дела идут никак.
Мы из тоталитарной секты – стихов Михайлова чтецы,
Тяжеловесных, как ландскнехты, и виртуозных без гнильцы.
Лавровым увенчать готовы венком творца, а не иным,
Его роскошные коровы вскормили молоком парным.
Но своего рожденья дату он принимает, как тайфун...
Стихи – скольжение по канату в девичий обморок трибун.
Да, кстати, звать поэта «Слава», он, феодал и крепостной,
Картофель садит величаво в родном Абрашине весной.
На зло стихотвореньям новым, там прущим к небу из канав,
Вдруг осень входит с Мясниковым, задумчивым, как космонавт.
Что думает художник бывший, необъяснимо до сих пор:
В его мозгу скребутся мыши и воеет Караканский бор,
И тархтят аэропланы, и брат на раны сыплет соль...
Разрушил творческие планы непобедимый алкоголь.
Он, хищной дланью угрожая, толкает жертв своих на край.
Им дела нет до урожая – будь осторожен, Николай!
Увы, был Мясников и – нету: не дружит с лесом и рекой.
Какой урок он даст поэту? Михайлов Слава не такой!
Не поддается чарам змея. А Коля перестал творить,
«Высокой страсти не имея для звуков жизни не щадить»!
Один в деревне недостаток – крошечный дефицит интриг.
Тяжелых лет в душе осадок поэт почует, как старик.
Влачить сезон трудов вериги принудит жадный огород,
А в городе кипят интриги, вино, друзей круговорот...
Когда помочь прогнать печали не смогут девы и коньяк,
Поэт с утра фильтрует дали через мозолистый кулак.

Комментарий. Речь идет о переводе стихотворения Гейне «Цветок лотоса» (Die Lotosblüme). В письме: «Хотя лотос – это не лилия. И луна – не месяц». Здесь Левик пытается обойти проблему: в немецком языке цветок (die Blüme) – это

она, а луна (der Mond) – это он. «Высокой страсти не имея для звуков жизни не щадить...» («Евгений Онегин», гл. 1, VII). Караканский бор является одной из основных достопримечательностей Новосибирской области. Стихотворение «Дожил без всяких проволочек поэт...» выложено Толей на сайте Проза.ру 1-го ноября 2009 года¹. Значит, это окончательная версия. О какой второй части поздравления идет речь в письме, я теперь, по прошествии стольких лет, вспомнить не могу. Публиковалось ли это стихотворение в печатном виде, мне неизвестно.

9 ноября 2009 г. (холода). Юра. Привет! У тебя память, слава Богу мощная. Бори Чужбинина, Милы Стариковой, Гали Грязновской совсем не представляю. Остальных, перечисленных тобой, уже лучше. Мы учились в разных классах («А» и «Б»). С Девятайкиным, проживавшим слева от ворот в порт, там стояло несколько (два) двухэтажных (он из твоего класса) я, помню, раз повздорил, едва дело до драки не дошло. И после, когда встречались, косо смотрели друг на друга. Правда, брат у Люды (Люси) Могуновой (кстати, его звали Валерой) вором не был. Такой симпатичный стройный парень интеллигентной наружности, постарше нас года на 2-3, работал на химзаводе, женился на капризной блондинке и в результате – вскоре повесился. Вот до чего женщины способны довести слабых мужчин. Во дворе еще мы обсуждали эту нелепую смерть. [...] А стихи, честно говоря, получаются сами собой. Гордиться нечем. Вот сидел я у Лены в субботу скучал. Жарко, душно... И вдруг слова полезли. Получилось вот что.

* * *

Октябрь, ноябрь... Календарь неизбежно закончится,
И требует вечность с живущих оброк ежедневный,
Посмотришь в бинокль: мимо окон летит велогонщица
С фигурой Дианы и профилем юной царевны.
Куда ее тащит порыв без значенья конкретного?
Полны антресоли доверху добром барахольным:

¹ www.proza.ru/2009/11/01/239

Мешок антреприз, театрального сора конфетного...
И гибнет Декарт, пораженный холодным Стокгольмом.
И миф раздувает октябрьский пузырь революции,
С певцами империи Тютчев, Леонтьев, Гораций...
И змеи дождя по стене расплзаются, вьются и льются.
И нет эволюции – только поток эманаций.
Скажи: энтропия – и сразу такое мерещится:
В дождливую осень из дома не сделать ни шага,
И по миру ходит с сумой молодая помещица,
А рядом с ней тащится еле живая дворняга...
Срастаются в узел глухие собачьи страдания,
И драмы людские в чужом непристойном обличье
То в хрипах из крана, то в труб водосточных рыданиях,
То в рвущихся в окна снаружи стенаниях птичьих.
Рассудком, как липка ободраным, видишь растерянно,
Как к пристани сердца пристало прохожее судно,
И желтые листья (не ясно, с какого растения)
На землю стремятся упасть, чтобы спать беспробудно.
Уволь капитана, в украшенном золотом кителе,
И некому станет отдать роковую команду:
Отправиться в прошлое, где безутешные зрители
Душой заполняют плывущую в бездну веранду.
Давно вторсырью обещала Фабричная улица
Отдать пароходы, сосущие берега вымя...
И женщина в белом с картины художника Шурица
На выставке вертит глазами, узнав мое имя.

Новостей нет. Вроде все живы. Зима с холодами и надеждами на лыжные прогулки по выходным. Кругом словно пир во время чумы, в среде художников и литераторов все кипит: выставки, тусовки с обильными фуршеттами, где чувствую себя анахронизмом. Но приглашают, рвут на части из-за стихов и умения говорить о искусстве. [...] И Лена любит такую, неведомую ранее ей, светскую жизнь. А у меня сил нет. 5 потоков. Студенты и коллеги меня не понимают. Статью не могу уже 2 месяца закончить. И монографию. Стыдно. Жду Нового года, чтобы в январе хоть дух перевести. Твой вопрос Лене пока не задавал. Она в конце ноября уезжает на полмесяца по известному тебе маршруту. Сидит над проектами и отчетами. Пока. Толя.

Комментарий. «И гибнет Декарт, пораженный холодным Стокгольмом»: С конца 1649 г. Декарт находился в столице Швеции Стокгольме, куда он выехал по настоятельному приглашению королевы Христины. Но пребывание Декарта в Стокгольме продолжалось лишь несколько месяцев. Простудившись, он умер 11 февраля 1650 г.¹

«...приглашают, рвут на части из-за стихов»: В 1990 году Толя как-то позвал меня на детский утренник в книжном магазине, что на углу ул. Революции и ул. Ленина (рядом с «Красным факелом»). Я пришел со своей 6-летней дочерью. Толя читал стихи для детей. Устроители мероприятия и родители были Толе невероятно благодарны. К сожалению, каких-либо других деталей не помню.

Стихотворение «Октябрь, ноябрь... Календарь неизбежно закончится...» выложено Толей на сайт Проза.ру 7-го ноября 2009 года под названием «Импровизация»². Оно опубликовано в «Сибирских огнях», 2010, № 1 и больше ни разу не печаталось.

24 ноября 2009 г. Одна услада, Юра, после занятий – плести слова. В минувшее воскресенье ходили с Леной в Дом ученых на выставку нашего художника Александра Шурица³. Откровенно коммерческий (диапазон цен за картины в прејскуранте от 25 до 125 тысяч), но мастерюга, в этом ему не откажешь. Картинки красивые. Сегодня написался стишок. Предлагаю твоему взыскательному вниманию.

* * *

Из леса попадешь однажды в Дом ученых,
Там новый вернисаж, там Шуриц Александр.
Ноябрь. Душа в плену иллюзий полусонных:
В созвездии блудниц гепардов, саламандр.
Хотелось рассмотреть, как Александр Шуриц
Изображает шум крадущихся минут,
И женщины в цвету, похожие на куриц,
Из глубины холстов, зрачками сердце жгут.

¹ Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 13.

² www.proza.ru/2009/11/07/772.

³ Шуриц Александр Давидович (4 января 1945 г., Биробиджан – 27 апреля 2017 г., г. Новосибирск) – художник-график, живописец, член Союза художников СССР (1983).

Здесь явный перебор причудливых пейзажей,
Но в них, хоть зашибись, нельзя попасть извне,
Так хочется обнять прекрасных персонажей,
Но с ними дураку нельзя сойтись в цене.
Легко ли ощущать любви осадок в мышцах,
Придя назад в приют, холодный и пустой,
Где беспокойный ум всегда понять стремится,
Как тарыхтит в груди контейнер встреч с мечтой.
И некому сказать, что сердцу одиноко,
Но, сев за монитор, раскусит джентльмен:
Расцвет или закат сибирского барокко,
Покой картин в кольце кусающихся цен...
Ужель пришла пора поговорить о главном –
Прервав ночлеги глаз в пустотах серых стен?
Красавиц напиши, беседующих с фавном
Среди зверей и птиц, на вздрогнувшем холсте.

А на отправленном снимке слева направо располагаются Сережа Савченко (по кличке Фау из 4-го подъезда Дома грузчиков), узнанный тобой Толя Гвоздев, Володя Карманов из моего класса и, естественно, я. Интересно сложились биографии персонажей фото. Гвоздев пошел по тюрьмам, и в конце концов где-то на зоне и умер. Савченко, ближайший друг Гвоздева, пошел в противоположном направлении: окончил юридический и возглавлял в Дзержинском районе коллегия адвокатов. Я это узнал при встрече с ним лет 8 тому назад. Сейчас не знаю, где он. А Карманов – простой работяга. Пока. Удач тебе и поклон жене.

Комментарий. У Толи есть такие строки:

Отсюда идет пополнение тюрем.
Из окон, завешанных марлей и тюлем,
Доносятся жалобы вдов и сирот.
Здесь носит ножи запрещенный народ¹.

Практически у всех детей, моих сверстников, с которыми я жил в бараках, отцов не было. Формально они, конечно, были, но семьи были неполные. Что касается тюрем, то во 2-м бараке жил Витя Метелкин («Метёла»). Он был несколь-

¹ Соколов А. Е. Спартаковский мост. Анапесты: Сб. стихов. – С. 30.

ко старше нас, и иногда даже играл с нами в футбол. Он убил студента Сибстрина Колбасова. Год, когда это случилось, я не помню, но это было где-то в середине 1960-х годов. Это событие отложилось в моей памяти, так как о нем тогда очень много говорили.

Стихотворение, приводимое в письме, опубликовано в «Сибирских огнях», 2010, № 1 и больше ни разу не печаталось. В журнальную публикацию после первого четверостишия добавлено еще одно:

Там гости на пиру страдают от мигрени,
И арии поют бродячие коты,
И ангел, бросив дом в густых кустах сирени,
Как бабочка на свет летит из темноты...

В следующих строфах выражение «хоть зашибись» заменено на «хоть пропади», этим различия исчерпываются.

28 ноября 2009 г. (суббота). Юра, связываюсь с тобой из Академгородка. Письма, самого свежего от тебя, под рукой нет (оно в городе, на флешку не сбросил), поэтому ответить по всем пунктам не получится. Впрочем, это и не обязательно: я во всем с тобой относительно слабых мест стихотворения согласен. Кроме женщин, похожих на куриц. Конечно, был и соблазн зарифмовать «Шуриц – куриц». Но главное – персонажи слабого пола на картинах этого художника, на мой взгляд, действительно похожи на куриц. [...] И с тем согласен, что идеальных стихотворений, где от первой до последней строчки ни к чему невозможно придраться, нет. Стихи вообще пишутся и существуют ради 1–2 (2–3) метафор, которые рождаются ниоткуда. Влетают незаконными кометами в евклидовский мир «исчисленных светил». И мы, посвященные, причастные к этому таинству, ахаем, переживаем мгновения блаженства, а другие, глядя на нас, крутят пальцем у виска... Идиоты, мол. В Новосибирске оттепель. В городе лужи, хлопает под ногами. В Академгородке снежок покрепче, но мягкий. Скольжение похуже. Убедился в этом пробежав с утра «пятерочку». У меня свой маршрут с горка-

ми и подлиннее, чем у Лены, которая боится горок как огня, поэтому отыскала себе по вкусу дистанцию. Единственное плохо – после лыж [...] плохо соображается. Вернусь в город в понедельник, напишу подробней и осмысленней. Пока. Толя.

1 декабря 2009 г. (грядет похолодание). Юра, привет! Лена второй день находится у тебя в Питере. Пробудет там неделю, а потом – в Москву. В Чехию поездка отложена. Началась моя вынужденная холостяцкая жизнь. Тянет сорваться в загул по самой крутой траектории. Завтра открытие Фестиваля керамики в худмузее (все это в рамках Рождественского фестиваля искусств, который, наверняка, проводится и в вашем знаменитом городе). Среди мероприятий выставка моего приятеля Валеры Кузнецова¹, окончившего в свое время Ленинградскую «Мухинку». В списке выступающих я. Собираюсь прочесть приведенную ниже импровизацию. Если не надоели мои поэтические экзерсисы, можешь поточить о данный текст свои критические зубки.

* * *

Глина в чутких пальцах у Валерия, словно птица, дышит и поет.
Будто в ней сидит гомеометрия, исподволь готовая в полет –
Дрожь высоких крыльев нетерпения, прекратись! Звенит огонь в печи!
Вдохновенья смесь с отравой бдения – к собственной мелодии ключи.
И когда из глины, как динамика, заструится музыки ручей,
Станет бесполезная керамика людям хлеба сущего важней.
Ведь давно известно даже кролику, чтобы обессмертить запах бурь,
Глянцевую нежную майолику покрывает пестрая глазурь.
Как изъян на коже терракотовой, выест солнце слезы Аонид,
Но тебе уже по связи сотовой ни одна звезда не позвонит...

Да, хочу сообщить еще, что стихотворение про Шурица я переработал и заново отредактировал. Надеюсь, изъянов поубавилось. Новостей других нет.

Жду выхода книжки. Толя.

¹ Кузнецов Валерий Владимирович (род. 15 августа 1954 г., г. Новосибирск), художник декоративно-прикладного искусства. Окончил Новосиб. пед. училище № 2 (1973), Ленинград. высш. худож.-промышл. училище им. В. И. Мухомовой (1984). Член Союза художников России (2001). Произведения хранятся в музеях РФ и частных собраниях в Германии, Франции, Швейцарии, США, Южной Корее. Живет в Новосибирске.

Комментарий. Из текста письма следует, что публикация стихотворения про Шурица в «Сибирских огнях» (2010, № 1) должна отличаться от версии, приведенной в письме от 24 ноября 2009 года.

6 декабря 2009 г. (снегопады). Юра, привет! В Новосибирске такие обильные снегопады, что вязнут в сугробах машины, люди и собаки. И после оттепели, когда несколько дней t колебалась в районе 0, пошла на понижение. Сегодня -12 , завтра обещают до -27 . А у вас в Питере все иначе. Лена жалуется по скайпу: пришлось покупать зонтик. Гнилая погода. Она почти неделю в отъезде, а кажется, месяц не виделись. Вчера вытащил себя на лыжах покататься. Получилось не катание, а брожение. Все трассы погробены. Прокладывать новые? Удовольствия минимум, но пота проливается в избытке. После лыжных прогулок чувствую себя овощем до вечера. И вчера лишь часов в 10 вырвался из растительного состояния, написал, как наиграл, стишок.

* * *

Словно фильм режиссера Кустурицы, под откос разгоняется сон
Пассажира с Октябрьской улицы под церковный малиновый звон,
Где фальшивый эффект андерграунда в неизвестность отплывшем Крыму
Для истории – филькина грамота, непонятная никому.
В ней уроды вгрызаются пилами в мякоть слабых, изношенных тел,
В ней «чужие» воют с вампирами, а в России вообще – беспредел.
Пробужденье от муки, наверное, сокращает круиз мизансцен,
Чтоб не смог приключение скверное испытать до конца джентльмен.
И какие там, Господи, прелести, в суете независимых стран?
Лучше нам пережевывать «Челюсти», чем Буденновск, Кизляр и Беслан.

В этом еще не остывшем тексте вызывает беспокойство «где фальшивый эффект андерграунда в неизвестность отплывшем Крыму для истории филькина грамота, непонятная никому». Хочется вставить еще одно «в» перед словом «неизвестность». За 4 месяца собралась кучка стихов. Отправляю ее, как обычно, в «Сибирские огни» и тебя познакомлю. Думаю: ты не все тексты читал. Там я учел некоторые твои замечания. Давно не брал кисточки в руки. После посе-

щения очередной выставки ощущаю зуд, хочется что-нибудь, как выражаются художники, покрасить. И страшно, и лень. Жду выхода книжки. Берязев, занимающийся организацией, поглощен своими делами, на мои – времени не остается. С утра вялый совсем, извини. До свидания. Поклон супруге. Толя.

Комментарий. К этому письму Толя прицепил файл, в котором прислал мне 13 стихотворений с подзаголовком «4.12.09. Стихи Анатолия Соколова для журнала». Сравнение текстов показывает, что речь идет о подборке стихов для «Сибирских огней», появившейся в № 1 за 2010 год. Однако в окончательном виде подборка в «Сибирских огнях» отличается от тех 13 стихотворений, которые Толя прислал мне, одним стихотворением – Толя исключил из предполагавшейся к публикации подборки *Редакцию 2* «Словно фильм режиссера Кустурицы, под откос разгоняется сон...», и вместо нее включил стихотворение «Безнадежный художник ужасно хандрит...»¹ с посвящением Владимиру Мандриченко. Часть из этих стихотворений была в это время уже выложена А. Соколовым на Прозе.ру.

Все остальные стихи заимствованы из «Осенних птиц», при этом одно из них – стихотворение «Поэту редко дарят розы, и, раз нет истины в вине...»² – начинается с двух других строчек:

Половозрелый, чуждый прозы, разочарованный в вине,
Поэт взирает, как березы ворон гоняют в вышине.

Так как письмо датировано 6-м декабря 2009 г., а «Осенние птицы» подписаны в печать 16 ноября 2009 г., то это означает, что окончательной является версия, представленная в данном письме.

7 декабря 2009 г. (первый мороз). Как ты, Юра, оперативно реагируешь и дотошно разбираешь мои кавалерий-

¹ Соколов А. Е. Осенние птицы: Стихи. – С. 58.

² Там же. – С. 62.

ские тексты. И уверенно рассуждаешь о том, что хорошо и что плохо в поэзии... И в то же время способен спать до 12. Счастливый человек. Последние лет 30 я больше 3 часов подряд без просыпаний, вставаний, присаживаний к монитору спать не могу. Не помогает даже физическая активность. Лыжи, плавание... Хронически чувствую себя невыспавшимся, измученным. Стихотворение про Кустурицу мне пока активно не нравится. Но с твоей критикой не во всем согласен. С Крымом и андерграундом (кстати, ты смотрел «Андерграунд» Кустурицы и помнишь его концовку?) не знаю, что делать. И хочется, и колется... А в строчке «И какие там, Господи, прелести, в суете независимых стран?» все-таки запятую после «прелести» убирать повременю. Думаю, знак в данном контексте необходим, т. к. имеет место уточнение, где это или в чем это «там». А в строке «в ней «чужие» воюют с вампирами, а в России вообще – беспредел», согласен, при написании имеется лишний слог, но надо ли его убирать, если его можно не произносить. И читать, как «воще». Благодаря этому появляется дополнительная коннотация, которая мне нравится. Впрочем, эту проблему легко снять, вставив в строку вместо «вообще» слово «царит». Конечно, «в ней «чужие» воюют с вампирами, а в России вообще – беспредел» звучит эмоционально беднее и суше, чем первый вариант. Возможны и другие варианты. А с ритмом, вроде бы, все в порядке... Бог с ним, этим стишком. Пусть полежит. У меня и так много текстов для январского номера «Огней» и «Вечерки», которая в январе уже лет 10 подряд мне делает подарок к Дню рождения, публикуя подборку стихотворений. Возвращаюсь сегодня из вуза, заглядываю в свой часто разоряемый почтовый ящик и обнаруживаю извещение о получении ценного письма. Понял – от тебя. Побежал на почту. И вместе с твоим журналом получил еще книжку от друга по армии из Нижнего Новгорода Сережи Степанова. Так что у меня сегодня праздник. Пока. Обнимаю. Поклон супруге. Толя С.

7 декабря 2009 г. (стихи и морозы). Юра, еще раз спасибо за подарок. Рассмотрел. Журнал выглядит очень солидно. Даже слегка гламурно. И одновременно, показалось, как-то по-сиротски. Хотя, вроде, все в полном порядке: и печать, и бумага. Стильные репродукции... Известные авторы. Ты, кажется, очень удачно встроился в компанию переводчиков и выглядишь пристойно. [...] Кстати, у меня новая редакция известного тебе стиха только что вылупилась.

* * *

Словно фильм режиссера Кустурицы, под откос разгоняется сон
Пассажира с Октябрьской улицы под осенние крики ворон.
Пробуждение – это авария. Хищный клюв превращается в рот,
Из которого, вырвавшись, ария бурю жутких оваций сорвет...
Есть в России эффект андерграунда для оставленных плакать в Крыму,
А история – филькина грамота, непонятная никому.
В ней уроды вгрызаются пилами в мякоть слабых, изношенных тел,
В ней «чужие» воюют с вампирами, а в России царит беспредел.
Здесь Каренина гибнуть торопится, разрешая проклятый вопрос:
В русском сердце скорбит Богородица и страдает распятый Христос.
Пробуждение от муки, наверное, сокращает круиз мизансцен,
Но готов приключение скверное испытать до конца джентльмен.
И какие там, Господи, прелести, в суете независимых стран?
Лучше нам пережевывать «Челюсти», чем Буденновск, Кизляр и Беслан.

У нас морозы грянули. Сегодня 26, завтра обещают 32.
До свидания. Удач Вам. Толя.

Комментарий. Это стихотворение отмечено мною в разделе «Статистика публикаций», где оно названо *Редакцией 3*. Оно выложено Толей на сайте Проза.ру 5-го декабря 2009 года под названием: «Новая редакция. Словно фильм режиссера Кустурицы...»¹.

15 декабря 2009 г. (ожидание книжки). Юра, привет! В известном и не понравившемся тебе (и мне) тексте появился вкладыш, который, кажется, может существовать и самостоятельно. Я его выделил. Что думаешь по этому поводу?

¹ www.proza.ru/2009/12/05/1146.

* * *

Словно фильм режиссера Кустурицы, под откос разгоняется сон
Пассажира с Октябрьской улицы под осенние песни ворон.

*В детском сне городская окраина, порт речной и бараков разброд,
Где под знаменем Ленина – Сталина к коммунизму шагает народ.
Перед высохшей мумией с аурой клятвой верности мучают рты,
Расцветают от музыки траурной кумачовые с крепом банты.
Здесь в фаворе не правда, а истина, и прилипли к уму простака
Приключения мистера Твистера в стихотворном вранье Маршака...
Но под мышкой с казенными книжками мы усвоили жизни урок
И бесстрашно хрустели ледышками, утром вывалив на солнцепек.
А на кафедрах горе-философы добивались за пищу и кров,
Чтобы каждый болван стоеросовый сокрушал трансцендентных богов.
Но все меньше у постников рвения лицемерить с восьми до шести,
И на родине даже растения не хотят, хоть убейся, расти...
В гуце жуткого частного сектора, утонувшего в собственном «я».
Андромаха оплакала Гектора и утратила смысл бытия...
Завершается мыльная опера, рухнул занавес, горек итог.
Вместо Маркса молиться на Поппера учит темного папу сынок,
И родителю не на что сетовать, если есть чего выпить и съесть...
Ветер с клена, как старого сеттера, рвет клочками бордовую шерсть.
Есть в России эффект андерграунда, здесь случается все, как в дыму
Соль истории – филькина грамота, недоступная никому.
В ней уроды вгрызаются пилами в мякоть слабых, изношенных тел,
В ней «чужие» воюют с вампирами, и на каждом углу беспредел.
Здесь Каренина гибнуть торопится, и решается вечный вопрос:
В русском сердце скорбит Богородица и страдает распятый Христос.
Пробужденье от муки, наверное, сокращает круиз мизансцен,
Но готов приключение скверное испытать до конца джентльмен.
Ах, какие еще искушения ожидать от искусственных стран?
Разве лучше пожар и крушение, чем Буденновск, Кизляр и Беслан?*

Завтра, вероятно, заполучу своих «Осенних птиц». С волнением жду. Обнимаю. Удач тебе и вдохновений. Поклон Татьяне. Толя.

Комментарий. Это стихотворение отмечено мною в разделе «Статистика публикаций», где оно названо *Редакцией 4*. Оно не выкладывалось Толей на сайт Проза.ру и вообще нигде не публиковалось.

19 января 2010 г. (крещение). Юра, привет! Ты своим нечаянным звонком в хорошем смысле переполошил меня.

Спасибо. Пребываю в болезненном состоянии. То ли элементарное ОРЗ, то ли что-нибудь более серьезное. Худо мне. А температуры нет. В Академгортке торчу, закис, как в медвежьем углу, а в городе культурная жизнь кипит. Морозы отрезали от центра, как материка. Статьями и книжкой не занимаюсь. А вот такие строчки сочатся километрами. 25-го устраиваю презентацию книжечки, как говорится, по просьбе трудящихся.

* * *

Ночь в шубе, спиной из ондатр, приходит в город, как в театр.
И, обустроившись в партере, обозревает интерьер:
Архитектурные потери воображенья и манер...
Над симфонической сиренью свисает месяца брелок,
Чтобы к Христову Воскресенью творили Глинка и Брюллов.
Но затошнит аборигена предвестье скорых передраг,
Во тьме, взывая как гиена, летит по улице варяг...
Нет правды в бронзовом ладскнехте, и круче тысячи чертей
Транжирит прибыли от нефти новороссийский Прометей.
В упадке Хохлома и Палех, прогнили нитки теплотрасс,
За небом лишь в районах спальных следят, не покладая глаз.
И в центре с ржавым пулеметом готовится напасть на банк
В оцепененье полумертвом обкуренный и грязный панк.
Душа золу словесных углей вылизывает языком.
Как тигр, вырвавшись из джунглей, блестит очками Сибревком.
Но пусто место встреч минувших, почил в забвенье Одиссей,
И звуки муз вползают в уши без разрешения властей.
Когда в словах избыток фальши, и у души заклинит руль –
Скорей вези меня подальше, шофер, из города за рубль!

С Крещеньем тебя, Юра, и супругу. Обнимаю.

Комментарий. Это стихотворение несколькими днями ранее было выложено Толей на его странице интернет-ресурса Проза.ру¹ под названием «Ночь в шубе, спиной из ондатр 1», 15.01.2010 17:19 и пока, насколько мне известно, в печатных изданиях ни разу не публиковалось.

22 февраля 2010 г. (праздник). Юра, поздравляю с Днем Советской Армии, в которой мы имели честь служить (правда, в разных должностях) и Военно-Морского флота! День защитника Отечества как-то не звучит. Почему только защитника?

¹ www.proza.ru/2010/01/15/1044.

Мы должны не только защищать Отечество, но и раздвигать (расширять) или, если угодно, восстанавливать Отечество в тех его границах, которые были, например, в эпоху Александра III. Не меньше! Будь здоров. Удач тебе и вдохновений. Рядовой Толя и примкнувшая к нему лейтенант Лена.

Комментарий. Толя имеет в виду, что он служил рядовым, а я – в должности командира взвода (два года после института). Далее удивительное предвидение – вхождение Крыма в состав России произошло уже после Толи. Государство разбилось на куски, образовалось что-то новое и корявое, мифология справедливости сменилась мифологией потребления.

В переписке с Колей Кармышевым иногда обсуждаем сегодняшних либералов. В одном из писем (от 12.07.2017) он пишет: «Когда-то и мне были близки такие взгляды (либералов. – *Авт.*), и Голосом Америки я заслушивался, и был уверен, что капитализм нам на пользу пойдет. А вот время всё поставило на свои места. Одно разворовывание страны, а уж либералы и вовсе готовы страну сдать». От меня долго ускользал сакральный смысл русской сказки Курочки Рябы:

Не плачь баба, не плачь, деда.

Снесу вам яичко, не золотое, – простое.

Не дает на это ясного ответа и Мурад Аджи¹, который считает ее тюркской. Мне кажется, что пройдет время, и взамен мифологии потребления Курочка Ряба вернет нас к исконно нашим ценностям – справедливости и правде. Не нужно нам золотое яичко. Снесет нам Курочка Ряба наше заветное *простое* яичко.

На этом моя переписка с Толей заканчивается. Я очень сожалею, что не начал с ним переписываться раньше.

¹ Мурад Аджи. Полынь Половецкого поля. – М.: АСЕ, АСТ МОСКВА, 2006. – С. 100–102. – (Историческая библиотека).

Глава 4

ФИЛОСОФИЯ А. СОКОЛОВА

Второй, помимо поэзии, неотъемлемой гранью творческой личности А. Соколова является его философский взгляд на мир, который он отражал в своих стихах, философских работах, в письмах к друзьям и просто в общении с окружающими. В данной главе, в самой малой степени, представлена эта сторона неповторимой личности А. Соколова.

4.1. Поэтический текст как скопление смыслов

Предваряя этим разделом последующее изложение, начну с высказывания Налимова о философских смыслах Мироздания, раскрываемых человеком различными путями, в том числе через поэзию¹:

Смыслы, изначально заложенные в Мироздании, раскрываются множеством различных путей: через науку, философию, искусство, теологию и мистический опыт и, наконец, просто через жизненный путь человека, особенно если он был насыщен трагическими событиями. [...] Путь раскрытия смыслов через искусство остается в тени. Эта тема требует особой, серьезной разработки.

Поэзия – это искусство, в котором есть свои законы. Я бы хотел, насколько это в моих силах, обнаружить некоторые из их проявлений в Толином творчестве. Как правило, они не лежат на поверхности, а предстают перед нами в виде неких шифров, или смыслов.

¹ Налимов В. В. В поисках иных смыслов. – М.: Изд-я группа «Прогресс», 1993. – С. 5..

Смыслы. Традиционный прием искусства – иносказание. Писатель говорит одно, а имеет в виду другое, подчас прямо противоположное. Или другой древнейший вид интеллектуализма в искусстве – загадка. Разгадка требует умственных усилий, но дает радость¹. Примеров иносказаний много. Одним из ярких примеров является творчество Сэлинджера², лежащее в канонах древнеиндийской эстетики³. Согласно ее канонам, задача искусства состоит в том, чтобы пробудить в человеке девять поэтических настроений, поэтому в произведении должны преобладать следующие «главные чувства»: 1) любовь или эротическое наслаждение, 2) смех или ирония, 3) сострадание, 4) гнев, 5) мужество, 6) страх, 7) отвращение, 8) откровение, 9) отречение от мира. Именно в этом, по мнению Галинской⁴, и состоит смысл девяти рассказов Сэлинджера, каждый из которых посвящен одному из чувств. Мы не будем углубляться в этот вопрос, а лишь отметим, что философские смыслы Толиного творчества, видимо, лежит в канонах другой, скорее всего античной, эстетики.

Восприятие. Живя рядом с человеком, часто не осознаешь, какая глыба стоит пред тобой. Толя был философ, и это во многом определяло его поэзию. Пытаюсь его с кем-то сравнить. В поэзии он, возможно, близок Рильке или Есенину, а если сравнивать Толю с кем-то из прозаиков, то, в чем-то Толя напоминает мне Гоголя – вроде бы какая-то простенькая бытовая зарисовка, но какие за ней скрываются потайные смыслы! Вот и Горбачев (см. его отзыв «Апория Анатолия Соколова»⁵) сравнивает его с Верленом или Рембо.

Но все это очень условно. В стихах Соколова присутствует постоянная тема, связанная с ощущением чего-то неотвратимого, и в то же время невыразимо прекрасного в окружающем

¹ Гулыга А. В. Искусство в век науки. – М.: Наука, 1978. – С. 37.

² Сэлинджер Дж. Д. Над пропастью во ржи: Повести; Девять рассказов. – М.: Худож. лит., 1983. – 592 с.

³ Галинская И. Л. Загадки известных книг. – М.: Наука, 1986. – 128 с.

⁴ Галинская И. Л. Философские и эстетические основы поэтики Дж. Д. Сэлинджера. – М.: Наука, 1975. – 112 с.

⁵ <http://www.proza.ru/2015/03/09/380>.

мире, тема трагической безысходности и одиночества. Порой непонятно, каков замысел его стиха, но зато передается ощущение чего-то грозного, тягуче томительного, воспоминания о чем-то ушедшем в неумолимую бесконечность. Это не поддается описанию с помощью слов. Какая-то трансцендентность, бессознательность, ощущение ничтожности перед вечностью. Сколько физически ни расчленишь живое тело на части, души не найдешь. Но она где-то есть. Так и Толин стих, он как бы бессюжетен, но одновременно грозен, строки льются одна за другой, как будто они всегда были до того, а теперь только явлены, каждая строка живет отдельной жизнью, но живет не одна, а в окружении других, строки роднят рифмы, метафоры, ритм, аллитерации и обманчивый звук слов, каждая строка – совершенство, нет ни одной лишней буквы, неповторимый аромат метафор, какие-то непостижимые сравнения, которые осознав, признаешь за абсолют, сказать по-другому невозможно. В одно целое сливаются громадная подспудная философия текста и виртуозная техника, потрясающая эрудиция, тонкая усмешка над бытием обывателя, созерцание скорби, провидение, прощение и прощание.

В литературоведении различают два способа восприятия текста – сукцессивный и симультанный. *Сукцессивный способ* – это последовательное восприятие информации. Такое восприятие растянуто во времени. Примером может быть восприятие речевой информации: мы прочитываем сначала одно слово, потом второе, третье, и только после этого у нас складывается некий целостный образ в голове. *Симультанный способ* – это единомоментное восприятие информации, когда мы «схватываем» сразу весь образ целиком, когда мы видим всю картину разом. Примером такого способа может быть восприятие рисунка или фотографии. Считается, что в настоящее время при восприятии художественного текста сукцессивность все чаще уступает место симультанности. Действительно, именно цельное, обзоревающее единовременно в едином контексте восприятие Толиного стиха будет интересовать нас в первую очередь.

С другой стороны, следует отметить, что в зависимости от поставленной цели интерес могут представлять не только выводы, получаемые в результате симультанного восприятия текста, но и результаты его стилеметрического анализа, когда текст воспринимается в целом, но не на целостно-смысловом уровне, а с точки зрения его структуры как знаковой системы. Здесь речь идет о выделении в тексте отрезков эмоционального подъема и спада, динамики развития темы, определения точки кульминации, характеристики динамики изменения стиля писателя в зависимости от периода его творчества и т. д. В дальнейшем изложении мы коснемся этого момента в Толином творчестве лишь в самой малой степени, так как в полном объеме этот вопрос следует рассматривать в отдельном литературоведческом исследовании. Основы такого подхода излагаются, например, в работе Г. Я. Мартыненко¹, а пример соответствующего исследования – в работе О. Н. Гринбаума². В статье Ю. Н. Чумакова мы находим следующий тезис:

Для понимания художественного текста, для реконструкции творческого замысла писателя описание структуры завершенного произведения и анализ читательского восприятия становятся сложным комплексом перекрывающих друг друга операций. Взгляды на художественный текст перемещаются от особенностей структуры на его функционирование, поведенческие характеристики и связи с культурным контекстом³.

Именно в этом ключе я пытаюсь далее дать анализ творчества Анатолия Соколова, не вникая в деталях в субстрактную основу его стихов, а стараясь оттенить их культурный и философский контекст. Далее приведу еще одну буквальную цитату из той же статьи Чумакова, которая полностью отражает наш подход к анализу как творчества Анатолия в целом, так и некоторых его отдельных стихов в частности:

Классическое произведение в таком аспекте осознается прежде всего не как завершенная в себе поэтическая структура, но как *процесс* с отда-

¹ Мартыненко Г. Я. Основы стилеметрии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 174 с.

² Гринбаум О. Н. Гармония строфического ритма в эстетико-формальном измерении. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 160 с.

³ Чумаков Ю. Н. Жанр стихотворного романа и философские основы массовой и классической культуры. // Философские проблемы взаимодействия литературы и культуры: Межвузовский сб. науч. трудов. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1986. – С. 63–72.

ленным результатом. Две его стадии не равны по длительности, но эквивалентны по значению. Первой из них является реализация творческого замысла автора, перевод текста из непроященного диффузного состояния в цельнооформленную и связную структуру. Сквозь нее преломляется заданное автором смысловое содержание. Оно отвердевает и накапливается в графически закреплённом тексте, принятом за окончательный или дефинитивный. Здесь мы имеем дело с относительно статическим моментом, который формально прерывает непрерывность художественного произведения как процесса. Его вторая стадия начинается тогда, когда скопление *заданных* автором смыслов, сохраняющееся в поэтической структуре, подвергается взрывному воздействию *приданных* смыслов, возникающих в контрструктурах читательского сознания. Живое противоречие заданности и приданности энергетически обеспечивает смысловое развертывание классического текста, понятое как его культурное пространство – время.

Структурная замкнутость и семантическая заданность этого пространства-времени связана с авторским началом, разомкнутость и приданность – с читательским. Однако это не означает, что творческое оформление текста локализовано лишь в сфере автора, а смысловая жизнь после оформления принадлежит сфере читателя. Текст как процесс всегда сохраняет свою единоецелостность и непрерывность. Затвердевшая его структура, разграничивающая два этапа процесса, в своем качестве границы условна и проницаема. Сотворческое присутствие читателя на раннем этапе порой смешивается с авторским как непосредственно, так и ретроспективно. Последнее в том случае, когда текст со временем обретает авторитетность.

Если к двум нашим этапам добавить в качестве третьего разделяющую их *степень окончательной оформленности текста*, то наблюдаемый нами процесс уложится в диалектическую триаду (динамика – статика – динамика) и три основных характеристики: проступающий, завершённый и самовозрастающий текст. Однако, снова восстанавливая из нечетности уравновешивающую четность, заманчиво предположить в виде теоретической реальности имперсональное ядро текста, содержащее в себе его свернутую программу как пространство возможностей. Эта созидающая энергия, аналогичная эстетической категории «формирующей формы» (*forma formans*), в нашей классификации получила бы статус «прототекста». О нем в онтологической проекции часто упоминают поэты и писатели.

И далее Чумаков приводит в качестве примера реплику А. Блока о творчестве как о переводе с неведомого языка. О том, что Пушкин как бы доставал откуда-то «Медного всадника», писал А. Битов¹. В моих разговорах с Толей он также отмечал такую особенность своего творчества – некоторые стихи он писал или сразу под впечатлением чего-то увиден-

¹ *Вопросы литературы*. 1984, Вып. 7. – С. 177.

ного или, наоборот, пребывая в состоянии какого-либо томительного ожидания. Например, глядя в окно и машинально фиксируя проходящие на ум строчки.

В разговорах со мной Толя выделял среди философов и культурологов Бахтина, Мамардашвили, Ильенкова, Гуссерля, Хайдеггера, когда-то давал мне почитать Кьеркегора. Еще в те времена дал мне прочесть Зиновьева «В преддверии рая». Это были прозрения. Под его влиянием я покупал философские книги и... ставил их на полку. Так случилось с Мамардашвили¹, Мирчей Элиаде² и другими. В Толиных стихах бесконечное знание того, что наработало за многие века человечество в сфере духовной мысли. Это мифология, история религий и далеких эпох, античная и поздняя эстетика, шедевры поэзии, живописи, музыки, драматургии, начиная с древнегреческой, и многое другое. Читать и проникать в него очень трудно, он пронзителен и печален даже в лучшей своей лирике, нужны большие усилия, чтобы осознать его и вместить в себя.

Мировоззрение. Имея перед глазами Толины поэтические тексты, попробуем понять, что же они собой представляют с философской точки зрения. Для этого сначала обратимся к Толиным же словам, которые, возможно, дадут определенный ключ к ответу:

...картина мира и мировоззрение как феномены личностного сознания являются гетерогенными образованиями, определяются неповторимым контекстом жизнедеятельности конкретного человека в рамках исторически сложившегося общественного организма. Включенность человека в такую подсистему, как личность, конституирует позицию субъекта по отношению к собственной жизнедеятельности, явленной как в ее действительности (картина мира), так и в ее должествовании (мировоззрение)³.

А что же тогда мировоззрение? Этот вопрос А. Соколов исследует в своей диссертации. Вот существующие позиции по этому вопросу, среди которых идет поиск истины:

¹ Мамардашвили М. Картезианские размышления (январь 1981). – М.: «Прогресс»; «Культура», 1993. – 352 с.

² Элиаде М. Космос и религия. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.

³ Соколов А. Е. Проблема происхождения мировоззрения // Автореф дис. ... канд. филос. наук. – Новосибирск.: НГУ, 1984. – 16 с.

По форме мировоззрение считается либо системой предельно общих знаний, либо системой убеждений, либо системой ценностей, либо «абсолютной предельной нормой», либо особым образованием, включающим в себя разнообразные феномены: знания, взгляды, убеждения, идеалы, принципы, оценки, установки и т. п. Наиболее перспективной признается точка зрения, согласно которой мировоззрение по форме является убеждением¹.

Если же конкретно, то в диссертации делается вывод, что «мировоззрение по форме своего существования выступает в качестве практического убеждения социального субъекта». Все это мы и находим в Толиной поэзии. Крайне закономерно то, что Толя достиг апогея в творчестве после того, как окончательно сформировалось его собственное мировоззрение (период 1989–2010 гг.).

На первый взгляд, в Толином творчестве нет каких-то явных философских посылов. На самом же деле все оно пропитано философией бытия, эстетическим отношением к прожитым годам, пережитым чувствам. Вот что он пишет:

В самом простом определении творчество – это создание того, чего еще не было. Это создание нечто из ничто (т. е. из материи в античном ее понимании). Творческое произведение до своего рождения не существовало ни во внешнем по отношению к художнику мире, ни в его внутреннем мире чувств, желаний, идей. Произведение нельзя создать, продолжая, развивая уже существующие представления о вещах и переживания, мысли. Понятие преемственности дискредитирует сущность творчества. Именно произведение должно стать источником новых представлений, с одной стороны, и новых чувств и желаний – с другой. То есть, в конечном счете, новым космосом².

Добавить здесь нечего. И убавить тоже. Далее нужно только сверять Толины тексты с этими словами и убеждать себя в их справедливости.

4.2. Мифология и искусство

В данном разделе я анализирую одну из ранних работ А. Соколова, посвященную соотносительности мифологии и искусства. Следует сказать, что вопросы, связанные с мифо-

¹ Там же. – С. 9.

² Соколов А. Е. Проблемы духовной онтологии: язык культуры и творчества. – Новосибирск: СибУПК, 2004. – С. 158.

логией, вообще были магистральными в его философских размышлениях. Конечно, к такому анализу хотелось бы привлечь профессионалов, но такой возможности у меня не было.

Соотнесенность мифологии и искусства. Уже в тот момент, когда предлагаемый вниманию читателя труд был практически завершен, я обнаружил у себя в архиве Толину работу о трансформации мифологии в искусство¹. Поскольку Толины стихи необычайно насыщены мифологическими сюжетами или связанными с ними ассоциациями, то мне показалось интересным узнать его позицию по вопросу соотнесенности мифологии и искусства. Это обусловлено тем, что поэзия – это один из видов искусства и, следовательно, происхождение поэзии оказывается тесно связанным с происхождением мифов. Ярким примером поэзии, построенной на мифах, являются сказания, былины, песни и другие виды народного творчества. Скажем, известно, что к моменту начала исторического периода славян (VIII–X вв.) их былины и эпосы уже существовали. И в них нашли свое отражение именно мифологические персонажи, включая богов и героев. Что-то похожее мы наблюдаем и в античной мифологии, к которой Толя так часто обращался.

Коротко посмотрим, что хотел сказать А. Соколов в своей статье. Начнем со следующей выдержки из нее:

Многими авторами признается существование генетической связи между мифологией и искусством. Но следует признать: отмеченная связь еще чрезвычайно редко становится предметом специального исследования, использующего средства философии и культурологии. А в результате имеют место ее различные понимания. В частности, как отмечает А. Л. Андреев, «использование мифологического материала искусством происходило в основном по линии заимствования и использования мифологических сюжетов, их аллегорического истолкования и переработки...»². Данная концепция художественного «использования» мифологии, по мнению С. С. Аверинцева, с одной стороны опирается на весьма почтенную историко-культурную традицию, а с другой стороны, обнаруживает свой

¹ Соколов А. Е. – Трансформация мифологии в искусство как философско-культурологическая проблема. – В кн.: Философские проблемы взаимодействия литературы и культуры. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1986. – С. 35–45.

² Андреев А. Л. Место искусства в познании мира. – М.: Политиздат, 1980. – С. 171.

ограниченный характер в свете тех новых подходов в анализе мифологии, которые предпринимаются в XIX и XX вв. В соответствии с ними констатация чисто внешней связи между мифологией и искусством, примером которой является сознательное заимствование субъектами мифов, т. е. сохранившихся в социальной памяти фантастических рассказов о богах, демонах, героях и т. п., оказывается недостаточной. «...Мифологичны, – пишет С. С. Аверинцев, – какие-то изначальные схемы представлений, которые ложатся в основу самых сложных художественных структур»¹.

Основной тезис Толиной статьи – слегка отклониться от общепринятой точки зрения, согласно которой сначала были мифы, а потом на их почве стало произрастать искусство. В качестве примера Толя выбирает мифологические представления тотемистического типа, отмечая «проблематичность употребления для их характеристики понятия «представление»:

Представлением в современную эпоху считается мысленное воспроизведение индивидуальным субъектом в обобщенном виде и в идеальной форме того или иного предмета, существующего независимо от данного представления. Но очевидное для современного человека противопоставление представлений (сознания) их предметам оказывается глубоко чуждым для членов первобытных общностей: тотемистические представления в буквальном смысле «сращены» с предметами действительности. Поэтому оперирование данными представлениями предполагает предметные действия.

Фиксация «сращенности» духовных и материальных явлений в мифологии (или «слияния реального и идеального»² позволяет [...] понять, почему она является почвой, на которой произрастает искусство, но не самим искусством. Хотя само обращение понятия «первобытное искусство» свидетельствует о соблазне рассматривать мифологические феномены, включенные в контекст современной эпохи, по аналогии с продуктами деятельности художника. Некорректность данной аналогии выясняется в процессе анализа природы мифологии.

И далее Толя переходит к анализу позиции З. Фрейда по этому поводу, находя ее недостаточно убедительной:

Намечаемое З. Фрейдом объяснение происхождения мифологических представлений тотемистического типа, с одной стороны, учитывает их специфические особенности, с другой стороны, вынуждено апеллировать

¹ Аверинцев С. С. «Аналитическая психология» К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии. – В кн.: О современной буржуазной эстетике. – М.: Искусство, 1972. – С. 116.

² Гулыга А. В. Миф как философская проблема. – В кн.: Античная культура и современная наука. – М.: Наука, 1985. – С. 274.

в конечном счете к отдельному человеческому индивиду, обладающему беспредпосылочной в социальном плане сознательной и бессознательной психикой. Впрочем, и другие рассмотренные гипотезы генезиса мифологии основываются на абстракции, в соответствии с которой уже в исходном пункте общественной истории находится обособленный одиночка, способный к интеллектуальному удвоению самого себя (в качестве «Я») и внешней материальной действительности, что является необходимой предпосылкой для познания, к рефлексии над собственной жизнедеятельностью, к различению мысленных, речевых и предметных действий. Естественно, с этой позиции мифология (следовательно, и искусство) есть не что иное, как случайно возникший феномен, как пустоцвет в живом дереве человеческого познания, не имеющий собственной сущности, а поэтому используемый в качестве средства решения познавательных, воспитательных и других задач.

Более продуктивным [...], на наш взгляд, будет исследование происхождения мифологических представлений по логике, противоположной фрейдовской. А именно: следует считать данные представления не результатом сознательной и бессознательной проекции внутреннего мира отдельных человеческих индивидов на внешнюю по отношению к каждому из них действительность, но, наоборот, сам их внутренний мир – первоначально существующим в сращении с внешней действительностью и возникшим в результате предметного закрепления исходной исторической общественной формы обмена деятельностью, агентами которой являются природные общности людей. Так, собственно, может быть разрешена загадка происхождения мифологии.

Чтобы усилить свою позицию, Толя обращается к Марксу, а точнее к анализу сознания в его работах как звену функционирования общественных структур, проведенному Мамардашвили¹. Из этого анализа вытекает Толино предположение о том, каким образом формируется такое явление первобытного сознания, как тотемистическая картина мира, т. е. отношение, членами которого выступают тотем и антитотем. Далее Толя пишет, что «...взаимодействие человека с силами природы в первобытную эпоху еще не становится предметом сознания, не осознается, поскольку для этого требуются средства, сформировавшиеся на более поздних стадиях общественной истории. Возникновение данных средств и является необходимым условием для превращения мифологии в искусство». Вот это и есть ключевая фраза – искусство *не возникает после* мифологии, а *вырастает из него*. И далее идут заключительные строки:

¹ Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса. // *Вопросы философии*. 1968, № 6. – С. 22.

Как показывает опыт этнографических, историко-культурных и семиотических работ, превращение мифологии в искусство не означает ее смерти. В модифицированном виде мифологический элемент присутствует в любом явлении искусства. В результате обособления одной из морфологических разновидностей языка реальной жизни, составляющего действительность мифологического сознания и существующего параллельно не только в словесной, но также вещной и действенной формах, образуются язык надстройки и редуцированный вариант последнего – язык мыслей. При этом, поскольку вторичный язык, выделившись из первичного, функционирует наряду с ним, следует предположить перевод феноменов мифологического сознания, вплетенных в «язык реальной жизни», на язык идейного обращения и вообще мышления. Соответственно, в составе единиц последнего вместе со схемами, аллегориями и образами обращаются символы, являющиеся специфической и единственной единицей первичного языка. Отсюда *нельзя полностью согласиться* [курсив мой. – Авт.] с тем, что в мифологии и искусстве используется один и тот же тип отражения, только в первой – бессознательно, а во втором – сознательно общественными индивидами. [...] Только в искусстве приобретает определенное значение сознательное отражение как способ получения содержания. Но в силу существования закона, в соответствии с которым «настоящая тайна искусства ... заключается в том, чтобы формой уничтожить содержание...»¹, то в нем оно не является основополагающим моментом.

Вот оно в чем дело! В искусстве форма уничтожает содержание! Но тогда и в идеологии – тоже! Мысль изреченная есть ложь. Надо уметь читать между строк. Не поддаваться на первое впечатление, на провокации. Смотреть по сторонам, смотреть, кому это выгодно. Об этом же и в Толиных стихах – *«Привычно московское радио врет...»*². Блестящий философский анализ, проникновенное понимание нашего человеческого бытия. Вот такого человека мы потеряли...

Среди своих собратьев по литературному цеху Толя выделялся своим философским взглядом на вещи, на мир искусства вообще. Он был чужим среди своих и своим – среди чужих.

4.3. Философский контекст поэзии А. Соколова

Поэзия Соколова глубоко пропитана философским взглядом на мир. И если Александр Зиновьев – это социальный философ, критик глобального капитализма, то Толина

¹ Выготский Л. С. Психология искусства. – М.: Искусство, 1968. – С. 273.

² Соколов А. Е. Спартаковский мост. Анапесты: Сб. стихов. – С. 31.

позиция – это тоже социальная философия и неприятие наступившего дикого капитализма, но выраженные не прозой, а в стихах, поэтическими средствами.

Чтобы дать представление о масштабе личности Соколова как поэта, обратимся к мыслям советского философа, специалиста по истории русской и немецкой философии и эстетике А. Гулыги¹. Эти мысли я постараюсь соотнести с творчеством Соколова.

Тезис 1. «Среди вершин мировой культуры есть два пика, манящие своей недоступностью и одновременно открытые для всеобщего восхождения. Напряги силы, не пожалей времени на тренировки, достигни их, и откроется перед тобой панорама невиданная. Пики эти – немецкая классическая философия и русская классическая литература. Там – «Критика чистого разума» и «Феноменология духа», здесь – «Братья Карамазовы» и «Война и мир». Немцы работали понятиями, русские – образами. Многие строки «Фауста» Гете звучат как афоризмы. Многие зашифровано, содержит намеки на окружавшие поэта обстоятельства. Пропитано философской и поэтической культурой эпохи. Большое искусство сродни философии. Границу между ними провести трудно, как и передать в понятиях образное содержание. Поэтическое произведение тем лучше, чем оно несоизмеримее и недоступнее для рассудка»².

Выберем почти наугад типичное стихотворение, характеризующее Толин творческий почерк:

Кажется минувшее былинкой –
Ты уже не нужен никому,
Но душе, как птице перед линькой,
Жаль терять привычную тюрьму.
Оставляя правду осязанья
В карусели сумасшедших дней,
Загрусти по яблокам Сезанна,
Потерявший Родину Эней.
Приголубить нежную Дидону
Не велит кремнистая звезда –

¹ Гулыга А. Путиями Фауста. Этюды германиста. – М.: Сов. писатель, 1987. – 366 с.

² Там же, с. 7–13.

Неужели этому пижону
Светит участь Вечного Жида?
Пыльная шоссейная наука
Открывает нашей жизни суть:
Погулять и – в мураве без звука
До Христова праздника уснуть.
А проснувшись – поздно просыпаться:
Ты во сне еще успешней смог
С тенью сумасбродного испанца
Завязать галантный диалог,
Бьется сердце чаще и сильнее,
И сегодня всех живых живею
Дон Кихот с мечтой о Дульсинею
Носится, как с песней соловей.
И хотя проигрывал все матчи,
И любви жар-птицу упустил –
Миф о дворянине из Ламанчи
Только трезвым умникам не мил.
Что, поэт, от запаха наживы
Прячешь нос в атласное жабо?
Кто в оффшор спустил твои активы,
Понял вдруг: ему уже слабо
Царственным бомжом в чертополохе,
Глядя в лужи грязное трюмо,
Чуять, как автопортрет эпохи
Прожигает вечности клеймо¹.

Март–апрель 2005

В этом очень сложном стихотворении настроение автора ассоциируется с образами четырех литературных героев – вергилиевского Энея, Вечного Жида, Дон Кихота и лермонтовского путника, бредущего ночью по горной дороге. образов четыре, но смысл один – глубокое раздумье о судьбе России, идущей неизвестно куда. Сначала несколько слов вообще о смыслах. Обратимся к Налимову²:

Народ или, точнее, народы нашей страны образуют то, что можно назвать гиперличностью. [...] Гиперличность обладает дремотным состоянием сознания. Иными словами – это наше коллективное бессознательное, которое не обладает разработанной формой языка, не владеет логикой – следовательно, не может самостоятельно мыслить, т. е. не

¹ Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 29.

² Налимов В. В. В поисках иных смыслов. – М.: Изд-я группа «Прогресс», 1993. – С. 220.

создает свои тексты, не формулирует концепции. Но у него есть *образы* (курсив мой. – *Авт.*), и оно умеет оперировать ими, создавая новые образы из старых, не отрекаясь от них совсем; есть своя система предпочтений, не разработанная в деталях [...]; есть свое представление о том, что хорошо и что плохо [...] в поведении человека. Есть память, уходящая в далекое, еще дочеловеческое прошлое. Есть и способность развиваться под действием окружающей среды. Но в отличие от сознательного в бессознательном все процессы идут в ином временном масштабе – оно ведь опирается и на то далекое прошлое, которое уже забыто нашим дневным сознанием. Оно живет еще в мире архетипов. Коллективное бессознательное не может действовать самостоятельно. Оно действует через людей. Общество может жить в гармоническом состоянии и быть послушным своим властям до тех пор, пока есть согласованность между деятельностью людей и их откликами в бессознательном. Могут быть периоды стагнации, когда общество дряхлеет, а бессознательное замирает. Это всегда предвестие бури, что мы неоднократно наблюдали в нашей истории. Может возникнуть и состояние конфликта между деятельностью общества и состоянием его бессознательного. Тогда бессознательное начинает искать героя. Ошибившись, пытается сменить его, и тогда возникают серьезные социальные конфликты.

Герой Соколова живет в мире архетипов. Образ утраченной родины, ушедшего детства, родных мест постоянно стоит перед его глазами. Этот мотив присутствует во всех четырех сюжетных развилках стихотворения. В сердцевине каждой из них – некий путник, волею обстоятельств оказавшийся вдали от родных мест или вообще потерявший родину. Чувство утраты, желание как-то возместить ее есть центральный мотив, стержень всего стихотворения. Чтобы смысл сказанного стал более понятным, приведем литературную справку о сюжетах, затронутых А. Соколовым, заимствуя информацию из различных источников сети Интернет.

1. «Натюрморт с яблоками» Сезанна написан в 1890 году. Он поражает богатством цветов, внутренней простотой и одновременно многогранностью обыденных вещей. Композиционный центр полотна занимает белая тарелка с яблоками. Эти фрукты идеальны: они ярко-красные, наливные, спелые, ровной и одинаковой формы. Видно, что яблоки зрели и наливались под ласковыми солнечными лучами. Авансцену полотна занимают еще несколько фруктов: два зеленых яблока и ярко-желтый лимон. Сезанн мастерски находит место фруктам на картине, его мазки просты и точны. «Натюрморт с яблоками» прекрасен благодаря «прекрасной формуле» Сезанна, которую он отыскал – для

него цвет и форма стали нераздельным целым, он разработал свой собственный стиль и манеру писания фруктов. Шедевр Сезанна составляет многих зрителей вглядываться в него еще пристальной¹.

2. Эней – сын Афродиты (богини Венеры), герой поэмы Вергилия «Энеида» (Древний Рим, I век до н. э.). Римский воин Эней вынужден покинуть гибнущую Троию, осажденную греками. Буря прибывает его корабль к карфагенскому берегу, где правит царица Дидона, также изгнанная своим братом из Финикии. Начинается любовь Дидоны и Энея, двух изгнанников, самая человечная во всей античной поэзии. Но Энея тянет домой, в Рим. Он покидает Дидону и после ряда приключений возвращается в Италию.
3. Евреи всегда находятся как бы «в пути». Путь к себе – это жизнь настоящего еврея. Евреев изгоняли и изгоняют казалось бы с родных для них земель. Но такова участь Вечного Жида: оставаясь мудрее прочих, терпеть нападки нищих духом. Вечный Жид, он же Агасфер – легендарный персонаж, по преданию обреченный скитаться из века в век по земле до Второго пришествия Христа. Фигура Вечного Жида появляется в сюжетах европейской литературы и живописи. Это, пожалуй, одна из самых известных фигур мировой мифологии, вызывающая различные, нередко противоречивые толкования и эмоции. Вечный Жид ужасает, завораживает, будоражит воображение, привлекает и отталкивает одновременно. Его представляли то неутомимым странником, то неистовым борцом за веру, то непреклонным моралистом, то страдающим от мировой скорби, то благодетелем и спасителем, олицетворяющим идею любви и взаимопонимания между людьми, то злым духом, то провозвестником конца света, то революционером протометеевского типа, то символической фигурой, олицетворяющей несправедное преследование евреев, а то и собирательным образом коллективного греха еврейского народа, который приговорен к вечному рассеянию и к жизни без родины. Одни видят в нем символ человечества, вечно обреченного шагать по пути прогресса, другие – аллегорическое изображение судьбы еврейского народа, третьи ищут в нем антисемитский подтекст. Столь же противоречивы и варианты мифа. Агасфер одновременно и враг Христа, и свидетель о Христе, и грешник, и доброе знамение для всего мира, и несмыслаемое клеймо, и защитник угнетенных. Данный сюжет, послуживший материалом для многих литературных, поэтических и живописных произведений, как он рисуется в его окончательном виде, следующий: иудей-ремесленник, мимо дома которого вели на распятие Иисуса Христа, несшего Свой Крест, отказал Иисусу и оттолкнул его, когда тот попросил позволения прислониться к стене его дома, чтобы отдохнуть, и за это был осужден на скитание по земле до Второго пришествия и вечное презрение со стороны людей.

¹ Описание картины Поля Сезанна «Натюрморт с яблоками». // <http://opisanie-kartin.com/opisanie-kartiny-polya-sezanna-natyurmort-s-yablokami/>

Диалог Агасфера и Христа, обычно входящий, с разными вариациями, во все версии: «Иди, чего медлишь?» – «Я могу медлить. Но труднее будет медлить тебе, ожидая Моего прихода»; либо «Иди, на обратном пути отдохнешь» (подтекст: Ты Сын Божий, так воскресни после распятия и отдохни на обратном пути). — «И ты будешь вечно идти, и не будет тебе ни покоя, ни смерти»; либо «Я пойду, но и ты пойдешь и будешь Меня ждать».

Сущность легенды, если отвлечься от некоторых частных, – воздаяние Божества человеку, выражающееся в вечном скитании или вечных муках человека, согрешившего против Божества¹.

4. Дон Кихот – герой романа Сервантеса (1605), бедный пастух Алонсо Кихано, житель Ламанчи. Начитавшись романов про рыцарей, воображает себя рыцарем Дон Кихотом и отправляется совершать подвиги. После всевозможных приключений, в том числе связанных с поиском мифической возлюбленной Дульсины, Дон Кихот попадает во дворец к герцогу. Здесь выясняется, что за время его странствий о нем написали книгу, которой зачитывается дочь герцога. Вскоре ему надоедает спокойная жизнь у герцога, и Дон Кихот возвращается домой, снова став пастухом. Здесь он вспоминает свое настоящее имя и умирает как обычный человек, а не странствующий рыцарь.

Теперь сопоставим все это со стихотворением Соколова, приведенным выше. Что мы видим? А видим то, что с корабля гибнущей Российской Империи Эней отправился в дальний и неизведанный путь. Он плыл 73 года, но оказалось, что распрекрасные яблоки там, где он оказался, не растут, и никакая Дидона не может его заставить остаться там навсегда (чем не постоянный лозунг «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме?»). Древний Рим (в данном случае Троя) пал. Пал и Советский Союз (3-й Рим).

Вечное скитание Жида – это кара за возможные прегрешения, вечное страдание, поиск смысла жизни. Приведу выдержку из статьи литературоведа-испаниста Багно²:

В 1842 году Шеллинг, собеседник, корреспондент и вдохновитель русских славянофилов, в разговоре с князем Одоевским сказал: «Чудное дело ваша Россия. Нельзя определить, на что она назначена и куда идет она, но к чему-то важно назначена»³.

¹ 13 мая – День Вечного Жида. / Калейдоскоп Праздников. // <http://chippfest.blogspot.ru>.

² Багно В. Е. Русская идея Запада (К постановке проблемы). – В кн.: История идей на Западе. Сб. статей. / Ред. В. Е. Багно, М. Э. Малюкова. – СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Изд. дом «Петрополис», 2010. – 648 с.

³ Беседа В. Ф. Одоевского с Шеллингом (запись в путевом дневнике). Берлин. 26 июня 1842 г. // Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве. М., 1982. – С. 142.

И этот сакраментальный вопрос – Куда ж ты идешь, Россия? Доедешь ли ты вообще куда-либо? – вечен. С этого вопроса начинается свои бессмертные «Мертвые души» Гоголь:

В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, – словом, все те, которых называют господами средней руки. В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод. Въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным; только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нем. «Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» – «Доедет», – отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» – «В Казань не доедет», – отвечал другой. Этим разговор и кончился¹.

Эти же вопросом он и заканчивает:

Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства².

Какая же теперь «кремнистая звезда» горит перед нами? Чего хотим? Может, и правда, чтобы, как у Лермонтова³, если и заснуть, то

Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь?

С рыцарем печального образа Дон Кихотом еще проще. Начитавшись Маркса и Энгельса, Россия ринулась совершать подвиги. Но оказалось, что Дон Кихот не только не знает адреса Дульсинеи (мифического коммунизма), но никогда не видел ее в лицо. Об этих подвигах герцоги на Западе почитали, удивились, но сами никуда не двинулись. Дали немножко Санчо Пансе погубернаторствовать (поприсутствовать в Восточной Европе), но вскоре Санчо Пансе надоело устанавливать там свои порядки, а также защищать

¹ Гоголь Н. В. Мертвые души. – М.: Гослитиздат, 1958. – С. 5.

² Гоголь Н. В. Там же. – С. 362.

³ Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1970. – С. 402.

ее от неприятеля (ГДР, 1953; Венгрия, 1956; Чехословакия, 1968), и он, сев на осла, поспешил вернуться к Дон Кихоту. Ну а тот, в свою очередь, поспешил в 1991 году домой.

Такие стихи, как *«Кажется минувшее былинкой...»*, – это не просто стихи, это философская система, в которой есть свои логика, вопросы, утверждения и заключения. Есть и поставленные вопросы, на которые нет ответа. Это жанр этического монолога с читателем, монолога, в котором ставится вопрос о поиске ответа, каким же должен быть человек в свете морального закона. «Восток склонен в большей степени к созерцательному восприятию Мира, сейчас он частично переключается на западный стиль жизни, где-то воспринимая его восторженно, а где-то и сурово сопротивляясь»¹.

Тезис 2. «В произведениях других [поэтов] духовное и телесное сливаются самым неразличимым образом, как в мастерской природы, и полнота жизни проникает даже в самые внешние части; в них, как и в созданиях природы, можно обнаружить иногда небольшие наросты, назначение которых нельзя указать, но и устранить их нельзя, не вредя целому. У нашего народа есть мастера того и другого рода»² (цит. по Фихте³).

Обратимся к А. Соколову. Вот заключительные строки из его стихотворения, посвященного Виктору Чиркову:

Бес в бороду ребра крушит у незнающих броду,
Хор листьев звучит тяжелей, чем шалыпинский бас...
А жизни корабль зарывается в мертвую воду,
Влача за собой караван размечтавшихся барж.
Оплакан женой, под гуденье больничного хора,
В октябрьском морге завернутый в серый мешок...
Любезный дружок, ты на небо поедешь не скоро,
Сдирая морщин паутину с щегинистых щек⁴.

Мне смутно припоминается одноклассник Толи по 74-й школе, на которого я думаю, что это Витя Чирков. Такой

¹ Налимов В. В. В поисках иных смыслов. – М.: «Прогресс», 1993. – С. 10.

² Гулыга А. Путиами Фауста. Этюды германиста. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 87.

³ Fichte J. G. Von den Pflichten der Gelehrten. – Berlin, 1972. – С. 176.

⁴ Соколов А. Е. Невразумительные годы: Стихи. – С. 18.

большой, улыбчивый, возможно, я что-то путаю. Все было очень давно. Судя по этому стихотворению, Виктора уже нет. И этим стихотворением Толя его провожал.

Где-то в 90-е Толя позвонил мне и сказал, что надо пойти проститься с Володей Юречко. В юности Володя жил в нашем дворе на Фабричной. Спортсмен, служил в армии в спортивной роте на углу улиц Фрунзе и Мичурина, ватерполист. Работал на кафедре физкультуры в водном институте, а в 90-е годы по ночам подрабатывал охранником в каком-то банке. Во время попытки ограбления банка его убили. Мы пришли с Толей в институтский спорткомплекс водного института на Советской, 60, что совсем рядом с моим домом. В спортзале стоял гроб. Мы простились, потом зашли ко мне на Советскую, 58, помянули. Что мы чувствовали? Не помню:

Мне снилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом,
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом¹.

А до этого уже ушли наши товарищи: Володя Бурыхин, Валера Коврижкин, Валера Гунбин, Юра Гвоздев... Уже после Толи ушел Володя Косулин. Жизнь стала зарываться в мертвую воду. Ушли поэты Александр Плитченко, Валерий Малышев, Николай Шипилов. Мечты, сначала яркие, манящие:

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах...

померкли, отступили куда-то вдаль, стали редеть ряды друзей:

Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца².

Вопрос – достигнуто ли в этом прощании с другом слияние поэтического образа с философией жизни? Если у вас

¹ Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1990. – С. 67.

² Светлов М. Яблочко-песня. – М.: Детгиз, 1958. – 125 с.

встал в горле комок, то вот и ответ. А вот еще, теперь из посвящения Т. А. Ермоленко:

И душа поэта Соколова
 С трюмом, полным кающихся вдов,
 Отойдет от берега родного
 И бесследно сгинет среди льдов...
 Я живу бедней церковной мыши
 И неважно выгляжу анфас...
 Так зачем ты мучишь сердца мыщцы
 Васильками выплаканных глаз?¹

Тезис 3. «В русской классической литературе философия глубоко упрятана в художественную ткань. Идеал всегда воплощен в индивиде, сочетается с правдой жизни»². Поскольку, за редким исключением, все стихотворения А. Соколова представляют маленькие философские эссе, то за примерами далеко ходить не надо. Вот, например, такое стихотворение:

Методично сахарная пудра
 Засыпает дом со всех сторон,
 От душевной смуты лишь под утро
 Связывает мысли вялый сон.
 Книжки – неудачников отрада.
 Господи, гори они огнем!
 «Библия», «Коран» и «Илиада»,
 Да еще фадеевский «Разгром».
 «Русским лесом» Леонид Леонов
 Грузит «чуждый чарам черный челн»,
 Налетев на риф аттракционов,
 Пушкин на забвенье обречен.
 И пока луна копейкой медной
 Исподволь воспаляет плоть,
 Скука – дочь тоски ветхозаветной
 Мать свою сумела побороть,
 И, легко презрев на радость змия
 Подвиг власяницы и вериг,
 В бездуховной мгле лежит Россия,
 Кутаясь в китайский пуховик.
 Прижимая глаз к оконцу ночи
 На краю рассыпчатой земли,
 Мысль в себе стремится, что есть мочи,
 Вывихнуть традиций костыли.

¹ Соколов А. Е. Невразумительные годы: Стихи. – С. 29.

² Гулыга А. Путиями Фауста. Этюды германиста. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 95.

Но невероятная кручина
Впитывает в бронхи высоту:
Встанешь рано – зеркало в морщинах,
Сигарета мылится во рту.
Зубы чистишь, куришь, варишь кофе,
Продолжая жадно видеть сон.
В зеркале двойник – анфас и в профиль:
«Божий дар зачем тебе, пижон?»
Вспоминаешь словно под копирку
Для провинциальных поэтесс
Дом в деревне, деда бескозырку
И отца мучительный протез¹.

Апрель 2005 г.

О чем оно? Вряд ли об этом можно сказать однозначно. Мы никогда не узнаем, что именно подразумевал Толя, когда у него рождались эти строчки. Какое-то неожиданное сочетание упомянутых книг. Мысль об их бесполезности. Может быть, все это от того что, несмотря на Библию и Коран, человечество никак не становится лучше? Войны, как были, так и есть. Была Троянская война, а что потом? Все то же. Вот и «Разгром» Фадеева опять о войне. И война в нем какая-то странная, непонятно, кто с кем воюет. Люди в ней странные. Да и само название романа. Полный разгром во всем. О чем он, этот роман? И вот мы подходим к «Русскому лесу», которым Леонов нагружает некий «чуждый чарам черный челн» – знаменитый «Челн томленья» Бальмонта²:

Князю А. И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.

Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.

¹ Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 34.

² Бальмонт К. Д. Избранное. – М.: Сов. Россия, 1989. – С. 38.

Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воет в бездне вод.

Стихотворение отличается минорной тональностью, порождаемой повторяющейся аллитерацией звука «ч». Можно представить лес на взморье, мерно шумящий под порывами ветра. Лес... а что такое лес? Вот что разворачивается у Леонова на страницах его романа¹:

– Мерси, – иронически кивнул Вихров. – Но с топором надо говорить на его же беспощадном языке. Очередь была за Грацианским.

– Ну, что же утешительного сказать тебе, Иван – заговорил тот, протирая пенсне, чтоб сосредоточиться на мыслях. – До некоторой степени Григорий прав, пожалуй... [...] Но горе твое в том, Ваня, что, беря под защиту зеленого друга, как не слишком удачно ты назвал своего подопечного, ты пускаешься в опасное, сказал бы я, плаванье. Дело, пожалуй, не в умилении твоём перед объектом, которое неминуемо приводит к умалению его... больше того: промах твой я вижу не в уподоблении леса живому существу, хотя, повторяю, вряд ли в нашу эпоху этот идиллический антропоморфизм доставит тебе тихие творческие радости... нет, Иван, горе твое в забвении основной роли леса, служившего на протяжении веков не только одним из источников народного существования, но и безответной рессорой государственной экономики в России. Оплакивая судьбу лесов вчерашних, ты тем самым навязываешь систему поведения и дню завтрашнему, когда нам в особенности потребуется древесина э... и как раз из запаса территорий европейских! Но так было и так будет, милый Иван, пока через сотню лет мы, то есть освобожденное человечество, не подкопим достаточно сил для исправления варварских ошибок прошлого во всепланетном масштабе. Утешься, старина: прогресс не остановится... по истощении местных лесов он просто переберется в другие, нетронутые районы. На худой конец можно перенести и столицу подальше на восток, за Урал! Однако... – он погрозил мизинцем, и пенсне сверкнуло в его руке длинным рапирным блеском, – стоит ли тебе, наивный хитрец, встречать на пути лесоруба, вооруженного топором и воспламененного великой идеей? Подумай, дружок...

Два отношения к лесу (лес – это только предлог, символ) – предметное (материальное, рациональное, хозяйственное и т. д.) и образное (метафизическое, антропоморфное, поэти-

¹ Леонов Л. М. Русский лес. – М.: Худож. лит., 1979. – С. 223.

ческое, художественное). Борьба двух начал – света и тьмы, добра и зла. В жизни поэту видится какой-то надлом. Уже не до Пушкина, хотя луна еще будит какие-то чувства. Не стало ничего святого. Забыт подвиг служения Богу, подвиг вериг и власяниц. Только вещизм – пуховики, тряпки. Мыслью все понимаешь, но что-то изменить – нет сил. Сил для творчества нет. Вспоминаются дом в деревне, дед (Толин дед, возможно, был моряком или служил срочную на флоте) и отец-фронтовик, которого уже нет. Это философия, философия жизни. Ее можно не осознавать, но она есть, и у большого поэта она постоянно с ним.

Тезис 4. «Споры в эстетике продолжаются. Каждый ведет их в меру своих способностей, знаний, пристрастий и привычек. Но одно бесспорно: нельзя критерий художественности сводить только к формальной структуре произведения. Это сужает «горизонты художественного образа» (М. Храпченко). Форма должна быть прекрасной и разнообразной. А главный критерий художественности – человечность»¹.

О формальной структуре Толиных произведений, их композиции и других связанных с этим моментах мы говорили в разделе «Стиль», а пока приведем один пронзительный пример – стихотворение, посвященное сыну Василию²:

В трезвон колокольный с звонками пустого трамвая
Вмешался гудок парохода с открытой реки...
Я сплю, и летает по комнате мама живая,
И стелит по полу лоскутные половики.
И бабушка, в гости приехав, вздыхает, не плачет,
Молитву творит и у Господа просит: прости...
Десяток яиц в узелке и пшеничный калачик
Для внука она сберегла, голодая в пути.
Ах, бабушка Анна, с тобой не пришлось мне проститься,
И, вряд ли, могилку твою я найду в Ерестной.
Нет памятной в жизни того дорогого гостинца –
Когда это было? Наверное, ранней весной...
Повеяло влажным теплом из добротного хлева,
И вспомнил вкус черных картошин из недр чугуна,

¹ Гулыга А. Путиами Фауста. Этюды германста. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 105.

² Соколов А. Е. Осенние птицы: Стихи. – С. 4.

Корова стояла там гордая, как королева,
Под нею на корточках благоговела страна...
Скорбит Богоматерь с младенцем на темной иконе,
И страхи растут, будто близятся судные дни:
Ужели засохли мои деревенские корни,
Ужели в деревне совсем не осталось родни?
Ужели и я, расцветавший в стране нелюдимои,
Где папа в шинели и мама в тяжелом пальто,
Как легкий листок, оторвавшись от ветки родимой,
Лечу в неизвестность, лечу, превращаясь в ничто?
Молчи, не мычи с хомутами печали на шее:
Холодная печка в избе, и не светят огни...
Мы стали разборчивей, жестче, хитрей и умнее,
Но так бескорыстно не можем любить, как они.

Для нас в этом стихотворении важно то, как пишет Соколов о своих корнях, о русской деревне, приютившейся в далекой Сибири на берегу Оби, о бабушке Анне, могилу которой уже стерло время. В действительности бабушка Анна – это Толина прабабушка. Ее дочь Лиза была замужем за Николаем Сергеевичем Алюниным, за Толиным дедом, с которым я жил в одной квартире на Фабричной, 8. Бабушка Лиза, мать Толиной мамы, к тому времени уже умерла, и Николай Сергеевич жил в нашей квартире со второй женой Антониной Алексеевной, которую я, естественно, тоже знал.

В углу каждой деревенской избы всегда стояла икона. Это была Святая Русь, которую «видели, переживали и предвидели дорогие нам сердца»¹. Ее древний уклад развеял дух нового времени. Но в нашей памяти еще остается смутное воспоминание о времени, в которое жили наши предки. А теперь обратим внимание на две последние строчки стихотворения.

Недавно, перечитывая Василия Белова, я в одном из его рассказов наткнулся на описание такого случая. На трассе недалеко от деревни в грязи застрял большой мотоцикл с люлькой. Хозяин мотоцикла, увидев поблизости двух мужиков, позвал их на помощь. После того, как мотоцикл вытащили, водитель стал упрашивать мужиков доехать с ним до города, где он их угостит, как надо. Просто у него с собой не

¹ Налимов В. В. Испытание Святой Руси. – Томск–Москва: Водолей, 2002. – С. 17.

было денег, а мужиков надо было отблагодарить. До города было километров десять. Мужики отказывались, но, не устояв, поехали. Приехав в город, расторопный водитель оставил мужиков в столовой и, сказав, что быстро вернется, исчез. Прождав бесполезно два часа, мужики без денег, голодные и оплеванные, пешком поплелись в свою деревню. Вот о том, чего мы лишились, и говорится в стихотворении. А лишились мы человечности.

Тезис 5. «Преодолеть свою разорванность человек может, только устремившись к традиционным ценностям»¹. «Так куда идем мы? Все туда же – домой», – повторяет Гессе Новалиса. Этот ответ звучит уже в повести «Паломничество в страну Востока»². Да, мы идем домой, мы каждый день возвращаемся домой, потому что мы все оттуда, и другого дома у нас не будет:

Город Солнца был сделан на вырост,
Все длинней его черная тень.
Съев траву, ядовитая сырость
Выжигает глаза деревень.

С головою, пустой от мигрени,
Лучше дом свой пушу под топор,
Но наощупь к ослепшей сирени
Подбирается хищный забор.

Ты о смерти не думаешь, друже,
Разрешая серьезный вопрос:
Эффективней охотничьих ружей
Убивает зверей хлорофос.

У тебя ж не хватает молекул
Для того, чтобы резать отца,
Переделывать реку в калеку,
А веселый ручей – в мертвеца.

Женихов революции юной,
Обобравших родную страну,
Обаяние тени чугунной
Полстолетия держит в плену.

¹ Гулыга А. В. Путиями Фауста. Этюды германиста. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 163.

² Гессе Г. Паломничество в страну Востока. Игра в бисер. Рассказы. – М.: Радуга, 1984. – 592 с.

Так в заложниках ходит живое,
Увлекаясь вином и игрой...
Жутко кости отцовские воют
От тоски из могилы сырой.

Тяжела, как свинец, атмосфера.
Кости плачут, да ветер поет,
И зловещая тень Агасфера
От хозяина не отстает¹.

Это типичное стихотворение А. Соколова, окрашенное в философско-социальные тона. «Город Солнца» – сочинение Томмазо Кампанеллы (1602), в котором изложены принципы социализма и насильственного подавления личности во имя коллектива. На эту западную удочку повелись будущие марксисты-ленинцы, создавая новое государство под названием СССР. В Новосибирске сразу стали реализовываться грандиозные по тем временам градостроительные проекты под названиями Дом Ленина (Красный проспект, 32, бывший ТЮЗ, 1925), Дворец труда (Щетинкина, 33, теперь здание водного института, 1926), Дом грузчиков (Фабричная, 6, жилой дом, 1937), железнодорожный вокзал (1939). Все здания построены в стиле конструктивизма и на века. Скажем, здание главного ж/д вокзала имеет форму паровоза – более короткая передняя часть с трубой (топка), будка машиниста, и более длинная задняя часть (тендер). «Ядовитая сырость» – это выбросы химического производства в Дзержинском районе (ул. Богдана Хмельницкого). Жители этого района, работавшие на соответствующих предприятиях, получали в свое время дополнительное питание. Далее А. Соколов говорит о хищных заборах. Возможно, речь идет и о нашей 18-й школе, которая была закрыта из-за расширения территории химического завода пластмасс.

Пионерские лагеря в окрестностях Новосибирска (например, «Юный нахимовец», принадлежавший пароходству, в котором мы с Толей бывали) в целях борьбы с комарами обрабатывались химическими средствами (диметилфталат, хлорофос), а то, что Обь стала калеккой из-за строительства

¹ Соколов А. Е. Спартаковский мост. Анапесты: Сб. стихов. – С. 19.

Новосибирской ГЭС, это вообще ни для кого не секрет. Были затоплены деревни (например, д. Атаманово, где мы в начале 50-х сажали картошку), прервались пути миграции рыбы, не стало ледохода. В детстве я наблюдал, как во время весеннего ледохода на Оби громоздились, взбираясь друг на друга, могучие торосы. И вообще в те времена народ пешком ходил по льду на другую сторону реки. «Обаяние тени чугунной» – памятники Сталину стояли на каждом шагу. Я помню три – в палисаде обкома партии на Красном проспекте (две парные статуи Ленина и Сталина), в конце бульвара на пересечении Красного проспекта с ул. Горького и перед 74-й школой. Ну, а то, что в рабочей среде было повальное пьянство, это тоже неоспоримый факт – про пивные на Фабричной перед Речным портом я уже упоминал. Тень демона, нависшая над Сталиным, не оставляет его и сегодня.

Какой же вывод? Сама тональность стихотворения говорит о том, что вывод самый простой – за простой констатацией перечисленных фактов скрывается социальный тупик, в который завело наш народ руководство страны. Однако люди в этом не были виноваты («там в заложниках ходит живое»). Когда страна рухнула, и возник новый социальный уклад, А. Соколов сохранил свою любовь к народу, когда над ним стали проводить новый социальный эксперимент. Мы мучительно ищем дорогу домой. Но это будут уже другие его стихи.

Тезис 6. «Миф – форма мысли, свойственная человеку, как свойственны ему другие ее формы. Погруженность мифа в бытие делает его незаменимым. Разрушение мифа приводит не к господству рациональности, а к утверждению другого мифа. Когда на смену высокому мифу приходит низкий – беда: цивилизация идет вперед, но культура распадается»¹.

Об этом я только что сказал выше – миф о том, что вот теперь-то, при капитализме, в обществе потребления мы заживем, как надо, рухнет на глазах. К несчастью, эта форма

¹ Гулыга А. В. Путиями Фауста. Этюды германиста. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 208.

мысли и мифотворчества очень свойственна нашему народу. Ведь недаром это нашло свое отражение и в наших сказках – «Царевна-лягушка», «Конек-горбунок», «По щучьему веленью, по моему хотенью» и т. д. Особенно показательна в этом отношении «Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина¹. Совершенно замечательным образом А. Соколов отобразил ее в своем стихотворении-балладе «Прожили полвека у моря старик со старухой...»². Оно довольно большое, и я не буду его приводить полностью, отсылая читателя к первоисточнику. Приведу лишь его заключительные строки, среди которых прошу обратить внимание на последнюю:

Все чаще старуха в венке из увядшей сурепки,
Отвар для забвения пьет, слишком горький и крепкий,
А после сутулая твердой рукой, как копыто,
Стыдась своей темной души, словно злого уродца,
Пытается склеить разбитое в щепки корыто,
Возможность хоть что-нибудь склеить всегда остается.

1996

4.4. О вечных вопросах (из переписки с Н. Кармышевым)

В этом разделе я привожу фрагменты Толиной переписки с Колей Кармышевым, которые последний предоставил мне специально для этой книги. Все письма, как и в случае с письмами из раздела «Письма о поэзии», – ответные, т. е. полученные от Толи. В них затрагиваются вопросы, связанные с некоторыми философскими проблемами.

18 марта 2005 г. Коля, я рекомендованную тебе книжку Налимова не читал, но другие его вещи знаю, и они в философском плане особого доверия у меня не вызывают. Путаник – этот старичок. О нем, кроме того, очень нелицеприятно отзывался А. Кураев. Знаешь, вероятно, этого философствующего дьякона. Во вкусе и интуиции ему не откажешь. Я

¹ Пушкин А. С. Избранные произведения. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1970. – С. 608.

² Соколов А. Е. Осенние птицы: Стихи. – С. 91–93.

сейчас едва оправился от болезни и работаю над статьей «Философия и обыденное сознание». Закончу – пошлю тебе. Что касается «богоискательства». Я бы все-таки оставил данный вопрос открытым. Меня интересуют прежде всего трансформации тотема, прошедшего несколько бифуркационных точек и в результате расслоившегося на трехъярусное существование бинарных языковых оппозиций, выступающих и в качестве тождества (единого), и как борьба антагонистических противоположностей (космос, хаос)... Не бери в голову. Сам не понимаю, что написал. Прости. Толя.

Комментарий. В этом письме столкнулись две фамилии – Кураев и Налимов. О Кураеве¹ я кое-что слышал, а вот профессор Налимов – фамилия, известная в нашей стране (в СССР и России) всем, кто сопричастен научному направлению «Планирование эксперимента» (ПЭ). В. В. Налимов² – образец русского интеллигента, внесшего огромный вклад в развитие науки в нашей стране, в становление многих научных направлений, в том числе и ПЭ.

Одним из основных научных направлений, которым я занимаюсь по жизни, является ПЭ. Поэтому я много раз видел и слушал Налимова на конференциях, знаком с его женой Жанной Александровной Дрогалиной.

О биографии Налимова можно прочесть в воспоминаниях профессора биологии МГУ А. М. Гилярова, опубликованных в трудах Международной научной конференции в МГУ, посвященной 100-летию со дня рождения Налимова³, на

¹ **Кураев Андрей Вячеславович** (род. 15 февраля 1963 г.) – российский религиозный и общественный деятель, писатель, богослов, философ, специалист в области христианской философии, публицист, автор официального учебника по Основам православной культуры, один из авторов книги «Человек. Философско-энциклопедический словарь». Творчество и деятельность Андрея Кураева вызывают различные оценки: от наград за миссионерскую деятельность и усилия в деле единения, солидарности и терпимости до обвинения в разжигании межэтнических и межрелигиозных конфликтов и отрицательных оценок со стороны представителей как православия (и иных христианских конфессий), так и других религий и мировоззрений.

² **Налимов Василий Васильевич** (4 ноября 1910 г. – 19 января 1997 г.) – знаменитый советский и российский математик и философ, профессор МГУ. Создатель и руководитель нескольких новых научных направлений: метрологии количественного анализа, химической кибернетики, математической теории эксперимента, наукометрии (ввел этот термин в научный оборот). Занимался проблемами математизации биологии, анализом оснований экологического прогноза, вероятностными аспектами эволюции, проблемами языка и мышления, философией и методологией науки, проблемами человека в современной науке, вероятностной теорией смыслов.

³ Гиляров А. М. «...а так как мне бумаги не хватило...». – В кн.: Василий Васильевич Налимов – математик и философ (к 100-летию со дня рождения): Междунар. науч. конф., Москва, МГУ, Музей Землеведения, 9-10 ноября 2010. Сб. трудов. / Сост.: Дрогалина Ж. А., Панченко Л. А. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 384–391.

которой я также выступал¹, а также в автобиографической книге самого Налимова «Канатоходец»².

Я должен согласиться с Толей – Налимов большой путаник, но это и понятно. Проведя 17 лет в лагерях, в том числе на Колыме на лесоповале, он не получил систематического образования, но сохранил могучий ум. О себе он так и говорил: «...Разбрасываю мысли»³. Его ценил наш выдающийся математик Андрей Николаевич Колмогоров, многие книги Налимова переведены на иностранные языки. Даже не зная высказываний Кураева о Налимове, сильно сомневаюсь, что о Кураеве вспомнят в 2063 году, через 100 лет после его рождения.

2 мая 2005 г. Коля, здравствуй! Повторюсь. Можно только позавидовать остроте твоей духовной жизни. И свободе. Я же человек скромный. И не могу относиться к религии (или религиям) потребительски. И с внешней, абстрактной позиции. Будтоходишь в помещение, где накрыты столы, и ты ходишь между ними, выбирая, какой стол лучше и богаче накрыт, где кушанья изысканнее и калорийнее. У меня нет выбора. Раз уж чувствую себя русским человеком и нахожусь в хронотопе языка, являющегося субстратом определенной культуры, я православный. Тем более: все мои предки (и по отцовской, и по материнской линиям) были православными. У меня в спальне висит икона, доставшаяся от прапрабабки. Кроме того, есть в истории фигуры, которым доверяю безоговорочно. Пушкин, Гоголь, Тютчев, Достоевский. И не хочу тратить интеллектуальную энергию: столько проблем висит и кричит. Знаешь, как в песне на слова М. Исаковского:

А я остаюсь с тобою,
родная моя сторона,
не нужен мне берег турецкий,
чужая земля не нужна⁴.

¹ Григорьев Ю. Д. Там же. – С. 54–65.

² Налимов В. В. Канатоходец. – М.: Прогресс, 1994. – 456 с.

³ Налимов В. В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.

⁴ Здесь Анатолий неточно цитирует стихотворение Михаила Исаковского, широко известное в песенном варианте. Три строки взяты из четвертой строфы, а третья – «не нужен мне берег турецкий» – из первой. Должно быть: «Не нужно мне солнце чужое». См.: Исаковский М. Летят перелетные птицы. // Лирика 40-х годов. / Сост.

У нашей церкви есть тепло, которого так не хватает. Ты всегда можешь туда прийти, когда тебе худо, и помолиться. К другу и подруге не пойдешь, кому надо в чужое горе погружаться? Представить не могу даже, как захожу в мечеть, в костел, в дацан, в синагогу. В качестве любопытного и вежливого гостя только в крайнем случае. На весь пост у меня, безусловно, мужества не хватило. Только – на страстную неделю. Есть что-то трогательное в ритуале подготовительном. Подружка испекла кулич. Я покрасил яйца луковой шелухой. В субботу пошли к храму А. Невского святить. Много народу собирается. Раскладывают свои куличи и другую выпечку, крашеные яйца, конфеты, вино. Зажигают свечи. Удивительная атмосфера дружелюбия, взаимной услужливости. Улыбки на лицах. И богатые, и бедные все вместе. Все равны. Ветерок. Прохладно. И ощущение приближающегося праздника. Выходят священники и везут тележку, на которой сосуд со святой водой и отделения для денег и других пожертвований. Всему рады: и деньгам, и ватрушкам, и яйцам. Большой кистью машет отче, капли попадают и на пасхи, и на все остальное. И на лица. Радостное настроение. А в половине 12 пошли на службу пасхальную. Сначала в храм А. Невского. Но там огромная масса людей. Не протолкнуться. Пошли в церковь Покрова Пресвятой Богородицы, которая на углу Урицкого и Октябрьской. Там и остались. Тем более знакомых встретил там. Растворились в народном теле не для гадостных, разрушительных действий. Для соборного самостроительства. Молились, подпевали. Усталые и счастливые, в 3 часа возвращались домой. Там стол накрыли, выпили, закусили и в постель... Диссертацией не занимаюсь. Пик учебной нагрузки. Устаю очень. Жду отпуска. Какой-то зачумленный хожу. Пока. Толя С.

Комментарий. Толя был истинным православным – ходил в церковь, соблюдал православные обряды и обычаи. В квартире у него были иконы.

21 июля 2005 г. – 25 июля 2005 г. Коля, что с тобой? Почему в больнице? Я-то считаю тебя физически необычайно крепким, несмотря на тяготение к меланхолии. Есть у людей с техническим образованием очевидная слабость: легко вы попадаете под влияние и тяготеете к простым и быстрым решениям любых проблем. Гуманитарии в каком-то смысле просто ленивы, но в то же время пластичны. Ироничны, умеют играть. Это спасает от доктринерства и фанатизма. Разве можно всерьез относиться к бредовой истории человечества, по Блаватской, которую ты приводишь. Кто она такая? Ни образования, ни логики. Пророчица. Авантюристка. Сектантка типичная, которая нуждается не в собеседниках, а поклонниках, слепых подвижниках. Ах, Блаватская! Ах, Рерих. Ах, Живая этика... Какие-то ангелоподобные, призракоподобные, лемурийцы, атланты, арийцы. Четверорукие гиганты? Это в духе фэнтези. Это просто скучно. Есть же палеонтология, биология. Пусть дарвинизм скомпрометирован, но есть же какие-то ископаемые остатки и т. п. Зачем в этом паранаучном и парафилософском вареве, многословном, пустом и крикливом, ковыряться? Здесь ума-то нет, понимать-то нечего. Мели, Емеля!

Я воспитан в другой культуре. Авторитетные для меня люди презрительно смотрели на эти и другие явления массовой культуры. А Блаватская и т. п. – это стопроцентный масскульт. Есть же масса текстов глубоких, авторы которые не хватаются за все, а обсуждают частные проблемы. Я тебе уже золотой список приводил. Поверь мне, дружок, я старше, и в научном и литературно-художественных мирах обращаюсь много лет. Все эти рерихнувшие люди обычно оказывались неинтересными, ничтожными, плохо пишущими. Маргиналы в дурном смысле. А самое главное: все их построения безвкусны, неэстетичны. Говорят: скажи, с кем ты дружишь, и я скажу, кто ты.

Я очарован три последних года Ж. Лаканом (а за ним вся рафинированная и утонченная европейская философ-

ская и научная культура). Не все понимаю в трудах этого философствующего психоаналитика, но то, что понимаю – чудесно. И совпадает с моими интуициями. Из более близких назову М. К. Мамардашвили. Да, он театрален, да, он не любит Россию (русофоб), но как он чувствует Платона и Канта и Пруста. Есть еще А. М. Пятигорский. Он крупный специалист по индийской философии и мифологии. Почитай.

Уже месяц почти в отпуске. Ничего из запланированного не сделал. Несколько стихов, какие-то композиции философские начал строить. И все. [...] Серьезной работой заниматься не могу. Так только урывками читаю и пишу. И страдаю от булемии – полнею. Не получается тебе спокойно, подробно и осмысленно написать. Надо встретиться – наговоримся всласть. Шлю стишок и черновой кусок непонятного, близкого к биографическому, жанра.

* * *

Дорогая, давай полетаем,
Навсегда улетим в никуда.
Скоро жизнь до конца пролистаем,
Взвесим прибыль ночного труда.
На прощание с именем Божьим
Постоим у родимых могил...
Неужели увидеть не сможем
Всех, кто нас беззаветно любил?
Вопреки предсказаниям науки,
Скоро грянет назначенный час –
И придут сюда дети и внуки
Безнадежно оплакивать нас.
Ветер мусор гоняет по пляжу
И поет, словно нищий метек.
И как раки в кастрюле, все пляшет и пляшет
Чернь из баров и дискотек.

* * *

Весной на улице Фабричной не без участия Аонид
Собор души русскоязычной кричит кикиморой навзрыд,
На встрече с юностью-царевной, бросавшей всех в реальный ад,
Суров, как Скобелев под Плевной, Бог отворачивает взгляд.
Но кормит школьной шоколадкой малец придворного Муму,

В душе лелея кисло-сладкий букет иллюзий про тюрьму.
Как без нее, когда напрасно он ищет мира своего,
И Бог взирает беспристрастно, как молодое существо
В китайской куртке не по росту, освободившись от опеки,
Вдруг по Спартаковскому мосту бесстрашно выйдет на проспект,
В те годы сам, еще не смея постигнуть дух научных тайн,
Новосибирского Бродвея вмиг сделавшись завсегдатай.
Учился путано и скверно между спортзалом и кино,
Тайком с героями Жюль Верна и По Эдгара пил вино.
И в опьянении красивом вдруг резко из дворовых недр
Инстинкт прикажет с коллективом ему переместиться в центр.
Где, как «Туманность Андромеды», отягощен избытком сил,
Он каждый вечер до «Победы» от «Маяковского» бродил.
Бывало, от боев кулачных трещал на площади «плетень»,
Шел дым из заведений злых, варилась сплетен дребедень...
И ветер глаз колол снежинкой во тьме – страшной, чем Бухенвальд,
И мент блатного с хищной финкой ногами втаптывал в асфальт.
Век сокрушался от истомы, но мальчик рад был, если мог
Из-под полы купить альбомы: Гоген, Вламинк, Сезанн, Ван Гог.
А Густав Климт блистает в Вене, где Фрейд с душой почти на «ты»,
И передвижников в забвенье пылились честные холсты.
Трагедия – удел влюбленных, и не при чем здесь был Сезанн,
Когда от чувств неразделенных хотелось волю дать слезам.
Виденья женских гениталий пленяли разум местных лбов.
Ау, Липовская Наталья, ты наша вечная любовь.
Ты, плача, когда умер Сталин, макал перо в бутылку чернил,
Был лучшей женщиной отставлен, родителей похоронил.
И после всех переживаний не время ль подвести итог:
В груди горит огонь желаний, растет гора ненужных строк.
Не прекращаются интрижки, любви и духа только нет...
С поэзией не понаслышке знаком и вроде бы поэт,
Всего лишь на четыре книжки скопил стихов за сорок лет.
Еще не изменяет тело, но ум бывает сам не свой,
Как дерево зашелестела душа заржавленной листвой.

Выздоровливай, Коля! До свидания. Пиши. Соколов Т.

Комментарий. Первое стихотворение уже упоминалось выше, поэтому сейчас отмечу только, что в окончательном варианте Толя поменял в нем явно длинную предпоследнюю строку на вариант «*Пусть как раки в кастрюле попляшет*»¹. Второе стихотворение представляет начальную

¹ Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 36.

версию фрагмента из «Отрывка из поэмы», в переработанном виде опубликованного в «Материке»¹. В одной из своих статей² Толя ссылается на работы Лакана³.

22 января 2006 г. Коля, привет! Говоришь: недавно отменил 59-летие. А я даже не знаю, когда у тебя этот знаменательный день. Спрошу у Татьяны Владимировны обязательно. У меня, конечно, дата серьезнее. На 59 я даже внимание не обратил, а 60 дает право на получение пенсии. Оформляю документы с задержкой. Последние полгода, увы, оказались малопродуктивными. И в поэтическом, и в философском направлениях деятельности. Надеюсь на 2006 год.

21-го собрался узкий кружок. Квадяев, 2 моих двоюродных брата (Котелкин и Кузнецов) и я. Вчетвером поговорили, поели-попили и разбрелись. Оставшись один, заскучал. Позвонил девушке – примчалась ко мне из Академгородка, несмотря на мороз в –40 на такси. Такой вот подарок. Утром думаю: зачем? [...] Мечтаю пожить в одиночестве. Сегодня после выпитого и съеденного накануне голова чугунная. Ничего в голову не идет. Но быть свободным от окружения невозможно. Придется попозже уже широко отпраздновать юбилей (собрать за столом человек 30), когда будет отпечатана новая книжка под названием «Материк». Обещали числа 27-го выпустить. Дрожу от нетерпения и страшусь.

Завидую вам, друзьям, за то, что устроены по-человечески. Жена, дети, внуки. Деточки вызывают слезы умиления и нежности. Но перспектива – провести последние дни в окру-

¹ Там же. – С. 40.

² Соколов А. Е. Проблема образования человека в формирующемся языке. // *Философия образования*. 2006. № 2. – С. 231–236.

³ **Жак Мари Эмиль Лакан** (1901–1981) – французский философ и психиатр. Ключевая фигура французского психоанализа, создатель оригинальной версии фрейдизма. В его творчестве сплелись воедино достижения лингвистики XX века, философия и психиатрия. Во многом определил образ французского психоанализа и его специфику на фоне других психоаналитических подходов. Лакан предпочитал излагать свои идеи не на бумаге, а устно, на семинарах, материалы которых стали публиковаться только в конце его жизни. Из основных его сочинений наиболее известны «Функция и поле речи и языка в психоанализе», «Тексты», «Семинары Жака Лакана», «Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда». Лакан считал базовой для своего учения схему «воображаемое» – «символическое» – «реальное», которую он начал разрабатывать с 1953 года и подробно изложил на своем самом знаменитом семинаре (1974–1975). Эту схему он обычно представлял в виде математической модели «колеч Борромео». Идеи Лакана повлияли не только на психоанализ, но и на философию, социологию, культурологию, кино- и искусствоведение.

жении чужих детей и внуков пугает... Лучше уж одному. Поиск Бога у тебя и будет продолжаться, пока живешь. Только надо точнее терминологически определиться. Речь вообще не о знании идет. О подвижничестве. Но подвижником ты уже не станешь. Слишком сложен для этого и отравлен рефлексией. Дети и нищие духом войдут в Его царство. Мы же обречены находиться на пороге как бы «двойного бытия» (Тютчев) – на страдание. Нищие в этой связи писал о героическом пессимизме. Пока. Обнимаю. Толя.

7 августа 2006 г. Коля, привет! Боюсь огорчить тебя, но у меня совершенно другие интересы. И дело не во внутреннем, как ты пишешь, «противлении», которое мешает выслушать тебя, когда репрезентируешь свое развивающееся представление о Боге. И не в самоуверенности. Я, безусловно, понимаю, что эта тема никогда и никем не может быть «пройдена». И смиренно склоняю голову перед ней. Именно темой, а не проблемой. Мне достаточно сознания: Бог есть. А вот на твоём месте «лукавого» (т. е. беса) с прописной (большой) буквы писать не надо. Грех.

Спасибо за папку с координатами Сайта, где собрана эзотерическая литература. Я пробежался по списку. Кое-что знакомо в хорошем смысле, кое-что заранее отвергаю и читать не буду. После 60 жизнь идет под откос. Если физически, еще кое-как скриплю. Бегаю даже по утрам на набережную. Но налицо нехватка интеллектуальной энергии. Оживаю минут на 30 в день для мышления и дерзания. Особенно большой урон, чувствую, женщины приносят. Прав был Ницше, сравнивая их (причем – самых преданных и лучших) с паразитами, которые внедряются в наш организм...

Из знакомых по двору видел недели две назад Квадяева. Да скучающая на пенсии Наташа Смородникова звонит регулярно. Кстати, она обиделась на меня за то, что не устроил тебе с ней свидание. Если очнусь от летнего или уже вечного

морока, напишу какие-нибудь подробности о своей духовной жизни. Толя С.

Письмо без даты (до 23 февраля 2007 г.). Здравствуй, Коля. Прилагаю отрывок из письма Артема Салина, двоюродного брата Лены, проживающего в Алмааты, и свой неотправленный ответ-отписки ему. Если тебя заинтересует, пошлю его майл. Не помню, говорил тебе или нет. Он математик, окончил НГУ.

Неизвестные аналитики и известные чиновники комментируют по телевизору всё более хитроумные проекты и законы реорганизации власти. В основном, местной, но немного и центральной. Как объявляют, цели этих реорганизаций – активизировать бизнес, дать большую свободу предпринимательской активности и демократизировать местное управление. Наверно, как всегда, врут.

Меня гораздо больше заинтересовал культурный поток, который я обнаружил в последние недели и который исторически пронизывает всё человечество с незапамятных времен. А получилось это так. Мне навязали почитать Рене Генона¹ [здесь Артем приводит адреса интернет-сайтов, где представлен Генон, я их опускаю. – *Авт.*] (европейского корифея этого слоя), почти одновременно с этим я наткнулся на сайты российских представителей этого же течения² [приводятся адреса сайтов, которые я также опускаю. – *Авт.*] и прочел роман Паоло Куэлья «Алхимик»³, художественно отражающий ту же культуру. На всякий случай посылаю кое-что из найденного. Чем этот слой и поток интересен?

Это «Традиция». Именно с большой буквы. Когда из поколения в поколение передаются знания и опыт, как вживаться в единство мироздания и в законы его развития, следуя законам и воле Бога, сохраняя, дополняя или совершенствуя его творение, но ни в коем случае не разрушая

¹ Генон Рене. Кризис современного мира. / Пер. Н. В. Мелентьевой под ред. А. Г. Дугина. – М.: Арктогея, 1991. – 160 с.

² **Аверьянов В. В.** (р. 1973) – разработчик, соредатор и составитель Русской доктрины, соучредитель «Центра динамического консерватизма, автор книги «Священное предание и секулярная традиция», создатель сайта «Волшебная гора».

³ Куэлья Паоло. Алхимик. / Пер. с португальского. – М.-Киев: София, 2003. – 232 с.

и не извращая его, не допуская произвола в своих намерениях, целях и средствах. Этой традиции соответствуют вечные и священные знания, стандарты жизни, границы и символы, следуя которым человек и социум праведно берут и отдают, праведно наследуют, хранят, развивают, праведно строят жизнь.

«Традиция» больше, чем наука. В неё входят знания об инвариантах и системных подобию «всего всему», которые современной науке недоступны. Для получения этих знаний не годится ни методология «экспериментальной проверки», ни методология «измерения» техническими, внешними средствами. Но именно потому, что «Традиция» на уровне «священного» держится того, что соединяет человека и социум с «вечным», «космическим», «жизне- и разумо-созидающим», то она – единственное, на основе чего возможно достоверное и способное к освоению мироздания объединение человечества. Только на ее основе, а не средствами и целями современной «глобализации», можно объединить все религии, народы и цивилизации Земли. А глобализация только приведет к очередной грандиозной бойне. И если кто-то останется в живых, то – к тому же выбору. Либо «Традиция», либо та или иная форма самоубийства человечества. Так что «Традиция» является предельно последовательной и сильной альтернативой «глобализации». Правда, есть проблема, которую еще надо решить: включение в «Традицию» нового опыта. В том числе – творчества субъектов истории, накопленной научно-технической информации.

Ну, пока. По поручению дяди и тети, Артем.

Неотправленный ответ Артему Салину (после 23 февраля 2007 г.). Если под традицией, понимается система ценностей (чаще всего религиозных), задающая смысл всему существу с какого-либо трансцендентного основания, глобализация, безусловно, – это не традиция. Но связывать традицию с платформой, на которой можно объединить все религии, народы и цивилизации (лучше, вероятно, все-таки

«культуры») Земли, думаю, не следует: никаких общечеловеческих ценностей в этом посюстороннем мире нет. Во всяком случае, открытие и признание каких-либо ценностей в качестве общечеловеческих (т. е. всеобщих и необходимых) было бы катастрофичным по последствиям событием и представляется проявлением именно глобализации.

Наука (орудие глобализации) сама по себе в качестве бесчеловечного любопытства вообще безосновна и бессмысленна... У науки, которая, как известно, возникла в Европе, есть лживый и фальшивый образ, сформированный журналистами и привлекательный для «маленьких человечков» (Ницше «Так говорил Заратустра»). Она представляется модулем божественной перцепции, ее агенты – абсолютными наблюдателями...

Генон, насколько я помню, тяготеет к культуре ислама. О Коэльо и его духовном патроне (как мне кажется) Кастанеде вообще не стоит говорить: это симулякр, масскультурная дешевка, компенсирующая постмодернистскую апостасию. У нас, русских, есть драгоценность – христианство православного толка. Так что нечего и огород городить, мечтая об объединении всего человечества. Это объединение – сатанинская идея. Или можно сказать так, что идея глобализации – это идея антихриста. Христианство лишь по видимости объединяет людей. Оно обеспечивает «самостоянье человека» (Пушкин), независимость людей друг от друга, но зависимость от трансцендентного Бога. Чем знакомиться со всякой модной шелухой, лучше почитайте работы К. Н. Леонтьева, С. С. Аверинцева... Правильнее, на мой взгляд, будет выделять в качестве бинарной оппозиции не отношение между традицией и глобализацией, а – культурой и цивилизацией (по Шпенглеру). Желаю Вам удач и вдохновений.

Комментарий. Ну что здесь сказать? Так как не Толя начинает говорить о Рене Геноне, то и я не буду на нем останавливаться. Желающие прочитают о нем в интернете. Для нас главное, что Толя «в курсе дела» по отношению к Гено-

ну. Вокруг книжки «Алхимик» в Новосибирске был большой шум, точнее, была большая ее реклама. Маленькая такая книжечка в твердом переплете белого цвета. Я купил ее в книжном магазине на втором этаже, располагавшемся рядом с супермаркетом напротив кинотеатра «Победа». Прочитал. Через некоторое время выбросил на помойку. Кастанеду, как ни странно, я тоже читал. При моем переезде в Санкт-Петербург в 2003 году мой ученик Виталий Карманов подарил мне том его сочинений¹. Помню меня поразило окончание книги (с. 606):

Дон Хуан и дон Хенаро ступили в сторону и, казалось, слились с темной. Паблито взял меня за руку, и мы попрощались друг с другом. Затем странный порыв силы заставил меня бежать вместе с ним к северному краю плато. Я ощутил его руку в своей, когда мы прыгнули, а затем я был один.

В течение всей книги Дон Хуан постепенно посвящает учеников в свое учение, «учение магов», а затем всё совершенно добровольно заканчивается вот таким образом. Были в книге и другие сильные места. Это не сравнить с Коэльо. Поскольку я не философ, то нет смысла углубляться в эту тему. У Толи вообще замечательный круг философов, которых он выделяет. Например, у Леонтьева я нашел такую мысль²:

...Для низвержения монархического порядка в Германии достаточно неловкого шага во внешней политике, неудачной борьбы с соединенными силами славян и Франции.

Это написано в 1888 году, за 26 лет до начала 1-й мировой войны. У него же я нашел мысль о том, что рано или поздно европейские государства объединятся в Европейский Союз. Вот таких авторов или, скажем, Тойнби³ надо читать молодым людям. У последнего, в развитие идей Шпенглера⁴ (его книга более знакома российским читателям под названием «Закат Европы»), также много исключительно точных размышлений и прогнозов по поводу будущего наших цивили-

¹ Кастанеда Карлос. Учение дона Хуана. Отдельная реальность. Путешествие в Икстлан. Сказки о силе. – Киев: София; М.: ИД «Гелиос», 2003. – 608 с.

² Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. – В кн.: Россия глазами русского. Чаадаев. Леонтьев. Соловьев. – М.: Наука, 1991. – С. 289.

³ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.: ИГ «Прогресс», «Культура»; СПб.: «Ювента», 1995. – 478 с. (Серия «Историческая библиотека»).

⁴ Шпенглер О. Закат Западного мира. – М.: «Изд-во АЛЬФА-КНИГА», 2010. – 1085 с.

лизаций. Аверинцева я, к сожалению, не читал, но плохих авторов Толя не посоветует.

4 мая 2007 г. Здравствуй, Коля! Мне сложно с тобой полемизировать и в силу слабой образованности, и, может быть, еще и душевной лени. Но, извини, моя лень все-таки не относится к тому типу, о котором ты пишешь: «Если лень вникать во все, что есть в различных источниках о “том свете”». Читая твои письма, я постоянно натыкаюсь на высказывания, которых либо не понимаю, либо не могу ни в коем случае с ними согласиться. Не понимаю, например, вот такие твои фразы «люди только своими усилиями могут избавить себя от страданий». А почему это мы должны избавляться от страданий? Опыт показывает: именно интенция к страданию обеспечивает культурный прогресс. Пушкин говорил: «но не хочу, о други, умирать, я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» А Шопенгауэр утверждал: чем выше уровень развития, тем выше уровень страдания. Правильный перевод названия последней и неоконченной книги Ф. Ницше не «Воля к власти», а «Воля к мощи». О. Роден заявлял: «Мыслить, значит, страдать». Афонский же старец Силуян наставлял: «Держи ум в аду и никогда не отчаивайся».

Ты относишься к религиям, как к товарам, разложенным на полках в супермаркете. Их можно сравнивать, пробовать на вкус и т. п. Тебя интересует технология творения мира. Но не будешь же ты моделировать процедуру собственного рождения, выясняя все технические детали оплодотворения яйцеклетки и т. п.? Любое зачатие непорочно, а рождение – чудо. Для меня же все религии, кроме христианства в православном варианте, суть только факты в истории культуры; к ним я могу относиться технически, т. е. анализировать. А свое родное – вне анализа и критики.

Я очень медленно, с паузами занимаюсь философским осмыслением Языка, т. е. Слова, которое, как ты помнишь, по Е. от Иоанна, было сначала и было у Бога и было Бог. Хочу реконструировать последовательность формирования

языка. Но энергия уже не та. [...] Для меня пантеизм не приемлем, поскольку он закладывает в основание мироздания антиномию, следовательно, придает злу онтологический статус и делает невозможной свободу. Да и как-то противна сама приводимая тобой мысль о стадии, когда Он проживает в Теле человечества, как паразит какой-то. И это Ему нужно в качестве необходимого этапа собственной эволюции. Зачем ты за Него думаешь? А любовь? Также не могу принять и деизм, поскольку верю в непрерывное творение Им мира и попечение Его о мире.

Что же касается моего отношения к песне. Лет десять назад возненавидел Окуджаву и Высоцкого. Сошлюсь на недавно найденное авторитетное мнение, которое совпало с моим давно выстраданным. «У России нет будущего, – сказал в интервью газете «Завтра» композитор В. И. Мартынов, – пока она слушает Высоцкого и Окуджаву, это для меня очевидно». Мысли не вяжутся. Обнимаю. Толя.

Комментарий. В письме снова затронуты очень глубокие вопросы. Сначала о страдании. Открыв «К генеалогии морали» Ницше, обнаружил, что последний раздел 28 посвящен именно вопросу о страдании. Приведу его полностью:

Если закрыть глаза на аскетический идеал, то человек, *животное* человек не имело до сих пор никакого смысла. Его существование на земле было лишено цели; «к чему вообще человек?» – представляло вопросом, на который нет ответа; для человека и земли недоставало *воли*, за каждой великой человеческой судьбой отзывалось рефреном еще более великое: «Напрасно!» Именно *это* и означает аскетический идеал: *отсутствие* чего-то, некий чудовищный пробел, обстающий человека, – оправдать, объяснить, утвердить самого себя было выше его сил, он *страдал* проблемой своего же смысла. Он и вообще страдал, будучи по самой сути своей *болезненным* животным: но *не* само страдание было его проблемой, а отсутствие ответа на вопиющий вопрос: «к чему страдать?» Человек, наиболее отважное и наиболее выносливое животное, не отрицает страдания как такового; он *желает* его, он даже *зыскует* его, при условии что ему указуют на какой-либо смысл его, какое-либо *ради* страдания. Бессмысленность страдания, а *не* страдание, – вот что было проклятием, тяготевшим до сих пор над человечеством, – и *аскетический идеал придал ему некий смысл*. То был доньше единственный смысл; лю-

бой случайно подвернувшийся смысл-таки лучше полнейшей бессмыслицы; аскетический идеал был во всех отношениях уникальным «faute de mieux» par excellence¹. В нем было *истолковано* страдание; чудовищный вакуум казался заполненным; захлопнулась дверь перед всяким самоубийственным нигилизмом. Толкование – что и говорить – влекло за собою новое страдание, более глубокое, более сокровенное, более ядовитое, более подтачивающее жизнь: всякое страдание подводилось им под перспективу *вины*... Но вопреки всему этому – человек был *спасен* им, он приобрел смысл, он не был уже листком, гонимым ветром, не был мячом абсурда и «бессмыслицы», он мог отныне хотеть чего-то – безразлично пока, куда, к чему, чем именно он хотел: *спасена была сама воля*. Едва ли можно утаить от себя, *что* собственно выражает все это воление, ориентированное аскетическим идеалом: эта ненависть к человеческому, больше – к животному, еще больше – к вещественному, это отвращение к чувствам, к самому разуму, страх перед счастьем и красотой, это стремление избавиться от всякой кажимости, перемены, становления, смерти, желания, самого стремления – все сказанное означает, рискуем понять это, *волю к Ничто*, отвращение к жизни, бунт против радикальнейших предпосылок жизни, но это есть и остается *волей!*.. И чтобы повторить в заключение сказанное мною в начале: человек предпочтет скорее хотеть *Ничто*, чем *ничего* не хотеть².

Обратимся к Толиной ремарке: *Правильный перевод названия последней и неоконченной книги Ф. Ницше не «Воля к власти», а «Воля к мощи»*. Название книги в оригинале звучит так: Friedrich Nietzsche. Wille zur Macht. Versuch einer Umwertung aller Werte. Действительно, die Macht – сила, мощь; власть, влияние. Словарное гнездо распадается на два смысла – *мощь* и *власть*, причем *мощь* стоит на первом месте. Таким образом, все зависит от проникновения в суть произведения. Здесь я не берусь решать этот вопрос. Но сам факт, что Толя обратил внимание даже на название, говорит о многом. Не надо полагаться на авторитеты. Еще в студенческие годы я прочел книжку об Артуро Тосканини, не помню автора. И в ней я запомнил такой эпизод. Исполняя какую-то симфонию Бетховена, Тосканини постоянно натывался на одну ноту, которая ему «мешала», она диссонировала с окружающим текстом, и поэтому он игнорировал ее. Наконец, Тосканини попросил, чтобы ему показали текст

¹ за неимением лучшего, по преимуществу (фр.).

² К генеалогии морали. – В кн.: Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Том 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 524.

прижизненной партитуры симфонии Бетховена, возможно, даже саму рукопись. И что? А то, что Тосканини оказался прав – в указанном месте стояла именно та нота, которую вместо опечатки он всегда и играл.

Наконец, отметим, что перевод названий произведений Ницше действительно не такое простое дело. Скажем, у переводчиков были проблемы с переводом названия произведения «Der Fall Wagner», к которому мы обратимся чуть ниже¹. Читатель найдет изложение этой проблемы, прочитав соответствующий комментарий в разделе примечаний к этому произведению².

Теперь о *добре* и *зле*. Толина позиция такова: «Для меня пантеизм не приемлем, поскольку он закладывает в основание мироздания антиномию, следовательно, придает злу онтологический статус и делает невозможной свободу». Я даже и не подозревал, что проблема добра и зла идет еще от Св. Августина. Просто однажды, размышляя на тему о природе добра и зла, я со своим нефилософским складом ума написал такое стихотворение:

Что есть зло?

И если жизни смысл, ее закон
и суть – в борьбе всего во всем
и торжестве добра над злом,
то снова перед нами он –
вопрос надвечный: стало
откуда зло? И если из добра оно,
зачем бороться суждено
нам с ним? Но если же его начало
вне сущности добра, то безусловным
добро быть может ли? и как
тогда его провидеть знак
и устоять пред злом огромным?
Пусть вместе им на свете быть,
залог успеха в чем тогда
добра над злом? и победить
все зло дано ль нам навсегда?

¹ Казус Вагнер. Проблема музыканта. – В кн.: Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Том 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 525.

² Там же. – С. 792.

2 ноября 2002 г. – 2 октября 2004 г.

Посмотрим, как трактуется онтологический статус зла философами¹:

С проблемой творения тесно связана проблема зла. Толкование ее Августином сохранило свою ценность и для нас сегодняшних. Если все, что исходит от Бога, благо, тогда откуда же зло? Зло не есть сущее, не есть бытие, но лишение бытия, его отсутствие (дефект). Однако Августин углубляет проблему, выделяя три уровня зла: (1) метафизико-онтологический, (2) моральный, (3) физический:

(1) С метафизической точки зрения зла нет в космосе, но по отношению к Богу есть различные ступени бытия, в зависимости от конечности вещей и от различного уровня такой ограниченности. Объявляя нечто живое порочным, или злом, мы судим о нем с точки зрения своей выгоды или пользы, что уже ошибочно. (То есть то, что мы считаем злом, на самом деле просто бытие какого-нибудь объекта, живого или нет).

(2) Моральное зло – это грех. Грех зависит от воли порочной. А откуда исходит порочная воля? Ответ достаточно остроумен: дурная воля не имеет своей «действующей причины», скорее, имеет «дефективную причину». Воля, по природе своей, тяготеет и должна тяготеть к высшему Благу. Но, поскольку существует множество конечных благ, то для водящей души всегда есть возможность нарушить порядок небесной иерархии, предпочесть высшему благо низшее, Богу – его создание. Таким образом, зло проистекает из факта, что не единственное благо есть, но многие.

(3) Зло физическое, т. е. болезни, страдания, душевные муки и смерть, имеет свой точный смысл: оно есть следствие первородного греха, т. е. зла морального: «Порча тела, что огтяжеляет душу, – не причина, но кара за первый грех: не тело порочное делает душу греховной, но порочная, увязшая в грехе душа делает тело тяжелым и порочным». В процессе спасения, впрочем, все обретает свою позитивную направленность.

Решив на этом ограничиться изложенными позициями о природе зла, я вдруг наткнулся на мнение по этому поводу Налимова, изложенное им в книге воспоминаний «Канатоходец»²:

Кажется, что теперь мы можем осмыслить теорию зла, и это может стать путеводной нитью в осмыслении будущего. Мир погружен во зло. В XX веке мы ощущаем это с нарастающей отчетливостью. Но философия зла в нашей культуре не разработана. Христианская демонология кажет-

¹ Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4-х томах. – СПб.: Петрополис. Пневма, 1994–2003. – Том 2. Средневековье. Раздел 2.9.

² Налимов В. В. Канатоходец. Воспоминания. – М.: Изд-я группа «Прогресс». – 1994. – 456 с. – Раздел 3. Философия зла. – С. 359.

ся сейчас наивной. Во всяком случае, она никак не объясняет то, что нам пришлось пережить в этом столетии.

Является ли зло неким самостоятельным началом? Или иначе – заложено ли зло, как таковое, в мироустройстве? Вопросы подобного рода фундаментальны. На них надо дать ответ.

Мне представляется, что зло эфемерно. Оно приходит и уходит, будучи порождено глупостью, невежеством людей. Этот вывод напрашивается сам собой после вдумчивого анализа того, что произошло в XX веке. Люди, их вожди и правители пытались, как встарь, решать все проблемы насильственным путем, не понимая того, что достигнутый уровень техники легко стал обращать насильственные приемы в катастрофы.

В нашем веке первой катастрофой оказалась война 1914 года. Много, слишком много крови было пролито без всякого резона христианскими странами. Стружки зла образовались в Европе. Поле неизжитого зла требовало разрядки. И семена зловещих идей, брошенные на это поле, стали прорастать непредсказуемо, неуправляемо. Переплетаясь, ростки образовывали новые конфигурации с новыми запросами. А зло так устроено, что все время требует новых жертв.

Природой зла человечество начало интересоваться с первых лет философского осмысления Мироздания. Уже Сократ четко сформулировал, что зло обусловлено незнанием. У гностиков вопрос об истоках зла был основным¹. В апокрифе от Филиппа мы читаем:

123. Ибо, пока корень зла скрыт, оно сильно. Но если оно познано, оно распускается, и, если оно открылось, оно погибло.

Вот и сейчас, в наши дни, все происходит по этой же формуле – как только корень зла раскрылся, 75-летнее зло стало терять свою силу.

Еще один образ – зло социальное. Это астральная эпидемия. Глупость заразительна (эффект толпы). В тяжкие дни подновленные лозунги поднимают с архаических глубин сознания что-то грозное, не до конца изжитое, не стертное культурой. Много притаившегося носит в себе человек. Вирусы астрального мира долго могут ждать, прежде чем окажутся разбуженными человеческой глупостью. Глупость, особенно массовая, придает им энергию. Рано или поздно эпидемия проходит, оставляя после себя искалеченное общество. Что и произошло у нас. В медицине есть термин: постэпидемическое осложнение. Вот мы теперь и обречены на его изживание. Сможем ли выздороветь и когда?

Итак, что же мы узнали о природе зла за два с лишним тысячелетия? Кажется, ничего принципиально нового. Но мы увидели, как неумолимо, зловеще и в конце концов губительно может быть зло. Мы увидели многообразие ликов зла. Даниил Андреев, поэт и писатель, пройдя суровые испытания допросами и годы политизоллятора, попытался, говоря словами Г. С. Померанца, отобразить художественно современную мифологию зла.

¹ Свенцицкая И. С., Трофимова М. К. Апокрифы древних христиан. – М.: Мысль. – 1989. – 336 с.

Может быть, обе его книги, «Роза мира»¹ и «Железная мистерия»² будут восприниматься как памятники невиданному доселе Злу.

Наконец, еще одно мнение о природе зла я обнаружил, читая Тойнби. Размышляя о природе и судьбах цивилизаций, он подводит читателя к вопросу также всегда древнему и всегда новому: вопросу об отношении христианской Церкви и Царства Небесного и, в частности, к вопросу о том, возвратится ли Царство Небесное на Земле. И вот что он пишет³:

На мой взгляд, ответом на заданный вопрос будет твердое «нет». И тому есть несколько причин, которые я постараюсь изложить как можно яснее. Одна из самых очевидных и хорошо известных причин лежит в природе общества и природе человека. В конце концов, общество – это лишь общее пространство для деятельности определенного числа личностей, а человеческая личность, во всяком случае, насколько нам известно на сегодня, имеет врожденную способность как к добру, так и к злу. И если эти два положения верны (в чем лично я уверен), и если только природа человека сама по себе не претерпит мутационных изменений, круто меняющих его характер, то в любом обществе, существующем на нашей планете, потенциал добра и зла будет приходить в мир заново с каждым ребенком, и пока жив человек, зло не сможет быть полностью искоренено никогда. Это, собственно, означает, что замена множества цивилизаций единой универсальной Церковью не очистит человеческую натуру от первородного греха; а это в свою очередь ведет нас к следующему соображению: до тех пор пока первородный грех останется частью человеческой природы, Цезарь всегда найдет себе дело и всегда будет воздаваться кесарю кесарево, как и Богу Богово в этом мире.

Таким образом, философами даются ответы на поставленные вопросы, но вот являются ли они окончательными – это остается загадкой, решение которой – вне наших возможностей. Теперь обратимся к *музыке*, к Толиной фразе: «*Что же касается моего отношения к песне*». В письме говорится об интервью, которое дал газете «Завтра» композитор Мартынов⁴. Что же это за интервью, которое так поразило Толю.

¹ Андреев Д. Л. Роза мира. Метафилософия истории. – М.: Руссико. – 1991. – 288 с.

² Андреев Д. Л. Железная мистерия. – М.: Молодая гвардия. – 1990. – 316 с.

³ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.: ИГ «Прогресс», «Культура»; СПб.: «Ювента», 1995. (Серия «Историческая библиотека»). – С. 143.

⁴ Мартынов Владимир Иванович (20 февраля 1946 г., г. Москва) – российский композитор, музыковед и философ. Закончил Московскую консерваторию (1970). Основные этапы творчества: работа в Московской экспериментальной студии электронной музыки (с 1973), создание рок-группы «Фолпост», углубленное изучение восточных религий и культур, христианской философии Запада и Востока, ряд фольклорных экспедиций в различные районы России, на Северный Кавказ, в Центральный Памир, горный Таджикистан, изучение музыки

Оно крайне неординарно и потому заслуживает внимания. Вот выдержки из него:

То, что в архаических культурах использовалось для познания истины, достижения религиозного экстаза и слияния с Абсолютом в массовой культуре, стало применяться в качестве развлечения, извлечения удовольствия. Вспомним великий перелом неолитической революции, открывшей все виды деятельности – земледелие, литейное дело, религию и философию. Одновременно тогда был заявлен тандем – наркотики и музыка. Позже произошло разделение, эти сферы разбежались. Но в конце XX века они каким-то образом опять слились, превратившись при этом не в средство достижения откровения, но в приятное времяпрепровождение. Человек изменился – начал искать легких путей.

Композиторская музыка – абсолютно западноевропейская вещь, неприемлема, например, для Китая. Трудно представить себе арабского композитора. Это такой же нонсенс, когда европеец занимается кунг-фу. Премия «Грэмми» – самая престижная музыкальная премия. Там 115 номинаций. Номинации академической музыки идут с 93-й по 105-ю. Это объективный удельный вес композиторской музыки. Есть туризм, есть клубная жизнь, а есть раздел – симфонические концерты, которые можно посетить. Текст утратил свое значение, он никому не нужен, он нужен только в контексте времяпрепровождения.

В нашей ситуации спросить у своего учителя, что такое музыка было неприлично. Ответом могло быть: пойди, послушай Гилельса или сыграй Шумана и поймешь, что такое музыка. Это кардинальный вопрос, в отношении которого возникла фигура умолчания. То есть получается, что это все знают и понимают априори. На самом деле это не так. Получается, что музыка это и Киркоров, и Бах, и григорианский хорал. Отсюда возникает много недоразумений. Определение музыки зависит от эпохи – для Декарта музыка – это язык, которым мы выражаем свои чувства. А вот для Пифагора – это совершенно не так, там где начинается выражение чувств, там музыка кончается. Важно, о какой музыке мы говорим – об архаической или о классической. Важно, где музыка находится – снаружи или внутри. Если музыка – это самовыражение, то можно предположить, что для кого-то продуктом самовыражения является смерть музыки.

Рейв – это в значительной степени – пародия, но иногда эта пародия лучше, чем претензия симфонического концерта, когда приходит некий великий исполнитель и корчит великого исполнителя, а публика корчит из себя тонко понимающих великого исполнителя. В рейве никто из себя никого не корчит, просто тащится, грубо говоря. Это как-то честнее. Для меня русский рок – мертворожденный ребенок. Настоящий рок – англо-

и музыкальное теоретизирование европейского Средневековья и Возрождения, участие (1975–1976) в концертах Ансамбля старинной музыки (блокфлейта, европейская музыка XIII–XIV вв.), выступление (1976–1977) в составе Московского ансамбля солистов, перелом в творчестве (1976–1978), начало движения от авангарда к новой простоте.

саксонское явление, в котором главное – саунд, звучание, а не язык и то, что поется на этом языке. Русский рок начал говорить, но дискурсивная практика совсем не рок. Рок – это невербальный удар по мозгам. «Машина времени» – абсолютно социальное явление, эдакий рок для пэтэушников.

Для России самый худший вызов – это сама Россия. Пора собраться. Главное, чтобы осталось на это спокойное время. Мы живем в таком неустойчивом мире, причем дело не столько в политике, возьмем природные катаклизмы, цунами и прочее. России хотя бы еще десять лет для маневра очень важны. Хотя мое убеждение, что России и русского народа сегодня нет. Россия – это Китеж, и мы слышим звон, но не знаем, где он. У России нет будущего, пока она слушает Высоцкого и Окуджаву, это для меня очевидно¹.

Не будучи философом, а лишь здравомыслящим потребителем культуры, даже и не буду пытаться точно поставить диагноз – почему же Мартынов приговорил Окуджаву и Высоцкого. Можно уловить лишь его основную мысль – если на первое место выходит не музыка, а ее исполнитель, то это и есть смерть музыки. Как это связано со смертью России – мне до конца не ясно. Возможно, что имеется виду исполнитель как представитель масс-культуры, которая тупо ведет народ, а еще точнее – молодежь, в никуда. Тогда становятся понятны строчки из Толиной «Консервной баллады», где он пишет:

Заткните, фонтан, наконец, госпожа Пугачева,
Позвольте послушать спокойно ансамбль Аонид.

и далее:

Божественной музыки дайте вкусить напоследок...²

Что-то похожее на этот ход мысли можно обнаружить у Ницше в его «Казус Вагнер (Der Fall Wagner)», когда он, апеллируя к Вагнеру, пишет:

– Я сказал, где место Вагнера – не в истории музыки. Что же он означает, несмотря на это, в ее истории? *Начавшееся главенство актера в музыке* – капитальное событие, наводящее на размышления, а также, быть может, возбуждающее страх. Формулируя: «Вагнер и Лист». – Еще никогда честность музыкантов, их «подлинность», не подвергалась равному по опасности испытанию. Ведь очевидно: большой успех, успех у масс уже

¹ «Приоткрыть дверь невозможности...»: Интервью В.Мартынова газете «Завтра». / Авторский блог Андрея Смирнова, 10 апреля 2007 г. // <http://zavtra.ru/blogs/2007-04-1171>.

² Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 7.

не на стороне подлинных, – надо быть актером, чтобы иметь его! – Виктор Гюго и Рихард Вагнер – они означают одно и то же: что в упадочных культурах, что всюду, где решение переходит в руки масс, подлинность становится лишней, убыточной, вызывающей пренебрежение. Лишь актер возбуждает еще *великое* одушевление. – Этим начинается для актера *золотой век* – для него и всего, что сродни его породе. [...] Но кто еще сомневается в том, чего я хочу, – каковы три требования, которые на этот раз влагает в мои уста моя злоба, моя забота, моя любовь к искусству?

Чтобы театр не становился господином над искусствами.

Чтобы актер не становился соблазнителем подлинных.

Чтобы музыка не становилась искусством лгать¹.

15 июня 2009 г. Дорогой Коля! Я не могу тебе помочь ничем. Можно, конечно, было бы просто причесать твоё неуклюжее «стихотворение», чтобы сделать текст грамматически правильным и прояснить смысл (это значило бы, что я по-своему интерпретировал его), но тогда бы своеобразный смысл, ритм и жар души, запечатленный в словах, исчезли, испарились из твоего творения. И ещё рад, что ты влюбился. И слегка обезумел. Ты обещал приехать в Новосибирск в связи, кажется, с прибавлением в семействе Алексея. Не получилось?

Новостей мало. Ни побед, ни вдохновений. С Леной мне хорошо, но как писал Ницше в «Казус Вагнер» (1888): «Что выйдет из «вечного жида», которого боготворит и привязывает к себе женщина? Он только перестанет быть вечным; он женится, он перестаёт уже интересоваться нас». Переводя на язык действительности: опасность художников, гениев – а ведь это и есть «вечные жида» – кроется в женщине: обожающие женщины являются их гибелью. Почти ни у кого нет достаточно характера, чтобы не быть погубленным – «спасённым»; когда он чувствует, что к нему относятся как к богу – он тотчас же опускается до женщины. Мужчина – трус перед всем Вечно-женственным; [...]. Во многих случаях женской любви, и, быть может, как раз в самых выдающихся, любовь есть лишь более тонкий паразитизм, вне-

¹ Казус Вагнер. Проблема музыканта. – В кн.: Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Том 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 525.

дрение себя в чужую душу, порою даже в чужую плоть – ах! всегда с какими большими расходами для «хозяина»! А вот мой свежий стишок:

Вновь проселка сиротский суглинок закрывает ковром снегопад.
Слышишь – тонкие кости снежинок по утрам под ногами хрустят?
Разве прав громовержец Юпитер, заставляя любить этот шум?
И взбивает из снега кондитер крем для торта зимы наобум.
Но инкогнито реквием в маске репетирует месяц навзрыд,
Чтоб Сальери, готовясь к развязке, испытал на себе цианид.
Разрядилась души батарейка – надоело возиться с душой,
И нельзя обойтись без римейка, обдирая оазис чужой.
Но кому-то угодна работа – выковыривать мысли из книг.
Шить шинель себе из шевиота и пристраивать к ней воротник.
Собирать упаковки от жвачки, разводить на эон канитель...
Ты же мертвый, Акакий Башмачкин, на хрена тебе эта шинель?

Комментарий. Это стихотворение вошло в Толин сборник «Осенние птицы»¹. При этом он добавил в него еще две строки. В последние годы Толя часто, как и в этом письме, посылал Николаю Кармышеву свои свежие стихи. Я все их, кроме последнего, опустил, так как все они вошли в указанный сборник.

28 января 2010 г. Коля, привет! Я 21-го утром получил первое поздравление не от жены, а из Киева от Климова Володи. Затем от Лены и Даши. После этого мои девочки разбежались (Лена в свой научный орган, а Даша сдавать очередной экзамен по физике). Собака ничего про праздничное событие не знала, поэтому не проявила ко мне особого расположения. Я, оставшись один в квартире, съел кусок торта, и он встал почему-то мне поперек горла – пришлось запивать вином. Но не поддался соблазну: надо было ехать в город на консультацию к 15 в вузе.

Мороз ниже 30, но терпимый (уже привыкли). Вечером у себя в квартире заскучал. Надоело поздравления принимать и находить ответные любезные слова. В конце концов, взбесился – выключил телефон и сотовый спрятал в шкаф,

¹ Соколов А. Е. Осенние птицы: Стихи. – С. 64.

чтобы не слышать звонки. Сел за монитор, а рядом поставил бутылку виски, которую сын подарил два года тому назад, и прихлебывал из нее периодически до 12. Утром 22-го экзамен, в 15 консультация, а 23-го снова экзамен. Празднование 64-летия, я совместил с презентацией книжки, про которую тебе, кажется, писал, и заседанием секции поэзии.

В Союзе по очереди перетекли друг в друга два застолья. Одно устроила дама, рвущаяся в Союз. Второе – я. Собралось человек 30. Родственники, друзья, поэты и художники. Приглашенный Квадяев не пришел, как всегда. Он больше спортом интересуется. Сначала, как водится, предоставили мне возможность поговорить: почитать стихи, порассуждать о литературном процессе и т. п. Конечно, мешали, лезли с выражениями восторгов. Звучали и ядовитые реплики. Не без этого. Пировали с 18 до 23.30. Выпили 6 литров красного сухого, 4 водки и 3 коньяка. И еще бегали в магазин особо страждущие за подкреплением. Весь процесс фиксировался на камеру. Слава Савиных был с кинокамерой. У меня, надо сказать, благодаря таким энтузиастам, как Славик и другие субъекты, уже накопился большой видеоархив моих вечеров и презентаций. Потомкам будет что смотреть.

Кстати, Слава мне подарил диск, на котором, кроме поэтического вечера, состоявшегося год назад, записана наша встреча летом 2008 у меня в квартире на Спартака. Ты там (а до тебя Квадяев) очень интересно рассказываешь о своем театральном прошлом, как в мимансе на сцене Оперного выступал. Приедешь в марте – скачаешь. Жалко, что Славик сам остается обычно за кадром. В Союзе тем хорошо, что можно встать, бросив посуду и остатки пиршества, и уйти. Есть субъекты, кто готов все убрать и помыть.

Я с Леной добрались до дома уже после 12. Утром она несчастная в –37 уехала на службу. У меня была, к счастью, возможность спокойно ликвидировать похмельный синдром. Часа в 4 поехал в городок, откуда и пишу тебе. Собираюсь прожить здесь безвылазно до 7 февраля. Вдруг

повезет: и морозы кончатся, и я еще успею покататься на лыжах. Грустно, что январь оказался пустым в творческом плане. И с тобой переписка заглохла. Апатия. Пока. Удач тебе и вдохновений. Поклон супруге. Толя.

Вот и все, что мне удалось рассказать о философском аспекте творчества А. Соколова. Этого, конечно, очень мало. Будем ждать будущих исследователей его таланта, которые, надеюсь, скажут о нем еще очень многое, что оказалось скрытым от нашего взора.

Глава 5

БЛИЖНИЙ КРУГ

В этой главе я представляю определенный цикл стихов А. Соколова, разбитый мною на три группы. К первой я отнес стихи с посвящениями. Не все из них по разным причинам я привожу в тексте книги. В любом случае они дают представление о Толином окружении – поэтах, философах, художниках, близких и просто друзьях, т. е. о тех людях, среди которых он жил и которых особенно ценил. Во вторую категорию я отдельно выделил стихи о любви, которые также имеют посвящения, но, как нетрудно понять, отражают особый пласт Толиных чувств. Наконец, третья категория – это стихи из домашних архивов, конечно, не всех, которые мне удалось включить в данную книгу.

5.1. Стихи, посвященные друзьям и близким

Как и во дворе, где Толя вырос, так и потом по жизни, у А. Соколова было много друзей. Я никого из них не знал (кроме друзей детства), это было Толино окружение, его ближний круг. Многим из них – близким, поэтам, художникам, философам – Толя дарил стихи (см. табл. 6). Информацию о тех из них, о ком я нашел краткие сведения, в том числе в интернете, я привожу ниже. О многих же, скажем, о Т. Т. (из текста стихотворения видно, что это Татьяна) или об О. Волковой (это, видимо, Ольга), мы, наверное, никогда

ничего не узнаем. В табл. 6 указаны годы публикации соответствующих сборников [3]–[6], а для обозначения журнала «Сибирские огни» используется сокращение (СО, год, номер).

Таблица 6

Стихи-посвящения Анатолия Соколова

Кому	(Год, стр.)	Стихотворение
Абольянину	(2001, 110)	«Спросит мать: “Что с тобою, сынок?”»
Берязеву	(2001, 20)	«Два тополя в клетке октябрьского сквера...»
Василию (сыну)	(2001, 17)	«Двуногое перьях во тьме закричит кукареку...»
	(2009, 4)	«В трезвон колокольный с звонками пустого трамвая...»
Т. В.	(2006, 12)	«Отвергнув с сочувствием лесь подогретой воды...»
Волковой	(2004, 49)	«В тот час, когда глаза полузакрыты...»
Ермоленко	(2004, 28)	«Мокрый день, и снежная крупа...»
	(2004, 44)	«В компаниях светских всегда на себя негодую...»
Закусиной	(2004, 36)	«Пусть в жизни молодой, где тонко, там и рвется...»
Квадяеву	(2001, 84)	«Ты живешь много лег и, рискуя, шутя, разглагольствуя...»
Кековой	(2009, 30)	«Смотрю, как улетают птицы, и не идут слова на ум...»
Клименко	(2001, 100)	«Крылья окон, словно крышки гроба...»
	(2006, 125)	«Летит голубая моторка...»
Котелкину	(2001, 86)	«За сутки гроза докатилась из Красного Яра...»
Кузнецову А.	(2001, 92)	«Рыбнадзор реквизирует сети...»
Кузнецову В.	(СО, 2010, 1)	«Глина в чутких пальцах у Валерия, словно птица...»
Лазарчуку Е.	(2001, 22)	«На скотном дворе пахнет свежей махоркой...»
	(2001, 80)	«Старый друг позвонит из глубинки...»
Лазарчук Г.	(СО, 2016, 4)	«Полюбил легионы дождя я, наверно, за то...»
Ларченко	(2009, 52)	«Продолговатые минуты по вечерам черней ворон...»
Мазуренко	(2001, 42)	«Мне солнце неделю казалось несбыточным благом...»
Мандриченко	(2009, 58)	«Безнадежный художник ужасно хандрит...»
Меньшикову С.	(2006, 27)	«Куста осеннего брошюра...»
	(2006, 66)	«Мы, каракули Бога, пытались себя прочитать...»
Меньшиковым	(2009, 33)	«Жить художник должен в маске Фауста...»
Михайлову	(Не опубл.)	«Дожил без всяких проволочек поэт до сорока семи...» (в письме Ю. Д. Григорьеву от 3 ноября 2009)
Никифорову	(2004, 10)	«Свеча. Бумага. Бормотуха...»
Омбыш-Кузнецову	(2004, 12)	«Труднее астматика дышит пейзаж на картине...»
	(2006, 20)	«Не дай Бог лицо твое без грима...»

Попкову	(2009, 25)	«Зачем старик упрямый, как ребенок...»
Салиной	(2006, 31)	«Себя почувствовала свергнутой...»
	(2009, 15)	«Брось ломтик батона с корицей в густое, как мед...»
	(2009, 29)	«Словно с писаной торбой, с наукой...»
Смордниковой	(2006, 8)	«Пока шумит берез китайский веер...»
Т. Т.	(2001, 112)	«Как пышно расцвел в золотых небесах фейерверк...»
Ульяниной	(2006, 22)	«Из головы весь мусор выкину, стихи оставлю...»
Чернову	(2006, 14)	«Прошу Вас до утра остаться...»
	(СО, 2009, 6)	«Мне однажды привиделось: в город, как в душный чулан...»
Чиркову	(2004, 17)	«Пусть серым по серому в сумерках крыльями совы...»
Ярцеву	(2006, 10)	«Липы на задворках поликлиники...»
	(2006, 63)	«Без имени, отчества и языка...»

Абольянин Геннадий Михайлович (1931–2007) – «рыцарь поэзии», собиратель материалов, касающихся жизни и творчества Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама, участник многих цветаевских костров в Тарусе, в том числе и самого первого памятного костра 1996 года. О Геннадии Абольянине А. Соколов незадолго до своего ухода написал крайне интересную статью¹, в которой приводится много фактов и о биографии самого Толи, начале его творческого пути, первых знакомствах с литераторами Новосибирска середины 1960-х годов. В частности, из нее можно узнать о том, что еще до армии Толя успел немного поучиться в строительном институте. Геннадию Толя посвятил следующее стихотворение²:

Г. Абольянину

Спросит мать: «Что с тобою, сынок?»
 «Ах, оставь: говорить нет желанья!»
 Надо мною висит потолок,
 Симулирует переживанья.

Я троюродный внук Ильича,
 Грохоча костылями по полу,
 В телогрейке с чужого плеча
 Собираюсь на утренник в школу.

¹ Соколов А. Е. О Геннадии Абольянине. // *Сибирские огни*. 2010, № 3. – С. 155–162.

² Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 110.

Жжет карманы мне горсть медяков –
Соль труда и душевного мрака,
И пронзительно хор сквозняков
Запеваает из трещин барака.

И, прищутив глаза, через снег
Смотрит Сталин с огромных полотен
На счастливое детство калек,
Вырастающих из подворотен.

Истребив поколение отцов,
Он к терпенью склонил ребятишек,
За фасадом помпезных дворцов
Нет еды, не хватает дровишек,
Но оркестров военных излишек.

Берязев Владимир Алексеевич (14 апреля 1959 г., Прокопьевск Кемеровской области). Поэт, эссеист, переводчик, публицист, литературный деятель, гл. ред. журнала «Сибирские огни» (1999–2014). Заочно окончил Литературный институт им. Горького (1983–1989 гг.). Автор восьми поэтических сборников и романа в стихах «Могота»¹. Публиковался в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Москва», «Северная Аврора», «Урал», «Сибирские огни», «Алтай», «Огни Кузбасса», «Дальний Восток», «Сибирь», «Рубеж» и др. Стихи Берязева входят в школьную хрестоматию «Шедевры русской поэзии второй половины XX-го века» (Издательство «Внеклассное чтение» – 2011 год). Владимиру А. Соколов посвятил следующее замечательное стихотворение²:

В. Берязеву

Два тополя в клетке октябрьского сквера
Обходит на цыпочках пара зонтов,
Нахмурившись, сморщила лоб атмосфера –
Мой верный товарищ, к любви будь готов.

Давай повстречаемся без церемоний,
Погрузим друг в друга большой листопад:
Эол растянул километр гармонии
И песню заводит как уличный бард.

¹ Берязев В. А. Могота: Роман в стихах (фрагмент). // *Сибирские огни*, 2000, № 1.

² Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 20.

Реки засверкала хрустальная ваза,
В ней спит кораблей заржавевший букет...
Вдруг наши четыре испуганных глаза
Ослепли от впившихся в небо ракет.

Оранжевых кружится несколько тысяч,
А желтые листья нельзя сосчитать,
Друг в друга губами беспомощно тычась,
Друг друга не можем никак дочитать.

За что мне с тобою такая награда:
По серому воздуху вместе лететь...
Пусть весело плещет на улицах града
Народный ручей, обмелевший на треть.

Бухаров Виктор Семенович (16 декабря 1944 г., Ишимбай, Башкирская АССР) – советский и российский живописец, акварелист. Член Союза художников СССР, России (1973). Окончил художественную школу в Новосибирске (1964). Участник республиканских и международных выставок. Работы экспонировались в Англии, Польше, Кубе, Марокко, галерее «Perf» в Австралии.

С Виктором А. Соколов учился в 74-й школе. В школьные годы (1963–1964) я встречался с Виктором Бухаровым один или два раза, когда мы вместе играли с 74-й школой в футбол на левом берегу Оби в районе Горской. Но это не так важно. Важно другое – то, что дружбу с Виктором Анатолий пронес через всю жизнь. В настоящее время Виктор Бухаров живет в Новосибирске. Отдельного посвящения Бухарову я у Анатолия не нашел, но фактически ему посвящена следующая баллада¹:

Скажи мне, суровый художник Бухаров,
Откуда ты взялся опасный такой?
Сто тысяч портретов сердечных пожаров
Меня обжигают в твоей мастерской.

Пуховым сугробом укрыв подорожник,
Бог знает: кто гений, а кто дребедень...
Родился в России великий художник
В четверг, в декабре, на шестнадцатый день!

¹ Там же. – С. 9–10.

Одиннадцать пестрых и злых пятилеток
Ты, зубы испортив, едва раскусил.
О, сколько на сердце осталось отметок,
И сколько напрасно истрачено сил!

Повсюду следы воровства и упадка,
На небе орнамент готических птиц,
Всю жизнь вместо дома – барак и палатка,
И рай гарантируют – водка и шприц...

Ты рано влюбился в себя без корысти,
Поэтому, двигаясь только вперед,
Все ярче и яростней думают кисти,
И краше душа на картинах цветет...

Пока на холсте соревнуются краски,
В душе продолжают зиять пустыри...
Пусть звери рычат за воротами сказки,
А нежные птицы щебечут внутри.

Бывает: неделя идет за неделей,
Молчанья обет наложив на уста,
Так хочется выразить членораздельней
Сердечную драму в пространстве холста...

Затоплены ливнями наши селенья,
Запрятаны в листьев заржавленный хлам...
Весь мир произведен от воображенья:
И грязный вертеп, и готический храм.

Но звезд отраженных ослепшие рыбы
Устали на теле Оби трепетать.
Как будто ноябрьских сумерек глыбы
На сердце поставили смерти печать.

Не внемли практичному, трезвому бреду:
Талант – это крепость в осаде продаж –
Сдается лишь самым свободным в аренду
За синее небо, за теплый гараж.

Пиши, сколько хочешь, свои сериалы,
Будь телом бессмертен, и духом здоров,
А доллары, марки, рубли и реалы –
Удел проходимцев, барыг и воров.

Блажен депутат государственной думы,
А я, к сожаленью, простой гражданин
И не в состоянии крупные суммы
Платить за огонь твоих страстных картин.

Озябнув вдали от садов Палестины,
Забившимся в щель городским воробьем,
Я счастлив, что две твоих красных картины
Меня согревают и ночью, и днем...

Я даже и не буду комментировать этот текст. «Простой гражданин» отдает дань признания и любви одному из своих лучших друзей – Виктору Бухарову.

Закусина (Загородная) Нелли Михайловна (1 сентября 1942 г., ст. Могоча Читинской области) – поэт, переводчик. Член Союза писателей СССР (1976) и РФ. Родилась в семье изыскателя-геодезиста. Окончила архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного ин-та. Работала архитектором в Улан-Удэ и Новосибирске, литературным редактором в Западно-Сибирском книжном изд-ве, в изд-ве «Мангазея». Публиковалась и работала в журналах «Байкал», «Сибирские огни», «Новосибирск». Первая книга – «Мой светлый день» (Новосибирск, 1972). Автор книг: «У сентября знакомое лицо» (1976), «Избранные стихи» в сер. «Библиотека сибирской поэзии» (1987), «Свет любви» (1979), «Звезды в колодце» (1981), «Белый снег, зеленая трава» (1984), «Зимние письма» (1990), «Избранная лирика» (1995), «По бесконечной реке» (2000) и др. Лауреат премий им. Н. Г. Гарина-Михайловского (2000), им. В. Я. Зазубрина (2004). Живет в Новосибирске. Нелли Михайловне А. Соколов посвятил следующее стихотворение¹:

Н. Закусиной

Пусть в жизни молодой, где тонко, там и рвется,
Но в старости страшней чумы любой разрыв,
А женщина любить всю жизнь меня клянется,
На следующий день о клятве позабыв.
Готовый потакать любым ее капризам
Прощения просил, лил слезы, жил вверх дном,
И нежная душа фарфоровым сервизом
Звенела от стыда в шкафу моем грудном.
Хотя народ с утра готов к труду и к бою,
На городе лежит дождя густая сеть.

¹ Соколов А. Е. Невразумительные годы: Стихи. – С. 36.

В тумане голубом вдруг встретишься с собою...
Не дай мне, Бог, себя в натуре рассмотреть.
И снова кавардак, когда без церемоний
Распроданы и кровь и золото побед,
А там, где свил гнездо израиль филармоний,
Совсем не так давно шумел политпросвет.
Накинувшийся дождь и холоден, и мелок,
На дереве свернул программу соловей,
Воротит душу мне от выигрышных сделок
Не только с кем-нибудь, но с совестью своей.
Прости, Новосибирск, лишившихся наследства,
Тех, кто под выходной, приняв по двести грамм,
Просыплется с семьей из транспортного средства
И свой последний рубль пожертвует на храм.
За городом в полях пестро от мать-и-мачех,
И осень по утрам когтит листву как рысь.
Мне больше невтерпеж выхаживать лежачих,
А тех, кто всех живей – от ненависти грызть.
Пока осенний мир был пьян и беззаботен,
За роскошь и покой безлюдного житья
Клен красный растерял детей своих сто сотен
И тут же их забыл, и Бог – ему судья.
На теле буйных лет следы от ран и порчи,
Но дух еще здоров, и прав старик Рабле:
Осенняя любовь – не самый худший кормчий
Пльвущих в никуда костлявых кораблей.
Мой пульс, как курс рубля при Брежневке, стабилен,
И мучит только боль от пеня Аонид,
Пусть бывшая любовь летит в автомобиле,
Я буду дальше жить пешком, как инвалид.
Вот занавес упал, комедии финита,
Народ гремит дверьми разношенных ДКа,
А я вдохнуть боюсь через цилиндр фильтра
Последний кубометр заморского дымка.

Слева от 100-квартирного дома впритык к зданию облисполкома (Красный проспект, 18/1), как бы в продолжение ул. Спартака в промежутке между Красным проспектом и ул. Серебренниковской, еще в советское время было построено просторное здание Дома политпросвещения обкома КПСС. В настоящее время в нем размещается Государственный концертный зал им. Арнольда Каца, о котором в интернете написано, что он стал первой в истории

Новосибирска площадкой подобной вместительности, построенной специально для концертов академической музыки. Как видим, это немного не так. До переезда в новый зал филармонический оркестр не имел своей площадки. Обычно он выступал в концертном зале Оперного театра. Я также ходил на его концерты в зал консерватории, которая находится на ул. Советской, 31.

Клименко Владимир Ильич (29 июня 1950 г., Уфа – 19 ноября 2011 г., г. Новосибирск). Российский писатель, прозаик, поэт, автор фантастических произведений. Окончил историко-филологический факультет НГПИ. Сотрудничал с новосибирскими газетами, работал литературным консультантом в Новосибирской писательской организации, был ответственным секретарем журналов «Проза Сибири» и «Сибирские огни», редактором в издательстве «Историческое наследие Сибири». Именно он в 2000 году был редактором книги А. Соколова «Крепость». Лауреат жанровой премии первого фестиваля фантастики «Белое пятно» (1994), литературной премии им. Н. Г. Гарина-Михайловского. Член Союза писателей России. Жил в Новосибирске. Владимиру А. Соколов посвятил два стихотворения, одно из них я привожу ниже¹:

В. Клименко

Крылья окон, словно крышки гроба,
Раскрывает ветер створки рта...
Разве может быть святою злоба?
Может быть святою доброта!
Заревет железная гагара
В жестком оперенье голубом,
Ветвь с цветами русского пожара
Доставляя в европейский дом.
Содрогнитесь, нежные народы,
Вот яйца кощеева секрет:
Скорчившейся статуи свободы
Голый и обугленный скелет.

¹ Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 100.

Котелкин Анатолий Михайлович (19 июля 1949 г., г. Новосибирск). Своему двоюродному брату (близость и степень родства отражены в разделе «Генеалогическое древо»), А. Соколов посвятил следующее стихотворение¹:

А. Котелкину

За сутки гроза докатилась из Красного Яра
До города Н. на попутном хвосте гужевома,
Сначала пугала людей наподобье кошмара,
И ливня ремнями хлестала дорогу и дом.
О, как в непогоду себя сохранить и пожитки?
Деревья ломались с хрустом на сильном ветру,
Но бор простоял невредимым, промокший до нитки,
И каждый твердил про себя: никогда не умру.
Бордовый автобус тащил за собою столб пыли,
Другие отважились бурю в селе переждать,
Но несколько изб свои очи от страха закрыли,
Поэтому в горнице мне ничего не видать.
Я сразу же понял: «Любимая, ты мне не рада!
Скажи почему, а иначе с ума я сойду?»
От шквальных ударов стонала и выла веранда,
Заглядывал в окна согнувшийся тополь в саду.
Пока мы смотрели программы второго канала,
Зеленая, смятая рожа мелькала в окне...
«Сказала б тебе почему, если б только я знала».
Когда уже стало светать, ты ответила мне.
«На сопках Манчжурии» вальс танцевал палисадник,
И куст в темноте трепетал, словно скачущий всадник...
Поедем, дружок, если льзя применить автостоп,
Чтоб утром достигнуть границ областного абзаца!
Наш дом, как ковчег, погружен во всемирный потоп –
Куда нам скакать, иль важней – от кого нам спастись?
И мы оседлали без спешки своих лошадей,
Доверили смело свое достоянье друг другу...
И бросились в путь, где был каждый святой и злодей,
И каждое слово мы трижды пускали по кругу...
Лил дождь на дворе и счастливый лавандовый пот,
Листва на кустах, как горячая грудь, колыхалась,
И рыл свои норы во тьме нетерпения крот,
Но все-таки волю к любви победила усталость.
Большая гроза превратилась в сплошной ураган,
По улице с грохотом мимо ведро прокатилось,
По небу летали сараи, кибитки цыган...
А впрочем, на все Провидение Божье и милость.

¹ Там же. – С. 86.

Кузнецов Александр Викторович (20 апреля 1952 г., г. Новосибирск). Тройродный брат А. Соколова, а если более точно – сын двоюродной сестры Толиного отца. Врач-паталогоанатом, доктор медицинских наук, профессор, преподает анатомию в НГМУ. Александру А. Соколов посвятил стихотворение, которое невольно ассоциируется с медицинской профессией брата¹:

А. Кузнецову

Рыбнадзор реквизирует сети,
За решеткою мать и отец...
Утром слышно на улице: дети
В ваши сени явился мертвец.
Плачь, утопленник – рыба закуска,
Весь распух и расцвел, как сирень!
На кругах Чернышевского спуска
От событий кипит каждый день.
Я здесь жил как бродяга случайный
И молчал как секретный агент,
Сохранив под покровами тайны
Про Нахаловку массу легенд...
Натворить можно столько от скуки,
Получив покровительство муз...
Раз сложился у местной гадюки
С проституткой внебрачный союз.
Забренчали бродячие слухи:
У влюбленных счастливые дни...
А какие друг другу услуги
Демонстрируют ночью они?
Сердцу женщины надо простора:
Кабаки, казино... Через год
Расцвела неожиданно ссора,
Получился летальный исход.
Быстро глину кусают лопаты,
И встречается с теплой землей
Тело уличной Клеопатры,
Зацелованное змеей...
Неужели мои побратимы
К убежденью склонили меня,
Что, по-видимому, совместимы
На земле человек и змея?

¹ Там же. – С. 92.

Каждый встречный в Нахаловке – бездна:
Прячет в тесной груди бензобак,
Отнестись к нему надо любезно,
А иначе – натравит собак.
Если водки не выпьешь ни чарки
И пойдешь совершать променад,
Налетят словно буря овчарки,
Разорвут, закусают, съедят...

Первое, что приходит на ум при словах «сети», «отец» и «мертвец» – это ассоциация со стихотворением Пушкина «Утопленник»¹:

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца»...

И далее в стихотворении Пушкина высказываются всякие предположения по этому поводу, вплоть до того, не был ли этот человек ограблен и потом убит. Все это очень вписывается в общую характеристику Нахаловки – известного района Новосибирска, издавна пользовавшегося дурной славой. Возможно, это единственное Толино стихотворение, непосредственно описывающее нравы Нахаловки.

Нахаловка – старейший район частной застройки Новосибирска, протянувшийся между Обью, ул. Владимирской, Речным портом и 1-й, или Верхней, Ельцовкой. Другими словами, это район, располагающийся между ж/д вокзалом и Обью. Фабричная непосредственно переходит во Владимирскую, Толя родился и первые три года прожил в Затоне – таком же районе бараков на противоположном берегу Оби прямо напротив Нахаловки, а в самой Нахаловке родился наш общий с Толей друг по Новому дому Коля Кармышев.

Нахаловка возникла на рубеже XIX и XX веков и во времена нашего детства (50-е – 60-е годы) еще сохраняла нравы того времени. До войны этот трущобный район Новосибирска, аналогичный трущобам Москвы и других больших городов²,

¹ Пушкин А. С. Избранные произведения. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1970. – С. 148.

² Гиляровский В. А. Москва и москвичи. Трущобные люди: Рассказы. – М.: Эксмо, 2009. – 832 с. – (Библиотека Всемирной Литературы).

на картах так и назывался Нахаловкой. Район всегда имел дурную славу. Уж если меня раздели в моей родной Погрузке, то что говорить о Нахаловке! За всю жизнь я был в Нахаловке всего один или два раза. Запомнились кривые переулки, крутой склон и покосившиеся хибары за примитивными заборами.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, приведу один поразивший меня факт, о котором я, прожив всю жизнь в Новосибирске, не знал. Открыв интернет, я вдруг обнаружил, что на ул. Сургутской в Нахаловке установлен памятный знак с надписью:

17 января 1931 года здесь, ул. Сургутская, 62, родились, жили и учились знаменитые в РОССИИ братья ШМАКОВЫ:
РАДИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ. Участник создания первой атомной подводной лодки СССР «Ленинский комсомолец», главный конструктор серийных АПЛ.
СТАЛЬ АНАТОЛЬЕВИЧ. Заслуженный учитель РОССИИ, доктор педагогических наук, профессор, основоположник педагогики творческого досуга молодежи в РФ.
Нам есть чем гордиться! Новосибирцы, июнь 2013 г.

В начале января 1959 года, когда мои родители переехали из барака в Новый дом, я был в «Снежной республике» – зимнем пионерском лагере, который располагался в санатории «Речкуновский», что на пути между городом и Академгородком. Старшим пионервожатым в лагере был Сталь Анатолевич. Я хорошо запомнил этого очень подвижного сухощавого человека с неизменным пионерским галстуком на шее. Удивительным образом у меня сохранилась фотография, на которой на центральной лестнице главного корпуса санатория запечатлен весь наш пионерский отряд со Сталем Анатолевичем в центре. Я сижу прямо рядом с ним слева. Потрясающе!

Если вернуться к стихотворению, то можно отметить, что в те времена мы все купались в самых необорудованных местах. В районе Чернышевского спуска и «Нижне-Пригород-

ной» (это и есть Нахаловка) было большое движение маломерных судов (речные трамваи, буксирные катера типа РБТ и т. п.). Кроме того, здесь была пристань и для больших пароходов. Это потом ее перенесли вверх по Оби за Коммунальный мост. Поэтому при неосторожном купании человека могло просто затянуть под швартующееся судно. Видимо, такой случай и описан в стихотворении. Я сам был свидетелем аналогичного случая, но уже в устье Каменки рядом с «Верхне-Пригородной». Именно здесь в районе уже не работавшей Водно-Лыжной станции мы и любили купаться в детстве.

Лазарчук Евгений Александрович (24 сентября 1949 г., д. Ефремовка Куйбышевского р-на Новосибирской обл.). Студенческий друг А. Соколова, с которым он познакомился буквально в первый же день своего появления в приемной комиссии пединститута. Окончил пединститут (1971), преподаватель русского языка и литературы (1970–1975), зам. редактора районной газеты «Трудовая жизнь», секретарь Куйбышевского горисполкома, редактор газеты «Трудовая жизнь» г. Куйбышева (1975–1985). Дальнейшая трудовая жизнь связана с Новосибирском. Лазарчук – один из птенцов «Гнезда поэтов» [1, с. 7–20], печатался в «Сибирских огнях». Евгению А. Соколов посвятил два стихотворения. Одно из них, которое я привожу, он особенно любил и включал во все свои сборники стихов¹:

Е. Лазарчику

Старый друг позвонит из глубинки,
Не забывший еще обо мне,
Посмотрю на его фотоснимки –
И мурашки бегут по спине.

Худошавый пророк института,
Пленник утренних лекций, беглец,
Наш декан, как Скуратов Малюта,
Обещал тебе грустный конец.

Но со стаей беспечных Офелий,
Чье грядущее было темно,

¹ Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 80.

Ты под мышку упрятав портфель,
С семинаров смывался в кино.

Время всех одинаково любит,
Но друзей сокращает число:
Петька спился, Сергей вышел в люди,
А тебя в глухомань занесло.

Неужели в степной атмосфере
За минувшие несколько лет
Не поблек еще глаз твоих серых
Безупречно насыщенный цвет?

В стихотворении есть примечательные строки. Говоря о декане, Толя имеет в виду, что в пединституте с посещаемостью было строго. За непосещение занятий можно было легко вылететь из института. Так было и в других вузах советской эпохи. Поэтому и образование было на высоте. Строчка «...*Неужели в степной атмосфере*» напоминает о факте биографии Евгения – после окончания института он «мотал» срок на своей малой родине, в Барабинской степи, в месте ничем не примечательном: селе Нагорном, в двух верстах от райцентра, центральной усадьбе совхоза «Октябрьский», почившего в бозе после ельцинских реформ. Упоминание имени Сергей можно связать с Сергеем Кохановичем – Толиным другом юности, ставшим впоследствии известным архитектором.

Ларченко Сергей Григорьевич (род. 14 января 1949 г., г. Новосибирск). Поэт, философ, окончил историческое отделение гуманитарного факультета НГУ (1972). Работал в Институте философии и права СО РАН (Новосибирск) с 1986 по 2001 гг., преподавал по совместительству в НГУ. Основная область исследований – социальная философия, философия истории, методология общественных наук. С А. Соколовым Сергей познакомился в феврале 1968 года в литературном объединении Ильи Фоякова, где «молодые поэты (и не только молодые) участвовали в обсуждении поэтических грехов друг друга. Прониклись. Подружились». Обстоятельства того времени, связанные с началом их многолетней дружбы

хорошо показаны в статье Юрия Горбачева размещенной на портале Проза.ру¹. Сергею А. Соколов посвятил следующее стихотворение²:

Сергею Ларченко

Продолговатые минуты по вечерам черней ворон,
Не мне Челлини Бенвенутто луны чеканит медальон.
Предвосхищая беспорядки, пронизан воздух волшебством,
Надев лиловые перчатки, сирень взбесилась за окном.
Цветы махровым полотенцем до дыр протрут глаза раки,т,
В саду сова кричит младенцем, и дверь на улице скрипит.
Ей вторят сказочные птицы, тесня рассудочный глагол,
А чудных зрелищ очевидцы глядят по ящику футбол.
Лет триста соки суеверий сосал ученый, как паук,
Рыча и плача, словно звери, из них родилась тьма наук.
Мне эта тьма связала руки, фальшивая до мозга вся,
В пространство подвига и муки ложь с путаницей привнося,
Чтобы воспитанник агоры, душеприказчик теорем,
На фоне фауны и флоры себя не выделил ничем.

Мазуренко Юлия. Своей гражданской жене Толя посвятил два стихотворения. Я приведу второе из них – большую балладу³, более полно характеризующую его творческий почерк:

Ю. Мазуренко

Мне солнце неделю казалось несбыточным благом,
И тело терзал неожиданный острый мороз,
Глаза небеса вытирали морщинистым флагом,
А к вечеру флаги буквально сверкали от слез.
Вдруг дождь неожиданно выстрелил снежной дробью,
Пока облака кувыркались над сморщенной Обью...
Возникло желанье напиться, вдохнуть хлороформ,
Я чувствовал кожей: вот-вот разыграется шторм,
Тогда содрогнутся отцов молодые надгробья,
И будет любимая мама глядеть исподлобья,
Жена прекословить и требовать дочка реформ...
Кончается лето. Сентябрь. Жене тридцать два,
С болтливых деревьев летит золотая листва.
Мой замок панельный сегодня прекрасен и жалок,
В нем радостно жить, прожигая чужие часы...

¹ Юрий Горбачев. Не будем говорить о берлиозе! // <http://www.proza.ru/2011/06/24/1078>.

² Соколов А. Е. Осенние птицы: Стихи. – С. 52.

³ Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 42.

Среди гаражей с погребками и мусорных свалок
Пролаляли душу насквозь беспризорные псы.
По небу летают и каркают злые амурсы,
Мечтаю захлопнуть навек своих глаз амбразуры.
Живи, как захочешь, моя дорогая жена,
Послушай, как глухо вздыхает герой пятилетки
И тычется в стены бетонной двухкомнатной клетки,
И нянчит под черепом тени вчерашнего сна...
Хотелось примерзнуть зрачком к твоему фотоснимку,
Где звонко смеешься с лохматым медведем в обнимку...
Походам в леса за грибами объявлен конец,
И дачных восторгов с трудом докрутилась пластинка...
Боюсь: обернется скандалом, разрывом сердец
Свидание кроткой Сибири и дикого рынка.

Кто вздрагивал в мирное время при каждом звонке,
Рвал старые связи и двери держал на замке,
Но в шубе сосновой спешил на свидание с выголой,
И думал: в любви перелетной какая корысть?
Чтоб днем перед публикой хватать красивой подругой,
А ночью лить слезы и жесткие простыни грызть?
Забудет богиня из цементных недр Искитима,
Уйду, с головою закутавшись в облако дыма,
И сердце порадуя рюмкой крутого вина:
Меня не обманет теперь никогда новизна...
Быстрее сгорает сегодня моя папироска,
И злит круглосуточный рай за решеткой киоска.

Когда я глаза поднимаю от каменных книг
И в зеркале вижу: кривляется полустарик,
Одно из отродий святого народа-неряхи...
Он снова у старшего брата качает права
И требует выжечь глаголом напрасные страхи,
Которые шлет опереточный город Москва.

Сыграй на трехрядной гармонии уездный Гомер,
Невинные души спасая от хищных химер...
Сберечь на похмелье просроченной юности крохи,
Вчистую истратив былые богатство и мощь,
Стремится страна на закате советской эпохи,
Впиваясь в зеленые губы бутылочных роц.
Пока на дорогах не выросли за ночь сугробы,
Пока еще льется в стаканы вино, а не яд,
Отпразднуй с друзьями явление осени, чтобы
И за морем знали, как здорово пьют и едят,
Очистив карманы и души от мелочной злобы,
В столице Сибири счастливые дети трущобы.

Но сердце болит после буйных пиров и охот,
О них без ошибок сумел б рассказать Вальтер Скотт.
Я первым лицо свое вымажу бронзовой краской,
Когда, зародившись в коричневом сердце равнин,
Штурмуют Европу приливы тоски азиатской
И новой войны надувается пышный павлин.
Нырнув на прощанье в пленительный хаос квартиры.
Вчерашние дети и кухонных войн дезертиры
Уходят в пучину размолвок и драк мировых:
Их мучают стоны гитары нетрезвого барда
И манит богатым огнем золотая кокарда,
И греет слепая надежда остаться в живых,
Но тех, кто остался, кусает инфаркт миокарда...

Довольно вариться в крутом кипятке перемен –
А может быть, лучше к нему отнестись как спортсмен,
Двадцатому веку под занавес сделав подарок
В обмен на гнилое тряпье и фальшивую дичь...
На Родине вольно пасутся стада иномарок –
Пора их зеленую шерсть пулеметами стричь.

Баллада состоит из семи многостиший, каждое из которых можно рассматривать как практически независимое от других, однако все они связаны общей тональностью. Сквозной мотив стихотворения – неприятие России 90-х годов, и это при том, что А. Соколов весьма критично относится в своих стихах и к советскому периоду. Но причины такого, как бы одинаково критического, отношения к двум различным общественным устройствам нашего государства разные. Не вдаваясь в доскональный анализ, отметим некоторые характерные точки стихотворения.

Такие строчки, как *«Возникло желанье напиться, вдохнуть хлороформ»* или

Мечтаю захлопнуть навек своих глаз амбразуры,
Живи, как захочешь, моя дорогая жена...

очень характерны для А. Соколова. Это связано, с одной стороны, с его личной жизнью, а с другой, и это в первую очередь, с тем, что происходило в стране. Он ставит диагноз:

Походам в леса за грибами объявлен конец,
И дачных восторгов с трудом докрутилась пластинка...

Боюсь: обернется скандалом, разрывом сердец
Свидание кроткой Сибири и дикого рынка.

После этих строк прошло почти двадцать лет. На первый взгляд, диагноз не подтвердился. Но подождем. Возможно, еще не пришло время. Второй прогноз уже сбывается:

Я первым лицо свое вымажу бронзовой краской,
Когда, зародившись в коричневом сердце равнин,
Штурмуют Европу приливы тоски азиатской
И новой войны надувается пышный павлин.

Я думаю, нетрудно догадаться, о чем идет речь. И это написано не позднее 2001-го года, когда рядовой обыватель даже и подумать не мог о таком развитии европейского сценария – наплыве беженцев из Африки и с Ближнего Востока в Западную Европу. Последнее многотишие – приговор царящему беспределу.

Искитим – районный центр Новосибирской области, который «славится» цементным заводом и другими промышленными предприятиями (например, электродным заводом, с приватизацией которого в 90-е годы были связаны криминальная история и большие скандалы). «*Сыграй на трехрядной гармонии уездный Гомер*» – существует легенда, что Гомер был слепым; в данном случае имеется в виду Иван Иванович Маланин (15 января 1897 г., Троицк, ныне Заларинского района, Иркутская область – 15 июля 1969 г., г. Новосибирск) – легендарный слепой баянист. «*Их мучают стоны гитары нетрезвого барда*» – подразумевается Владимир Высоцкий.

Мандриченко Владимир Петрович (род. 1 июня 1948 г., г. Москва). Художник-график, член Союза художников России (1981). Учеба на факультете художественно-технического оформления продукции Московского полиграфического института (1976). Стиль работ (по словам художника) – гравюра по живописи. Персональная выставка «Сны о Японии» (Новосибирск, Дом Ученых, 2001). Выставка живописи со-

вместно с Ириной Макушиной (Новосибирск, галерея «Le Vall», 2003). Живет в Новосибирске.

Владимиру Мандриченко

Безнадежный художник ужасно хандрит,
Но надеется: только закончится пост –
Из пространства и времени метеорит
Вдохновения свалится прямо на холст.
Ветер примется с кленов сдирать кожуру,
Хочет кобальт и кадмий смешать,
Чтобы тени деревьев вмешались в игру
И к холсту приложили печать.
Несмотря на работу и в ведро, и в зной,
Дна успеха никто не достиг,
Потому что себя беспредметной мазней
Выражал безответный инстинкт.
И поодаль от стаи берез-недотрог
Так как не с кем про жизнь говорить,
Рыжий тополь смотрел, как метался Ван Гог
Перед тем, как себя застрелить.
Пока образы сон упакует в снопы
На глаза епитимью наложит луна,
Чтобы встретиться с лицами листьев слепых
И узорами льда на фрагменте окна¹.

Поражает исключительная эрудиция Соколова в, казалось бы, в не совсем его предметной области – в живописи. В стихотворении, возможно, обыгрывается сюжет картины Ван Гога «Пшеничное поле со снопами» (1888). В апреле 2018 года я, будучи во Франции, видел эту картину в музее фонда Ван Гога в г. Арле (Fondation Vincent van Gogh Arles, France).

Меньшиков Даниил Михайлович (12 июля 1956 г., г. Новосибирск). Художник-график, живописец, член Союза художников СССР (1990), Заслуженный художник Российской Федерации (2011). *Меньшиков Сергей Михайлович* (род. 2 декабря 1957 г., г. Новосибирск). Художник-график, живописец, член Союза художников России (1993). Окончил Ленинградское художественное училище им. В. А. Серова.

¹ Соколов А.Е. Осенние птицы: Стихи. – С. 58.

Включен в Золотую книгу культуры Новосибирской области в номинации «Династия» (2008).

Братьям Меньшиковым А. Соколов посвятил три стихотворения, из них два – непосредственно Сергею. Приведу одно из них¹:

С. Меньшикову

Куста осеннего брошюра,
Зачитанная на ветру,
Я уходящая натура,
Но, к счастью, весь я не умру.
Душа моя в заветной лире
Стряхнет воспоминаний прах:
И вкус блинов на гидрожире,
Афган, Чечню и грудь в крестах,
Где сочиненную Лесковым
С похмелья сказку про блоху
Шут с выговором местечковым
Сыграет в лицах дураку.
И сфабрикованная сцена
Тому милей земли родной,
И он, как ветер копны сена,
Затылок чешет пятерней,
И нет в душе его отрады,
И власти белый дом не свят.
Все женщины как симплегады
Его расплющить норовят.
А ты стоишь под образами
И крест рисуешь, как актер,
Лаская грешными глазами
Тугие прелести сестер.
Но чудо строчки Мандельштама
Сдирает катаракту с глаз:
Поэзия – фундамент храма,
Бог ей преображает нас.
Поэты шьют стихи на вырост,
Они любви дают простор...
Роса отчизны очи выест,
Пока звезда взойдет в фавор.
Цвет жизни вянет между пальцев,
В стихах – пыльца ее и сок,
Чтоб, с Божьей помощью, скитальца
Отпеть народный ветер смог,

¹ Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 27.

И бронзовый от древней мощи,
Запутывался среди строк
В трехцветных гимнах русской рощи
Китайской грамоты знаток.
Пускай шаманит понарошку
Субъект и тянется к кресту,
Букет мороженой картошки
Ловя ноздрями за версту.

Март – апрель 2005 г.

В этом стихотворении А. Соколов перебирает в памяти события далекого детства, молодости, когда все девушки были твоими, перечисляет ставшие историей военные конфликты, вспоминает различные случившиеся в его жизни эпизоды, дает определение поэзии как фундамента некоего храма, который всегда с нами, говорит о глубинной русской мощи, заложенной в душе каждого из нас. В нашем детстве картошку и блины жарили или на гидрожире, или на комбижире (комбинированный жир). Первый был белого матового цвета, а второй – желто-серого цвета. Оба жира были какими-то суррогатами, заменявшими нам в то время подсолнечное масло, которого или не бывало в продаже, или же оно было слишком дорого.

Сцена с шутком, рассказывающим сказку про Левшу, напомнила мне один случай. Летом 1974 года я был в Туве недалеко от Кызыла на озере Сватиково. Это очень соленое озеро бальнеологического типа, куда приезжали люди для того, чтобы поправить свое здоровье. На озеро можно было доехать на автобусе. На обратном пути в ожидании автобуса на остановке я вдруг заметил, что ожидающие автобус люди образовали что-то вроде круга и кого-то слушают. Подойдя ближе, я увидел небольшого мужичка, который, сидя на какой-то подвернувшейся сумке, рассказывал наизусть со всевозможными присказками сказку про Конька-горбунка. Это было удивительное зрелище. Люди стояли в каком-то оцепенении и молча слушали. Только с возрастом начинаешь понимать стихи, написанные на вырост. Вот я вырос, повидал в жизни, если и не все, то многое, и поэтому

многое из того, о чем иносказательно говорит поэзия, становится понятным. Вспоминая Бога, мы тянем руку к кресту, который у нас всегда на шее, и нет для нас ничего лучше русской картошки, которая одна и выручила нас в войну.

Мясников Николай Федорович (13 марта 1954 г., г. Новосибирск – 1 марта 2012 г., г. Новосибирск). Профессиональный художник. Работал чертежником, художником-постановщиком на Новосибирской студии телевидения. Занимался дизайном, рекламой, книжной графикой. Автор многих персональных выставок. Картины Н. Мясникова есть в музеях США, Франции, Австралии, Швейцарии, Израиля. Свои рассказы – очень небольшие по объему полусюрреалистические, полупоэтические зарисовки – он начал писать еще в 80-е годы. Николай тогда работал в турцентре «Сибиряк», совмещая в одном лице сторожа, художника и маляра (это напоминает мне биографию художника А. Зверева). Он считал, что это было одно из его самых располагающих к творчеству рабочих мест, где особенно хорошо рисовалось, думалось и писалось. Застать Николая Мясникова летом в городе в последнее десятилетие его жизни было невозможно. Обычно с апреля по октябрь он безвыездно жил в деревне Абрашино, где имел свой дом и с удовольствием занимался натуральным хозяйством. На презентациях своих выставок и новых книг имел обыкновение угощать гостей необыкновенно вкусными опятами собственного приготовления. Публиковался Николай Мясников в журналах «Сибирские огни», «День и ночь», альманахе «Дарование». Автор книг «Домашнее виноделие» (в годы сухого закона эта книга вышла трехсоттысячным тиражом), «Мои соседи знают о Париже» (2001), «Атлантида» (2004), «Наивное путешествие» (2006). Умер Николай после продолжительной болезни 1 марта 2012 года. И хотя посвящения в приводимом ниже стихотворении, как это обычно делается, в данном случае нет, но из контекста ясно, что речь идет о друге А. Соколова Николае Мясникове¹:

¹ Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 64–65.

Ленивая домашняя скотина,
Обглоданные косточки плетня,
Где сохнет телогрейка из сатина
И бредня рыболовного мотня.
В тени законсервирован до ночи
Оазис комариных сквозняков...
Помещик, браконьер, сельхозрабочий,
Здесь царствует художник Мясников.
Богему галерей пославши на фиг,
Он ловит стерлядь, ходит по грибы...
Не забывай себя, великий график,
Не прекословь велениям судьбы!
Попав в капкан реки и огорода,
Смотри, дружок, душой не обедней...
Заблудится во тьме душа народа
Без света путеводных «Сибогней».
Из мглы редакционного застенка
На жигуле сквозь пыль и жуткий зной
Летят к тебе Берязев и Клименко
Как мухи за поживою лесной.
Но лишь под вечер, выпив кружку водки,
Отец «Моготы» понимает вдруг:
Чем выше темпы лесоразработки,
Тем громче сердца в клетке тела стук.
И у костра в припадке русской грусти
Он видит рой возвышенных картин...
В ассортименте рыжики и грузди,
Брусника и небес ультрамарин...
Природы разношерстные лохмотья
Железное кромсает воронье...
Ты раньше с нею был единой плотью,
А нынче мельтешишь как тень ее...
На кольцах близорукого Сатурна
Июньского дождя зернистый штрих...
Колян, не проживет литература
Без текстов фантастических твоих!

Никифоров Владимир Семенович (25 марта 1943 г., пос. Подтесово Красноярского края) – прозаик, публицист. Родился в семье енисейских речников. Начал трудовую деятельность в 16 лет, не окончив школу, а затем и техникум. Пять лет работал матросом несамоходной баржи, шкипером рей-

да, слесарем. Сдав экстерном экзамены за среднюю школу (в общей сложности, их было 17), поступил в Новосибирский институт инженеров водного транспорта (НИИВТ), который окончил в 1969 году. В 1969–1970 гг. работал диспетчером в управлении парохозяйства, начальником смены в речном порту. С 1970 года по настоящее время – преподаватель СГУВТ (бывший НИИВТ), кандидат технических наук, профессор. Публиковался в «Сибирских огнях», различных сборниках и альманахах. Автор восьми книг прозы. Главная тема творчества – жизнь и проблемы енисейских речников и всех тех, кто кровно связан с великой сибирской рекой. Член Союза писателей России.

Вместе с А. Соколовым – один из инициаторов создания, а затем и руководителей, Новосибирского регионального Пушкинского общества (2004–2014), рождавшегося «на ступенях» водного института. Именно в те напряженные дни (2004) однажды утром Анатолий позвонил Владимиру и прямо по телефону со словами: «Послушай, старик, что я написал», прочитал ему следующее стихотворение¹:

В. Никифорову

Свеча. Бумага. Бормотуха
Змеей вползает в пищевод.
Вдруг муза ввалится без стука,
Вино из горлышка допьет.
На Эверест посуды грязной
Пикируют квадриги мух...
Культурой мелкобуржуазной
Пренебрегает русский дух.
По радио метеосводке
Внимает пьяная Ассоль,
Дрейфуют в вылившейся водке
Огрызки хлеба с колбасой...
Из дома рвется пленный разум
В раздолье пригородных роц.
Кося вчера подбитым глазом,
На кухне муза варит борщ.
В квартире пахнет запусеньем
Картошкой, луком и котом.

¹ Соколов А. Е. Невразумительные годы: Стихи. – С. 10.

Снаружи в городе весеннем
Машины движутся ползком.
Иван гуляет в парке с Марьей,
Коров провозят на убой...
И ради этих жалких тварей
Господь пожертвовал собой?
Для них небес открылись дали
И на земле расцвел Эдем?
Но, если Господа распяли,
Без Бога людям жить зачем?
С сердечных ран сдирать коросту
Среди мышшиной толкотни
И к заельцовскому погосту
Плестись в родительские дни,
И вслед смотреть чужим машинам,
И слушать радиомуру
С плодово-ягодным аршином
В руке, дрожащей поутру?

Замечательная зарисовка бытового пейзажа советских лет. Возможно, дело происходит даже в студенческой общаге, бывало и такое. Бормотухой в дни нашей юности называлось дешевое красное вино типа портвейна «Агдам», а сравнение «с плодово-ягодным аршином» напоминает, что это далеко не марочное вино часто продавалась в бутылках емкостью 0,7 литра. Эти бутылки мы называли огнетушителями. *Заельцовский погост* – городское кладбище, расположенное почти в черте города недалеко от городского аэропорта на пути в пос. Мочище. Считается наиболее престижным в городе.

В 2013 году В. Никифоров выпустил к своему 70-летию «Книгу друзей», в которой были помещены теплые слова от друзей. Анатолия уже не было, и Владимир Семенович поставил в книгу его фотографию и стихотворение, которое А. Соколов посвятил ему («Свеча. Бумага. Бормотуха...»). Внизу – дата 06.06.01 и сноски: «Стихотворение написано после Пушкинского мероприятия, проведенного на крыльце водного института, где в то время работал Толя».

Омбыш-Кузнецов Михаил Сергеевич (род. 21 ноября 1947 г., г. Барабинск Новосибирской области). Живописец,

член Союза художников СССР, России (1973), Народный художник Российской Федерации (2016). В 1965 году окончил класс художников-оформителей 74-й политехнической школы в г. Новосибирске. В 1970 году окончил архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института им. В. В. Куйбышева.

Из приведенного текста следует, что Анатолий учился вместе с Михаилом в одной школе, хотя и непродолжительное время, и поэтому знал его практически всю жизнь. Отец Михаила был писателем. В частности, он написал книгу о герое Гражданской войны в Сибири Игнатии Громе¹. И здесь интересно следующее – Толин дед по линии отца, т. е. отец Евгения Ивановича, был ординарцем у Громова. Наверняка это было известно и Толе, и Мише, что еще более их сближало. Картины Михаила были в квартире у А. Соколова. Он посвятил ему два стихотворения – «Труднее астматика дышит пейзаж на картине...»² и «Не дай Бог твое лицо без грима...»³. Они большие. Вот начало первого из них:

М. Омбыш-Кузнецову

Труднее астматика дышит пейзаж на картине,
 В ней вязнет внимательный взгляд, как комар в паутине.
 «Грачи прилетели» — конец ледяной эпопеи,
 «Не ждали» — грустнее последнего мига Помпеи.
 Свет солнца художник смешал с электрической мглою,
 Махая беспомощно кистью, как дворник метлою:
 На подвиг любви уже сил остается немного,
 И слезы с корнями из глаз вырывает изжога.
 Тупик Кольванской и Каинской, блеск Сибревкома
 Ты, вспомнив, подавишься вдруг подкатившимся комом,
 И сразу откроется прошлого светлая эра,
 Ничтожными кажутся слава, богатство, карьера...
 Когда погибает в оковах рассудочных Гойя,
 На холст низвергается слякоть дорог Уренгоя.
 В кошмарном сплетении труб, арматуры и балок,
 Как беден душой человек и физически жалок.

¹ Омбыш-Кузнецов С. О. Повесть о партизане Громе. – Новосибирск: Западно-Сибирское книж. изд-во, 1958. – 248 с.

² Соколов А. Е. А. Е. Невразумительные годы: Стихи. – С. 12.

³ Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 20.

Изношена вера в людей из бетона и стали,
И лодка тоски по Вокзальной плывет магистрали...
Ужели горбатого выпрямить может могила
Под сенью зеленых и красных икон Михаила?
Будь, Омбыш, свободен от ренты животного страха,
Профессорской лаской питая студентов из НГАХА.
Для них, если надо, расходуя время и нервы,
Ты мощной рукой школяров превращаешь в шедевры.
А кто самого тебя лечит от подлых ударов?
Рембрандт и Иванкин да хмурый подвижник Бухаров.

Колыванская, Каинская и Сибревкома – улицы, начинающиеся в районе развилки ул. Советской и Красного проспекта. Все это очень близко к Фабричной. Две первые улицы – очень маленькие. На Каинской в моем детстве размещалась поликлиника Речного порта. В старинном здании на углу Красного проспекта и Каинской находился Областной суд, а по соседству с ним в одноэтажном старинном здании – столовая, позднее глазная поликлиника МВД.

Улица Сибревкома тоже очень короткая, но магистральная – она берет начало от здания «Запсибзолото» на Красном проспекте и идет в сторону Бетонного моста, ведущего в Октябрьский район, после которого переходит в ул. Кирова. Бетонный мост – это мост через Каменку, которая теперь замыта. В итоге мост потерял свою угрожающую высоту. Вокзальная магистраль ведет от площади Ленина к ж/д вокзалу. В нашем детстве ее не было, но по генеральному плану она была запроектирована. Когда снесли частный сектор, стал понятен замысел архитекторов, так как вдоль возникшей магистрали уже оказались заранее построенные многоэтажные здания. НГАХА – Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия. *Иванкин Вадим Викторович* (род. 12 марта 1961 г., г. Рубцовск Алтайского края) – живописец, акварелист, член Союза художников СССР, России (1989). Живет в Новосибирске.

Попков Юрий Владимирович (род. 3 декабря 1954 г., с. Ундоры, Ульяновская обл., СССР) – российский этносоцио-

лог, философ и фотограф. Доктор философских наук, профессор. Более 25 лет был заведующим сектором этносоциальных исследований и 10 лет – заместителем директора по научной работе, а ныне главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН. Биография Юрия Владимировича крайне интересна. В 1978 году он окончил философский факультет ЛГУ, и после распределения в 1978–1981 гг. работал ассистентом кафедры философии Новосибирского института советской кооперативной торговли (НИСКТ). Но именно в эти годы (1978–1982) и я работал в НИСКТе на кафедре МОЭИ и АСУ (зав. каф. Г. А. Ключков)! С 1981 года Юрий Попков – аспирант, младший, старший и ведущий научный сотрудник Института истории, филологии и философии СО РАН.

Как и А. Соколов, он защитил диссертацию в 1984 году. Тогда же и состоялось их знакомство. С 1998-го по 2015 год Юрий Попков – профессор СибУКП (НИСКТ), где до последнего дня работал и А. Соколов. Чаще всего Анатолий Соколов и Юрий Попков встречались на дне рождения у Сергея Ларченко. Какое интересное переплетение судеб! Вот стихотворение, которое А. Соколов посвятил Юрию Попкову, видимо, под впечатлением его фотографии начала зимы, которая до сих пор висит у Сергея в комнате¹:

Юрию Попкову

Зачем старик упрямый, как ребенок,
Во сне читает слово «листопад»,
Когда снежинки в форме шестеренок
Вокруг летят вразброд и невпопад?
Спеша к земле на ежегодный саммит,
Садятся, словно птицы на насест...
Душа всегда про осень мандельштамит,
Когда ей тело нянчить надоест.
В засученной штанине переулка,
Где сбились в кучу несколько карет,
Хранит сугроба белая шкатулка
Какой – не догадаешься – секрет.
Снег как бальзам для городской утробы,
Но знак несчастья для зверей и птиц...

¹ Соколов А. Е. Осенние птицы: Стихи. – С. 25.

Однажды вдруг откроешь, что сугробы –
 Футляры для кощеевых яиц.
 Снежинок фантастические числа –
 Укор воображению дельцов...
 Никто про снег писать не научился,
 Как Пушкин, Тютчев, Мальшев, Рубцов.

Салина Елена Артемовна (6 июня 1959 г., г. Челябинск).
 Окончила МГУ (1976–1981) по специальности «биология»,
 кандидат наук (1990), доктор наук (2006), профессор (2009),
 зав. лабораторией молекулярной генетики и цитогенетики
 растений ИЦИГ СО РАН. Область научных интересов – мо-
 лекулярная генетика, геномика, эволюция, биотехнология
 растений. Своей жене Анатолий посвятил три стихотворе-
 ния, одно из которых¹ я привожу ниже:

Е. Салиной

Брось ломтик батона с корицей в густое, как мед, молоко,
 Твой друг, к сожаленью, не рыцарь, и дом – не салон рококо,
 Где шумно в альковах роскошных шалят одалиски Буше –
 На это смотреть тебе тошно, и ветер гуляет в душе.
 А, может, с альбомчиком Климта представишь расцвет либерти:
 В Сибири убийственный климат, и трудно не сбиться с пути.
 Когда бы не слова лепнина, душа в тот же час отцвела.
 Спасаясь от пьяного сына, мать чудом осталась цела...

Поэт к эльсинору родному прибилс я угрюмый, как принц,
 С бочонком ямайского рому и парой смазливых девиц.
 Но разве помолишься Богу в пыли королевских хором,
 Где выжить уже не помогут ни женские ласки, ни ром?
 Понеже в орфическом джазе с Армстронгом поет Фитцджеральд –
 Как девушки листья в экстазе с деревьев летят на асфальт.
 Что делают с музыкой негры? – Она, словно храм без опор.
 Кромсает душевные недра, бросая в мажор и в минор...
 Но нынче родного глагола симфоний востребовал слух:
 Свобод нахлебавшись по горло, народ превращается в слуг
 И холит тельца золотого, и курит ему фимиама –
 Рассеялись пастыри Слова по тюрмам и желтым домам.
 Горбатый стакан Сивкой-Буркой сперва в небеса вознесет –
 Осыпавшейся штукатуркой в осадке великий народ.

На кухне с бутылкой крем-сода не выразить с помощью слов,
 Как музыкой дикой свободы страну соблазнил крысолов.

¹ Там же. – С. 15.

Он, вмиг на балы и парады истратив народный бюджет,
 На совесть и честь от досады науськает стаю газет,
 Чтоб мать ощущать, как чужую, во тьме выбираясь из луж,
 А сам убежит врассыпную с деньгами в заморскую глушь.
 Для сына нет участи горше – покинуть родительский дом,
 Но совесть и честь как партнерши всегда не в согласье с умом.
 Тот мелочно, как математик, пускает в расход сыновей...
 Для русского скрипки Амати дороже степной соловей.

Ты с музою, трезвой в дрезину, придирадками муча глагол,
 Впоследствии простолюдину отведать даешь разносол.
 Он сморщится, как от касторки, прослушав десяток стихов
 И выкурив пачку махорки, вдруг водки потребует штоф.
 Какую ужасную пьянку с утра затевает злодей!
 Еще бы гитару, цыганку, да тройку гнедых лошадей...
 Наскучил мне терем, в котором собранье духов и румян –
 Помчаться б на лодке с мотором, пока еще кормчий не пьян...
 Под крики взъерошенных чаек, исполненных старых обид,
 Как будто взбесившийся чайник, моторка ревет на Оби.
 А прошлое тонет в тумане, и беса становится злей
 Поэт, убежав из Тамани от участи страшной своей.

Снова отмечу, что какого-то последовательного изложения сюжета нет, есть горячие капли, проступающие сквозь сознание, вокруг этих капель конденсируется общий смысл стихотворения – традиционная для А. Соколова тема неустроенности человеческого бытия, где мятущаяся душа поэта не может найти покоя. Эти капли сознания, отливаемые в строки, рождаются спонтанно, они афористичны, их можно разбирать на цитаты, например:

*Поэт к эльсинуру родному прибился угрюмый, как принц,
 Но разве помолитшься Богу в пыли королевских хором.
 Свобод нахлебавшись по горло, народ превращается в слуг.
 Для русского скрипки Амати дороже степной соловей.*

Это симультанность, и конечно, не сукцессивность. Многие строчки таят подспудный смысл. Например, «*В Сибири убийственный климат, и трудно не сбиться с пути*». Кажется, речь идет о суровом климате, бесконечных сибирских снегах. Но это маска. Трудно не сбиться именно с жизненного пути, а не с деревенского большака в метель. Уж очень да-

лека Сибирь, уж очень заморочены мозги у человека новыми «европейскими» ценностями:

Но нынче родного глагола симфоний востребовал слух:
Свобод нахлебавшись по горло, народ превращается в слуг
И холит тельца золотого, и курит ему фимиами –
Рассеялись пастыри Слова по тюрьмам и желтым домам.
Горбатый стакан Сивкой-Буркой сперва в небеса вознесет –
Осыпавшейся штукатуркой в осадке великий народ.

Так и хочется

Помчаться б на лодке с мотором, пока еще кормчий не пьян...
Под крики взъерошенных чаек, исполненных старых обид...

Но нет, вернуться назад невозможно, и уйти от судьбы тоже. Лермонтов не ушел, а поэт пишет, что он-то ушел, но это только кажется, это только в стихах, а не в самой жизни, как показало время:

А прошлое тонет в тумане, и беса становится злей
Поэт, убежав из Тамани от участи страшной своей.

Я знаю, Анатолий очень не хотел, чтобы его сын уехал, покинув родину:

Для сына нет участи горше – покинуть родительский дом...

Но *«музыкой дикой свободы страну соблазнил крысолов»*. Речь идет о старинной немецкой балладе «Крысолов из Гамельна». Гамельнский крысолов – персонаж средневековой немецкой легенды. Согласно ей, музыкант, обманутый магистратом города Гамельна, отказавшимся выплатить вознаграждение за избавление города от крыс, с помощью колдовства увел за собой городских детей, сгинувших затем безвозвратно. Легенда о крысолове, предположительно возникшая в XIII веке, является одной из разновидностей историй о загадочном музыканте, уводящем за собой околдованных людей или скот.

Заговорив об афористичности Толиных строк, которые можно разбирать на цитаты, хотел бы в заключение при-

вести еще один пример таких же строк, но уже из другого стихотворения¹:

Невтерпеж душе от русских песен,
А без них она скорей умрет.

В этих строках есть что-то глубинное, не поддающееся рациональному осмыслению, но исключительно точно подмеченное поэтом, о душе нашего народа. Что-то есть в наших песнях такое, что производит на окружающих, особенно на иностранцев, гипнотизирующее впечатление. Недавно (декабрь 2017-го) смотрел какую-то телевизионную передачу о Польше. Пожилой поляк рассказывал, как он 12-летним мальчиком был во время войны в концлагере, а в соседнем с ним бараке были русские военнопленные. Иногда по вечерам русские выходили из барака и, расположившись возле него, начинали петь. Песни были такие, что их слушали не только другие заключенные, но подходили даже эсэсовцы из охраны лагеря. Во время своего двухмесячного пребывания в Бохуме (Германия, 1997) я жил на квартире у хозяйки. Однажды фрау Притцель позвала меня к пианино, поставила ноты и попросила спеть. У нее были ноты русских песен, в том числе и песни «Вот мчит тройка почтовая». Слова были написаны латиницей, а саму песню я и так знал. Хотя я и не обладаю слухом, но я спел, как смог. Послушав меня, хозяйка сказала: «У вас, у русских, все песни какие-то тоскливые и протяжные». Дословно я, конечно, ее слов не помню, но их смысл был именно такой. Именно такое они создают напряжение, от которого в душе всё замирает. Толины строчки-афоризмы – это падание в самую душу, в самую цель.

Аналогичный эпизод я обнаружил в книге Юлиана Семенова, где он приводит слова американского летчика, бомбившего во время 2-й мировой войны нацистов и, будучи сбитым, попавшего в плен. Он был в концлагере в Польше. Вот слова из его рассказа, которые приводит Семенов²:

¹ Соколов А. Е. Невразумительные годы: Стихи. – С. 35.

² Семенов Ю. Лицом к лицу. – М.: Изд-во политич. литературы, 1983. – С. 295.

...Нас, американцев, унижали, мало кормили, издевались над нами, но это было сущей ерундой в сравнении с тем, что нацисты творили с русскими! Этого я никогда не забуду. Их морили голодом, поднимали в пять утра, и вели в каменоломни, и заставляли ворочать каменные глыбы, и гнали поздним вечером назад, в холодные бараки, а ваши люди – это потрясло меня тогда – шли с песней...

– С какой песней? Не помните?

– «Калинка, малинка, малинка моя», – тихо ответил мой собеседник.

Наконец, о невыносимо грустной песне «То березка, то рябина», которую он пел в детстве, вспоминает Евгений Гришковец¹. Как он пишет, из ее слов «я должен был понять, что нет ничего лучше края, где то березка, то рябина... Но почему тогда музыка-то такая грустная?»

Соколова Татьяна Васильевна (род. 15 октября 1949 г., г. Новосибирск). Под аббревиатурой Т. В. среди стихов-посвящений скрыто имя Толиной жены Татьяны, с которой он прожил вместе 16 лет. Теперь становится понятным происхождение имени их сына – Василий назван в честь деда по матери. Татьяне Анатолий посвятил следующее стихотворение²:

Т. В.

Отвергнув с сочувствием лезть подогретой воды,
Добытой из недр и пригодной для нужд населения,
Октябрь за любовь с новобранцев не требует мзды,
Но просит ее с ветеранов за шок исцеленья.

Пусть щелкают клювами пейджеров стаи в кустах
О мнимой свободе от приступов черной корысти,
Ты любишь как бабочка осенью, жизнь не за страх,
За праздники ягод рябиновых, собранных в кисти.

Но перипетий разбирая подробно мосты,
Напрасные страхи за чистую примешь монету
И, вдруг обнаружив в зиме идеал красоты,
Роскошную осень мгновенно сживаешь со свету.

Кленовый листочек стремится на землю упасть,
Как будто ему недостаточно сил тяготенья...
Устала Деметра – да здравствует чистая страсть!
И руки дрожат у любовников от нетерпенья.

¹ Гришковец Е. Реки. Повесть. – М: Махаон, 2009. – С. 161.

² Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 12.

Умножилось за ночь количество снежных полос,
И ты пожинаешь плоды своего безрассудства:
Жужжит механизм наслаждения даже в мороз
И белые куры в полях непрерывно несутся.

От вспухшей гордыни себя называешь на «вь»,
За тридевять верст не встречая ни волка, ни зайца –
Метет и метет от Находки до самой Москвы,
То вьюга мешает высиживать снежные яйца.

Что шепчешь в кулак? – на прощанье белугой завой,
Пройдись колесом, ведь покой тебе больше не снится!
Царапает плечи провисшая над головой
Октябрьского неба тяжелая власяница.

Мы никогда не узнаем мотивы написания стихотворения, но ясно, что здесь переплетаются осень природы и осень жизни. Осень жизни наступает, когда большая часть жизни уже позади, и уже осознаешь, что осталось немного. В октябре в нашей бывшей стране всегда был призыв в армию. Новобранцы уезжали служить, а отслужившие срок дембели возвращались домой. Облетевшие листья обнажали кисти рябин. Рябины всегда было много в Новосибирске и вообще в Сибири. Вот и сейчас, когда я пишу эти строки (октябрь 2017-го, Санкт-Петербург) она краснеет у меня за окном. Про пейджеры сейчас никто и не вспомнит – они промелькнули мимо нас в 90-е, уступив место мобильникам. Но память о времени остается в стихах, как остается в стихах и память об ушедшей любви.

Зима в Новосибирске обычно начинается так. Сначала становится очень холодно, но снега пока нет, так, легкая поземка. И вдруг – просыпаешься утром, а за окном – ясное небо, и лежит белый снег. А если ты оказался где-то за городом, в деревне, то увидишь сплошные снежные поля, ветер надувает сугробы, а через какое-то время на снегу можно будет заметить следы убегающих от волков зайцев. Все это очень точно отмечено Соколовым, причем все это, конечно, одновременно и метафора. Ведь в Толиной жизни уже наступила зима. Совершенно феноменален и завершающий аккорд:

Царапает плечи провисшая над головой
Октябрьского неба тяжелая власяница.

Чернов Андрей Александрович (род. 9 декабря 1959 г., г. Новосибирск). Художник-график, дизайнер, архитектор, член Союза художников России (2000). Окончил архитектурный факультет НИСИ (1982). Произведения находятся в Новосибирском государственном художественном музее, а также в частных коллекциях в России и за рубежом. Андрею А. Соколов посвятил два стихотворения – «Прошу Вас до утра остаться...»¹ и «Мне однажды привиделось: в город, как в душный чулан...»². Я привожу первое из них, насыщенное глубокими художественными ассоциациями:

А. Чернову

Прошу Вас до утра остаться,
А Вы мне разве возразите?
Жизнь – промежуточная станция
В межчеловеческом транзите.
Бог понял, не были мы ровней:
Где праздник, там вино и драка.
Сплыл сад с жуками и жаровнями
В стихотворенье Пастернака...
В любви незыблемы традиции,
Но с каждым годом все грустнее
Жевать глазами экспозиции
Полотен, пляшущих в музее.
Ах, сколько красного и милого,
А золотого – выше крыши!
Больны художествами Шилова
Чиновники и нувориши.
В автобусе, хрустя огурчиком,
Заговорят о Рафаэле
Четыре барышни с попутчиком,
Как выцветшие акварели.
И о Пикассо впечатления
Тасует сплетников орава,
Ведь обо всем, без исключения,
Она судить имеет право.
Для тех, кого трясет истерика
При трансформациях натуры,

¹ Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 14.

² Соколов А. Е. Осенние птицы: Стихи. – С. 53.

Тибетские компрессы Рериха
Важнее фирменной микстуры.
Ссутулившись во время Брежнева,
Сердца дерзать в любви отвыкли,
Но сколько чистого и нежного
Накоплено в застойном цикле.
Едва скрипишь, порою брезгуя
С утра подняться из постели,
Как семь слепых с картины Брейгеля,
Сползают в вечность дни недели.
Ощерились в снегу растения:
У них одежды нет и дома,
Мощнее силы тяготения
Содома жирная солома.
Штурмуй твердыни женской верности,
Когда героев поколенья
Влекут скользящие поверхности
Восторгами самозабвенья.
Не так ли, словно после Батя, в
В дни, полные огня и риска,
Листают сны подслеповатые
Рулоны грез Новосибирска.
Грузи осенних чувств химерами
Глухой цилиндр калейдоскопа,
Чтоб за теньями темно-серыми
Потух последний глаз циклопа.
Плати за каждую метафору,
Воображение большое,
Дай в живописи – больше сахара:
Зачем народу остальное?
Народ забудет остальное.
За место на ковчеге Ноя.
Как Рембрандт на коленях с Саскией,
Дуб осень празднует с рябиной,
Им почести окажет царские
Зима с ухваткой ястребиной.
И ночью город за заслонами
Фабрично-заводских окраин
Трясет лохмотьями зловонными,
Веселый, словно Ванька-Каин.

Такое стихотворение, конечно, должен разбирать не просто литературовед, а еще и специалист в области живописи, каковым я не являюсь. Отмечу лишь, что строки:

Сплыл сад с жуками и жаровнями
В стихотворенье Пастернака...

очевидно, навеяны строками Пастернака¹:

Как бронзовой золой жаровень,
Жуками сыплет сонный сад.
Со мной, с моей свечою вровень
Миры расцветшие висят.

Ярцев Владимир Иванович (род. 8 октября 1945 г., село Пильно Старобардинского (ныне Красногорского) р-на Алтайского края). О Владимире Ярцеве, как одном из самых близких Толиных друзей, я выше уже говорил. Владимиру Анатолий посвятил несколько стихотворений. Вот одно из них²:

В. Ярцеву

Липы на задворках поликлиники
Жертвуют имущество на храм.
С веток светло-желтые полтинники
Сыплются на землю по утрам.
Рай зажжется к вечеру неоновый,
Вспухнет одиночества синдром.
Нет со мной Арины Родионовны,
Друга нет и кружки нет с вином.
Мне луна в окно глядит неласково,
Сон прельстил мечтой и был таков.
Языка обрывки тарабарского,
Мешанина стуков и звонков.
С химзавода облако зловония
Накрывает Кировский район,
Но какая чудная симфония
Зазвучала вдруг со всех сторон...
Над гусинобродскими оврагами,
Над военным в доску городком
Новобранец снег идет зигзагами,
Словно выпил лишнего с дружкой.
Снег идет нежней и нерешительней,
Чем родные братья: дождь и град,
И следит за снегом горстка жителей,
Гордых, будто выиграла грант.

¹ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. / Сост. Л. А. Озеров. – Л.: Сов. писатель, 1976. – 608 с.

² Соколов А. Е. Материк: Стихи. – С. 10.

В первых строчках стихотворения речь идет о поликлинике на ул. Советской, 2, располагающейся прямо напротив Спартаковского моста. Далее имеет место очевидная аллюзия на стихотворение Пушкина «Зимний вечер»¹, в котором поэт вспоминает свою няню Арину Родионовну:

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Про химзавод мы уже говорили. Похоже, вонючее облако достигало и Кировского района, хотя Ленинский и Кировский районы – это левобережье Новосибирска, а ул. Фабричная располагается на правом берегу Оби.

Гусинобродские овраги – это пойма верхнего течения реки Каменки, оказавшейся в черте города и впадающей в Обь в районе железнодорожного моста. Упомянутые овраги – это теперь Октябрьский район, бывшая окраина Новосибирска, где, в частности, выстроен Гусинобродский жилмассив. Недалеко от него, в районе барахолки (вещевого рынка), о которой А. Соколов упоминает в одном из своих стихотворений, я жил в 1967–1968 гг. В Октябрьском районе находится и военный городок, о котором идет речь в стихотворении. Отмечу также, что первая часть сборника «Материк» называется «Новобранец снег».

5.2. Стихи о любви

Стихи бывают о любви горькой, неразделенной, несчастной, первой, юношеской, светлой, последней, и можно придумать еще много других вариантов этого глубоко чувства. У Анатолия стихов о любви сравнительно немного. И все они очень разные. Вот некоторые из них.

1. Среди любовной лирики Соколова выделяется одно стихотворение, которое, на мой взгляд, является самым блистательным из этой серии:

¹ Пушкин А. С. Избранные произведения. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1970. – С. 126.

Н. Смородниковой

Пока шумит берез китайский веер
И нагоняет холод в города,
Из пункта «А» реки большой конвейер
Уносит мое горе в никуда.
Смотри, как вьется лентой темно-синей
Ленивая сибирская река,
Боярышник рассерженной гусыней
Терзает мою грудь исподтишка.
И клен шуршит ногтями в маникюре,
(Не гей, не вор в законе, не святой)
И отражает жизнь в миниатюре,
Сверкающую нищей красотой...
Вообрази над пригородной зоной,
Как Обь, с похмелья поменяв свой жанр,
Накроет вдруг волной серо-зеленой
Моторки сухопутных горожан.
О, страшный шум беснующихся фурий –
Во власти их река на много миль...
Что может быть в природе лучше бури,
Когда в душе – четвертый месяц штгиль?
На дно идите, скученные годы,
Былой любви невыносимый гнет,
Пусть картой в глубине речной колоды
Козырной масти рыбка промелькнет.
Ты помнишь, только загуляет осень,
Дышала в окна близкая река,
И на Фабричной в доме № 8
С тобой цвели мы, словно два цветка.
Бывает, мир представится пустыней,
И песен звезд не слышно в небесах...
Но ты выходишь с лентой темно-синей
В небрежно взбитых пышных волосах¹.

Немного повторяясь, сначала скажу несколько слов о Наташе Смородниковой (род. 12 марта 1949 г.). Она жила в нашем с Толей доме в том же подъезде, что и я, на четвертом этаже в 71-й квартире, из которой в 1964 году выехали Гунбины. Там Наташа прожила до конца 1965 года, а потом переехала на Достоевского, 3. Именно поэтому я ее помнил слабо и даже как-то написал Толе об этом. Он прислал мне ее фотографию, которая и сейчас есть у меня.

¹ Соколов А. Е. «Пахнет в Аиде лесной земляничкой...» // *Сибирские огни*. 2005, № 1. – С. 97.

В ноябре 1968 года я сам переехал на Советскую, 58 (Достоевского, 1), и мы с Наташей фактически оказались соседями, причем даже жили в первых подъездах и на третьих этажах. Только окна ее квартиры выходили на мой дом, а моей – на улицу Советскую. Но, конечно, в то время я с ней не общался.

Наташа с Толей знали друг друга с детства, так как родились в Затоне и даже в одном роддоме. Их родители были речниками и поддерживали отношения всю жизнь. После затона Толя переехал в Дом грузчиков, а Наташа – на Пристанский переулок, что возле проходной Речного порта. И, наконец, в 1964 году они снова оказались соседями в Новом доме. Наташа окончила НИИЖТ и вышла замуж за выпускника этого института Юрия Мельникова, который затем сделал большую карьеру – одно время (в конце 70-х – начале 80-х) он был начальником ж/д вокзала Новосибирск-Главный.

Теперь вернемся к представленному выше стихотворению. Стихотворение отличается какой-то особой динамикой, бессознательно ощущаемым чувством гармонии. Я долго не мог понять, в чем здесь дело. Наконец, я стал осознавать и вдруг четко увидел, что стихотворение включает в себя две части, первую – строки 1–20, и вторую – строки 21–32. Первая часть – это мир давних Толиных переживаний, погружение в атмосферу тех далеких дней. Волна эмоциональных переживаний достигает апогея, и вторая часть – финал, бесповоротный конец, последнее воспоминание о первой, забываемой юношеской любви.

Выше отмечалось, что некоторые поэтические произведения могут характеризоваться точкой кульминации. Этот элемент композиции встречается не только в драматургических и музыкальных произведениях, для которых она жизненно важна, но и в поэтических, там, где присутствует сюжет и развивается конфликт.

В данном случае имеет место следующее соотношение между целым (32 строки) и двумя частями стихотворения

(20 и 12 строк), на которые оно делится точкой кульминации (строка «*На дно идите, сгученные годы*»): $20/32 = 5/8 = 0.62$. Это отношение хорошо известно в математической теории гармонии. Числа 5 и 8 – это последовательные числа Фибоначчи, а число 0.62 – очень близкое приближение к так называемому «золотому сечению»¹. Это соотношение, а также различные его варианты можно, в частности, обнаружить в строении классических сонетов и онегинских строф². Наличие таких структурных особенностей в композиции поэтического текста – признак его высокой художественности, близкой к совершенству.

2. Вот еще одно стихотворение. Оно без посвящения, поэтому мы, возможно, никогда не узнаем, о ком в нем идет речь³:

Ты вдруг налетишь на меня, как осенняя буря,
 Мою одностную жизнь отправляя на дно,
 То злобно ругая, то тихо со мной балагурия,
 Умелой рукой разливаешь в стаканы вино...

А мне экзотическим кажется этот напиток,
 Я пью с отвращением сладкий продукт твоих чар
 С голодной от ревности пригоршней черных улиток,
 И хмель ударяет мне в голову, как янычар.

Из всех кавалеров в дни оптовой купли-продажи
 Особенно нежными будут любовники зим.
 Поэтому ты на лице не меняешь пейзажи,
 И выберешь ткань для нарядов – туман или дым.

Как мы осторожны, пугаясь огласки и света,
 Нам стыд дальнзоркий дополнит сверхточный инстинкт...
 По сердцу стреляет октябрьской ласки ракета,
 Но русское сердце в хрустальных чертогах грустит.

Пусть чувства корчует десница осеннего ветра –
 Посмотришь, а в окнах: равнины, как кости, белые...
 И буря в груди рвет и мечет чертеж геометра
 В деревни глаза голубые и полные мглы.

¹ Григорьев Ю. Д., Мартыненко Г. Я. Последовательности типа Фибоначчи. – СПб.: Лань, 2017. – 516 с.

² Гринбаум О. Н. Гармония строфического ритма в эстетико-формальном измерении. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 160 с.

³ Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 51.

Покрытые пылью от демисезонных бомбежек,
Приснятся случайно тебе Хасавюрт и Шали,
Но лица героев, что вырезал памяти ножик,
К глазам твоим за ночь уже навсегда приросли.

Под лампою ангелы кружат и ползают гады,
И жизнь на бумаге течет без курьезных помех...
Когда я ловил на тебе восхищенные взгляды,
Души дирижабль поднимался от гордости вверх.

В основе лирики чаще всего лежат глубоко личные чувства и эмоции, детали и нюансы, имеющие ценность именно для автора, будящие в нем воспоминания и ассоциации. Поэтому «прочитать» все тонкости не всегда удается. Мы можем только домыслить.

Похоже, Толя встречается с девушкой, которая живет одна и, скорее всего, является вдовой, муж которой погиб во время первой Чеченской войны (в Хасавюрте было заключено перемирие в августе 1996 года, за село Шали шли ожесточенные бои). Сам Толя в это время живет один. Девушка приходит нечасто, в данном случае речь идет об осени или даже зиме, но всегда эти встречи им обоим приносят радость. Как всегда, потрясающи сравнения и метафоры: *«хмель ударяет мне в голову, как янычар»*, *«ткань для рядов – туман или дым»*, *«десница осеннего ветра»*, *«равнины, как кости, белы»* (ассоциация с войной), *«глаза голубые и полные мглы»*, *«души дирижабль поднимался от гордости вверх»*. Влюбленные не афишируют свои встречи, возможно, это как-то связано с родственниками девушки, тем более, что социальный статус девушки, видимо, высок. Об этом можно предположить благодаря блестящей строке-афоризму *«Но русское сердце в хрустальных чертогах грустит»*. В 1996 году Толя собирал своих друзей на свое 50-летие, я тоже был среди них. Все происходило на квартире у девушки, с которой Толя в то время встречался. Она жила в районе пединститута. У девушки был ребенок. Мужа не было. Может, это стихотворение о ней?

3. В следующем стихотворении, которое в чем-то напоминает знаменитое «Письмо к женщине» Сергея Есенина¹, все ясно без слов. Как говорится, без комментариев. Оно пронзительно и говорит только об одном – как тяжело человеку терять семью, домашний очаг:

Пролистав календарь, захочу помолиться
На листочек с названием странным «среда».
В этот день обещала руки твоей птица
На плече моем петь и смеяться всегда.
От осенних дождей отсырел каждый атом,
И уют кабинетный забрал меня в плен,
А у любящей женщины в сердце косматом
Просыпаются медленно змеи измен.
Скоро выползут злые тоска и обида,
Вырвут с мясом из паспорта верности кляп...
Пусть уходит на дно светлых дней Атлантида,
Ворох воспоминаний, привычек и клятв.
Шлет оплывшее прошлое сердцу угрозы,
Просочилась слеза из-под облачных век...
Подарю на прощание желтые розы,
Чтобы вспыхнул в душе золотой фейерверк.
Я устал от любви твоей злой и жестокой,
Пары гусениц сладких, презрительных губ...
Кровь сегодня дешевле томатного сока,
И на каждом углу неопознанный труп.
У высоких рябин задрожали верхушки,
Держат ветки огонь немигающих ламп.
Сколько времени мне насчитают кукушки?
Все отдам лишь за то, чтоб забыть тебя. (Штамп!)
Неужели начнутся такие приколы,
Когда стану один я, кряхтя, словно дед,
Наносить своей совести спящей уколы,
Разбирая гербарии выцветших лет?²

В основе поэтики данного стихотворения – разрыв с женой, и обращено оно к ней, хотя ее имя и не названо прямо. Сюжетная линия хронологически точна. Сначала обещание любви (1-й катрен), потом семейный уют, пробуждение подозрений в измене (2-й катрен), возникновение обиды, движе-

¹ Есенин С. А. Не жалею, не зову, не плачу: Стихотворения, поэмы. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2006. – С. 177.

² Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 69.

ние к разводу (3-й катрен), наступление разлуки, последний букет желтых роз (4-й катрен), финальная точка, объяснение самому себе случившегося (5-й катрен), мысль о том, что же будет дальше, и как долго такая жизнь будет длиться (6-й катрен), печальное предположение, что случившееся – это, видимо, навсегда, т. е. до конца жизни (7-й катрен).

Отдельно останавлиюсь на строчке «*И уют кабинетный забрал меня в плен*». 4-го июля 2017 года на канале «Культура» в какой-то передаче я видел дочь философа Шпета, которая рассказывала о своем отце, об его друзьях – философе Шестове, поэтах Андрее Белом, Максимилиане Волошине и других. И тут она вдруг заметила, что ее отец очень любил кабинетную жизнь и не любил, когда ему в этом мешали. Преподавание он не считал наукой и рассматривал эту деятельность лишь как необходимый способ зарабатывания денег. В своих письмах ко мне Толя писал, что преподавание выматывает его, хотя и отмечал, что иногда отдельные лекции приносят ему большое творческое удовлетворение.

Стихотворение зарифмовано самым привычным в русской поэзии образом – перекрестным чередованием женских и мужских рифм (жмжм)¹. Это создает своего рода покачивающийся ритм, возникает впечатление, что стихотворение проговаривается вслух для воображаемого собеседника. Интонация мерно то повышается, то понижается. Это усиливает впечатление тягостности описываемого события, какой-то опустошенности человека перед лицом неизбежного. Содержание строф представляет продуманную последовательность чередования образов с использованием соответствующих стилистических средств.

Стихотворение состоит из семи строф и интонационно распадается на две части, содержащие 4 и 3 строфы соответственно. Первая часть более напряженная, чем вторая. Ее образы более эмоциональны. Этим достигается композиционная гармония, близкая к золотой: $4/7 = 0.57$ (числа 3, 4 и 7 являются элементами последовательности Люка, которые

¹ Гаспаров М. Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. – СПб., 2001. – С. 309.

так же, как и классические числа Фибоначчи, приводят к золотому сечению. Две последних строфы – развернутый риторический вопрос. Его пространственная протяженность, а в итоге – и некоторая замедленность, придает особый трагизм произошедшей разлуке. Стихотворение настолько совершенно, что при отборе стихов для публикации в 7-м выпуске за 2016 год редакция «Сибирских огней» остановила на нем свое внимание.

4. Заключительное стихотворение, на котором мы остановимся, посвящено Т. А. Ермоленко¹ и, как я уже говорил, входит в ядро корпуса стихов А. Соколова:

Т. А. Ермоленко

Мокрый день, и снежная крупа,
В подворотне курит шантрапа,
В дебрях придорожного бурьяна
Кончился у птиц ангажемент...
Пользуется сквера фортепьяно
Спросом до ноябрьских календ.
Ты несешь домой от церкви к цирку
Апельсины дочери-подруге,
На доске пространства чертит циркуль
От тоски окружности и дуги.
А зима приходит в платье белом
И бросает, чуя силы убыль,
На ладонь, испачканную мелом,
Сморщенный от ненависти рубль.
Ласточка, снежинка, Лорелея,
Отвечай глазами на вопрос:
Почему горит, меня не грея,
Бледный и бессильный цвет волос?
Рядом кружит ветер в желтой кофте,
Точит зуб во тьме блатная рать.
Нежные цветы имеют когти –
Могут душу в клочья разорвать.
Мне с тобой сегодня не до шуток,
Мы, тоской друг друга утомив,
Ждем, когда очнувшийся рассудок
Запретит любви тяжелый миф.

¹ Соколов А. Е. Невразумительные годы: Стихи. – С. 28.

Встречи миг короче, чем мизинец –
Пей, дружок, разлуки горький яд...
Город стал похожим на зверинец –
Не заметишь, как тебя съедят.
Испечет ноябрь чудо-торты,
К четвергу из крупчатой муки.
Жилмассив осенней мглой затертый,
Как «Челюскин», взвояет от тоски.
И душа поэта Соколова
С трюмом, полным кающихся вдов,
Отойдет от берега родного
И бесследно сгинет среди льдов...
Я живу бедней церковной мыши
И неважно выгляжу анфас...
Так зачем ты мучишь сердца мышцы
Васильками заплаканных глаз?

Татьяна Ермоленко окончила институт народного хозяйства (НИНХ), а потом преподавала в пединституте начертательную геометрию. Муж у нее рано умер. Многие в этом стихотворении узнаваемо. Девушка, по-видимому, живет на Челюскинском жилмассиве. Это район цирка и расположенного рядом с ним Вознесенского собора. У девушки есть дочь. Толя в это время живет один (если «Невразумительные годы» вышли в 2004 году, то и события, надо полагать, происходят примерно в это же время). Живет трудно и просто бедно. В разговоре со мной Толя говорил, что постельное белье он даже и не стирает, а просто замачивает со стиральным порошком в ванне, а потом прополаскивает. Это внешняя канва стихотворения.

Суть же его такова. У Толи семьи нет, а у других она есть. Несмотря на взаимные чувства, перспектив для их продолжения с девушкой нет. Это классическая ситуация, когда чувства поэта могут отливаться только в строки, в строки, изумительные по красоте:

Мне с тобой сегодня не до шуток,
Мы, тоской друг друга утомив,
Ждем, когда очнувшийся рассудок
Запретит любви тяжелый миф.

И, наконец, заключительная строфа. Строки *«И душа поэта Соколова / С трюмом, полным кающихся вдов»* несут какую-то неизвестную мне, но наверняка достоверную, информацию – у Анатолия ничего придуманного не бывает. Возможно, девушка, как и другие, с кем Анатолий встречался до этого, вдова. Но это ничего в данном случае не дает. По каким-то причинам шансов все равно нет. Прощание с девушкой, происходящее на фоне зимней поэмки, рано наступившего вечера, снежной крупы и полной безысходности производит исключительное по своей силе впечатление. Это шедевр любовной лирики А. Соколова.

5.3. Из домашних архивов

Не все свои стихи Анатолий Соколов успел опубликовать при жизни. Так неожиданно все случилось. Да и не все предполагалось для публикации. Были стихи-экспромты, посвящения, просто короткие четверостишия, которые знаменитые поэты иногда записывали на салфетках, манжетах рубашек и т. д. Часть Толиных стихов оседала в письмах к друзьям и иногда безвозвратно терялась. Но что-то и сохранилось.

Архив В. Берязева. У Владимира Берязева сохранилось в архиве два стихотворения *«Отважный демос в клюве с крепкой “Примой”...»* и *«Чтоб покончить с мелочными склоками...»*, которые представлены в разделе «Память». Однако в ходе вечера памяти А. Соколова, проведенного им в водном институте 22 января 2011 года, Владимир отмечает, что неопубликованных стихотворений А. Соколова у него несколько. Возможно, что одним из них как раз и является второе представленное здесь стихотворение.

Архив Ю. Григорьева. В моем архиве имеется восемь Толиных стихотворений и их редакций, которые он сообщил в письмах ко мне (см. раздел «Письма о поэзии»). Из них шесть опубликованы Толей на Прозе.ру в те дни, когда шла переписка. Скажем, *Редакция 3 «Словно фильм режиссера*

Кустурицы, под откос разгоняется сон...», содержащая 14 строк (письмо от 7 декабря 2009 г.) опубликована Толей на этом ресурсе (Проза.ру, Новая редакция, 05.12.2009 19:57). Ниже приводятся тексты двух неопубликованных *Редакций 2 и 4* этого стихотворения, о которых шла речь в разделе «Статистика публикаций».

Редакция 2

Словно фильм режиссера Кустурицы, под откос разгоняется сон
Пассажира с Октябрьской улицы под церковный малиновый звон,
Где фальшивый эффект андерграунда в неизвестность отплывшем Крыму
Для истории – филькина грамота, непонятная никому.
В ней уроды вгрызаются пилами в мякоть слабых, изношенных тел,
В ней «чужие» воюют с вампирами, а в России вообще – беспредел.
Пробужденье от муки, наверное, сокращает круиз мизансцен,
Чтоб не смог приключение скверное испытать до конца джентльмен.
И какие там, Господи, прелести, в суете независимых стран?
Лучше нам пережевывать «Челюсти», чем Буденновск, Кизляр и Беслан.

Редакция 4

Словно фильм режиссера Кустурицы, под откос разгоняется сон
Пассажира с Октябрьской улицы под осенние песни ворон.
В детском сне городская окраина, порт речной и бараклов разброд,
Где под знаменем Ленина – Сталина к коммунизму шагает народ.
Перед высохшей мумией с аурой клятвой верности мучают рты,
Расцветают от музыки траурной кумачовые с крепом банты.
Здесь в фаворе не правда, а истина, и прилипли к уму простака
Приключения мистера Твистера в стихотворном вранье Маршака...
Но под мышкой с казенными книжками мы усвоили жизни урок
И бесстрашно хрустели ледышками, утром вывалив на солнцепек.
А на кафедрах горе-философы добивались за пищу и кров,
Чтобы каждый болван стоеросовый сокрушал трансцендентных богов.
Но все меньше у постников рвения лицемерить с восьми до шести,
И на родине даже растения не хотят, хоть убейся, расти...
В гуще жуткого частного сектора, утонувшего в собственном «я».
Андромаха оплакала Гектора и утратила смысл бытия...
Завершается мыльная опера, рухнул занавес, горек итог.
Вместо Маркса молиться на Поппера учит темного папу сынок,
И родителю не на что сетовать, если есть чего выпить и съесть...
Ветер с клена, как старого сеттера, рвет клочками бордовую шерсть.
Есть в России эффект андерграунда, здесь случается все, как в дыму
Соль истории – филькина грамота, недоступная никому.
В ней уроды вгрызаются пилами в мякоть слабых, изношенных тел,
В ней «чужие» воюют с вампирами, и на каждом углу беспредел.

Здесь Каренина гибнуть торопится, и решается вечный вопрос:
В русском сердце скорбит Богородица и страдает распятый Христос.
Пробуждение от муки, наверное, сокращает круиз мизансцен,
Но готов приключение скверное испытать до конца джентльмен.
Ах, какие еще искушения ожидать от искусственных стран?
Разве лучше пожар и крушение, чем Буденновск, Кизляр и Беслан?

Архив В. Квадяева. Ниже представлена часть Толиного литературного наследия из домашнего архива Владимира Квадяева. С Володей, как я уже говорил, Толя жил в одном подъезде Дома грузчиков, а затем в Новом доме на Фабричной, 8. Ему он посвятил в разные годы в форме поздравлений к дням рождения ряд своеобразных посвящений-од, во многих из которых мы найдем строчки, вошедшие затем в стихи его будущих сборников.

Ода как стихотворный жанр существует со времен Древней Греции (Пиндар, Гораций). В России в XVIII веке в жанре оды писали Сумароков и Ломоносов. В наши дни оды тоже пишут и, если есть возможность, публикуют, как, скажем, это делает мой знакомый новосибирский поэт-любитель Вадим Чистяков¹.

В домашнем архиве Володи сохранилось 11 таких стихов-посвящений, охватывающих период 1974–2001 гг. Они образуют цикл, далеко выходящий за рамки просто посвящений. Читая их, видишь, как набирает силу Толин талант. Начиная с 1994 года, стихи становятся практически шедеврами. За внешней заданностью формы в них ощущаешь пульс колоколов времени, звуки отдаляющегося детства, надвигающейся вечности. Многие строки звучат как завещание, предвестие неизбежного, как пророчества.

*Дорогим Володе и Алле Квадяевым
в день бракосочетания*

Пусть моей неоконченной одой
Начинается свадьба. Ура!
Чтоб напрасно не спорить с природой,
Дорогие, проститесь с свободой,
Потому что проститься пора.

¹ Сборник стихов к 60-летию машиностроительного факультета НГТУ / Б. Н. Антипенко, В. Я. Небольсин, Г. И. Смагин, В. М. Чистяков. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – С. 152–216.

3-е августа, под воскресенье,
И хотя вы еще не осенние,
Но себе надоели вконец...
Бог сказал: Отыщите спасение
Во Дворце «обрученья сердец».

И любовь запылала бессонно
Сквозь словесную рухлядь, гнилье,
Будто музыка Мендельсона
Вечно сопровождает ее.

Было все – пролистаем вторично
Жизнь Володи до этого дня.
Помню: в доме 6-м на Фабричной
Он однажды увидел меня.

Школа. Двор... Только в этот момент
Я горжусь, но не нужно салютов:
Мой товарищ – почетный студент
Чуть не всех городских институтов.

В те далекие времена
Привлекала судьба вне шаблона
Нас с Володей. Вот он из окна
Уходящего в даль эшелона
Посмотрел на леса и луга,
Привыкая к себе в роли новой,
А в те дни ваш покорный слуга
Мыл посуду в солдатской столовой.

Гости ждут, отвлекают детали...
В общем, дни и года пролетали...
«Счастливые годы, веселые дни.
Как вешние воды промчались они».

Слава богу, промчались, и с нами
Наши слава, и вся дребедень
Уползает из воспоминаний...
Возвращаюсь в сегодняшний день.

Знаменательнейшая причина
Собрала всех, сидящих вокруг.
Был Володя – красавец мужчина,
А теперь он – достойный супруг
Сей красавицы с именем Алла,
О которой сегодня, увы,
Говорил, к сожалению, мало
И боюсь: не сносить головы

Мне за это мое упущенье,
Но прошу подождите с отмщеньем.

Я надеюсь увидеться с Вами
И, пока я свободно дышу,
Обещаю: к серебряной свадьбе
Я поэму о Вас напишу.

3 августа 1974 года

Комментарий. «Веселые годы, / Счастливые дни – / Как
вешние воды / Промчались они!» – неточная цитата из ста-
ринного романса.

Владимиру Николаевичу Квадяеву

Володе завтра тридцать два –
Давайте жить, пока не поздно,
Ведь перед нами не слова –
Бутылки выстроились грозно,
И за столом красивым в ряд
Твои товарищи сидят...
Живи, товарищ боевой,
За это, чтоб начать программу,
Нальем и выпьем... за него,
За дочь его, жену и маму
И за отца: он всем знаком...
Володя тридцатидвухлетний,
В канун рожденья за окном
Сияет день веселый, летний...
...Опора матери, жене,...
Его все любят – даже дети,
Квадяев – старший инженер (!),
В марксистском университете
Заканчивает курс наук,
При всем, при том – хороший друг...
Он может все купить, достать
И все отдать за серп и молот –
Живи, Володя, лет до ста
И оставайся сердцем молод!

29 мая 1977 года

Соколовы.

Сегодня славная погода...
Тебе тридцать четыре года.
И ты красив, здоров, как бык,
И все благополучно дома –
Прими в подарок голубых
От Толи с Танею три тома...
Семье организуй досуг,
Володя, среди тусклых буден,
Писатель умный – людям друг –
Читай, что пишет Ваня Бунин...

30 мая [1979 года],

в День Рождения Квадяеву В. от Соколовых

Квадяевой Алле Александровне

Твой День рождения – страница
Из книги жизни подписной.
Восьмого августа родиться,
Конечно, лучше, чем весной,
Поэтому с удачей в дружбе,
Но главное – своим трудом
И дочь растет, и муж по службе
Растет, и счастья полон дом.
Ах, Алла милая, на ветхой
Земле живи и хлопочи,
Пока в груди зеленой веткой
Сердечко легкое стучит,
Пока еще морщин не видно,
И зеркало тебе не врет,
И горло принимает вина,
И пища радуется рот...
А потому за счастье Аллы –
Увы, без этого нельзя –
Поскольку здесь ее друзья,
Сегодня выпьем мы не мало.

Соколовы Татьяна и Анатолий

8 августа 1979 года

*Великому гражданину г. Новосибирска
В. Н. Квадяеву от Соколовых, 31 мая 1990 г.*

Как сообщает местная печать,
Исполнилось Володе сорок пять.
Он, приложив не мало средств и сил,
Свой юбилей отметить пригласил,
Во цвете лет и собственных достоинств
Нас за его здоровье выпить то есть.
Родившийся в победном сорок пятом,
Он был простым сибирским мужиком,
А ныне полон сил, как мирный атом,
И тигра может стукнуть кулаком.
У ресторана толпы негодаев
Скандируют: «Да здравствует Квадяев!»
Пока гостей ватага не заснула,
Напомню: прикатил из Барнаула
Володя. Несмотря на птичий писк
И проiski опасных конкурентов,
Он сразу покори́л Новосибирск
И заслужил мешок аплодисментов.
С тех давних пор Квадяев не скучает,
Но каждый произносит словно гимн:
«Пусть никогда судьба не разлучает
С Володей, бесконечно дорогим!»
А дочери Елена, Лизавета,
Его боготворящие за это,
Во всем большом похожи на отца
И завоюют уваженье мира...
Прекраснее Кремлевского дворца
Квадяевым отделана квартира.
Хозяин – ясно автору заметок –
Убил на это пару пятилеток.
Он держится достойно и не плачет,
На нас глядит с улыбкой ледяной.
Он каждый год становится богаче
И благородной блещет сединой.
Всегда во всем душой и телом стойкий,
Он не страшится козней перестройки.
Взлетев из-за Спартаковского моста,
Володя не забудет этих мест...
Живи, дружище, лет до девяноста
И дальше, если жить не надоест!
Я знаю: Вова проживет не мало,
Пока жена с ним рядом будет, Алла.

В. Н. Квадяеву

Честная жизнь неожиданно стала страшнее и проще,
Только не дай нам, Господь, повторенья гражданской войны.
Кладбище срыли и церковь снесли на Березовой роще,
Кончилось детство, но нет в этом нашей вины.

Вновь повторяется праздничный вечер тридцатого мая.
Столько же смысла в любви, сколько водки в бутылке пустой.
Милый Володя, напомню, тебя изо всех своих сил обнимаю:
Год твоей жизни закончился сорок шестой.

Стройное, смуглое тело и белые зубы подковой
Времени хищная стая клюет наугад,
И одиночества страх еще горше тоски митинговой,
Если тебя впереди поджига-поджидает закат.

Времени стая, смеясь и рыдая, летела,
С взорванным сердцем под землю спустился твой вечный отец:
Освободив помещение тесного, темного тела,
Переселилась душа его в светлый небесный дворец.

Здесь за столом, где товарищей столпотворенья
И приготовлено вдоволь попить и поесть,
Я прочитаю тебе это грустное стихотворенья
И подниму самый тяжкий стакан в твою честь.

Пусть не коснется души никакая разруха,
Дьявол не путает карты – убей его, гром!
Дети здоровы, бессмертная мама – еще не старуха,
И голова самородным горит серебром.

Знай: независимо от переменной погоды
И перспективы богатых и бедных столов
Чистосердечно на долгие-долгие годы
Счастья желает тебе старый друг Соколов.

30 мая 1991 года

*Квадяеву Владимиру Николаевичу
в День Рождения*

Мне солнце неделю казалось несбыточным благом,
И тело терзал неожиданный майский мороз,
Глаза небеса вытирали морщинистым флагом,
А к вечеру флаги буквально сверкали от слез.

Вдруг дождь неожиданно выстрелил снежною дробью,
Пока облака кувыркались над сморщенной Обью,
Пронзало желанье закрыться, вдохнуть хлороформ,
Но чувствовал кожей: вот-вот разыграется шторм,
Тогда содрогнутся отцов молодые надгробья
И будет любимая мама глядеть исподлобья,
Жена прекословить и требовать дочка реформ.

Когда отмечает Квадяев свой сорок девятый
Тридцатого мая, как водится, в нынешний год,
Весь цвет городской в понедельник с похмелья помятый
Поздравить с Рожденьем его непременно придет...
Не дай тебе, Бог, познакомиться рано с погостом,
Жестокую жизнь каждый день начинай-ка с нуля,
Но только Дом грузчиков, кажется, стал ниже ростом,
Фабричная улица – это родная земля...
Я помню: ты был молодой, независимый, бедный
И синие взоры бросал из-под черных бровей,
И от «Маяковского» часто бродил до «Победы»...
Каким бесконечным казался сибирский бродвей!
Красивые девушки счастье дарили Володе,
И знал в кабаках именинника каждый лакей,
Ты лучшие качества черпал в советском народе,
«Смывался» с уроков, сражался в футбол и хоккей...
Соблазном и тайной манила любая минута,
Холодный рассудок валил тебя с ног как наркоз,
Боролись за Вову как минимум три института,
Но в сердце героя сумел перевесить наркоз...

Друзья, о Володе не может быть нескольких мнений,
Ведь все, что имеет, Квадяев добился один,
Он в дни перестройки раскрыл свой финансовый гений,
Прекрасный отец и супруг, золотой семьянин.
Российских мужей представляя священные лики,
Его с удовольствием вижу в их пышном ряду...
Здоров будь и счастлив, конечно, Владимир Великий!
Хочу с тобой выпить в две тысячи сотом году!

30 мая 1994 года, А. Соколов

Комментарий. Первые две строфы (11 начальных строк) этого стихотворения с посвящением Ю. Мазуренко вошли в стихотворение «Мне солнце неделю казалось несбыточным благом...», опубликованное в 2001 году в «Крепости»¹.

¹ Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 42.

*Владимиру Николаевичу Квадяеву
в День 50-летия*

Полвека подряд дует ветер, деревья ломая,
И падает с водкой стакан из трясущихся рук...
Да здравствует пасмурный вторник, тридцатое мая:
Сегодня родился старинный и преданный друг!
Ты с детства был смел, откликаясь на времени вызов,
И мог, если надо, взять в руки бутылку и лом,
Когда на Фабричной с мешком неприятных сюрпризов
Судьба поджидала упорно за каждым углом.
Душа на свободу рвалась из квартирного плена,
Пылали пожары жестоких мальчишеских игр,
У юных прелестниц в груди запевала сирена,
Когда свои зубы показывал чувств твоих тигр...

А помнишь, дружище, как время транжирили мило,
Из горлышка вермут глотали, пока не тошнило,
Наутро похмелье терзало страшнее, чем ад,
Дурманили голову чары Липовской Натальи...
Ты был победителем множества олимпиад
В масштабе двора и футбольно-хоккейных баталий...

Ты все испытал, именинник, и все превозмог:
И ласку шинели, и черные трубы сапог...
Историк лишь тех современников вносит в анналы,
Кто совесть и честь не терял ни в любви, ни в вине,
Но даже за то, что стал мужем красавицы Аллы,
Володя Квадяев достоин анналов вполне...
Вчера еще мальчик, а нынче тебе пятьдесят,
Курьерские годы гирляндами в небе висят:
Без них беспризорной душе недостаточно света,
От них даже тянет колючим дымком сигарет...
Хоть Богом для жизни составлена жесткая смета,
Надеюсь, тебе ее хватит на тысячу лет...
Кто б мог догадаться, что ты дорастешь до банкира,
Накопишь казны и объездишь не меньше полмира...
Спаси тебя, Бог, от налогов, войны и воров!
Пусть радуют дочки, жена, и еще... будь здоров!
За это бокал подниму и в себя опрокину,
Потом закушу чем-нибудь и еще раз налью...
Пусть ветер удачи толкает Квадяева в спину,
Я этого парня давно и ужасно люблю!

30 мая 1995 года, А. Соколов

Комментарий. О том, какие могли быть сюрпризы в за-
коулках Фабричной, говорит факт из моей биографии, опи-
санный мною выше в первом разделе воспоминаний. Кро-
ме Наташи Липовской и Наташи Смородниковой, в нашем
доме на Фабричной, 8 в 1-м подъезде жила еще одна очень
красивая девушка, наша сверстница, Саша Хмельницкая.
Недавно, 15 января 2018 года, ее не стало.

Володе Квадяеву в День Рождения с любовью

Не думал, что нынче окажется так нелегко
Сложить в День Рожденья тебе стихотворный подарок,
Когда милый город небритую тьму земляков
Кружил в лабиринте бараков, дворцов и хибарок...

Казалось, кино твоей жизни я видел насквозь,
Где сам иногда исполнял не последние роли,
Мне много стихов написать в твою честь удалось,
Пожертвовав счастьем во имя покоя и воли.

Но запер на ключ ты души расписной теремок,
И что там клубится, не выронишь честного слова...
Пусть жизнь твоя, Вова, течет безо всяких тревог,
Да здравствует солнечный май девяносто шестого!
Тридцатого мая, в холодный, но ясный четверг
Захваченный в душной квартирке бумагомараньем
Я очи закрыл, чтобы день на мгновенье померк
И память о прошлом наполнила душу страданьем...

Мы пьем ежегодно вино у отцовских могил,
Мне выпало первым с измученной мамой проститься...
Неужто за то, что ее слишком плохо любил?
Как вспомню, так сразу же сердце трепещет как птица.

В твоей шевелюре все больше почетных седин,
Квадяев Владимир – великой страны гражданин,
Презревший идеи Аллаха, Христа, Иеговы,
Хронометр жизни пробил пятьдесят плюс один...
Ты в нашей триаде всегда будешь правофланговый!

Ни телом, ни духом, дружок, никогда не болей,
Забудь всесоюзную бедность под крышей дерюжной...
Хоть нынче обычная дата, а не юбилей,
Любовь моя пусть остается всегда тебе нужной.

30 мая 1996 года, А. Соколов

Владимиру Николаевичу Квадяеву

Ты живешь столько лет и, рискуя, шутя, разглагольствуя,
Произвел дочерей, отдал полностью Родине долг
И уже любишь женщину сильно, но без удовольствия,
А с похмелья болеешь ужасно и воешь как волк.

Жизнь в России трудна и прекрасна, как Анна Каренина,
В девяносто седьмом от Рожденья Христова году,
Я сегодня, тридцатого мая, на улицу Ленина
Поздравлять с Днем Рожденья Володю с подарком приду.

Этот радостный праздник банкира Володи Квадяева
Я готов отмечать еще минимум семьдесят раз,
Только б он пригласил: разве мы своей жизни хозяева,
Люди могут забыть, но Господь будет помнить о нас.

Треугольных людей дрессируют легко обстоятельства,
Ненавидя страну, от нее отвязаться не смог...
Круг друзей заржавел, расцвели хризантемы предательства,
И смертельные яды газет выпускают издательства,
Даже воздух родной для тебя, словно горький комок.

Я недавно узнал: все советские барышни – персики,
Мягко стелют атласное тело, да больно кусать...
Неужели нам так и придется прилежно до пенсии
Их лохматые книжки от корки до корки читать?
Ты всегда, новорожденный, жил в окружении девичьем,
Был опорой семьи, попирая ослепший закон...
В твою честь мы напьемся сегодня с Сережей Гуревичем,
Стал свободен народ, только счастлив, конечно, не он.
Две морщины прибавь ко второй половине столетия,
Пусть в грудном саркофаге горячее сердце не спит.
В день рожденья из слов остаются одни междометия,
А из лучших напитков, дружок, предпочтительней – спирт!

30 мая 1997 года, А. Соколов

Комментарий. Это стихотворение в переработанном виде, но с той же первой строкой «Ты живешь столько лет и, рискуя, шутя, разглагольствуя» и посвящением Владимиру Квадяеву вошло в сборник стихов «Крепость»¹.

¹ Соколов А. Е. Крепость: Стихи. – С. 84.

Владимиру Николаевичу Квадяеву

На голове Владимира не иней,
А у меня макушка, как паркет...
Я притащил букет своих уныний
На пятьдесят шестой его банкет.
Огонь в душе моей почти задуло,
И шамкает зима беззубым ртом,
Остаток жизни мрачной и сутулой
Наверно, сдать пора в металлолом.
Я позабыл, когда мне было тридцать,
Разносит в клочья все железный вихрь...
Но память детства как императрица
До гроба мучит подданных своих.
Страсть к женщине пройдет, как скарлатина:
Халат, парфюм, прокладки, бигуди...
Но вдруг любовь сверкнет, как гильотина,
И розы чувств распустятся в груди!
Не обижайся, друг, на Соколова,
На жертву безответственных наук,
Он слишком долго в рабстве был у слова...
Еще не все потеряно, мой друг!
Не дай нам, Бог, хотя бы на мгновенье
Почувствовать в душе своей закат,
Пусть нас не покидает вдохновенье,
И выигрыш сулят колоды карт.
Ты нынче стал мудрей, чем академик,
Повсюду в честь твою звучит салют...
У некоторых нынче столько денег,
Что их, должно быть, куры не клюют.
Достойные покоиться в Анналах
Хранятся в нашей памяти еще
Дурман бараков, запах коммуналок,
Благоуханье каменных трущоб.
Пока нас нету в поминальном списке,
Раздайся рюмок с водкой, нежный звон...
Мы пышно расцвели в Новосибирске,
Пусть нашу осень не увидит он.
Тебя уже не тянет за граница,
Но девушки летят к тебе в кровать...
Уверен, что ты минимум лет тридцать
Еще на свете будешь буксовать.

30 мая 2001 года

Этим стихотворением завершается редкий по красоте и исполнению цикл стихотворений-посвящений к дням рождения Толиного друга детства Володи Квадяева. Других таких примеров в истории поэзии я не знаю. Несколько строк этого последнего стихотворения (с 9-й по 11-ю строки от конца) вошли в стихотворение «*Мои стихи заводятся, как мыши...*»¹.

Архив Н. Смородниковой. В архиве Наташи Смородниковой сохранилось четыре стихотворения. Их ценность состоит в том, что все они относятся к 1965–1967 годам, когда А. Соколов жил с Наташей в одном доме, а потом, будучи в Армии, вел с ней переписку. Они характеризуют его раннее творчество и поэтому представляют особую ценность, так как других автографов А. Соколова, относящихся к этому периоду, найти не удалось.

Вот короткое стихотворение, которое он подарил ей в период нашей жизни на Фабричной:

Слова простые замирают в горле,
Напрасно Бога каждый день молю.
Не знаю, это счастье или горе,
Сказать – Наташа, я тебя люблю.

Январь 1965 года

Это стихотворение, написанное на листочке из школьной тетрадки в клеточку, хранится в Наташином архиве. В это же время, в период увлечения Блоком, Толя подарил Наташе следующее стихотворение, которое, к сожалению, не сохранилось в архиве или, скорее всего, просто затерялось в нем. Оно воспроизводится Наташей по памяти:

Прошу тебя – на спину ляг,
Закройся от всего руками.
Тогда появится в дверях
Твой белый сон,
Как черный камень.

Не застучит, не запоеет,
К постели сядет осторожно.
С твоей постели не вспорхнет
Зеленым ветром подорожник.

¹ Соколов А. Е. Невразумительные годы: Стихи. – С. 3.

И прошлогодняя трава
Воспрянет под густым сугробом,
Как будто новая весна
Тебя разбудит первым громом.

1965

Уже будучи в Армии, в письме от 12 января 1967 г. Толя прислал Наташе два следующих небольших стихотворения:

Вдруг вспомнишь и подносишь снова лампу
К портрету, где лежишь в гробу,
Голодный волк зимы протянет лапу
К голубому лбу.

1967

За околицей лето пропили,
Без любви, без надежды, без зла,
В золотые колодцы крапивы
Опустилась ночная звезда...

1967

Автографы этих стихотворений, как и сам конверт солдатского письма, сохранились. Они имеются у меня (в копии). Поэтому авторский текст и орфография стихотворения – подлинные.

Глава 6

Библиография

Основной «поэтической площадкой» для Анатолия Соколова были страницы журнала «Сибирские огни». Когда накануне нового века выход журнала возобновился, и редакция обрела свое помещение, Толя был частым гостем в этих скромных апартаментах в старом доме на Каменской. Сюда он приносил листочки с новыми стихами, тут готовились к изданию его книжки, здесь, усевшись вокруг журнального столика с нехитрыми угощениями, обсуждал с коллегами-литераторами злободневные вопросы, спорил, вдохновлялся, отдыхал душой.

Помимо «Сибирских огней» А. Соколов публиковался и в других, менее известных широкому читателю журналах. Таких, например, как «Мангазея», «Новосибирск», «Сибирская горница» и др. Кроме того, были отклики на Толины стихи, а также на его публикации философского и иного характера. Эту часть информации в самый последний момент мне удалось в значительной степени воссоздать с помощью Владимира Берязева, Валерия Лазуткина, Владимира Квадяева и Владимира Ярцева. Ниже я привожу аннотированное описание указанных публикаций. Ясно, что даже этот список не исчерпывает всего того, что успел создать Толя и не делает эту библиографию окончательной. Остается надеяться, что будущим исследователям и почитателям таланта А. Соколова этот пробел удастся восполнить.

Для лучшего обозрения известные мне Толины публикации разбиты на несколько групп – сборники стихов, антологии, журнальные и газетные публикации, философские работы и публикации на сайте Проза.ру. Отдельно представлен перечень неопубликованных стихов, находящихся в частных архивах и предоставленных автору при подготовке данного издания. Нумерация публикаций в разделах 6.1–6.3 идет нарастающим итогом, а в остальных – внутри разделов.

6.1. Поэтические сборники

1. Соколов А. Е. Стихотворения. // Гнездо поэтов: Сб. стихов. / Сост. В. А. Берязев. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1989. – 256 с.

В этом сборнике представлены 22 стихотворения А. Соколова (с. 51–70): «Над городом кружит, потерян...», «Старый друг позвонит из глубинки...», «Наклоняются темные ели...», «Наступленье осени с успехом...», Базарные фрески («Прилавок мучает шакала...»), «Из недр дождливого простора...», «За декабрьским окном ледяным...», «Сегодня девочек и дам...», «Приход зимы всегда бывает...», «Вечерами встречаешься с теми...», После болезни («Спросит мать: “Что с тобою, сынок?..”»), «Ближе к вечеру метаморфозы...», «Круша цветочные розетки...», «...Вышел амнистированный бык...», «Славный август. Мелькание пчел...», «Природа утомилась, отработала...», «Сон запирал рассудок на засов...», «Запутавшись в тяжелых шторах...», «Душа моя дешевле пятака...», «Перелетных сегодня ревнуют...», «Над ландшафтом родного села...», Мюнхен («Все теперь принимаю в расчет...»).

2. Спартаковский мост. Анапесты: Сб. стихов. – Новосибирск: ТНО «Журналист», СО «ДЛ», 1990. – 48 с. (Поэтическая библиография альманаха «Мангазея»).

В этом сборнике напечатаны 34 стихотворения, 13 из них не публиковались в вышедшем за год до этого коллективном сборнике «Гнездо поэтов».

3. Крепость: Стихи. – Новосибирск: Поэтическая библиография ж-ла «Сибирские огни», 2001. – 128 с.

В книгу вошли 100 стихотворных текстов, 80 из них в предыдущих книгах не публиковались.

4. Невразумительные годы: Стихи. – Новосибирск: Поэтическая библ. ж-ла «Сибирские огни», 2004. – 64 с.

В авторский сборник вошло 31 оригинальное стихотворение, ранее автор не публиковал эти тексты в своих книгах.

5. Материк: Стихи. – Новосибирск: Поэтическая библ. ж-ла «Сибирские огни», 2006. – 224 с.

Из 124-х стихотворений впервые в авторском сборнике публикуются 24.

6. Осенние птицы: Стихи. – Новосибирск: Поэтическая библ. ж-ла «Сибирские огни», 2009. – 96 с.

В книгу помещены 57 стихотворений, 42 из них не включались автором в предыдущие сборники.

7. Ось бытия: Сб. стихов. (Серия «Сибирская проза (поэзия). Век XX – век XXI»). – Новосибирск: РИЦ «Новосибирск» при Новосиб. отд. Союза писателей России, 2006. – 248 с.

В этом сборнике (с. 184–188) опубликована подборка стихов Анатолия Соколова, которая состоит из семи стихотворений: «Из головы весь мусор выкину, стихи оставлю...» (с посвящением И. Ульяниной), «Дорогая, давай летаем...», «Пока танцует дворник возле булочной...», «За декабрьским окном ледяным...», «Круша цветочные розетки...», «Старый друг звонит из глубинки...» (с посвящением Е. Лазарчуку), «Двуногое в перьях во тьме закричит кукареку» (с посвящением сыну Васе).

8. В свободном полете: Сб. стихов. (Серия «Сибирская проза (поэзия). Век XX – век XXI»). – Новосибирск: РИЦ «Новосибирск» при Новосиб. отд. Союза писателей России, 2007. – 248 с.

В этот сборник включен гораздо меньший круг авторов, чем в «Ось бытия». В подборку стихов А. Соколова «Подвиг власяницы и вериг...» (с. 230–245) вошли 18 стихотворений: «Пока шумит берез китайский веер...» (с посвящением Н. Смородниковой), «Плачь Ярославной, дева в платье бежевом...», «Методично сахарная пудра...», «В едва откупоренном сне...», «Мы, караули Бога, пытались себя прочитать...» (с посвящением С. Меньшикову), «Под березкой, худой и поникшей...», «Пока долгоиграющая вьюга...», «Двуногое в перьях во тьме закричит кукареку...» (с посвящением сыну Васе), «Невтерпез душе от русских песен...», «Дождь в дружбе с молнией и громом...», «Ледяным, мохнатым зимним утром...», «Свеча. Бумага. Бормотуха...» (с посвящением В. Никифорову), «Уже не так, как раньше, мучит...», «На крутых небесах расползаются звезд муравьи...», «Как пышно расцвел в золотых небесах фейерверк...» (с посвяще-

нием Т. Т.), «Пусть в жизни молодой, где тонко, там и рвется...», «Любимая, не надо хмуриться...», «Над городом кружит, потерял...».

Завершает подборку биографическая справка об авторе. Составителем этой подборки является Владимир Ярцев.

6.2. Антологии и альманахи

9. Русская поэзия. XX век: Антология. / Под общей ред. В. Кострова, Г. Красникова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – 926 с.

В данном издании представлено одно стихотворение Анатолия Соколова «Перелетных сегодня ревнуют...» (с. 753–754), впервые опубликованное в журнале «Сибирские огни» (1989, № 7). Помимо стихов А. Соколова, в эту антологию вошли стихи еще четырех авторов этого сборника – Толстых друзей Александра Денисенко (род. 1947), Ивана Овчинникова (1939–2016), Николая Шипилова (1946–2006) и Жанны Зыряновой (1939–1994).

10. Русская поэзия. XXI век: Антология. / Под ред. Г. Красникова. – М.: Вече, 2010. – 464 с.

Анатолий Соколов – один из четырех новосибирских поэтов (помимо него это Владимир Берязев, Юрий Ключников и Владимир Ярцев), включенных в эту антологию. В подборку вошли шесть его стихотворений (с. 163–165): «Невтерпеж душе от русских песен...», «Жестоко в городе январском...», «Ледяным, мохнатым зимним утром...», «Мокрый день, и снежная крупа...» (с посвящением Т. А. Ермоленко), «Зимы имущество бесхозное...», «Куста осеннего бросюра...».

11. Поэты «Сибирских огней». Век XXI: Поэтическая антология. / Сост. В. Берязев, В. Ярцев. – Новосибирск: ГБУ НСО «Редакция журнала “Сибирские огни”», 2012. – 512 с.

В антологию включены 25 лучших стихотворений А. Соколова (с. 395–418): «Дорогая, давай полетаем...», «Кажется минувшее былинкой...», «Плачь Ярославной, дева в платье бежевом...», «Новосибирск в ненастье глуше хутора...», «Пока шумит берез китайский веер...» (с посвящением Н. Смородниковой), «Любимая, не надо хмуриться...», «Мне дорог звон хрустального фужера...», «И сам не заметишь...», «За хвост самолета цепляется птиц вереница...», «Мои стихи заводятся, как мыши...», «На цветном деревенском морозе...», «Мокрый день, и снежная крупа...» (с посвящением Т. А. Ермоленко), «Ледяным, мохнатым зимним утром...», «Жестоко в городе январском...», «На крутых небесах расплозятся...» (с посвящением С. Гуревичу), «Уже не так, как раньше, мучит...», «Двуногое в перьях во тьме закричит кукареку...», «Воцаряется в Моткове сладкий запах запустенья...», «Изда-старуха в ватной кацавейке...», «Крылья окон, словно крышки гроба...» (с посвящением В. Клименко), «Услышав слова

на тюремном жаргоне...», «Усталый, вспотевший я встал из дремучего сна...», «Невтерпеж душе от русских песен...», «Зимы имущество бесхозное...», «Дайте пилюли и спирт для души заболевшей...».

12. «Сибирские Афины». Литературный альманах. Издание Томской писательской организации. Вып. № 4 (27), 2002. – С. 33.

Под общим заголовком «Сибирский круг поэтов» опубликованы три стихотворения: «Свеча. Бумага. Бормотуха...», «Невтерпеж душе от русских песен...», «Я побирушкой темно-серой...».

13. «Каменный мост»: Литературно-художественный альманах. – Томск: Союз российских писателей. Томское региональное отделение, 2006–2007. – С. 227–232.

Под общим заголовком «Во всем бинокль виноват» опубликованы шесть стихотворений: «Методично сахарная пудра...», «Лишь станут тополи буреть, визжит пила и свищет сабля...», «Пока танцует дворник возле булочной...», «Невтерпеж душе от русских песен...», «Два тополя в клетке октябрьского сквера...» (с посвящением В. Березеву), «На набережной встряхивает гривами...». Заметим, что в содержании альманаха (с. 462) допущена ошибка: Анатолий назван Александром, что осложнило библиографический поиск.

14. «Мангазeya»: Литературно-художественный альманах. Вып. 1. – Новосибирск, 1990. – С. 21.

Опубликованы восемь стихотворений А. Соколова: «Снегопад вероломной атакой...», «Душу долгим постом истерзав...», «Руки в брюки от холода спрячь...», «Если в Авеля выстрелит Каин...», «Город Солнца был сделан на вырост...», «Стартовавший с высокого стога...», «Родная душа и чужая природа...», «Начинает кавалерия испытание клинков...». Последнее стихотворение нигде при жизни поэта больше не публиковалось.

15. «Мангазeya»: Литературно-художественный альманах. Вып. 2. – Новосибирск, 1993. – С. 105–110.

Опубликованы четыре стихотворения А. Соколова: «В кирпично-панельном кроссворде советской эпохи...», Застойный сон («Стережущие небо над Родиной хмурой...»), «Здесь транспорт идет через две остановки...», «Дождь в дружбе с молнией и громом...».

16. «Мангазeya»: Литературно-художественный альманах. Вып. 3. – Новосибирск, 1995. – С. 121–124.

Опубликованы два стихотворения А. Соколова: «Мне солнце неделю казалось несбыточным благом...», «День без крошки во рту, и в кармане шаром покати...».

6.3. Публикации в журнале «Сибирские огни»

17. Шестидесятники. // *Сибирские огни*. 1989. № 7. – С. 46.

От редакции: «Двойственное чувство возникает при чтении этой подборки. Во-первых, радостно узнать новых, очень интересных поэтов, как бы заново ощутить для себя новосибирскую поэзию, узнать ее с необычной стороны. Во-вторых, возникает и чувство горечи, потому что с творчеством авторов этих самобытных стихов знакомится читатель с изрядным запозданием. Не могли они выйти в те годы, которые мы теперь привычно называем «годами застоя», когда постепенно поэзия усреднилась, мало поощрялось «лица необщее выражение», когда не только склонность автора к острому, драматическим темам, но и сама необычность творческой манеры – могли стать преградой на пути к читателю.

Этих авторов условно можно назвать «шестидесятниками», они начинали в шестидесятые годы, они всем своим творчеством внутренне противостояли инерции, ставшей отличительной чертой поэзии «официальной».

Иван Овчинников, Владимир Ярцев, Анатолий Соколов, Александр Денисенко – всех их по аналогии с новыми молодежными организациями можно назвать «неформальными поэтами». Это написано искренне и правдиво, без какого-либо расчета на публикацию. Они писали не так, как принято, как пишут все, кто подлаживается под ситуацию. Они писали так, как чувствовали, как понимали, как видели время. Они занимались творчеством. Пусть эта фраза никого не удивляет. Увы, очень многое зарифмованное и изданное в последние годы как раз и не содержит в себе главного – элемента творчества.

Что-то может показаться в этих стихах непривычным, необычным, странным и резким, но открытие – всегда непривычно. Тонкие рисунки чувств Ивана Овчинникова, суровая философичность Анатолия Соколова, пронзительная искренность Александра Денисенко, лирическая чистота Владимира Ярцева – все это создает действительно поэтический характер времени, характер необманный, впечатляющий, заставляющий думать и волноваться.

Публикуемые стихи войдут в книгу «Гнездо поэтов», подготовленную к выпуску Новосибирским книжным издательством в 1989 году».

В подборку включены четыре стихотворения А. Соколова: «Детских слез пересохшие реки...», «Над ландшафтом родного села...», «Перелетных сегодня ревнуют», «Сон запырал рассудок на засов...».

18. Вместе с родиной доброй и нищей. // *Сибирские огни*. 1999. № 1. – С. 84–86.

Подборка из пяти стихотворений: «С черствым пряником бывшей жены...», «Дождь в дружбе с молнией и громом...», «Два тополя в клетке октябрьского сквера...», «Еще не закончилась пасмурных дней волокита...», «В зените страна перестала отбрасывать тень...».

19. «Мы – каракули Бога...» // *Сибирские огни*. 2000. № 2. – С. 96–102.

В подборке 11 стихотворений: «Средь шумного бала рассыпался жизни горох...», «Двуногое в перьях во тьме закричит кукареку...», «Мы, каракули Бога, пытались себя прочесть...», «В тумане над соснами дремлет подъязок...», «Воцаряется в Моткове сладкий запах запустенья...», «Изабастаруха в ватной кацавейке...», «Крылья окон, словно крышки гроба...», «Услышав слова на тюремном жаргоне...», «Ощетинилось зимнее утро гудками...», «Злое тело умрет и с душой не успеет проститься...», «Усталый, вспотевший я встал из дремучего сна...».

20. Приговоренный к любви. (Заметки о поэзии Александра Денисенко). // *Сибирские огни*. 2000. № 5. – С. 192–194.

Очерк о поэте Александре Денисенко (род. 10 августа 1947 г., Мотково, Новосибирская область). Как пишет о своем друге А. Соколов, «стихи Александра Денисенко отличаются художественной яркостью, оригинальностью и колоритностью. Возможно, из-за некоторой склонности к сюрреалистическим образам и метафорам Денисенко иногда называют поэтом современного русского авангарда, хотя творчество его гораздо шире. Не случайно поэзия Денисенко стала заметным явлением в литературной жизни Сибири последней четверти XX столетия».

21. «Пока танцует дворник возле булочной...» // *Сибирские огни*. 2001. № 6. – С. 18–21.

Подборка из пяти стихотворений: «Растоптал невразумительные годы...», «Под березкой, худой и поникшей...», «На набережной встряхивает гривами...», «Пока танцует дворник возле булочной...», «Пусть серым по серому в сумерках крыльями совы...».

22. Шрам на снегу. // *Сибирские огни*. 2002. № 5. – С. 102–107.

Подборка из восьми стихотворений: «Мои стихи заводятся, как мыши...», «На цветном деревенском морозе...», «Мокрый день и снежная крупа...», «Ледяным, мохнатым зимним утром...», «Жестоко в городе январском...», «На крутых небесах расплозятся звезд муравьи...», «Летит голубая моторка...», «Уже не так, как раньше, мучит...».

23. Не поддаваясь зависти и злобе. // *Сибирские огни*. 2003. № 9. – С. 84–88.

Подборка из шести стихотворений: «Невтерпеж душе от русских песен...», «Пусть в жизни молодой, где тонко, там и рвется...», «Зимы имущество бесхозное...», «Снег над деревьями кружится белой вороной...», «В

тот час, когда глаза полузакрыты...», «Дайте пилюли и спирт для души заболевшей...».

24. Не берет любовь военнопленных... // *Сибирские огни*. 2004. № 3. – С. 13–18.

Подборка из семи стихотворений: «Любимая, не надо хмуриться...», «Мы в любви давно уже не ассы...», «В компаниях светских всегда на себя негодную...», «Над вазой с пионами кружатся синие мухи...», «Мне дорог звон хрустального фужера...», «И сам не заметишь, как жизнь переедет экватор...», «За хвост самолета цепляется птиц вереница...».

25. «Пахнет в Аиде лесной земляничкой...» // *Сибирские огни*. 2005. № 1. – С. 95–100.

Подборка из восьми стихотворений: «Липы на задворках поликлиники...», «Муза стучит за окном железякой, кажется вымыслом явь...», «Новосибирск в ненастье глуше хутора...», «Пока шумит берез китайский веер...», «Из головы весь мусор выкину, стихи оставлю...», «Прошу Вас до утра остаться, а Вы мне разве возразите?..», «Отвергнув с сочувствием лезть подогретой воды...», «Не дай Бог лицо твое без грима зеркало покажет в шестьдесят...».

26. «Дорогая, давай летаем...» // *Сибирские огни*. 2006. № 1. – С. 93–97.

Подборка из семи стихотворений: «Однажды притащусь с душой заплесневелой...», «Дорогая, давай летаем...», «Кажется минувшее былинкой...», «Плачь Ярославной, дева в платье бежевом...», «Методично сахарная пудра...», «Поедем осенью в деревню...», «В едва откупоренном сне...».

27. Возвращение Бонапарта. // *Сибирские огни*. 2007. № 1. – С. 110–113.

Подборка из шести стихотворений: «Пейзаж превращая в трагический фарс...», «Ничего нет достоверней вымысла в царстве пожирателей молвы...», «И Стикса лед хрустит в зубах Харона...», «Догорающей жизни солома...», «Брось ломтик батона с корицей в густое, как мед, молоко...», «В Сибири вновь разгул антициклонов...».

28. Хам торжествующий. // *Сибирские огни*. 2007. № 9. – С. 3–4.

Большое поэтическое произведение разделено на две части: «Пора, мой друг, прощаться со стихами, поэта жребий горек и тяжел...» и «Холодная, дождливая неделя ландшафты трансформировала в суп...».

29. Пушкин – это наше все или... ничто? (Комментарий к статье А. Радашкевича «Антипушкинская, 10»). // *Сибирские огни*, 2007. № 9. – С. 173–179.

30. Заметки о фестивале и поэзии. / «Мороз и солнце» – дни чудесные. // *Сибирские огни*. 2008, № 2.– С. 164–166.

31. «Когда наедине с самим собой...» // *Сибирские огни*. 2008. № 6.– С. 74–80.

Подборка включает 10 стихотворений: «Однажды с каторги домашней уходишь странствовать в запой...», «В часы бессонницы распахнутый вино и старым грампластинкам...», «Неужели Михайло Сергеевич Омбыш...», «Словно с писаной торбой, с наукой...», «Смотрю, как улетают птицы, и не идут слова на ум...», «С летним попрощаемся семестром...», «Жить художник должен в маске Фауста, чтобы слыть последним чудаком...», «Отупев от безумных попок...», «Выкопали вовремя картошку...», «Скажи, о чем задумалась, психея...».

32. Казино «Князь Игорь». // *Сибирские огни*. 2009. № 6. – С. 92–96.

Подборка из девяти стихотворений: «Еще белы от нафталина шубы...», «Горевать и печалиться – нет трудней ремесла...», «Как старый налим, замороженный сетью в Нарыме...», «Опять октябрьский листопад меняет тему разговора...», «Продолговатые минуты по вечерам черней ворон...», «Мне однажды привиделось: в город, как в душный чулан...», «Страшно пребывающим в блаженстве вдруг остаться к старости без денег...», «Очи, одуревшие от книжек...», «Костлявое тело, как остров в пучине души мировой...».

33. На вздрогнувшем холсте. // *Сибирские огни*. 2010. № 1. – С. 33–39.

В подборке 13 стихотворений: «Безнадежный художник ужасно хандрит...», «Вновь проселка сиротский суглинок покрывает ковром снегопад...», «Обманы Пушкина и Тютчева...», Россия («Ты вдруг налетишь на меня как осенняя буря...»), «Преврати в источник вдохновенья...», «С календарика отрывного...», «В трезвон колокольный с звонками пустого трамвая...», «Половозрелый, чуждый прозы, разочарованный в вине...», «О чудной Елене в квартире пустой затоскую...», «Октябрь, ноябрь... Календарь неизбежно закончится...», Из леса попадешь однажды в Дом ученых...», «Вдруг истина явит себя в существе мутноглазом...», «Глина в чутких пальцах у Валерия, словно птица, дышит и поет...».

34. О Геннадии Абольянине. // *Сибирские огни*. 2010. № 3. – С. 155–162.

35. «Горожанка тоскует в грозу...» // *Сибирские огни*. 2014. № 12. – С. 130–134.

В подборку включены 13 стихотворений: «Здесь транспорт идет через две остановки...», «Круша цветочные розетки...», «Летит голубая моторка...», «Жестоко в городе январском...», «Уже не так, как раньше, мучит...», «Под березкой худой и поникшей...», «Пока танцует дворник возле булочной...», «Двуногое в перьях во тьме закричит кукареку...», «Снег над деревьями кружится белой вороной...», «Липы на задворках поликлиники...», «Дорогая, давай полетаем...», «Еще белы от нафталина шубы...», «В трезвон колокольный с звонками пустого трамвая...».

36. «Сибирские огни»: Специальный выпуск, посвященный Году литературы в России. 2015. – С. 130–134.

В выпуске собраны произведения сибирских писателей, которые давно публикуются в журнале «Сибирские огни» и чьи имена вошли в золотой фонд российской литературы. В рубрике «Горожанка тоскует в грозу...» полностью повторяется цикл из 13 стихотворений Анатолия Соколова, представленных в «Сибирских огнях», 2014, № 12.

37. «Вместе с песней умного молчанья...» // *Сибирские огни*. 2016. № 4. – С. 18–27.

Опубликованы редакционная статья об А. Соколове и две подборки его стихов – «Из книг «Крепость», «Осенние птиць»» и «Из неопубликованного».

От редакции: «20 апреля 2010 года не стало Анатолия Евгеньевича Соколова, известного новосибирского поэта и философа, – «в груди сработал выключатель», как без сантиментов, намеренно снижая всякий пафос, выразился он в одном из своих стихотворений. Эта нарочитая сдержанность высказывания, стоическая направленность интонации, а также склонность укрыть свои чувства насмешкой, культурологическим образом, явной литературностью, впрочем, всегда отличали тексты Соколова – тексты на самом деле очень энергические, полные тревоги, восхищения, негодования, боли, тоски по уходящим ценностям. Ну а еще, конечно, особый «соколовский стиль» явлен в сразу улавливаемых читателем «внешних» вещах: в густой, пересгущенной даже, метафоричности в первую очередь, в сложном синтаксисе, в завидной изобретательности рифмовки, в смелом, порою дерзком, словоупотреблении.

Анатолий Соколов являлся постоянным автором «Сибирских огней». Лучшие его стихи (конечно, из-за ограниченности журнального места – далеко не все) включены в наш специальный выпуск (№ 12, 2014), по-

священный Году литературы в России и вобравший в себя произведения самых ярких сибирских прозаиков и поэтов за более чем девяносто лет. Сейчас же мы предлагаем читателям познакомиться со стихами малоизвестными и совершенно неизвестными – выявленными при работе с архивом Анатолия Соколова, обнаруженными в личных собраниях его друзей и коллег.

Публикация подготовлена Мариной Акимовой и Владимиром Ярцевым. Публикаторы благодарят вдову поэта Елену Артемовну Салину, предоставившую архив Анатолия Соколова, а также выражают благодарность Евгению Александровичу Лазарчуку, директору Новосибирской государственной областной научной библиотеки Тарасовой Светлане Антоновне и начальнику отдела городского абонемента Красниковой Татьяне Николаевне за содействие в изучении и сохранении наследия автора.

Подборка «Из книг «Крепость», «Осенние птицы»»: «Почитай мне из самого раннего...», «В родительском доме тяжелая дверь на запоре...», «Вот эти избы, вросшие в суглинок...», «Есть что-то чудное в крестьянах: из них любой влюблен, как царь...», «Люди любят отруби и жмых...», «Снег мандариновой пахнет до слез кожурой...», «Пролистав календарь, захочу помолиться...», «Мешает вспыхнувший вдруг ливень...», «Над городом жара висит чугунной гирей...», «Чем старше жизни лес, тем больше дров...».

Подборка «Из неопубликованного»: «В детском сне городская окраина, порт речной и бараклов разброд...», «Ты рано выходишь в проснувшийся сад...», «Полюбил легионы дождя я, наверно, за то...», «Словно фильм режиссера Кустурицы, под откос разгоняется сон...», «Пока не завершается предзимье...», «В полдень лес горячий, словно домна...», «Агония лета. Нет слов для отчета...», «И отрок ревет, разлюбив новогоднюю елку...».

6.4. Публикации в других журналах

1. «Земля Сибирь»: Общественно-политический и научно-популярный иллюстрированный журнал «Сибирского соглашения». – Новосибирск, 1992, № 2. – С. 86.

В рубрике «Поэтический альбом» представлены шесть поэтов (Ярцев, Малышев, Денисенко, Бадаев, Новосельцев, Соколов), каждый – одним стихотворением. А. Соколов представлен стихотворением «Монолог знакомого поэта» («С черствым пряником бывшей жены...»).

2. «Сибирская горница»: Журнал для семейного чтения. – Новосибирск, 1998, № 1. – С. 35.

Опубликовано стихотворение А. Соколова «В стране, от рожденья привыкшей гулять без предела...», позднее вошедшее в сборник «Крепость» (2001).

3. «Сибирская горница»: Журнал для семейного чтения. – Новосибирск, 2000, № 3 (23). – С. 64–66.

В рубрике «Отчий край» под общим заголовком «Бездонное, темное зеркало тайн...» опубликованы пять стихотворений А. Соколова: «На скотном дворе пахнет свежей махоркой...», «Я с тобой одной, товарищ, крови...», «Двуногое в перьях во тьме закричит кукареку...», «Пока долгоиграющая вьюга...», «Вдруг звон колокольный с звонками пустого трамвая...».

4. «Новосибирск»: Городской общественно-художественный журнал. 2001. № 2. – С. 115–117.

Под общим заголовком «Медь листьев звучит... или дождь для серебряной свадьбы» опубликованы шесть стихотворений А. Соколова: «Когда в моем сердце созреет цунами...», «Пусть серым по серому в сумерках крыльями совы...», «Кряхтенье и кашель обвисшей трубы водосточной...», «Себя вспоминаю в палате районной больницы...», «Ломается, крошится тонкая снежная корка...», «Разбуженный дважды клаксоном души петушиной...».

5. «Новосибирск»: Городской общественно-художественный журнал. 2003. № 6. – С. 56–58.

Под общим заголовком «В пространстве жизни мрачной и сутулой...» опубликованы семь стихотворений А. Соколова: «Мои стихи заводятся, как мыши...», «Свеча. Бумага. Бормотуха...», «На набережной встряхивает гривами...», «Приход зимы всегда бывает...», «Как серый налим, замороженный сетью в Нарыме...», «Уже на газоны пикируют желтые листья...», «Ночь в феврале на центральную площадь вползла...».

6. «День и ночь»: Литературный журнал для семейного чтения. – Красноярск, 2003, № 3-5 (совмещенный выпуск).

Опубликована подборка из восьми стихов А. Соколова под общим заголовком «Пока танцует дворник»: «Я с тобой одной, товарищ, крови...», «Сон запырал рассудок на засов...», «Двуногое в перьях во тьме закричит кукареку...» (Сыну Васе), «Пока танцует дворник возле булочной...», «Старый друг позвонит из глубинки...» (Е. Лазарчуку), «Мокрый день, и снежная крупа...» (Т. А. Ермоленко), «Под березкой худой и поникшей...», «Растоптал невразумительные годы...».

7. «Новосибирск»: Городской общественно-художественный журнал. 2007. № 2 (15). – С. 118–120.

В рубрике «Поэтические встречи» опубликованы два «Отрывка из поэмы» («Весной на улице Фабричной...» и «Женщина – очей очарованье...»).

8. «Новосибирск»: Городской общественно-художественный журнал. 2008. № 3 (19). – С. 141–144.

В рубрике «Поэтические встречи» опубликованы шесть стихотворений А. Соколова: «Проснешься не удачливым Емелей...», «Мост над сумбурными тысячелетьями...», «Зачем старик, упрямый, как ребенок...» (с посвящением Юрию Попкову), «Над городом жара висит чугунной гирей...», «Ничего нет достоверней вымысла в царстве пожирателей молвы...» и «Торжество Хама» («Пора, мой друг, прощаться со стихами, поэта жребий горек и тяжел...»).

9. «Северная Аврора»: Литературно-художественный журнал. – Санкт-Петербург: Изд-во «Скифия», 2010. № 12. – С. 196–200.

В рубрике «Голос минувшего» представлена подборка «Незаконные звезды», включающая шесть стихотворений А. Соколова: «Здесь транспорт идет через две остановки...», «Стерегущие небо на родине хмурой...», «Душу долгим постом истерзав...», «Покажется вдруг: у меня – не мозги, а солома...», «Дни с каждым годом короче, а ночи длиннее...», «В землянках стряпают олады или драники...».

6.5. Газетные публикации

В одной из своих статей в журнале «Сибирские огни» (№ 3, 2010 г.) Анатолий вспоминает «...любимые газеты “Вечерний Новосибирск” и “Молодость Сибири”, где в декабре 1965 г. были впервые напечатаны мои стихи». Вполне вероятно, что те, кто озаботится поиском публикаций А. Соколова и составлением полной библиографии, найдут в подшивках эти газетные страницы, с которых стихи Анатолия впервые увидели свет. У меня же, в силу того, что я нахожусь на большом расстоянии от Новосибирска, нет доступа к хранилищам новосибирских библиотек, как и к личному архиву автора, где вполне могли бы храниться эти газетные вырезки и журналы с подборками стихов. Возможно, все это вошло в последующие книжные издания, и находки имели бы чисто мемориальный характер. Но не надо забывать, что газеты советского периода нашей истории, даже городские, имели невообразимо большие по нынешним меркам тиражи, и потенциальная аудитория исчислялась сотнями тысяч читателей.

С относительной легкостью находят газетные поэтические публикации Анатолия в своих домашних архивах друзья и коллеги поэта. Например, Владимир Квадяев и Валерий Лазуткин прислали мне копии публикаций стихов Анатолия Соколова в газете «Вечерний Новосибирск», где в 2000-е годы в разделе «ВН-пикник» велась постоянная рубрика «Стойло Пегаса». Эти публикации иногда сопровождались комментариями ведущего рубрики.

1. Вечерний Новосибирск. 2000. 13 октября. – С. 18.

Редакционное вступление: «Дорогие читатели! Стихи поэта, которого мы сегодня представляем, поэта Анатолия Соколова, которого давно знает литературный мир нашего города, менее всего нуждаются в чьих-либо комментариях. Поэтому, скромно представив его, я умолкаю и отступаю, так сказать, под сень его поэтического таланта. Итак, ваши аплодисменты! В «Стойле Пегаса» – Анатолий Соколов!

С уважением, Аркадий Бобин, администратор».

В рубрике приводится подборка из четырех стихотворений А. Соколова: «Лишь станут тополи буреть, визжит пила и свищет сабля...», «Пока долгоиграющая вьюга...», «Опрометчиво створки дверей не закрыв на щеколду...», «По минному полю любви запоздалой...».

2. Вечерний Новосибирск. 2001. 30 ноября.

Редакционное вступление: «Стал историей, историей Новосибирска литературного, вышедший в самом конце 80-х сборник «Гнездо поэтов», который открыл новосибирцам поэта Анатолия Соколова. Впрочем, «открыл» – это, наверное, не совсем точно, потому что, как заметил автор предисловия к вышедшей нынче новой книге поэта, и Анатолии Соколов, и его сотоварищи по «Гнезду поэтов» «выплыли на простор сибирской поэзии еще в середине 60-х». Не всем удалось продолжить это плавание в смутные 90-е, но к Соколову это, слава Богу, не относится. Он продолжает, как это сказано опять-таки в предисловии к его новой книге, противостоять своими стихами «хаосу, вражде и невежеству, ценою собственной души защищая родителей и Родину, любимых и близких, русский воздух и русский язык...».

В рубрике «Стойло Пегаса» приводится подборка из пяти стихотворений А. Соколова: «На набережной встряхивает гривами...», «Пока танцует дворник возле булочной...», «Мокрый день, и снежная крупа...», «Под березкой худой и поникшей...», «Растоптал невразумительные годы...».

3. Вечерний Новосибирск. 2002. 10 ноября.

В рубрике «Стойло Пегаса» опубликованы пять стихотворений А. Соколова: «Жестоко в городе январском...», «Я побрирушкой темно-серой...», «Летит голубая моторка...» (с посвящением В. Клименко), «Невтерпез душе от русских песен...», «Свеча. Бумага. Бормотуха...».

4. Вечерний Новосибирск. 2004. 19 февраля.

В рубрике «Стойло Пегаса» приводятся пять стихотворений А. Соколова: «Любима, не надо хмуриться...», «Мне дорог звон хрустального фужера...», «За хвост самолета цепляется птица вереница...», «Липы на задворках поликлиники...» (с посвящением В. Ярцеву), «Снег над деревьями кружит белой вороной...».

5. Вечерний Новосибирск. 2006. 26 января. – С. 15.

Представлены шесть стихотворений А. Соколова: «Куста осеннего брошюра...» (с посвящением С. Меньшикову), «Не дай Бог, лицо твоё без грима...» (с посвящением М. О.-К.), «Дорогая, давай полетаем...», «Методично сахарная пудра...», «Пусть ты родом из Дубровина...», «В едва откупоренном сне такие перспективы...».

6. Вечерний Новосибирск. 2007. 18 января. – С. 15.

Редакционное вступление: «Анатолий Соколов, с творчеством которого мы уже знакомили читателей, «Вечерки», – автор поэтических книг «Спартакровский мост» (1990), «Крепость» (2001), «Невразумительные годы» (2004), «Материк» (2006), а также научной монографии «Проблемы духовной онтологии: язык культуры и творчества» (2004) и нескольких десятков статей по философской проблематике. Член Союза писателей России. Кандидат философских наук, доцент. В прошлом году он стал лауреатом премии имени Н. Г. Гарина-Михайловского мэрии Новосибирска за большой вклад в развитие сибирской литературы».

В рубрике «Стойло Пегаса» приводится подборка из шести стихотворений А. Соколова: «Пейзаж превращая в трагический фарс...», «Проснешься не удачливым Емелей...», «Мост над сумбурными тысячелетиями...», «И Стикса лед хрустит в зубах Харона...», «Догорающей жизни солома...», «Над городом жара висит чугунной гирей...».

7. Советская Сибирь. 2016. 27 апреля.

Публикация, посвященная памяти Анатолия Соколова.

Под общим заголовком «Спартакровский мост» опубликовано 21 стихотворение А. Соколова: «Пока шумит берез китайский веер...», «Плачь Ярославной, дева в платье бежевом...», «Методично сахарная пудра...», «Дорогая, давай полетаем...», «В едва откупоренном сне...», «Мы, каракули Бога, пытались себя прочитать...», «Крылья окон, словно крышки гро-

ба...», «Под березкой, худой и поникшей...», «Пока долгоиграющая вьюга...», «Старый друг позвонит из глубинки...», «Невытерпев душе от русских песен...», «Дождь в дружбе с молнией и громом...», «Ледяным, мохнатым зимним утром...», «Свеча. Бумага. Бормотуха...», «Уже не так, как раньше, мучит...», «На крутых небесах расплозаются звезд муравьи...», «Как пышно расцвел в золотых небесах фейерверк...», «Пусть в жизни молодой, где тонко, там и рвется...», «Любимая, не надо хмуриться...», «Над городом кружит, потерян...», «Сегодня девочек и дам...».

6.6. Философские работы

1. Модель деятельности субъекта в структуре объекта познания. – В кн.: Моделирование научного исследования и обучения. – Новосибирск, 1981. – С. 13–17.

2. Проблема происхождения общественного сознания (особенности сознания первобытных людей). – Новосибирск, 1983. – 20 с.

Рукопись представлена ИИФФ Сибирского отделения АН СССР. Депонирована в ИНИОН АН СССР от 31.03.1983 г., № 12570.

3. Проблема происхождения мировоззрения. // *Автореф. дис. ... канд. филос. наук.* – Новосибирск: НГУ, 1984. – 16 с.

Работа выполнена на кафедре философии и научного коммунизма НГУ им. Ленинского комсомола. Научный руководитель: д.ф.н., проф. В. В. Целищев. Официальные оппоненты: д.ф.н., проф. В. И. Бакштаповский; к.ф.н., доцент Б. П. Тыщенко. Ведущая организация: кафедра философии Красноярского государственного педагогического института. Защита состоялась 5 декабря 1984 г. на заседании специализированного совета К 063.98.03 по присуждению ученой степени кандидата философских наук в Новосибирском государственном университете им. Ленинского комсомола.

Цель исследования – философский анализ проблемы происхождения мировоззрения как специфического образования общественного сознания.

4. Трансформация мифологии в искусство как философско-культурологическая проблема. – С. 35–45. – В кн.: Философские проблемы взаимодействия литературы и культуры: Межвузовский сб. науч. трудов. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1986. – 128 с.

5. Образование человека и генезис культуры. // *Философия образования*. 2003. № 7. – С. 242–252.

6. Проблемы духовной онтологии: язык культуры и творчества. / Отв. Ред. А. А. Погорадзе. Рецензенты: д. ф. н., проф. Т. О. Бажутина; д. ф. н., проф. В. В. Крюков. – Новосибирск: СибУПК, 2004. – 212 с.

В монографии реконструируется генезис языка культуры и творчества как онтологии духовных феноменов. Языковые образования в первую очередь устанавливают надындивидуальные формы субъектности (себя как «другого» и его противоположности). Материалом служат явления, ситуативно дублирующие друг друга в бинарных оппозициях, поскольку становятся «чувственно-сверхчувственным» наличным бытием общества, превращающего людей в средство собственного воспроизводства. В результате «расщепления» вещей-понятий возникают знаковые средства уже для внеситуативного «замещения», с одной стороны, самих данных чувственных явлений, противопоставляемых субъекту, как материальное – идеальному, объективное – субъективному и т. п., а с другой – для представления индивидуальной субъектности («я»), редуцированной до «единства трансцендентальной апперцепции», и «чистой» духовной феноменологии.

7. Ответственность и творчество. – В кн.: *Современные проблемы юридической науки*. / Под ред. А. К. Черненко. – Новосибирск: Изд-во НЮИ (филиал) ТГУ, 2004. Вып. 4. – С. 162–166.

8. Новосибирский юридический институт – 65 лет. Пока сердца для чести живы. – С. 150–156. – В кн.: *Современные проблемы юридической науки*. / Под ред. Л. П. Чумаковой. – Новосибирск: РИЦ при Новосиб. отд. Союза писателей России, 2004. – 278 с.

Это зарисовка о Валерии Ткаченко, выпускнике пединститута, армейском товарище Толи, дружбу с которым он пронес через всю жизнь. Впервые они увиделись на встрече призывников в Железнодорожном военкомате Новосибирска в сентябре 1965 года. Составителем сборника был Владимир Ярцев, и Толина статья была написана по его просьбе.

9. Проблема образования человека в формирующемся языке. // *Философия образования*. 2006. № 2. – С. 231–236.

10. К проблеме генезиса понятий. – В кн.: Современные проблемы юридической науки. / Под ред. А. К. Черненко. – Новосибирск: Изд-во НЮИ (филиал) ТГУ, 2007. Вып. 6. – С. 295–300.

11. Особенности творчества: талант и гений. – В кн.: Современные проблемы юридической науки. / Под ред. Л. П. Чумаковой. – Новосибирск: Изд-во НЮИ (филиал) ТГУ, 2010. – Вып. 8. – С. 234–237.

12. Онтологическое и феноменологическое измерения языка. – В кн.: Современные проблемы юридической науки. / Под ред. Л. П. Чумаковой. – Новосибирск: Изд-во НЮИ (филиал) ТГУ, 2011. – Вып. 9. – С. 204–208.

6.7. Публикации в сети Интернет

На сайте Проза.ру А. Соколовым было выложено 162 стихотворения. Из них в этот раздел включены только те стихотворения, которые ни разу не были опубликованы в печатном виде. В скобках указана дата публикации на сайте.

1. «Дожил без всяких проволочек поэт до сорока семи...» (01.11.2009)
2. «Словно фильм режиссера Кустурицы...». Редакция 3 (05.12.2009)
3. «Опять на метро от Студенческой мчишься...» (19.12.2009)
4. «Ночь в шубе, сшитой из ондатр...» (15.01.2010)
5. «Легкомысленный март начинается веселый сезон...» (20.02.2010)
6. «В листок календарный мужчины впиваются зорко...» (25.02.2010)

6.8. Неопубликованные стихи

В результате анализа всего вышеизложенного (см. разделы «Память», «Статистика публикаций», «Стихи о любви» и «Из домашних архивов») можно подвести итог по количеству неопубликованных стихотворений А. Соколова. Согласно ему таковыми на данный момент являются следующие 19 стихотворений, представленные в архивах Владимира Бе-

рязева (1, 2), Юрия Григорьева (3, 4), Владимира Квадяева (5–15) и Натальи Смородниковой (16–19):

В. Берязев

1. «Отважный демос в клюве с крепкой “Примой”...» / Вечер памяти Соколова. (Страница Владимира Берязева. Запись от 22 января 2011 г., 1:01. // beryazev.livejournal.com)

2. «Чтоб покончить с мелочными склоками...» (Страница Владимира Берязева. Запись от 23 января 2018 г., 21:50. // www.facebook.com/vladimir.beryazev)

Ю. Григорьев

3. «Словно фильм режиссера Кустурицы...». Редакция 2 (10 строк, письмо от 6 декабря 2009 г.)

4. «Словно фильм режиссера Кустурицы...». Редакция 4 (30 строк, письмо от 15 декабря 2009 г.)

В. Квадяев

5. «Пусть моей неоконченной одой...» (3 августа 1974 г.)

6. «Володе завтра тридцать два...» (29 мая 1977 г.)

7. «Сегодня славная погода...» (31 мая 1979 г.)

8. «Твой День рождения – страница...» (8 августа 1979 г.)

9. «Как сообщает местная печать...» (31 мая 1990 г.)

10. «Честная жизнь неожиданно стала...» (30 мая 1991 г.)

11. «Мне солнце неделю казалось ...» (30 мая 1994 г.)

12. «Полвека подряд дует ветер...» (30 мая 1995 г.)

13. «Не думал, что нынче окажется так...» (30 мая 1996 г.)

14. «Ты живешь столько лет и, рискуя ...» (30 мая 1997 г.)

15. «На голове Владимира не иней...» (30 мая 2001 г.)

Н. Смородникова

16. «Слова простые замирают в горле...» (Январь 1965 г.)

17. «Прошу тебя – на спину ляг...» (1965 г.)

18. «Вдруг вспомнишь и подносишь снова лампу...» (1967 г.)

19. «За околицей лето пропили...» (1967 г.)

Ранее в разделе «Статистика публикаций» мы определились с общим числом опубликованных стихотворений А. Соколова – нам известно 232 публикации. Приплюсовав 19 неопубликованных, получаем в общей сложности $232+19=251$ известное на сегодня стихотворение А. Соколова, включая их различные редакции.

Должен подчеркнуть – *известные нам*, т. е. автору и довольно узкому кругу друзей и почитателей таланта Поэта, помогавших собрать по крупицам то, что было в их поле зрения. Будущим исследователям и публикаторам творческого наследия А. Соколова предоставляется широкая возможность для приложения своих сил: ведь после безвременного и неожиданного для всех ухода Анатолия безусловно остались его рукописи, записки, листочки со стихотворными набросками, содержимое личного компьютера, и, наконец, библиотека, собранная в соответствии с его интересами, приоритетами в литературе и философии, а также книги, сборники и периодика с его публикациями. Ко всему этому, находясь за тысячи километров от родного города, автор доступа не имел, опираясь лишь на личный архив, воспоминания и свое восприятие творчества друга.

6.9. Дополнительные сведения о других изданиях

В процессе подготовки книги список печатных изданий, где публиковались стихи Анатолия Соколова, непрерывно пополнялся. Несомненно, что этот процесс продолжится и после ее выхода из печати – уже сам факт написания такой книги о большом сибирском поэте стал катализатором поиска, стимулятором памяти и поводом для новосибирских литераторов и любителей поэзии заглянуть на свои полки и в архивы. Найдутся и рукописи, о которых еще мало кто знает. И всё вместе, надеемся, подтолкнет к началу работы над книгой, итожащей творческое наследие поэта, а, может быть, и к созданию подробной биографии поэта. А пока, вдогонку к уже подготовленной рукописи, добавим несколько изданий, сведения о которых поступили к нам уже после формирования библиографического списка.

«На берегах Оби широкой»: Литературная антология Новосибирской области. / Сост. Э. А. Алискина, Т. В. Пендюрина,

И. И. Тарасова. – Новосибирск: РИЦ правления Новосиб. обл. организации о-ва книголюбов, 1997. – 416 с.

Опубликовано стихотворение А. Соколова «Над городом кружит, потерян...» (с. 197).

Писатели Новосибирска. XX век: Хрестоматия. / Сост. Горшенин А. В. – Новосибирск: Новосибирский гуманитарно-просветительский клуб «Зажги свечу»; Издательство НГТНБ, 2015. – 912 с.

В хрестоматию вошло стихотворение «Когда нестерпимым становится холод разлуки...» (стр. 896–897). А на стр. 907 отмечено: «Соколов Анатолий Евгеньевич – литературная премия мэрии Новосибирска имени Н. Г. Гарина-Михайловского, (2001)».

Нашлась публикация и в таком, не очень привычном для любителя литературы, издании как журнал (позже – альманах) «Похоронный дом». Журнал был зарегистрирован в Новосибирске в 2003 году как общероссийское издание, и выходил предположительно до 2015 года. В сетевом архиве издания – два стихотворения А. Соколова: «Если в Авеля выстрелит Каин...» и «Крылья окон, словно крышки гроба...» (с посвящением В. Клименко). Печатный вариант журнала найти не удалось, а на сайте публикация датируется июнем 2007 года. Общий заголовок подборки, куда вошли стихотворения и других авторов: «Слова скорби. Всероссийский конкурс поэтических и прозаических сочинений, эпитафий, траурных речей»¹. Вызывает недоумение, почему редакция, тонко чувствующая специфику издания, оставила посвящение к одному из стихов: ведь на момент публикации Владимир Ильич Клименко был жив и плодотворно трудился (с Володей мы простились 19 ноября 2011 г. – прим. Ред.)...

В биографических справках, сопровождавших различные сборники стихотворений А. Соколова (напр., [8], с. 245), указывалось, что стихи поэта были также опубликованы в таких изданиях как журналы (альманахи) «Алтай» (г. Бар-

¹ Слова скорби. Всероссийский конкурс поэтических и прозаических сочинений, эпитафий, траурных речей.
// <http://funeralportal.ru/library/1543/3955.html>

наул) и «Бийский вестник» (г. Бийск Алтайского края). Попытки выяснить конкретные номера изданий, даты выхода в свет и состав поэтических подборок А. Соколова без выезда в указанные города не увенчались успехом. Мы оставляем эту миссию будущим исследователям творчества поэта, ограничиваясь в своем библиографическом обзоре только теми печатными и электронными изданиями, которые мы держали в руках либо видели своими глазами.

Заключение

Вот и завершился наш экскурс в сокрытый от людского взора мир поэта и философа Анатолия Соколова – мир его детства, взрослой жизни и мир его поэзии. Невозможно рассказать обо всем до конца и с исчерпывающей полнотой. Я прикоснулся к Толе только с одной, известной мне стороны, а сколько их вообще, этих сторон? Бесчисленное множество. Нужно писать о нем воспоминания, публиковать письма, издавать полное собрание его сочинений с редакционными примечаниями и литературоведческим анализом. Исключительно интересное и очень важное дело. Надеюсь, это задача будущего. Анатолий всю жизнь, до последнего вдоха, ощущал себя русским человеком. Что это такое – никто точно передать не может, это можно только чувствовать душой. И поэзия А. Соколова дает нам эту возможность. Анатолия нет с нами, а его стихи продолжают жить.

Свидетельство тому – появляющиеся время от времени отклики на подборки стихов Анатолия Соколова и на памятные публикации о нем на интернет-ресурсах Проза.ру и Стихи.ру:

– Когда-то очень давно наткнулся на поэзию Анатолия в местной газете (г. Надым). С той поры внутри тлеет отпечаток двух его произведений – сильное, красивое, незабываемое впечатление. Вырезка из газеты где-то хранится по сю пору. С уважением к творчеству и памяти настоящего поэта. *Станислав Прохоров*, 11.07.2016.

– Светлая ему память, нет слов. Встану рядом с его друзьями и помолчу. *Сергей Псарев*. 03.05.2010.

– Сереж, с уходом Толика оборвалась какая-то последняя ниточка. *Юрий Горбачев*. 03.05.2010¹.

– Какой талант мы все потеряли... Светлая память Человеку и Поэту... Склоняю голову... *Игорь Лебедев*. 25.04.2010².

Прими, Толя, и от меня мой последний прощальный привет – перевод стихотворения Рильке «Смерть поэта» («Новые стихотворения» (1907)):

Смерть поэта

Он пал: лежит, покинув рай земной,
подушки, бледный лик, нет тяготы оков;
цепь смыслов, знаний вещей зов
прервались с ним, и не хватает слов,
ушло все в мир иной.

Живой, казался всем таким,
каким не был, – один средь нас всегда;
луга, неслышная вода –
от образа его, он был совсем другим.

Душа его как целый мир, – ее нам не объять,
последний взгляд, как сон забытый,
и маска смерти, словно дух убитый,
как нежный плод, что должен загнить
на воздухе раскрытый.

Пер. Ю. Григорьева
3 августа 2017, Санкт-Петербург

АМИНЬ.

20 марта 2018 года, Санкт-Петербург

1 Анатолий Соколов. Авторская страница. // <http://www.proza.ru/avtor/sotoll46>

Юрий Горбачев: Памяти Анатолия Соколова. 1. За всё в автоответе. // <http://www.stihi.ru/2010/04/21/4207>

Юрий Горбачев. Памяти... 2. Апория Анатолия Соколова. // <http://www.stihi.ru/2010/04/21/4583>

Юрий Горбачев. Стихотворения и цитаты. Анатолий Соколов. // <http://www.stihi.ru/2010/04/22/7588>

Юрий Горбачев. Апория Анатолия Соколова. // <http://www.stihi.ru/2016/03/19/10724>

² Рецензия на «Новая редакция. Слово кино режиссера Кустурицы». // <http://www.proza.ru/comments.html?2009/12/05/1146>

Фотогалерея

Так сложилось, что мой фотоархив сохранился не полностью. В нем были две фотографии, где мы вместе с Толей. На первой из них мы с классом сидим на снегу на фоне самолета Ли-2 в городском аэропорту, куда нас привела на экскурсию классный руководитель нашего «5Г» класса Галина Семеновна (школа № 99). Это зима 1958/1959 гг. Много позже я видел эту фотографию у Тани Гершонок, нашей с Толей одноклассницы, а затем и Толиной сокурсницы в Сибстрине. Но Тани уже нет.

Вторая моя фотография с Толей сохранилась у Толиной жены Тани, которая предоставила мне не только ее, но и значительную часть других публикуемых здесь снимков. Этими кадрами я и открою галерею.

1–2. Прощальный вечер 1976-го года. История этих снимков такова. В 1974 году на кафедру прикладной математики НЭТИ, где я тогда работал, приехал на годичную стажировку из ГДР Ульрих Линднер, специалист по обработке данных. Со школьных лет благодаря моей учительнице Амалии Юльевне Борк я любил немецкий язык и вполне сносно на бытовом уровне им владел. Поэтому очень быстро мы стали с Ульрихом друзьями. В Новосибирске он нашел себе будущую жену Валю Клейн, которая, как и я, училась в 99-й школе в одном классе вместе с будущей женой Толи

1. Анатолий Соколов, Ульрих Линднер, Юрий Григорьев, братья и племянник Валентины, 1976 г.

2. В центре – Толина жена Таня и жена Ульриха Валя, в первом ряду по краям стоят Валины снохи, 1976 г.

Таней Русановой. То есть все мы друг друга знали. На представленных снимках мы в Валиной квартире в доме на углу Красного проспекта и ул. Гоголя прощаемся с Валею и Ульрихом накануне их отъезда в ГДР.

3-4. Дом грузчиков и Новый дом. В замечательном стихотворении «В тот час, когда глаза полузакрыты...», посвященном О. Волковой¹, есть строчки:

Какой чужой Новосибирск на фото,
Какой далекий от оригинала!

Удивительно точное наблюдение! Формируя фотогалерею, я никак не мог найти подходящий снимок Дома грузчиков и так его и не нашел. Все фотографии из интернета были какими-то неживыми. И только панорамные снимки 3, 4 с вертолета, предоставленные мне Валерием Лазуткиным, в достаточной степени удовлетворили меня, вызвав при этом щемящее чувство ушедшего времени.

Расположение Дома грузчиков и Нового дома (с башенкой) указано в подписях под снимками. Здание, виднеющееся во дворе Дома грузчиков, – это ясли, которые посещали все дети, жившие в Погрузке. Чуть левее и дальше – жилой дом, построенный на месте барака № 3, в котором я родился и вырос. Еще чуть левее и дальше – дом, выстроенный примерно на месте барака № 1. В этом доме Анатолий Соколов прожил всю жизнь до самого последнего дня. Слева вдоль ул. Спартака к Новому дому примыкают два дома, в первом из которых жил Слава Савиных. В окружении перечисленных домов среди зелени виднеется небольшое двухэтажное здание. Это детский сад, который все мы, дети близлежащих домов и барачников, посещали. Его директор, Раиса Ивановна Докучаева, жила в одном подъезде Нового дома с Володей Квядяевым. Маленькое строение между Новым домом и Домом грузчиков в наше время отсутствовало. Здесь стоял двухэтажный деревянный дом с одним входом. Здесь жила Валя Череватая, с которой я учился в начальных классах в 18-й школе.

¹ Соколов А. Е. Невразумительные годы: Стихи. – С. 49.

3. Улицы Фабричная и Спартака. Светлое здание в правой части снимка – Дом грузчиков (Фабричная, 6), здание с башенкой левее его – Новый дом (Фабричная, 8), 2004 г.

На снимке 10 она с еще одной девочкой стоит в самом последнем ряду справа.

Между Домом грузчиков и Новым домом ближе к Фабричной был частный домишко, в котором жил Саша Александров, с которым Толя учился в одном классе. Кроме того, между этими домами параллельно им стояли два больших деревянных дома типа бараков. Один из них располагался вдоль Нового дома прямо напротив наших с Толей окон, а второй, стоявший аналогичным образом, был ближе к Дому грузчиков. Позднее здесь как бы между ними, но ближе к Фабричной, появилась волейбольная площадка, превращавшаяся зимой в хоккейную (для этого вокруг нее устанавливались бортики).

На противоположной стороне ул. Спартака, там, где она начинается от Фабричной, – огромный П-образный корпус химического завода. В наше время его не было. Далее виден знаменитый Спартаковский мост, который «втыкается» в ул. Советскую прямо напротив спецполиклиники (Советская, 2,

теперь – поликлиника для ветеранов). Справа к ней еще в наше время был пристроен корпус стационара. Направо от него – храм Александра Невского. Прямо напротив Нового дома, на другой стороне Фабричной, – здание, принадлежавшее мельзаводу. Там были административные помещения на втором этаже, а на первом – клуб и столовая. В клубе по телевизору показывали фильмы, мне также запомнился приезжавший кукольный театр. Других каменных строений на этой стороне Фабричной, кроме дома, в котором жил Стасик Будяковский, не было. Здесь также жили брат с сестрой Валера и Люда Могуновы. О Валере Толя пишет в одном из писем ко мне, а с Людой я учился в одном классе. Жил здесь и руководитель нашего детского клуба Олег Распопов.

Снимок 4 дает еще более общую картину этих мест. Если вернуться к зданию цеха химзавода, то левее его вдоль Фабричной виднеется здание нашей бывшей школы № 18. Видны также путепровод через Красный проспект, а правее Дома грузчиков – два здания, построенные на месте бывшего Заготзерно. В здании, которое подальше, долгое время жил Володя Косулин.

4. Общий вид части города в районе улиц Фабричной и Советской. Светлое здание на переднем плане – Дом грузчиков (Фабричная, 6), 2008 г.

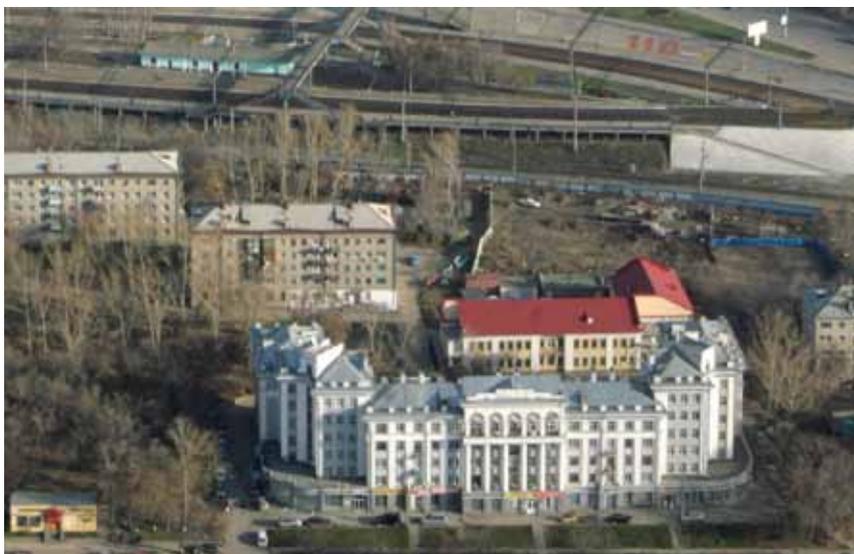

5. Двор Дома грузчиков. Современный вид.

5. Двор дома грузчиков. В личных коллекциях ни у кого из моих друзей и знакомых не оказалось снимков двора, и нам пришлось искать его в сети Интернет. Снимок, сделанный с верхнего этажа, был опубликован в 2015 году¹. Крайний подъезд № 1, в котором жили А. Соколов, В. Квадяев и В. Косулин, не виден, отсутствуют деревянный палисад по периметру двора и фонтан в его центре. Подробное описание двора приводится в разделе 2.2. Здание слева – это ясли, которые мы все посещали. Моя няня в яслях, тетя Аня Винокурова, жила в Доме грузчиков. Позднее, когда мы жили в одном с нею доме на Советской, 58, при встрече всегда узнавали друг друга и вспоминали Фабричную. Сохранилась фотография, где тетя Аня держит меня на руках.

Слева (на снимке этого не видно) начинается небольшой подъем в сторону бывших барачков. Справа видна пристройка возле 3-го подъезда. Это вход в кочегарку. В этом подъезде жила Таня Вологодина. Я учился с ней в одном классе.

¹ Фото Татьяны Кривенко. /Тайны «Дома грузчиков» (фоторепортаж). // https://novosibirsk.n1.ru/articles/taunl_doma_gruzchikov_fotoreportazh-2240223/

6. Вид на Погрузку, 2008 г.

6. Вид на Погрузку. За Домом грузчиков видны уже упомянутые на предыдущем снимке ясли. Следующий дом, расположенный чуть левее, выстроен на месте барака № 3, в котором я родился и вырос. Еще левее виден построенный также на месте бараков дом, в котором с 1967 года вместе с родителями жил Толя. Там же он жил и после них. Именно сюда приходили все мы, как в Оптину пустынь, чтобы повидаться с Толей. Сразу за яслями и правее их виден незастроенный пустырь на месте бывшего Заготзерно. К его забору в районе наших бараков примыкали многочисленные кладовки. Во время войны и какое-

7. С мамой

то время после нее их владельцы держали в них дрова, уголь, и даже свиней и куриц. Виднеющейся на дальнем плане эстакады остановочной платформы «Центр» в наши дни не было. Новый дом располагается слева от Дома грузчиков, но он на этом снимке не виден.

8. С отцом на пароходе, 1952 г.

7-8. Толины родители. Новосибирск расположился по обеим сторонам Оби, наш район примыкал к реке, потому вполне естественно, что мы с Толей выросли среди речников – рабочих и плавсостава Речного порта. Вот и первые фотографии Толи связаны с профессией отца – капитана малых речных судов.

9. Толя Соколов и Наташа Смородникова, 1956 г.

9. У фасада здания «Запсибзолото». На снимке – Толя с Наташей Смородниковой. Снимок сделан его отцом Евгением Ивановичем. Родители Толи и Наташи были знакомы еще с тех пор, когда они жили в Затоне, где и родились их дети. Здание «Запсибзолота» находится на площади Свердлова, на углу ул. Спартака и Красного проспекта.

10–11. Школа № 18 и Фабричная, 8, кв. 66. На снимке 10 – класс «ЗБ» во дворе школы № 18, в которой учился Анатолий Соколов. В центре снимка – моя учительница Анна Романовна Пушкарева. Потом она учила Толю в 99-й школе, куда нас перевели в 1956 году. Я стою за спиной Анны Романовны слева от Коли Мозжерина, лица которого не видно. Второй слева в переднем ряду – Ваня Девятайкин, которого в одном из писем вспоминает Толя. Слева от него во втором ряду – Люда Могунова, лицо которой немного загораживает девочка в первом ряду. С Людой Толя переписывался по интернету, как-то обнаружив ее в соцсетях. Слева от меня – Таня Вологодина.

На снимке 11 – жильцы квартиры № 66 на Фабричной, 8, в Новом доме, где мы жили с Толей в 1959–1967 гг. Снимок сделан в моей комнате. Толя жил в такой же комнате тремя

10. Во дворе школы № 18. Класс «ЗБ», 1956 г.

этажами выше. В центре снимка – капитан речного флота Василий Гладких, слева от него – Толин дед по матери Николай Сергеевич Алюнин и его вторая жена Антонина Алексеевна. Крайний справа на этом снимке – я.

11. Фабричная, 8, квартира 66. Четвертый слева – Толин дед Николай Сергеевич Алюнин, справа от него – его жена Антонина Алексеевна, на переднем плане – мой отец и я, 1961 г.

12–15. Отрочество и юность. Снимок 12, по всей видимости, относится ко времени нашей учебы в четвертом или пятом классе. Сохранилось крайне мало снимков мальчишек нашего двора тех лет. Снимок 13 сделан отцом Коли Кармышева во дворе нашего дома на Фабричной, 8. Снимок 14 мне прислал

*12. Пионер – всем ребятам пример.
На ул. Фабричной, 6, 1956 г.*

Толя в письме от 24 ноября 2009 г. Он сделан во дворе Нового дома на фоне дома по ул. Спартака, 8/4, образующего наш двор. В этом доме жил Слава Савиных, а после расселения Нового дома – Володя Квадяев и Сережа Гуревич.

13. Слева направо в первом ряду: Валера Гунбин, Вова Фандеев, Коля Кармышев; стоят – Толя Соколов, Сережа Гуревич, лето 1959 г.

14. Слева направо: Сережа Савченко (Фау), Толя Гвоздев (оба – из Дома грузчиков), Володя Карманов (Толин одноклассник), Толя, ок. 1959 г.

15–18. Армейские годы. В 1964–1968 гг. практически все Толины друзья и он сам (1965–1968) служили в армии. (Я отслужил в армии после института в 1969–1971 гг.).

15. Толя в годы службы, январь 1967 г.

16. Ракетные войска, 1966 г.

18. Владимир Квадяев и Владимир Косулин, 1967 г.

17. Служивцы. А. Соколов – второй слева (в белой рубашке) во втором ряду, 1967 г.

19. У ограды детской больницы, угол ул. Спартака и Красного проспекта, 1970 г.

19. Студенческие годы. Как-то раз, просто возвращаясь домой, Толя неожиданно попал в объектив фотоаппарата Коли Кармышева.

20. Шипилов и Малышев. На снимке вместе с Толей – Николай Шипилов и Валерий Малышев, ставшие впоследствии знаменитыми поэтами. Их знакомство состоялось в литобъединении при «Молодости Сибири».

Малышев Валерий Викторович (29 марта 1940 г., г. Новосибирск – 23 мая 2006 г., г. Новосибирск) – поэт. Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт (1965). В литературу пришел в конце 1960-х гг. Публиковался в журналах «Сибирские Огни», «Наш

20. Вечер поэзии в общежитии мединститута. Слева направо: А. Соколов, Н. Шипилов, В. Малышев, 1975 г.

современник», «Юность». Первая книга – «И значит – жить!» (1987). Автор книг «Срывающийся крик» (1989), «Рассечка» (2001). В разное время о творчестве Мальшова благоприятно отозвались А. Тарковский, А. Преловский, С. Куняев, Р. Рождественский, Н. Шишилов и др.

Шишилов Николай Александрович (1 декабря 1946 г., г. Южно-Сахалинск – 7 сентября 2006 г., г. Смоленск) – русский поэт и прозаик, бард. Родился в семье офицера. Вырос в Новосибирске. Учился в авиационном техникуме, затем в пединституте. Окончил Высшие литературные курсы (1989). Один из авторов «Гнезда поэтов» (Новосибирск, 1989). Лауреат Малой российской литературной премии (1997) и литературной премии имени Андрея Платонова. Увековечен в Аллее бардов в Новосибирске.

Анатолий Соколов дружил с Николаем Шишиловым, был знаком с его женой Татьяной Дашкевич (см. фото 41, 42).

21. Начало семейной жизни. Две молодые семьи. Снимок сделан неподалеку от дома на ул. Свердлова, где жил А. Соколов.

21. На ул. Свердлова. Слева – Владимир Квадьяев с женой Аллой. Справа – Анатолий Соколов с женой Татьяной, 1976 г.

22. А. Соколов и В. Ткаченко, 1976 г.

22–23. Середина 1970-х гг. На снимке 22 Анатолий Соколов вместе со своим товарищем армейских и вузовских лет Валерием Ткаченко. Валерий – полковник полиции, кандидат юридических наук. Живет в Красноярске. Снимок 23 сде-

лан во время приезда Евгения Лазарчука в Новосибирск из «глубинки» на курсы повышения квалификации редакторов районных газет при ВПШ. Крайний слева – его коллега из Каргатской «районки» Александр Сидоренко, а снимает – заместитель редактора Барабинской районной газеты Владимир Басалаев.

23. Слева направо: А. Сидоренко, В. Ярцев, А. Соколов, Е. Лазарчук, 1979 г.

24. Друзья школьных лет. Слева направо: С. Коханович, А. Соколов, В. Бухаров, 1979 г.

24. Школьные друзья. На снимке – школьные друзья Анатолия Соколова – Сергей Коханович и Виктор Бухаров. С ними Толя учился в одном классе в 74-й школе. Сергей долгое время жил и работал в Алма-Ате. Заслуженный архитектор Казахской ССР

(1982). Участвовал в создании проектов гостиниц «Медео» и «Отрар» в Алма-Ате, а также других объектов в различных городах Казахской ССР. Сейчас живет в Новосибирске. Виктор – известный художник, также живет в Новосибирске. Снимок сделан в Толиной квартире на ул. Свердлова во вре-

25. Слева направо: И. Овчинников, П. Степанов, А. Соколов, В. Ярцев, 1980 г.

26. За работой, 1982 г.

Степанов – представитель местного андеграунда, «новосибирский Венечка Ерофеев». Творчество Овчинникова А. Соколов очень ценил и считал его одним из своих учителей. Иван Афанасьевич ушел из жизни через шесть лет после Анатолия.

Овчинников Иван Афанасьевич (29 июня 1939 г., село Нижний Ашпанак Чуйского района Алтайского края – 18 февраля 2016 г., г. Новосибирск) – поэт, прозаик, фольклорист, один из основателей фольклорного движения в современной России. Учился в Новосибирском пединституте на филфаке. Поэтический дебют – в легендарном сборнике «Гнездо поэтов» (1989). В 2017 году вышел в свет наиболее полный сборник творческого наследия И. А. Овчинникова: «Я помню, помню всех, кого любил...» Избранное: Стихи. Проза. – Новосибирск: РИЦ «Новосибирск», 2017. – 672 с., ил.

мя встречи по поводу 10-летия окончания Сибстрина.

25–27. 1980-е гг.
Историю снимков 25–27 я не знаю. На первом из них – Анатолий Соколов с поэтами Иваном Овчинниковым, Петром Степановым и Владимиром Ярцевым. Поэт и прозаик Петр

27. В. Ярцев и А. Соколов, 1988 г.

28. С сыном. Это единственный снимок в данной фотогалерее, относящийся к 90-м годам. Он датируется абсолютно точно – в это время сыну Анатолия Соколова Василию 14 лет (род. в 1979 г.).

28. С сыном Василием, 1993 г.

29. Новосибирские писатели и поэты. Этот коллективный снимок поступил в Новосибирское отделение Союза писателей России от Валентины Ивановны Коломниковой, хранившей его в своем архиве. Большинство из запечатленных на фото – новосибирские писатели и поэты.

29. На переднем плане лежит И. Овчинников, в центре Н. Шишилов, справа А. Соколов; 2-й ряд, слева направо: П. Дедов с супругой, П. Моряков, В. Коломникова, А. Денисенко, Т. Макарова, В. Берязев; 3-й ряд: Н. Казначеева, Л. Печенкина, А. Школдин, Е. Лазарчук, В. Ярцев и В. Землянов, 9 апреля 2003 г.

30. Слева направо: С. Гуревич, В. Квадяев, А. Соколов, 2004 г.

30. С друзьями детства. На снимке Анатолий Соколов с друзьями детства Сергеем Гуревичем и Владимиром Квадяевым. На стене видны Толины работы – картины и маски, вырезанные из дерева.

31-33. На Красном проспекте у площади Ленина. Все снимки сделаны 24 июня 2004 г. в день открытия в краеведческом музее Новосибирска выставки графики В. Курилова «Городской пейзаж».

31. А. Соколов и В. Крещик

На снимке 31 – новосибирский поэт Виктор Крещик.

Зернов-Крещик Виктор Александрович (3 августа 1937 г., село Жихово Середино-Будского района Сумской области – 13 ноября 2009 г., г. Новосибирск) – поэт, литературовед. Окончил ВЛК при Литературном институте

им. А. М. Горького. Преподавал, работал инженером, журналистом районной газеты, редактором издательства «Наука», на Новосибирском радио, заведующим отделом литературы в журнале «Земля Сибирь», ответственным секретарем журнала «Сибирские огни». Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Москва», «Смена», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «Байкал», «Новосибирск» и др. Автор книг «Красная трава» (1968), «Стезя» (1972), «Замыканье» (1976), «Лебяжий берег» (1979), «Непокорный свет» (1983), «Откровенный разговор» (1987), «На всех земных пирах» (1990) и др., изданных в Новосибирске и Москве. Член Союза писателей СССР и России. Лауреат премии им. Н. Г. Гарина-Михайловского (2002).

32. В. Курилов, С. Михайлов и А. Соколов,
2004 г.

На снимке 32 – художник Владимир Курилов и поэт Станислав Михайлов. Станиславу Толя посвятил стихотворение «Дожил без всяких проволочек поэт до сорока семи...». Оно опубликовано на интернет-ресурсе Проза.ру, в «бумажных» изданиях ранее не печаталось.

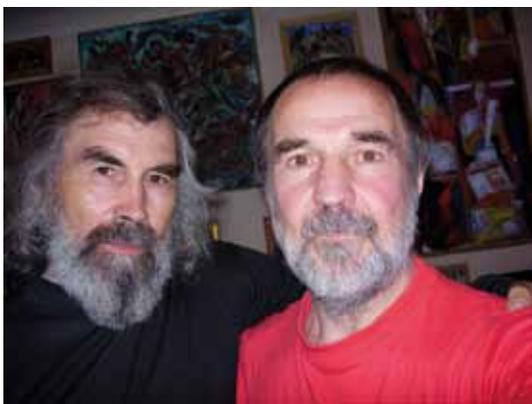
Михайлов Станислав

Геннадьевич (род. в 1962 г., г. Полевской Свердловской области) – поэт. Окончил факультет режиссуры Алтайского института культуры. Режиссер-постановщик массовых мероприятий, работал зав. отделом поэзии журнала «Сибирские огни». Публиковался в журналах: «Сибирские огни», «Крепцати», «Новая Юность», «Горожанка» (Новосибирск), в альманахах «Август» (Барнаул), «Мангазья» (Новосибирск). Автор книги стихотворений «Июлия» (Новосибирск, 1991). Живет в Новосибирске.

33. А. Соколов подписывает В. Лазуткину книгу «Невразумительные годы» (2004)

34. С другом детства Виктором Бухаровым. На снимке 34 Анатолий Соколов у себя дома на ул. Спартака со своим другом, художником Виктором Бухаровым. На заднем плане – интерьер квартиры, отражающий широту интересов и творческого диапазона поэта и художника Соколова.

34. В. Бухаров и А. Соколов, 2004 г.

35. Юбилей. День рождения Володи Квадяева (60 лет). Все четверо – друзья детства с Фабричной, 6 (Дом грузчиков) и Фабричной, 8 (Новый дом). Именно в таком составе все чет-

35. Слева направо: С. Гуревич, В. Косулин, А. Соколов, В. Квадяев, на переднем плане – А. Устинов, 30 мая 2005 г.

веро были у меня дома в июле 1994 года на Советской, 58, когда я пригласил их отметить защиту моей докторской диссертации. На переднем плане Александр Устинов, выпускник водного института – друг В. Квадяева и А. Соколова, начиная со студенческих лет.

36. Н. Смородникова и А. Соколов, 6 февраля 2006 г.

36. С Наташей Смородниковой. Наташа и Анатолий неожиданно встретились возле молзавода на углу улиц Чаплыгина и Урицкого зимой в начале 2006 года. Вытянув руку с фотоаппаратом, Толя запечатлел эту встречу.

37-39. Общественная деятельность. В 2006 году торжественно отмечалось 80-летие Новосибирской писатель-

37. Зал Дома Актера, торжественная часть. Слева направо: Е. Иорданский; М. Степаненко, А. Соколов, 20 декабря 2006 г.

38. Зал Дома Актера. Слева направо: В. Миллер, А. Соколов, А. Шалин, 20 декабря 2006 г.

ской организации. Заседание, в котором А. Соколов принимал участие, проходило 20 декабря в Доме актера, что на ул. Серебренниковской. На снимке 37 он непосредственно в зале, на снимке 38 – на сцене, где ему вручают Почетную грамоту заместитель руководителя департамента культуры НСО Влади-

мир Миллер и председатель Новосибирского отделения Союза писателей России Анатолий Шалин. На снимке 39 Анатолий – на совещании в Новосибирской организации Союза писателей.

39. Слева направо: Н. Александров, А. Соколов, А. Шалин, А. Косенков, Г. Шпак, 26 октября 2007 г.

40. Аллея бардов. Анатолий Соколов, Галина и Евгений Лазарчук, 2007 г.

40-42. В аллее бардов. Снимки сделаны по поводу открытия памятной доски Николаю Шипилову в единственной в стране Аллее бардов.

43-46. Встречи с читателями и друзьями. Снимки 43 и 45-46 сделаны на творческих встречах с читателями, которые Анатолий Соколов регулярно проводил либо в книжных

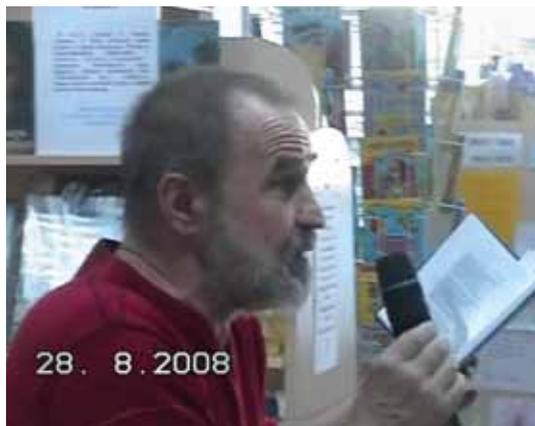

41. Слева – Виктор Сайдаков и Анатолий Соколов; третий слева, крайний справа и девочка – родственники Николая Шипилова; в центре Евгений и Галина Лазарчук, вторая справа – Татьяна Дашкевич, жена Николая Шипилова, 2007 г.

42. Е. Лазарчук, А. Шалин, А. Соколов, Г. Лазарчук, Т. Дашкевич в помещении Новосибирской организации Союза писателей. Татьяна поет одну из шипиловских песен – «Золотая моя, золотая...», 2007 г.

магазинах, либо в областной библиотеке (Советская, 6), где писателей и поэтов всегда радушно встречали директор библиотеки Светлана Антоновна Тарасова и зав. отделом городского абонемента Татьяна Николаевна Красникова. На снимке 44 – встреча с друзьями дома у А. Соколова по поводу приезда Николая Кармышева.

43. Встреча с читателями в магазине «Плиний Старший» (угол Красного проспекта и ул. Горького), 28 августа 2008 г.

28. 8. 2008

44. Дома у Анатолия Соколова. Слева направо: Н. Кармышев, В. Савиных, В. Квадяев, А. Соколов, 24 сентября 2008 г.

45. Слева – Н. Мясников, художник, поэт и эссеист. Справа – В. Савиных, январь 2009 г.

46. Слева направо: А. Соколов, В. Савиных, Е. Салина, В. Бухаров, январь 2009 г.

47. **Философы С. Ларченко и Ю. Попков.** На снимке Анатолий Соколов с женой Еленой Салиной в гостях по случаю дня рождения у Сергея Ларчен-

47. В первом ряду: Л. и С. Ларченко, Н. Соковицова, Е. Салина. Во втором ряду: Ю. Попков, дочь Ларченко – Алина, А. Соколов, 14 января 2009 г.

ко. С Сергеем Анатолий дружил с 1960-х гг., познакомившись с ним в литературном объединении И. О. Фонякова. Крайняя слева на снимке – Людмила Ларченко, жена Сергея. Вторая справа – балетмейстер НГАТОБ Наталья Викторовна Соковицова, ученица Ю. Григоровича и Г. Улановой.

48. Автор у картины Ван Гога «Пшеничное поле со снопами», сюжет которой, возможно, обыгрывается в стихотворении А. Соколова «Безнадежный художник ужасно хандрит...». г. Арль, Франция, 25 апреля 2018 г.

49. В. Берязев и А. Соколов. Вверх по Оби, на пути в Абрашино, октябрь 2009 г.

**49-50. Последние
осень и зима 2009/10.**

На снимке 49 Анатолий Соколов с поэтом Владимиром Берязевым плывут вверх по Оби в Абрашино, где облюбовали место для дач новосибирские поэты и художники. А поэт и художник в одном лице Николай Мясников предпочитал жить там круглый год.

50. Анатолий Соколов с женой Еленой в ТЦ «Мега», 6 февраля 2010 г.

51. Рабочий кабинет в Толиной квартире на ул. Спартака, 23 марта 2010 г.

51-52. Рабочий кабинет и книги. Николай Кармышев во время очередного приезда в Новосибирск снял Толин рабочий кабинет на камеру. Мистика – до ухода Анатолия остается меньше месяца.

52. Поэтические сборники Анатолия Соколова: «Спартакoвский мост» (1990), «Крепость» (2001), «Невразумительные годы» (2004), «Материк» (2006), «Осенние птицы» (2009).

53. Слева направо: И. Овчинников, Е. Иорданский, Е. Лазарчук, А. Денисенко, В. Землянов, В. Ярцев, О. Садур, начало 2010-х гг.

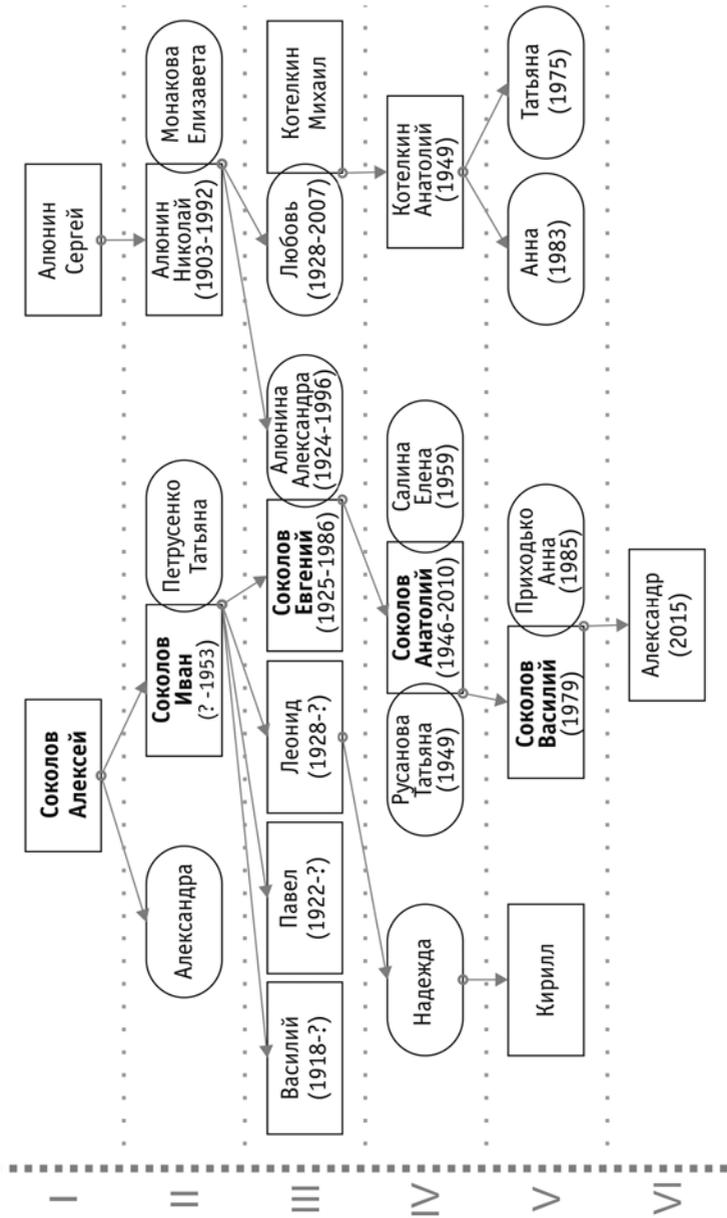
53-54. После ухода. Снимок 53 – коллеги Анатолия Соколова по творческому цеху у входа в помещение Новосибирской организации Союза писателей. Снимок 54 сделан в квартире, где останавливался Николай Кармышев во время приезда в Новосибирск в августе 2017 года.

54. Слева направо: Н. Кармышев, В. Савиних, В. Квадяев, 3 августа 2017 г.

Генеалогическое древо Анатолия Соколова

Григорьев
Юрий Дмитриевич
Анатолий Соколов – поэт и философ.
Воспоминания о друге.
Анализ творчества.

Технический редактор *Шалин А. Б.*
Макет и обложка *Лазуткин В. Б.*

Подписано в печать 25.05.2018.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура Школьная.
Объем 23 печ. л. Печать цифровая.
Тираж 100 экз. Заказ №

РИЦ «Новосибирск» при Новосибирском отделении Союза писателей России.
630099, г. Новосибирск, ул. Орджоникидзе, 33.
Издательский дом «Манускрипт».
Отпечатано в типографии ООО «Манускрипт»,
630060, г. Новосибирск, ул. Зеленая горка, 1.